

3

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4/93

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Д. Мейси — Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е. В. Анисимов — Анна Ивановна 19

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 34

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Дёнкин — Очерки русской смуты 53

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Ю. В. Готье — Мои заметки 78

ПУБЛИКАЦИИ

- Письма Азефа (Вступление Д. Б. Павлова) 100

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- П. Н. Милюков — Величие и падение Покровского (Вступление М. Г. Вандалковской) 114

Выходит
с 1926 года

ТОО
«РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- М. М. Сафонов** — Суворов и оппозиция Павлу I 127
Л. Перович — Об источниках социалистической мысли
в Сербии 135

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- А. Б. Закс** — Ташев хаджи 140
И. П. Лейберов — «Странный губернатор» 146
Л. С. Журавлева — Смоленская крепость 151
А. С. Бережанский — Новое о семье, в которой рос
Г. В. Плеханов 155
Л. В. Алексеев — Судьба Виленского музея древностей
. 160
А. А. Егоров — Генерал Марсо 164

ИСТОРИОГРАФИЯ

- С. В. Леонов** — Американские историки о советском об-
ществе времен гражданской войны 169
А. В. Камкин — М. Д. Курмачева. Города Урала и Повол-
жья в крестьянской войне 1773—1775 гг. 176
И. Н. Данилевский — Н. А. Соболева. Русские печати . 177
И. В. Поткина — С. Г. Маркс. Путь к могуществу. Транс-
сибирская железная дорога и колонизация азиатской
России. 1850—1917 178
С. И. Аппатов — А. М. Филитов. «Холодная война». Ис-
ториографические дискуссии на Западе 180
А. И. Сыч — М. Экштайнс. Весна священная. Великая
война и рождение современной эпохи 181
Т. М. Симонова — Т. Цегельский, Л. Кондзеля. Разделы
Польши. 1772—1793—1795 183
Н. Г. Подаляк — Л. И. Солодкова. Ранний Кёльн: социа-
льно-экономическое развитие и освободительная борьба
горожан. XI—XIII вв. 184
В. А. Погосян — Б. Гейно. Словарь членов Комитета об-
щественного спасения 186
По страницам зарубежных журналов 187

Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина

Д. Мэйси

Столыпинские аграрные реформы издавна считаются ключом к пониманию судьбы царизма. С самого начала они расценивались их инициаторами и сторонниками как кульминация и доведение до конца освобождения крестьян, фактически — как второе их освобождение. Однако такое толкование в некотором отношении было ошибочным, ибо подразумевало преемственность двух этапов пореформенного законодательства, которой на самом деле не существовало. Противоположным и также частично ошибочным был взгляд политической оппозиции, рассматривавшей реформу как спонтанный ответ на угрозу революции, шаг, предпринятый с целью сохранить политическое господство помещиков. В то же время оппозиция понимала, что в случае успеха реформ они существенно изменили бы политическую обстановку, причем согласия по поводу того, желательна ли такое изменение, не было. Впоследствии, однако, после гибели царизма, эти сомнения потеряли свою актуальность, и внимание сосредоточилось на относительной или абсолютной неудаче реформ, как это показала аграрная революция 1917—1918 годов.

Такие толкования исторически представляются узкими и предвзятыми. С одной стороны, при таком подходе переоценивается роль отдельных политических деятелей и упускается из виду, что реформа есть результат ряда сложных и длительных интеллектуальных, социальных и политических процессов. С другой стороны, все замыкается в рамках таких политических событий, как падение монархии и революция. Однако эти важные политические события в значительной степени не зависели от каких бы то ни было последствий столыпинских реформ для деревни. И, что важнее, такие объяснения препятствуют более широкому взгляду на предмет, анализу реформ с точки зрения их внутреннего содержания. Сам П. А. Столыпин и другие министры обычно характеризовали их как «ось нашей внутренней политики»¹; соответственно, столыпинские аграрные реформы должны пониматься на самом деле как часть более обширной социальной, политической и экономической программы, нацеленной на коренное преобразование существующей системы при сохранении политической преемственности.

Таким образом, так же как великие реформы начались с освобождения крестьян, которое было лишь первым шагом в серии преобразований, сделавшим необходимыми последующие, так и в 1906 г. Столыпин начал новую аграрную политику, которая неотвратимо повлекла за собой целую серию последующих

Мэйси Дэвид — профессор русской истории, директор русских и советологических исследований в Миддлбэри колледже (США, Вермонт). Автор книги «Правительство и крестьянин в России. 1861—1906. Предыстория столыпинских реформ».

преобразований. Столыпинские реформы следует рассмотреть именно с точки зрения долгосрочной перспективы.

Можно выделить четыре стадии в подготовке столыпинских реформ, что, как представляется, в равной степени уместно по отношению и к любым другим реформаторским программам: 1) постановка проблемы; 2) революция в сознании, или идеологическая революция, связанная с отказом от тех отношений и курса политики, которые способствовали как возникновению проблемы, так и принятию нового радикального решения; 3) развертывание пропаганды этих новых идей в правительстве и в обществе в целом; 4) появление политической фигуры, способной обеспечить политическую поддержку реформ, необходимую для завоевания их одобрения и дальнейшего внедрения.

Устройство крестьянского быта и сельского хозяйства во второй половине XIX в. определялось, безусловно, принятием акта об освобождении крестьянства от крепостной зависимости в 1861 году². Существовали три характерные особенности этого законодательства, повлиявшие на последующие события, хотя законы издавались с тем расчетом, что дальнейшее развитие само собой сделает их в конце концов устаревшими. Во-первых, крестьяне оставались неравноправными по сравнению с другими общественными классами и поэтому были обособленным сословием. Во-вторых, традиционная крестьянская община была превращена в самую низшую ячейку в иерархической системе бюрократического управления и подчинена новой волостной управленческой структуре с ее судом, действовавшим на базе обычного права³. Наконец, ставя целью усилить полномочия общины и действенность общинной организации, а также предотвратить расслоение общества и появление безземельных крестьян и деревенского пролетариата, новое законодательство усвоило традиционные принципы круговой поруки при уплате налогов, практику переделов пахотной земли и существовавшие формы семейного и общинного владения собственностью. Сверх того были ограничены права как отдельных крестьян, так и целых обществ на изменение их статуса.

К сожалению, как отмечали сами создатели программы освобождения, эти меры, гарантируя правительству уплату крестьянами недоимок и сохранение стабильности, в то же время затрудняли решение не менее важной экономической проблемы — увеличения производительности крестьянского хозяйства — ввиду укрепления общинного землепользования с его трехпольем и сохранения таких связанных с этим проблем, как чересполосица, длинноземелье, общий выгон скота и принудительный севооборот. В результате вплоть до конца столетия как у отдельных крестьян, так и у целых обществ внедрение сельскохозяйственных усовершенствований встречало значительные затруднения.

В то время как правительство считало, что освобождением крестьян разрешило «крестьянский вопрос», его критики внутри «гражданского общества» уже к концу 60-х годов XIX в. начали говорить о росте крестьянского обнищания и появлении нового «аграрного вопроса»⁴. По мнению и критиков и крестьян, он был обусловлен малоземельем, возникшим из-за недостаточных размеров наделов при их первоначальном отводе крестьянам прежними владельцами-помещиками. На самом же деле, как выяснилось к концу столетия, земельный голод был вызван несоответствием между ограниченным количеством земли и растущей численностью населения. Однако правительство, признавая само существование обнищания крестьян, отказывалось учитывать объясняющую его причину, поскольку это означало бы необходимость принять предлагаемое решение — «дополнительный надел» за счет помещиков. Оно тем не менее взяло на себя ответственность за поиск решения.

В конце XIX в. правительство предприняло две основные попытки разрешить обостряющуюся аграрную проблему⁵. Первая относится к началу 80-х годов, к периоду после убийства Александра II. Она состояла из трех компонентов: налоговые послабления, правительственное регулирование переселения на Восток и облегчение приобретения крестьянами дополнительных земель путем создания Крестьянского поземельного банка. Все эти меры вместе взятые составили сущность правительственной аграрной политики еще до реформ Столыпина. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов XIX в. министр внутренних дел Д. А. Толстой предложил другое решение «аграрной проблемы». Считая причиной всех неурядиц развал местной власти, отсутствие действенной системы местного управления⁶, он полагал необ-

ходимым учредить в составе местной власти пост чиновника с широкими полномочиями, который был бы в состоянии противодействовать негативным последствиям общинной системы землепользования и тем самым затормозить нежелательные социальные или экономические изменения в деревне. Так в 1889 г. правительство ввело должность земского начальника, в обязанности которого входило заботиться о крестьянском благосостоянии и содействовать укреплению правопорядка в деревне. В этих целях Толстой также предложил ограничить и в отдельных случаях запретить раздел семейных наделов и передел земельных наделов в общине, предоставив крестьянину право покинуть общину вместе с наделом.

В целом правительство отказалось от своей прежней политики невмешательства по отношению к крестьянству и заменило ее более патерналистской — политикой бюрократической опеки. Однако эти преобразования не сдерживали перемен, происходивших в деревне. Хуже того, они еще усилили общинные основы землепользования, а также закрепили сословность крестьян, которая, как предполагалось, должна была иметь временный характер. В результате крестьянская община была превращена в один из двух оплотов идеологии и политической системы царизма — наряду с самим самодержавием.

Таким образом, хотя проблема к тому времени уже была осознана и некоторые реформы предложены, результаты преобразований были незначительными, если не отрицательными. В итоге, после неурожая и частичного голода 1891—1892 гг., аграрная проблема вновь оказалась центральной. Сейчас уже стало традиционным утверждать, что реформы, когда они, наконец, начали внедряться в России, были ответом на какой-то «кризис» или «революционную ситуацию»⁷. Однако следует быть крайне точным в употреблении этих терминов. Ими можно обозначить период, когда правительство лишается доверия и политический режим рушится из-за внутреннего разлада. Такая ситуация является революционной в том смысле, что революция становится весьма возможной, хотя и не неизбежной. Февральские события 1917 г. могут служить здесь хорошим примером. Следует также выделять ситуации, когда полное крушение не является неотвратимым, когда реформа еще остается возможной и политическая преемственность может быть сохранена. Такую обстановку, вероятно, правильнее было бы определить как «предкризисную». Возможность перехода предкризисной ситуации в кризис (революционную ситуацию) в какой-то мере зависит от успеха проводимых реформ. Однако, чтобы избежать ограниченного телеологического мышления, необходимо различать эти две стадии⁸.

Несмотря на голод 1891-1892 гг. и так называемый аграрный кризис конца XIX в., и даже «революцию в миниатюре» на Левобережной Украине в 1902 г. и общенациональные аграрные волнения 1905—1907 гг., кажется совершенно очевидным, что, вопреки современным устоявшимся стереотипам, то, о чем идет речь, отнюдь не революция и даже не «революционная ситуация», а только предкризисная ситуация. Можно, вероятно, согласиться с тем, что царское правительство на самом деле добилось успеха: сохранило свою легитимность, восстановило порядок и ввело программу реформ, что, по крайней мере на первых порах, обещало обновить систему царизма, сохранить политическую преемственность и положить начало новому этапу развития⁹. Именно тогда, между началом 90-х годов XIX в. и 1905 г., задолго до наступления предкризисной ситуации, произошла революция сознания, или идеологическая революция, приведшая как к переосмыслению аграрной проблемы, так и к выработке новых радикальных решений.

Трудно сказать определенно, где началась революция сознания — в обществе или в правительстве. В конце концов, идеи о преобразовании крестьянского хозяйства распространились еще в России XVIII века. Вернее было бы говорить о том, что процесс начался одновременно и в правительстве и в обществе, и именно взаимодополняемость этих изменений сделала возможным проведение реформ Столыпина. При этом сказались разнообразные социальные и интеллектуальные факторы. Наиболее важными из них были те, которые способствовали сближению правительства и общества. В частности, так называемая помещичья реакция, которая последовала за освобождением крестьян и более глубоко вовлекла помещиков в сельское хозяйство, в итоге привела к формированию среди помещиков слоя сельскохозяйственных капиталистов¹⁰. В то же время втягиванию дворян в местные проблемы способствовало создание в 1864 г. земств, что в конце концов дало толчок к усилению политической активности помещиков.

Эти изменения шли параллельно с разрастанием бюрократии, особенно местной, которая укрепила свою связь с деревенским и крестьянским бытом, что привело как к увеличению числа тех, кто обладал точными знаниями и опытом в сельском хозяйстве и местном управлении, так и к распространению этих знаний и опыта в среде центральной бюрократии. Важны были и неформальные контакты, сближавшие правительство и общество. Наиболее примечательным начинанием такого рода был салон К. Ф. Головина, посетители которого специально интересовались происходящими в деревне событиями.

Правительство и образованное общество находились также под воздействием нескольких интеллектуальных тенденций, предопределявших революцию в сознании. Особенно важна была общая интеллектуальная атмосфера конца XIX века. В сфере экономики это давало сторонникам реформ возможность соединить прежние идеи государственного невмешательства, либерализма и индивидуализма с более материалистическими подходами, заимствованными у марксизма. В сфере политики, между тем, традиционная верность самодержавию сочеталась с глубоким уважением к истории и к постепенности и эволюционности исторического процесса, что предполагало приверженность сохранению правопорядка и в конечном счете, как ни странно, могло привести к ограничению самодержавия. Отметим также настоящий взрыв информации о крестьянском обществе как в правительственных, так и в независимых изданиях.

С точки зрения политики правительства, наиболее значительным последствием этих изменений было соединение социальной и интеллектуальной революции, которое произошло внутри правительства, и появление нового поколения просвещенных или либеральных чиновников, сочувствующих программе развития и роста национальной экономики. Родившиеся в 50-х и 60-х годах XIX в. и встретившие смену столетий в возрасте от 30 до 50 лет, они были избавлены от мифологических оков, в которых идея освобождения крестьян держала их предшественников. Они были слишком молоды, чтобы играть какую-либо значительную роль в предыдущих попытках преобразования крестьянского хозяйства. Типичная карьера чиновников этого поколения начиналась с изучения права в Петербургском или Московском университетах, или в Императорском училище правоведения, где они, вероятно, усваивали уважение к истории и закону. Впоследствии они обычно поступали на государственную службу в качестве земских начальников, вообще в местных органах Министерства внутренних дел, а также ведомств земледелия и юстиции, становились предводителями дворянства; многие служили в западных пограничных областях и Польше или участвовали в организации переселения крестьян в Сибирь.

В процессе работы они не только вникали в проблемы крестьянской жизни и управления, но и подвергались воздействию более индивидуалистических и рыночно ориентированных форм хозяйства и общинной организации, которые существовали в этих регионах. Получив в молодости такой опыт, они все, видимо, убеждались как в банкротстве традиционных методов правительственной аграрной политики, так и в несостоятельности чисто административного, приказного подхода к деревенским проблемам. Принимать законы, не согласующиеся с крестьянскими нуждами и интересами, с их точки зрения, было не просто бесполезно: они расценивали этот путь как тупиковый, поскольку он разрушал веру крестьян в государственную власть и закон. Свои новые идеи по аграрной проблеме они высказывали публично, в печати, или проводили приватно при дворе или в правительственных кругах.

Это новое поколение аграрных и юридических экспертов в 90-е годы XIX в. начало возвращаться в Петербург, занимая позиции в центральных учреждениях. Заметно способствовали этому новому пополнению три министерства: земледелия, финансов и внутренних дел с соответствующими министрами — А. С. Ермоловым, С. Ю. Витте и В. К. Плеве. Сосредоточенные в нескольких специальных департаментах и организациях, эти новые люди в конечном счете становились ответственными за разработку, подготовку и проведение так называемых столыпинских аграрных реформ. Самыми известными из них были В. И. Гурко и А. А. Риттих, а также датский специалист по агрономии А. А. Кофод, хотя он и был в некотором смысле посторонним. Они были поддержаны более широкой группой чиновников, разделявших их идеи, насчитывавшей от 20 до 40 человек. Практически каждый молодой чиновник, который до 1906 г. проявил критический подход к традиционным методам правительства, поддерживая политику индивидуализации и интенсификации,

похоже, впоследствии попадал в число тех, кто проводил реформу. В итоге администрация, ведавшая делами реформы, стала насчитывать несколько тысяч человек, в большинстве, по-видимому, убежденных сторонников проводимых преобразований.

Сущность этого нового воззрения заключалась не просто в отказе от традиционной аграрной политики царского правительства, поскольку она не смогла сдержать социальные и экономические изменения или привить уважение к закону, не говоря уже о ее способности решить аграрную проблему. В гораздо большей степени оно означало, что в условиях, когда страна находилась еще только в предкризисной ситуации, продолжение этой политики могло окончательно подорвать экономический рост и политическую власть и даже ставило под угрозу само существование государства. Здоровая экономика, или — что то же самое — экономический рост, расценивались, таким образом, как основополагающее условие политической преемственности. В результате аграрная проблема была переосмыслена в экономическом и материалистическом контексте; при этом предполагалось, что сельское хозяйство и крестьянство имеют ключевое значение как для экономического роста, включая развитие промышленности, так и для политического выживания. Тем не менее на данной «предкризисной стадии» политике отводилась, безусловно, второстепенная роль, поскольку было широко признано, что успех экономических реформ решил бы в конце концов также и политические проблемы России.

В соответствии с этой общей установкой новое поколение аграрных специалистов предлагало толкование аграрной проблемы, которое определенно противостояло варианту, предлагавшемуся оппозицией и крестьянами. Реальную проблему они усматривали в низком уровне эффективности сельскохозяйственного производства и в недостаточном развитии рыночной, денежной экономики; все это вместе взятое породило кризис в сборе налогов правительством. С их точки зрения, виной всему была крестьянская община или, точнее, общинная система землепользования. В действительности, доказывали они, проблема была не в абсолютном, а в относительном земельном голоде. Решение поэтому заключалось не в предоставлении дополнительных наделов земли, а в повышении производительности крестьянского хозяйства путем его переустройства и поощрения развития рыночной, или денежной, экономики. Рост крестьянских доходов, который должен был бы в итоге последовать, решил бы проблемы как крестьянского обнищания, так и оскудения казны.

В этих целях было рекомендовано предоставить крестьянам свободу выбора — право покинуть общину и объединять свои участки в более компактные наделы или индивидуальные хозяйства (отруба и хутора). В то же время в интересах развития земельного рынка и накопления капитала для агрономических усовершенствований предлагалось предоставить каждому главе семьи право владения землей. Преобразования не ограничивались сельскохозяйственной реформой: подразумевалось также устранение особого статуса и правовой изоляции крестьян и их включение в гражданское общество. Считалось, что такие преобразования повлекут за собой реформы местной администрации и самоуправления и создание если не конституционной монархии, то, по крайней мере, более правового государства или укрепление правопорядка.

Вместе с тем проявление такого нового подхода у отдельных личностей само по себе было недостаточным, чтобы начать процесс преобразований. В конце концов, многие из этих идей уже давно были высказаны. Однако они подлежали систематизации и трансформации в жизнеспособную политическую программу. В то же время она должна была получить широкое распространение, прежде чем у нее могла появиться поддержка, необходимая для превращения ее в закон. Решающими в этом отношении были 1902—1905 годы.

Главную роль для воплощения этих идей во всеобъемлющую программу реформы сыграли две правительственные комиссии, созданные в 1902 г.: междуведомственное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте (хотя в действительности им руководил его особый помощник А. А. Риттих) и Редакционная комиссия по вопросам крестьянского законодательства Министерства внутренних дел, возглавлявшаяся начальником земского отдела В. И. Гурко и состоявшая под общим руководством В. К. Плеве.

Эти комиссии действовали независимо одна от другой и часто рассматривались как специально созданные для того, чтобы противостоять друг другу. На практике же между ними существовало почти преднамеренное взаимодополняющее разделение труда. Так, вначале комиссия Гурко облекла новые идеи в предварительную форму законодательных актов, тогда как Особое совещание восприняло многие из этих идей и развило дальше эту революцию сознания. Комиссия Гурко выступала также в роли пропагандиста новой программы, выявляя взгляды местной бюрократии и привлекая ее к поддержке программы. Особое же совещание Витте играло схожую роль по отношению к «образованному обществу» на местах. Оно затем распространяло свои, в некоторой степени предвзятые, представления о мнении образованного общества в более широких кругах, как в правительстве, так и в обществе.

В этих двух конкурирующих организациях именно Гурко и Риттих вместе со своими коллегами были главным образом ответственны за разработку новой аграрной политики. К 1904 г. они достигли основополагающего соглашения не только по поводу того, что необходимо сделать, но также и того, как это должно быть сделано. Смысл их предложений заключался в постепенной индивидуализации и интенсификации крестьянского хозяйства и в конечном счете — в превращении крестьянского хозяйства в систему мелкой частной собственности, основанной на хуторах или семейных фермах. В то же время они пытались доказать, что сами крестьяне осознали отрицательные стороны существующей системы и готовы к предложенным изменениям, благоприятно относятся к ним.

Эти люди считали свои предложения прямым отражением крестьянских нужд и вполне согласующимися с долгосрочными тенденциями развития деревенской экономики. Они также осознали, что необходимые изменения не могли зависеть от одной только крестьянской инициативы. Для достижения хотя бы какого-либо успеха реформа должна была проводиться сверху. Однако, требуя прямого вмешательства правительства с целью стимулирования перемен, они предлагали программу, по сути также эволюционную, прагматическую и экспериментальную. Кроме того, Риттих и Гурко рассматривали такую программу реформ как важное средство восстановления уважительного отношения крестьян к закону и правительственной власти, а также средство развития новых отношений доверия между правительством и крестьянством, что могло послужить основой для дальнейшего развития экономической и политической системы.

Между тем вопреки, казалось бы, беспрецедентному характеру предлагаемых реформ опросы, проведенные этими двумя комиссиями в провинциальном обществе как официально, так и неофициально, показали крайне высокий уровень поддержки идеи преобразования крестьянских хозяйств в хутора, находящиеся в частном владении, и ликвидации особого правового статуса крестьян. В то же время публикация и широкое распространение отчетов о заседаниях комиссий и других материалов были нацелены на то, чтобы еще больше расширить это сочувствие. Победа революции сознания обнаружилась в течение последних трех месяцев существования Особого совещания, перед его упразднением в конце марта 1905 г. и до того, как выявилась действительная значимость революционных событий того года, ибо в ходе этих заключительных дискуссий 31 член совещания с правом решающего голоса и 18 членов с совещательным голосом, представлявшие собой высших государственных чиновников, ведавших аграрными делами по долгу службы или же просто заинтересованных в аграрных проблемах, высказались практически единодушно в пользу программы индивидуализации и интенсификации, разработанной Риттихом и Гурко.

К началу 1905 г., казалось, значительная часть чиновников правительства, провинциальных должностных лиц, дворян-землевладельцев на местах, а также либеральные элементы внутри земств отказались от ряда характерных стереотипов политики (община, сословность, безземельный пролетариат) и пришли к убеждению, что хутор является целью всего исторического развития и подлинной крестьянской мечтой. Этих изменений, однако, было недостаточно для того, чтобы новая аграрная программа стала официальной правительственной политикой. Заключительная стадия такого превращения предполагала решение политической задачи — создание коалиции реформаторски настроенных либералов и консерваторов внутри правительства с образованным обществом и затем согласие царя.

Между тем по мере разрастания деревенских беспорядков летом и осенью

1905 г. многие в правительстве начали склоняться на сторону другого подхода, связанного с политикой экспроприации частных земель в пользу крестьян. В результате к концу 1905 г., в известной мере по инициативе Витте, правительство приступило к рассмотрению ряда проектов так называемого принудительного отчуждения земель. Конфискацию, согласно этим проектам, предполагалось дополнить другими мерами и подчинить более важной задаче — интенсификации хозяйства и отмене общинного землепользования, а в конечном счете — преобразования всей системы крестьянского хозяйства на основе индивидуалистического принципа частной собственности. Одновременно Витте принимал решительные меры по расширению продажи дворянских земель как непосредственно крестьянам, так и через Крестьянский банк.

Такое сочетание интенсификации и экстенсификации являлось, конечно, как раз тем компромиссом, который был необходим в случае, если правительство хоть сколько-нибудь рассчитывало на взаимопонимание с более умеренной, либеральной оппозицией. К сожалению, обстоятельства не благоприятствовали делу реформы, ибо переговоры по созданию коалиционного кабинета, с участием либералов, сорвались. Одновременно появились некоторые более консервативные группы, такие, как октябристы и Объединенное дворянство — убежденные сторонники идеи неприкосновенности частной собственности, что положило конец заигрыванию правительства с проектами принудительного отчуждения, хотя отдельные сановники, включая Витте, продолжали верить, что та или иная форма экспроприации необходима, если правительство рассчитывало сохранить или завоевать снова поддержку крестьян.

Несмотря на то, что проекты принудительного отчуждения имели умеренный характер, самый факт одобрения принципа экспроприации вызвал сопротивление дворянства. Одновременно изменилась атмосфера внутри правительства, что было вызвано как успехом его первых карательных экспедиций в деревне, так и энергичной пропагандистской кампанией противников любых форм экспроприации. Первые вылазки были предприняты салоном Головина, члены которого с давних пор выступали против того, что они называли односторонней политикой индустриализации Витте. Основным сторонником этой точки зрения был не кто иной, как Гурко, один из главных защитников новой аграрной политики. За этим последовал бурный натиск со стороны как правительства, так и помещичьего дворянства. Между тем с начала 1906 г. в правительственных канцеляриях, а также в печати стало появляться много новых предложений относительно индивидуализации и интенсификации крестьянского хозяйства, основывающихся на принципах частной собственности.

Последующим попыткам ослабить рост недовольства в деревне и разработать аграрную программу, отвечающую чаяниям крестьян и всего общества, помешали разногласия внутри самого правительства. Отчасти это было результатом конфликта между теми, кто поддерживал экстенсификацию и некоторые формы принудительного отчуждения, и теми, кто поддерживал интенсификацию и индивидуализацию. В правительстве не было единого мнения также относительно того, надо ли принять меры до созыва Думы или, дождавшись этого момента, представить свою программу на ее рассмотрение, либо не спешить и посмотреть, какую программу представит сама Дума, даже если это, как некоторые полагали, означало бы предоставление дополнительного надела земли. Позиция отдельных лиц зависела и от того, связывали ли они будущее правительства с опорой на крестьянство или политические партии, а также от успехов в утверждении идеи правового государства.

Тем не менее в течение трех месяцев, завершившихся отставкой Витте с поста председателя Совета министров и открытием I Думы в конце апреля 1906 г., несколько комиссий начали работу над рядом проектов административных, правовых и аграрных реформ. В то же самое время сторонникам индивидуализации и интенсификации, считавшим необходимым принять предварительные меры до созыва Думы, удалось провести два закона. Первый, от 4 марта 1906 г., разработанный комиссией А. В. Кривошеина (будущего министра земледелия), предусматривал учреждение специальных комиссий по землеустройству для руководства соответствующей программой. Однако к тому времени, когда проект был принят и отпущены кредиты, круг обязанностей комиссий подвергся сужению: с самого начала их обязанности сводились к содействию крестьянам в улучшении

землепользования путем отказа от наименее эффективных приемов хозяйствования; в последующем обязанности комиссий были ограничены содействием Крестьянскому банку в приобретении земель, пригодных для передачи особенно нуждающимся крестьянам на принципе частного владения и пользования.

Инициаторы закона между тем энергично сопротивлялись любым таким уступкам идее увеличения крестьянского землепользования, на каких бы принципах оно ни проводилось. Несмотря на сужение круга обязанностей комиссий, закон 4 марта 1906 г. был важен, поскольку предполагал значительное усиление авторитета правительства и власти бюрократии на местах и означал решимость правительства прямо регулировать хозяйственный уклад крестьянской жизни с целью разрешения аграрной проблемы и повышения крестьянского благосостояния. В то же время работа новых комиссий ознаменовала собой первую стадию бюрократического государственного переворота, нацеленного на то, чтобы отстранить местные органы власти от проведения аграрной реформы, сохранив контроль над реформой в руках самого правительства.

Вторая инициатива исходила от тех, кто поддерживал политику уступок и расширения крестьянского землевладения, считая ее частичным решением проблемы. Речь шла о ряде малозначительных изменений в уставе Крестьянского банка, дававших ему возможность играть более активную роль в покупке земли для последующей перепродажи крестьянам.

Однако внутренние правительственные разногласия были слишком велики, чтобы продвинуть реформы еще до созыва Думы. Совет министров, поддержанный царем, представил в Государственный совет проект индивидуализации и интенсификации, разработанный третьей комиссией во главе с Гурко. Этот проект основывался не только на предложениях Гурко и Риттиха, выдвинутых до 1905 г., но содержал также принципы, которым суждено было стать стержнем будущих столыпинских реформ. Этот проект был отвергнут Соединенными департаментами Государственного совета. (Повторно представленный в мае 1906 г., проект был отвергнут и новым Советом министров.)

Одновременно с этими мартовскими событиями Совет министров изменил свою стратегию и создал еще одну комиссию под председательством нового главноуправляющего землеустройством и земледелием А. П. Никольского. Целью ее была координация разработки всеобъемлющей программы сельских реформ, которая, соответствуя замыслу правительства и отвечая общегосударственным интересам, обеспечивала бы основу также и для сотрудничества с умеренными политическими силами (как левыми, так и правыми) при открытии Думы. Так, основываясь на работе всех предыдущих комиссий, комиссия Никольского поручила соответствующим министерствам подготовить новое законодательство или разработать его принципы, охватывая крестьянское управление, гражданские и личные права, право собственности, аренду, землеустройство, а также сельскохозяйственное образование, сельский кредит, улучшение местных средств сообщения.

Другая комиссия, руководимая Риттихом, начала — опять же в целях достижения компромисса и с либеральной оппозицией и с крестьянством — разработку законодательства о конкретных мерах по смягчению крестьянского малоземелья путем распродажи государственных и помещичьих земель.

После отставки Витте и его кабинета и его замены И. Л. Горемыкиным ни одно из этих начинаний не получило дальнейшего развития. Только после того как была открыта и закрыта I Дума и Столыпин назначен председателем Совета министров дело сдвинулось с места. Частично это произошло потому, что правительство занимало выжидательную позицию в надежде, что какой-то компромисс может быть выработан Думой. Такое взаимодействие, однако, оказалось невозможным, так как правительство и Дума быстро пришли к столкновению по вопросу о принудительном отчуждении. С этого момента для всех партий стало очевидным, что «крестьянский вопрос» является действительно центральным в политике и что его решение в конечном счете станет определяющим для самого существования режима.

В ретроспективе кажется, что хотя Витте и его сотрудники наметили компромиссную политику аграрных преобразований и более широкую программу обновления и реформ, рассчитанную на привлечение на свою сторону крестьянства и либеральной оппозиции, этого оказалось недостаточно для того, чтобы их программу признали в качестве новой правительственной аграрной политики. Пораже-

ние Витте в этом отношении было результатом нескольких факторов, наиболее важным из которых была утрата доверия царя. В то же время представляется, что любая аграрная политика для того, чтобы быть принятой, должна была пользоваться поддержкой помещиков. Витте же, безусловно, был не в состоянии справиться с такого рода задачей, принимая во внимание давнюю оппозицию дворянства его либерализму, его прорывным мерам и политике индустриализации, не говоря уже о поддержке им принудительного отчуждения. Заключительный этап революции в политике состоял, таким образом, в завоевании поддержки дворян.

Главную роль сыграла незадолго перед тем появившаяся организация, известная как Объединенное дворянство. Первый съезд этой организации, состоявшийся в конце мая 1906 г. в доме вновь назначенного главноуправляющего земледелием А. С. Стишинского, был довольно любопытным явлением. Хотя устроили его разнообразные консервативные деятели, на нем, в отличие от последующих съездов, преобладали дворяне, тесно связанные с правительством и бюрократией. Некоторые из его участников занимали высокие должности, другие были просто чиновниками, третьи — агрономами-новаторами из дворянства. Более того, некоторые его участники, включая Стишинского и Гурко, входили в салон Головина. Присутствовали также влиятельные люди из Саратова, где в предыдущие два года губернаторствовал будущий председатель Совета министров П. А. Столыпин.

Одним из важнейших обсуждавшихся на первом съезде Объединенного дворянства был вопрос об аграрной платформе, разработанной частично С. С. Бехтеевым, членом салона Головина, и частично Д. И. Пестржецким, коллегой Гурко по земскому отделу, активным публицистом, поддерживавшим индивидуализацию и интенсификацию. Неудивительно, что эта платформа во многом совпадала с тем, что уже было намечено в самом правительстве под руководством Гурко и Риттиха. В ходе дискуссии выступающие повторяли многие аргументы, выдвинутые Гурко против экспроприации, и, как и он, часто оценивали альтернативы, перед которыми оказалась Россия, в апокалипсическом духе — как выбор между частной собственностью и социализмом или между монархией и социализмом. Хотя съезд так и не принял формально эту платформу, дискуссия показала, что ее поддержало большинство.

Однако имелось и значительное меньшинство, пытавшееся занять более примирительную позицию по отношению и к либералам, и к крестьянству: они предлагали сочетать интенсификацию и индивидуализацию с мерами по ослаблению земельного голода при помощи Крестьянского банка. Так или иначе, представляется, что Объединенным дворянством, в сущности, умело манипулировали, заставляя принять программу, предложенную бюрократией. Еще более важно то, что его поддержка должна была сыграть важную роль в окончательном принятии этой политики.

Первый признак того, что правительство решило наконец принять эту центристскую и компромиссную аграрную программу, появился в начале июня 1906 г., когда оно представило на рассмотрение I Думы серию проектов: предложения по индивидуализации и интенсификации сочетались в них с мерами по расширению крестьянского землевладения либо через распродажу государственных земель, либо с помощью Крестьянского банка. Предлагалось также упразднить должность земского начальника, которая всегда была в глазах левых своего рода бюрократическим чудовищем. Рассчитанные на привлечение крестьянства и либеральной оппозиции, эти проекты были менее радикальны, чем те, которые вносились в Совет министров и Государственный совет комиссией Гурко в марте и мае. Имелось в виду, конечно, ослабить опасения консерваторов относительно возможности любых внезапных перемен в укладе крестьянской жизни. Сохранялась, например, правительственная опека над крестьянством, чтобы задержать развитие земельного рынка и возможную пролетаризацию деревни.

В этих целях предлагалось установить предельные размеры наделов, которыми могли владеть отдельные крестьяне, и запретить продажу этих наделов некрестьянам. В то же время в соответствии с предложениями, внесенными Риттихом, процесс выделения крестьян и их земель из общины был задуман как постепенный: сначала укрепление в собственность, а затем выделение к одному месту. Вместе с тем эти проекты включали статью, которая предписывала автоматическое преобразование общин в частные владения там, где не было никаких переделов в последние 24 года.

Совершенно очевидно, что целью правительства было завоевание поддержки

не только среди крестьянства, но и у политического центра. Его программа представляла собой компромисс также и между различными фракциями внутри правительства, хотя Столыпин и другие, включая самого царя, продолжали считать, что та или иная форма принудительного отчуждения является вероятной политической необходимостью. Вопреки всем этим усилиям переговоры с кадетами и октябристами по формированию коалиционного кабинета снова провалились, в то время как Дума в конце концов выразила поддержку экспроприации. Расценив этот шаг как проявление социализма и прямую угрозу существованию правительства, царь поспешил распустить Думу.

Именно в период последовавшего «междудумья», до созыва II Думы, правительство, наконец, представило свою программу радикальной аграрной реформы. Центральной фигурой на этой заключительной стадии принятия правительственной программы был Столыпин¹¹. Он олицетворял собой все многообразие сил, объединившихся для того, чтобы провести сначала революцию сознания, а затем и революцию в политике. Независимый общественный деятель, как он сам себя называл, сочетавший в себе качества помещика-модернизатора, предводителя дворянства и государственного чиновника, он символизировал собой то объединение правительственных и общественных сил, которое только и сделало возможной революцию в сознании. Кроме того, его возраст, образование, характер деятельности были в сущности те же, что и у нового поколения чиновников, и так же, как они, он был противником общины и сторонником индивидуализации и интенсификации. Наконец, он был близок к некоторым умеренным основателям Объединенного дворянства, склонным к компромиссам.

Эти качества Столыпина в сочетании с его хорошо известными выдержкой, твердостью и уверенностью в собственных силах, очевидно, сыграли решающую роль в его быстром продвижении с должности провинциального губернатора на пост председателя Совета министров. Что более важно, Столыпин в отличие от Витте, похоже, завоевал доверие царя именно вследствие того, что он был личностью, способной обеспечить согласие внутри правительства и между правительством и Думой, а также завладеть инициативой и переиграть Думу в аграрной политике.

Когда переговоры о формировании коалиционного правительства снова зашли в тупик, Столыпин энергично начал проводить новую правительственную аграрную политику, используя 87-ю статью Основных законов. Однако содержание этой аграрной программы, как и более широкой правительственной программы реформ, было разработано не Столыпиным. Напротив, фактически все политические программы, которые он исполнял или пытался проводить, были продолжением проектов, обсуждавшихся ранее, до начала беспорядков 1905 г., и затем развитых различными комиссиями в премьерство Витте и переданных в итоге правительствам Горемыкина и Столыпина.

Сама программа реформы состояла из четырех частей и была принята в четыре этапа. В русле прежних правительственных усилий первые меры были нацелены на достижение соглашения с либеральной оппозицией; они состояли в продолжении прежней политики борьбы с земельным голодом путем расширения крестьянского землевладения через продажу земли. Так, в течение августа и сентября 1906 г. были изданы законы, предусматривающие продажу крестьянам около 9 млн. дес. земли, принадлежавшей государству, царю и царской семье. Последовали и другие меры: снижение процентных платежей по недоимкам Крестьянскому банку, возмещение через казначейство всех понесенных убытков. Подавая пример другим дворянам, Столыпин продал часть своей земли Крестьянскому банку для перепродажи ее крестьянам.

В сентябре был принят и Наказ землеустроительным комиссиям, которым предписывалось сосредоточить деятельность на том, чтобы облегчить продажу нуждающимся крестьянам земель, принадлежавших государству и Крестьянскому банку. А в августе Столыпин решал более широкие политические задачи, наводя мосты к различным партиям. В результате были обсуждены некоторые дополнительные меры в помощь малоземельным крестьянам, включая расширение практики переселения, введение законов о хуторах и отрубках, подобных американским гомстедам, предоставление дополнительных наделов крестьянам (дарственникам), которые получили четверть участка бесплатно во время освобождения, обеспечение

дополнительными пастбищными землями и учреждение государственного сельскохозяйственного банка. Однако ни одно из этих предложений не прошло из-за оппозиции со стороны как самого кабинета, так и Объединенного дворянства.

Позднее, в октябре, был издан закон, расширявший гражданские права крестьян и способствующий дальнейшему включению крестьян в гражданское общество на равных правах с другими социальными группами. Затем последовал известный указ от 9 ноября 1906 г., в котором были подняты вопросы прав собственности, землеустройства и землепользования и который разрешил отдельным крестьянам, группам крестьян, а также целым обществам выходить из общины вместе с наделом земли. Заключительным этапом программы реформы и логическим продолжением ранее принятых мер была подготовка проектов реформы местного управления и судов на основе всеобщности; эти проекты были представлены II Думе в 1907 году. Однако они так и не стали законами из-за оппозиции Объединенного дворянства¹². Наконец, хотя сам Столыпин не принимал непосредственного участия в демократизации политической жизни, связанной с созывом Думы, он был, тем не менее, сторонником перехода к более демократической системе управления, основанной на законе, несмотря на переворот 3 июня 1907 г., военно-полевые суды и другие нарушения правопорядка.

Впоследствии Столыпин собирался развить эти основополагающие начала и продумать еще более обширные реформы¹³. К сожалению, к тому времени его звезда уже угасла, и потому никаких шансов на реализацию этих проектов не было. Описывая эти события, поклонники Столыпина часто утверждают, что у него был всеобъемлющий план реформ. Их оппоненты обвиняют его в попытке восстановить прежние порядки и в том, что его политика сводилась лишь к немедленному реагированию на различные кризисы, перед которыми оказывался царский режим. На самом деле ни одно из этих суждений не является точным.

Столыпину, несомненно, были свойственны патриотизм и дальновидность; развитие России, по его представлениям, должно было пойти по пути более или менее близкому к западному. Помимо сохранения в дальнейшем статуса России как великой державы, это также означало, вероятно, экономическую и социальную модернизацию, включая современную индустриальную экономику и более или менее капиталистическое и безусловно основанное на рыночных отношениях сельское хозяйство, уравнивание в правах всех общественных классов на основе гарантий личных свобод, имущественных прав и правопорядка. Тем не менее на практическом уровне ключевым фактором, определявшим правительственную политику, была потребность создания жизнеспособного политического союза с оппозицией во имя принятия программы реформ, сначала правительством, затем Думой, и, возможно, для того, чтобы не настраивать против себя консервативного, как утверждалось, крестьянства. В то же время это давление не позволило правительству поставить задачу развития как совершенно неконтролируемого крестьянского индивидуализма, так и полнокровной рыночной экономики в сельском хозяйстве.

Вопреки столыпинским лозунгам «обогащаться» и «ставить на сильных и трезвых», новые реформы одновременно сохраняли и в некоторых случаях расширяли традиционную правительственную систему бюрократической опеки, главным образом путем создания огромного чиновничьего аппарата — специально для проведения реформ — и превращения института земских начальников в орудие социального переустройства. Различные преграды препятствовали развитию земельного рынка: сохранились ограничения крестьян в их праве распоряжаться земельными наделами, устанавливались максимальные и минимальные размеры земельного участка, которым можно было владеть. Поэтому только что созданные формы крестьянской собственности правильно назывались не «частной», а «личной».

Что касается политического устройства, то картина здесь не вполне ясна. На какое-то время, конечно, сохранялась верность идее самодержавия. Вместе с тем проявилось молчаливое согласие и желание царя работать с Думой и Советом министров, укреплять связи между правительством и обществом на всех уровнях. С сегодняшней точки зрения, однако, такая программа предполагает конец самодержавия и установление конституционной монархии. Желал ли такого исхода Столыпин, не говоря уже о других членах его кабинета, или хотя бы предвидел ли он такой исход, мы не знаем. Например, в предложениях по реформе местного управления перспектива включения крестьян в гражданское общество и уравнивания их в правах

сочеталась с ростом чиновничьего аппарата на местах и расширением власти центральной бюрократии.

В итоге осью всей программы Столыпина была аграрная реформа, не только из-за демографического и политического веса крестьян и прямой угрозы, которую они представляли экономической и политической стабильности, но также и потому, что сами реформаторы были убеждены: здоровое сельское хозяйство крайне важно для дальнейшего экономического и политического развития. Подобным же образом сущность реформ состояла в попытке найти долгосрочное решение проблемы повышения производительности сельского хозяйства. Однако многое способствует тому, чтобы образовалось всем знакомое расхождение между теорией и практикой. Следовательно, для полного понимания столыпинских реформ необходим анализ того, что же последовало, когда они начались, и особенно того, как законодательство было понято на местах и как оно было изменено ввиду политических обстоятельств и практического опыта ¹⁴.

Результаты столыпинских реформ, их экономическое и политическое воздействие обычно определяются на основе статистических данных о созданных хуторах и отрубях ¹⁵. Однако истолковывают эти данные по-разному. Либеральные западные историки и историки-эмигранты обычно рассматривают цифры в благоприятном свете, отмечая, что для развития реформ не хватило времени ¹⁶. Советские историки, напротив, рассматривая эти же цифры, говорят о провале реформ ¹⁷. Стремясь в этом разобраться, западные и советские историки теперь начали более пристально изучать то, что известно об использовании силы правительством во время проведения реформ, и крестьянское сопротивление реформам, нашедшее отражение главным образом в крестьянских жалобах и, в меньшей степени, в крестьянском движении в те годы ¹⁸.

Однако, как и традиционная оценка истоков реформ и их сущности, подобные характеристики их результатов не только сужают сферу анализа, но и в конечном счете искажают сущность как правительственных усилий, так и реакции крестьян. Разумеется, были отдельные случаи применения силы и «административных» методов. Но правительство всячески старалось избегать силового давления и удержаться от применения силы, расследуя каждый инцидент и восстанавливая справедливость. Существенным направлением его политики по отношению к своим чиновникам и к крестьянству были просвещение и пропаганда.

В то же время совершенно очевидно, что правительственное вмешательство в деревенскую жизнь способствовало возникновению в ней раздоров и конфликтов. Однако это было неизбежно, принимая во внимание то, что в практическом отношении реформы были сведены к мерам по межеванию, направленным главным образом на реорганизацию крестьянского землевладения и утверждение права собственности — двум наиболее болезненным и спорным вопросам сельского общества. Правительство предвидело эти последствия и поэтому старалось свести их к минимуму путем превращения землеустроительных комиссий в механизм разрешения конфликтов. Способ деятельности этих комиссий напоминал процедуру разрешения споров при заключении коллективных договоров.

Имея это в виду, необходимо помнить, что реформы были задуманы как постепенные и эволюционные отчасти из-за понимания того, что хотя крестьяне в конце концов и отдадут предпочтение индивидуальной собственности, но будут тем не менее сопротивляться переменам вследствие своих опасений и приверженности рутине и традициям. Естественным побудительным соображением для крестьян была возможность стать хозяином своей земли и, следовательно, в конце концов, хотя, по-видимому, и в отдаленной перспективе, разбогатеть. Наконец, поскольку реформаторы верили, что их программа не только соответствовала крестьянским чаяниям, но и предвосхищала действительный ход исторического развития, наблюдавшийся и в Западной Европе и в западных регионах России, они полагали, что лучше всего было бы приспособляться к тем изменениям, которые в действительности происходили в деревне.

Так решено было не только принять предложенный Риттихом путь постепенного двухэтапного установления прав собственности на землю и выделения на хутора, но и сосредоточить усилия главным образом на создании отдельных хуторов, которые затем могли бы стать привлекательными примерами, поощряющими менее удачливых действовать так же. В то же время никаких принудительных

изменений не производилось. Напротив, крестьяне должны были иметь свободный выбор. Желаящие выйти из общины могли ее покинуть, а те, которые не хотели выходить из нее, могли остаться. Однако, провозгласив свободу выбора и общую приверженность идеалам индивидуализма, правительство пыталось узаконить меры, которые гарантировали крестьянам возможность воспользоваться этой свободой выбора на практике. Только это, полагали реформаторы, могло бы убедить крестьян в искренности правительства и укрепить их веру как в закон, так и во власть. С этой целью общине были даны некоторые полномочия для защиты ее собственных интересов.

Когда же дело дошло до исполнения, долгосрочные экономические цели реформ, с которыми в известной степени и были связаны принципы добровольности, эволюционности и неприменения насилия, вступили в противоречие с двумя краткосрочными целями, главным образом политическими, и в некоторой степени даже не согласующимися друг с другом: во-первых, с расширением частной собственности, во-вторых, с завоеванием крестьянского доверия и поддержки. Вначале энергия местных чиновников-реформаторов была направлена на то, чтобы подтолкнуть крестьян истребовать права на землю. Но само по себе требование укрепить за собой землю, согласно замыслу, должно было стать только первой стадией в создании хуторов. Между тем правительство обнаружило, что многие из крестьян, требовавших права на землю, были заинтересованы только в том, чтобы окончательно разорвать свою связь с сельским хозяйством. Более поздняя версия закона поэтому объединила двухэтапный процесс, насколько это возможно, в единый акт.

Сверху в это время оказывалось значительное давление с целью добиться создания как можно большего количества хуторов. В итоге аппарат, занимавшийся проведением реформы, усвоил кампанейский подход, который пресса и правительственные критики называли «хутороманией»; последовали обвинения в адрес правительства, что оно пытается навязать деревне свои «фантазии шахматной доски»¹⁹. Таким образом, мы имеем здесь знакомую проблему «темпов»: местные чиновники пытались создать как можно быстрее наибольшее число хуторов для того, чтобы сложилось впечатление о значительных изменениях, а также чтобы соблазнить других крестьян организовывать хутора. Однако большая часть этих хуторов, похоже, была сформирована на землях, предоставленных Крестьянским банком, а не выделена из существующих деревень. Но поскольку местные чиновники старались отреагировать на давление правительства, распространились случаи взятничества, принуждения и другие незаконные действия.

Вскоре правительству стало ясно, что результаты его первоначальных мер оказываются в противоречии с намерениями. С одной стороны, такое давление сверху породило значительное сопротивление и конфликты и, таким образом, подорвало достижение другой правительственной цели — завоевания доверия крестьян. С другой стороны, правительство убедилось, что преобразование групп крестьянских хозяйств и целых деревень в хутора совокупно, скопом, более предпочтительно с точки зрения экономии государственных ресурсов. В результате главный упор сместился с предоставления прав на землю и создания отдельных, индивидуальных хуторов на достижение взаимного соглашения между различными сторонами, вовлеченными в процесс хуторизации.

Но по мере того, как правительство стало более четко осознавать различные препятствия, затрудняющие процесс немедленной и полной хуторизации, оно все более проявляло готовность одобрить и промежуточные формы. В основе этой гибкости, однако, лежало убеждение, что крестьяне увидят в конце концов преимущества выделения на хутора. Таким образом, в процессе непрерывного обучения своих чиновников правительство не только постоянно совершенствовало бюрократические процедуры, но также и изменяло сами законы по мере того, как предпринимались усилия с целью преодолеть недостатки первоначальных проектов реформ, а также практические препятствия на пути их осуществления.

В целом представляется, что критика, которой подвергались реформы за их недостаточную внутреннюю согласованность, обусловлена характерной тенденцией рассматривать любые реформы, не ведущие к полному и, следовательно, революционному преобразованию существующей системы, как не имеющие реального значения. Однако огромным достоинством реформ Столыпина был как раз их постепенный, эволюционный, прагматический, а не жестко predetermined характер. Ибо,

постоянно наблюдая за проведением своей политики в деревне, правительство было в состоянии избежать высокомерия городских интеллектуалов и теоретиков и извлечь уроки из своих ошибок.

Другое направление в критике реформ за предполагаемое отсутствие в них внутренней согласованности связано с конечной экономической целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства и неспособностью правительства предоставить какую-либо агрономическую помощь крестьянам. На самом деле, первоначальное законодательство предусматривало некоторую умеренную финансовую помощь как в форме безвозмездных субсидий, так и в виде займов. Однако по мере того, как развивалась земельная реорганизация, быстро стала очевидной необходимость обеспечить независимых крестьян агротехнической помощью. Летом 1909 г. Столыпин отправил экстренную телеграмму, обязывающую земства принять непосредственное участие в предоставлении помощи крестьянам, которые решили воспользоваться преимуществами реформ²⁰. Это, тем не менее, было только первым шагом по пути к существенному расширению участия самого правительства в предоставлении агрономической помощи в течение последующих пяти лет.

Изменим теперь угол анализа и посмотрим на ход реформы с точки зрения правительства. Здесь важно осознать, что когда правительство начинало преобразования, оно не знало, как крестьяне отреагируют на них, хотя и допускало, что реформы встретят существенное сопротивление. Крестьяне же откликнулись даже с большим энтузиазмом, чем ожидало само правительство, вызывая, таким образом, огромное напряжение в организации реформ, в частности нехватку землемеров, являвшихся ключевым звеном в проведении реформ. С самого начала движение реформ в деревне развивалось стихийно и такими темпами, которые часто превышали способность правительства каким-то образом влиять на изменения. Тем не менее оно делало все, что могло и в действительности достигло замечательных успехов.

Если оценивать результаты реформ не числом созданных хуторов и не увеличением сельскохозяйственного производства, а числом крестьян, которые просили помощи у правительства, то можно представить себе действительные масштабы реакции крестьян. К началу 1916 г., когда реформы были приостановлены в результате войны, около половины крестьянских семей искало той или иной помощи правительства в реорганизации своих хозяйств. Это свидетельствует не только о том, что правительство начало завоевывать доверие крестьян, но также и о том, что новые формы организации сельского хозяйства постепенно складывались и встраивались в существующие порядки на селе, становясь, таким образом, естественной составной частью деревенской жизни. Конфликты и беспорядки, сопровождавшие эти изменения, были, вероятно, нежелательны.

Остается неясным, кто же получил экономическую выгоду от реформ и были ли те умеренные перемены, которые в действительности произошли, реальными или нет. Остается вопросом и то, насколько значительным был хаос, царивший тогда в деревне. Однако эти проблемы, очевидно, не были неразрешимыми. Вместо того, чтобы рассматривать этот конфликт исключительно в негативном ключе, представляется более правильным видеть в нем свидетельство того, что деревня, наконец, начала оживать и обнаружила беспрецедентный уровень личной и общественной инициативы. Очевидно и то, что реформы подрывались недостатком средств и отсутствием должного содействия со стороны министра финансов²¹, хотя крупные изменения в финансовой политике, нацеленные на то, чтобы устранить эти недостатки, уже готовились в 1914 году. Если бы не война, реформы могли бы получить более сильную финансовую поддержку. Наконец, еще одно свидетельство нарастающего успеха реформ: с течением времени сама «аграрная проблема» стала исчезать из заголовков газет и, казалось, все меньше будоражила общественное мнение и вызывала беспокойство.

Таким образом, реформы Столыпина были нацелены на то, чтобы положить начало культурной революции в российской деревне, которая привела бы в движение население, изменила его установки, стимулировала частную и общественную предприимчивость и приблизила бы Россию к западной модели. Выделяют столыпинские реформы из прочих в основе своей демократичные, опирающиеся на добровольность и законность методы преобразований. Эти методы в свою очередь были прямым результатом политического центризма правительства и его попыток

достичь компромисса между правыми и левыми, а также между индивидуализмом и коллективизмом, между рынком и опекой. В конце концов, наиболее важным в этих реформах, как и в любых других, была не степень соответствия результатов какому-то первоначальному пониманию целей, ибо большинство реформаторских замыслов видоизменяется в процессе их воплощения в жизнь. Скорее, наиболее важным был процесс реформ сам по себе. И в этом отношении реформы Столыпина были чем далее, тем более успешными.

Однако с точки зрения более широкой политической перспективы столыпинская программа реформ должна быть расценена как неудавшаяся. По большей части так получилось потому, что компромисс, которого он с успехом достиг внутри правительства, с политическими партиями в Думе и в рамках всего общества, в конечном счете оказался кратковременным. Как только реформы были приняты, Объединенное дворянство устранилось от участия в процессе, так как его положение упрочилось, и настраивалось все более критически по отношению к правительственной аграрной политике, особенно к программе увеличения продажи земли через Крестьянский банк²². Оно затем содействовало поражению столыпинских реформ местного управления.

Хотя Столыпин временно имел успех в работе с Думой, основа его поддержки там тоже была разрушена, что вынудило правительство выбирать между конфликтующими сторонами. При сохранявшемся сильном влиянии двора и консервативных землевладельцев в политической системе, выбор правительства был предрешен. К этому времени в условиях начала войны для тех в правительстве, кто все еще поддерживал умеренную программу реформ, действительно оставалась очень слабая возможность возобновления усилий по формированию новой коалиции с образованным обществом и с крестьянством, хотя аграрные реформы и стали создавать необходимую для этого социальную основу.

Примечания

1. См., напр., заключительную речь А. И. Лыкошина на съезде постоянных членов губернских присутствий 1 ноября 1907 года (Труды съезда постоянных членов губернских присутствий 24.X—1.XI. 1907 г. СПб. 1908, с. 7—9).
2. Лучшие последние работы об освобождении крестьян и эпохе великих реформ: FIELD D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855—1861*. Cambridge (Mass.). 1976; LINCOLN W. B. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861*. Dekalb. 1982; e j u s d. *The Great Reforms*. Dekalb. 1989.
3. Об общине см.: ATKINSON D. *The End of the Russian Land Commune, 1905—1930*. Stanford. 1983.
4. Обычно для изучения этого периода используются работы: ROBINSON G. *Rural Russia Under the Old Regime: A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917*. N. Y. 1932; Berkeley, 1967. Некоторые характеристики «аграрной проблемы» в последние годы были поставлены под сомнение (SIMMS J. Y. *The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century: A Different View*.— *Slavic Review*, 1977, vol. 36, № 3). Этим вопросам посвящены два сборника статей: *Land Commune and Peasant Community in Russia; Communal Forms in Imperial Russian and Early Soviet Society*. Lnd. 1990; *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia, 1880—1921*. Princeton. 1991.
5. Основные исследования по аграрной политике правительства: ЧЕРНЫШЕВ И. В. *Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет*. Пг. 1918; ЧЕРНУХА В. Г. *Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60—70-е годы XIX в.)*. Л. 1972; e e ж с. *Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.* Л. 1978; СИМОНОВА М. С. *Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции*. М. 1987.
6. О Д. А. Толстом и эпохе контрреформ см.: PEARSON Th. S. *Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900*. Cambridge (Mass.). 1989.
7. См., напр., ПРЕСНЯКОВ А. *Самодержавие Александра II*.— *Русское прошлое*, 1923, № 4; а также многие работы В. И. Ленина о «революционной ситуации». О Ленине и крестьянстве см.: KINGSTON-MANN E. *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution*. Oxford. 1983.

8. На некоторые мои размышления по этому вопросу повлияли заметки Т. Колтона (см. *The Dilemma of Reform in the Soviet Union*. N. Y. 1986, pp. 57—67).
9. Новейшим и наиболее полным исследованием роли аграрной проблемы в революции 1905—1907 гг. является: SHANIN T. *The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century*. Vol. 1—2. Lnd. 1985—1986.
10. О реакции помещиков см.: MANNING R. T. *The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government*. Princeton. 1982, pp. 4—24.
11. MACEY D. A. J. *Government and Peasant in Russia, 1861—1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms*. Dekalb. 1987. См. также: CONROY M. S. *Peter Arkad'evich Stolypin: Practical Politics in Late Tsarist Russia*. Boulder. 1976; TOKMAKOFF G. P. A. *Stolypin and the Third Duma: An Appraisal of the Three Major Issues*. Washington. 1981.
12. Наиболее полное исследование о местных реформах: WCISLO F. W. *Reforming Rural Russia: State, Local Society, and National Politics, 1855—1914*. Princeton. 1990, esp. pp. 243—304.
13. ZENKOVSKY A. V. *Stolypin: Russia's Last Great Reformer*. Princeton. 1986.
14. Более детальные исследования процесса реформ: YANEY G. *The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia, 1861—1930*. Urbana. 1982; PALLOT J. *Khutora and Otruba in Stolypin's Program of Farm Individualization*. *Slavic Review*, 1984, vol. 42, № 2; e j u s d. *Open Fields and Individual Farms: Land Reform in Pre-Revolutionary Russia*.— *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 1984, vol. 75, № 1; PALLOT J., SHAW D. J. B. *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613—1917*. Oxford. 1990, pp. 164—192.
15. Об этом см.: ATKINSON D. *The Statistics on the Russian Land Commune, 1905—1917*.— *Slavic Review*, 1973, vol. 32, № 4.
16. Хорошими примерами могут служить: PAVLOVSKII G. *Agricultural Russia on the Eve of Revolution*. Lnd. 1930; N. Y. 1968; MORITSCH A. *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution*. Wien. 1986.
17. Наиболее полное советское исследование: ДУБРОВСКИЙ С. М. *Столыпинская земельная реформа*. М. 1963. См. также недавнюю и все еще традиционную работу: КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. *Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)*.— *История СССР*, 1991, № 2. Некоторые последние советские толкования, однако, были значительно более сбалансированы, особенно когда они включали политический аспект реформ (см.: ЗЫРЯНОВ П. Н. *Петр Аркадьевич Столыпин*.— *Вопросы истории*, 1990, № 6; ДЯКИН В. С. *Был ли шанс у Столыпина?* — *Звезда*, 1990, № 12).
18. См. в особенности: ГЕРАСИМЕНКО Г. А. *Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики*. Саратов. 1985; а также упоминавшиеся статьи J. Pallot.
19. *Труды Вольного экономического общества*, 1909, № 1—2, с. 50; YANEY G. *Op. cit.*, p. 380.
20. *Известия земского отдела*, 1909, № 10, с. 312—313.
21. Более подробно см.: MACEY D. A. J. *Bureaucratic Solutions to the Peasant Problem: Before and After Stolypin*. In: *Russian and Eastern European History: Selected Papers from the Second World Congress for Soviet and East European Studies*. Berkeley. 1984, pp. 73—95.
22. Более подробно см.: MANNING R. *Op. cit.*, pp. 325—371; WCISLO F. W. *Op. cit.*, pp. 243—304.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Анна Ивановна

Е. В. АНИСИМОВ

Анна Ивановна стала императрицей неожиданно для всех. В ночь на 19 января 1730 г., проболев всего несколько дней, в Москве умер 14-летний император Петр II. С его смертью оборвалась мужская ветвь династии Романовых. Реальных наследников престола было двое — дочь Петра I 19-летняя Елизавета и ее племянник — двухлетний сын голштинского герцога Карла-Фридриха и ее покойной сестры Анны Карл-Петер-Ульрих (будущий император Петр III). Однако собравшиеся в Лефортовском дворце верховники (члены высшего правительственного органа — Верховного тайного совета, существовавшего в 1726—1730 гг.) и не подумали о дочери и внуке Петра I и шведки-«портомой» Екатерины.

Часть верховников — из клана Долгоруких — пытались возвести на престол невесту Петра II Екатерину Алексеевну Долгорукую и для этой цели даже составили подложное завещание покойного в пользу его невесты. Но этот план провалился сразу же как только был объявлен на заседании Совета. Сановником, подавившим этот внутренний «бунт» своих коллег, был князь Д. М. Голицын. Для него, сторонника ограничения императорской власти, судьба вдруг предоставила шанс реализовать свой план. Это была попытка чисто олигархического переворота в интересах узкого круга стоявших у власти аристократических родов князей Долгоруких и Голицыных, занявших по сути все места в Верховном совете.

Самой подходящей кандидатурой в монархини с ограниченными правами была признана курляндская герцогиня Анна Ивановна, которую предполагалось провозгласить императрицей, но без прежней царской власти. Над ней стоял бы Верховный тайный совет. Чтобы закрепить ограничение власти императрицы, верховники составили так называемые кондиции — пункты, регулировавшие власть Анны. Так кандидатура курляндской герцогини была одобрена всеми верховниками¹. Это произошло не случайно: Анну Ивановну никто в столице не воспринимал всерьез, слишком ничтожна была ее фигура в русской политике, слишком незаметна была она при русском дворе, куда изредка приезжала из Митавы — столицы Курляндии. Поэтому многим казалось, что управлять полностью зависимой от верховников императрицей будет достаточно просто.

Выбор верховников был полной неожиданностью и для самой Анны Ивановны. Вторая дочь царя Ивана Алексеевича, брата и соправителя Петра Великого, и Прасковьи Федоровны Салтыковой, она родилась в 1692 г. и вместе со своими сестрами — старшей Катериной — герцогиней Мекленбургской и младшей Прасковьей — находилась на задворках власти. «Ивановны» — так полупрезрительно

Анисимов Евгений Викторович — доктор исторических наук. С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН.

называли их вельможи петровского двора. Сам Петр I хорошо относился ко вдове своего брата, умершего в 1696 г., и его дочерям. Однако он устроил их судьбу, имея в виду свои политические цели. Как только они подросли, было решено выдать их замуж за иностранных принцев и государей с тем, чтобы связать династию Романовых кровными узами с важнейшими королевскими и княжескими родами Европы.

Анну выдали замуж за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма — владельца пограничного с Россией государства, находившегося на территории современной Латвии. Петр I решал при этом задачу упрочения влияния России в Прибалтике, и брак Анны должен был этому способствовать. Разумеется, мало кто интересовался мнением самой царевны о предстоящем браке. За 1739 г. сохранилось следственное дело Тайной канцелярии, в котором отразилась история невеселого замужества Анны. В Тайной канцелярии разбирали «непристойные слова»

песни, которую крестьянка А. Максимова помнила с 1710 г.: «Не давай меня, лядюшка, царь-государь, Петр Алексеевич, в чужую землю, нехристианскую, нехристианскую, бусурманскую. Выдай меня, царь-государь, за своего генерала, князя, боярина»².

Свадьба состоялась в Петербурге в конце 1710 г., но уже в начале 1711 г. Анна овдовела: выехав из Петербурга с молодой женой, Фридрих-Вильгельм неожиданно умер на первой же станции по дороге в Митаву. Анна вернулась домой, но ненадолго, ибо Петр I считал, что герцогиня курляндская, исходя из государственных интересов России, должна жить в своей резиденции — Митаве — и быть под контролем русского представителя, которым был назначен П. М. Бестужев-Рюмин, ставший вскоре ее любовником. Оказавшись в чужой стране, в непривычной обстановке захолустного европейского княжества, Анна сразу же испытала унижение и зависимость. С одной стороны, ее крайне недружелюбно встретили курляндские дворяне, опасавшиеся усиления герцогской власти и влияния России. Поэтому они стремились выжить Анну из Митавы, ограничить ее права и доходы. С другой — Анна полностью зависела от Петра I, который видел в племяннице лишь проводника своей воли и совсем не интересовался ее чувствами, мнением, реальным положением в Курляндии.

Неясность статуса и недопустимая для герцогини бедность многие годы мучили Анну. Часть доходов герцогского домена, которая была выделена Анне по брачному соглашению, не могла обеспечить того уровня, который считался приличным для герцогини. Анна многократно писала униженные письма Петру I, Екатерине, Меншикову, Остерману, другим сановникам, прося у них помощи и поддержки. «Доимки на мне тысяча четыреста рублей,— сообщила она кабинет-секретарю царя М. Макарову в 1724 г.,— а ежели будет милость государя батюшки и дядюшки, то б еще шестсот мне на дорогу пожаловали по своей высокой милости»³. Экономный, даже прижимистый со своими родственниками, Петр на этот раз выдал просимые деньги, но делал так не всегда. В письме императрице Екатерине Анна просила: «Прашу матушка моя, как у самаво Бога, у вас, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую милость — попроси, свет мой, милости у дарагова государя нашева батюшки-дядюшки оба мне, чтоб показал милость — мое супружественное дело ко окончанию привести, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих зладеев, ссораю к матушке не была... Также изволили вы, свет мой, приказывать ко мне: нет ли нужды мне в чем здесь? Вам, матушка моя, известна, что у меня ничево

нет, кроме што с воли вашей выписаны штофы, а ежели к чему случей позавет и я не имею нарочитых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочитава... а деревенскими доходами насилу я магу дом и стол свой в гот содержать... Еще прошу, свет мой, чтоб матушка не ведала ничево»⁴.

Это была еще одна печальная сторона жизни Анны. Ее мать — царица Прасковья Федоровна, ласковая и заботливая к старшей, любимой дочери Катерине, не любила Анну, всячески утесняла ее, и когда Анне удавалось вырваться из ненавистной Курляндии и на время приехать домой, во дворец Прасковьи, ее встречали холодный прием, упреки и придирки матери, которую Анна и боялась, и не любила. В том же письме к императрице Екатерине — в сущности, единственному человеку, который как-то поддерживал Анну, — содержалась просьба герцогини, чтобы императрица способствовала решению ее «супружественного дела». Это был самый болезненный, острый для Анны вопрос. Нельзя сказать, что Петр не думал о женихе для вдовой племянницы, но сделать за нее выбор — а только об этом могла идти речь — было непросто: новый брак не должен был изменить положение в Курляндии в невыгодную для России сторону.

В 1723 г. именно эта причина стала главной при разрыве брачного контракта с прусским принцем. Не удалось Анне выйти замуж и в 1726 г., когда на ее руку претендовал уже избранный дворянами в герцоги Мориц Саксонский — внебрачный сын Августа II, короля польского. Этому браку воспрепятствовало правительство России, опасавшееся усиления влияния в Курляндии польского короля. И для Анны снова потянулась унылые годы в Митавском замке, и если бы в памятную ночь смерти Петра II на нее не обратил внимание Д. М. Голицын, то, вероятно, так и закончила бы она свою жизнь в захудалом герцогстве и никогда бы ее любовник, камергер Э. И. Бирон, появившийся у нее после отъезда в 1726 г. Бестужева, не приобрел такой мрачной известности среди исторических романистов и читателей их сочинений.

1730 год вознес Анну на российский престол. Подписав «кондиции», она в начале февраля приехала в Москву. Верховники старались держать ее в изоляции, не допустить контактов «ограниченной императрицы» с их политическими противниками — дворянскими прожектерами, которые сразу же начали борьбу против олигархов. В столкновении сторонников и противников ограничения императорской власти Анна сумела найти весьма выгодную позицию, которая позволила ей опереться на сторонников самодержавия и затем, с помощью гвардии, совершить дворцовый переворот, ознаменовавшийся публичным и торжественным уничтожением «кондиций».

В пылу политической борьбы Анна была важна не как личность, а как некий символ традиционной власти, который многие были готовы защищать. Думается, наблюдатели восторга при этом не испытали. Ни один придворный льстец не мог назвать Анну красавицей. Это было бы слишком. Со всех парадных портретов на нас угрюмо смотрит грузная женщина: короткая шея, ниспадающие локоны жестких смоляных волос, длинный нос, недобрый взгляд. Графиня Н. Б. Шереметева, ставшая впоследствии княгиней Долгорукой, была в ужасе, увидав в окне шествовавшую мимо императрицу: «Престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет — всех головой выше и чрезвычайно толста»⁵. Более взвешенно мнение графа Э. Миниха (сына фельдмаршала): «Станом она была велика и взрачна. Недостаток в красоте награждаем был благородным и величественным лицерасположением. Она имела большие карии и острые глаза, нос немного продолговатый, приятные уста и хорошие зубы. Волосы на голове были темные, лицо рябоватое и голос сильной и проницательной. Сложением тела была она крепка и могла сносить многие удручения»⁶.

Редкая женщина могла выдержать ружейную отдачу в плечо, Анна же стреляла каждый день и много лет подряд. Оробевшая Настасья Шестакова — жена дворцового управителя, попавшая как-то раз в гости к императрице, — вспоминала: «Изволила меня к ручке пожаловать и тешилась: взяла меня за плечо так крепко, что с телом захватила, ажно больно мне стало»⁷. Вообще, в Анне была некая мужеподобность. Испанский посланник де Лириа писал, что «лицо у нее более мужское, нежели женское». Грубоватость облика и голоса, чрезмерную полноту, отсутствие так ценного изящества, шарма отмечали и другие современники. Вся предшествовавшая избранию на престол жизнь этой женщины была исковеркана высшими

государственными целями, которые преследовал Петр Великий. Существование в чужой, недружелюбной стране в полной зависимости и бедности не могло способствовать расцвету личности будущей императрицы. Некрасивая, неженственная, с тяжелым характером и ущемленным самолюбием Анна была капризна и подозрительна к окружающим.

В молодые годы она не получила ни должного образования, ни воспитания, не было у нее способностей и стремлений к самосовершенствованию с помощью книг и общения с интересными людьми. И вообще, в поведении, нравах, интересах Анны отразились различные культурные эпохи, в которых на протяжении одной жизни оказывались современники петровских реформ. Так было и с Анной: детство одной из последних московских царевен XVII в., живущей по законам старины, в «тишине и прохладе», вдруг сменилось суматошной, неустроенной юностью в новом городе Петербурге, куда Петр I перевез и поселил семью царицы Прасковьи. Не успев привыкнуть к новым нравам, грубоватым обычаям петровского двора, Анна совершенно неожиданно для себя оказалась за границей, в непривычной и чуждой культурной среде, в стране иных традиций, веры, обычаев. Не обладая глубоким умом, живостью и интересом к знаниям, она не сумела найти себя среди всей этой культурной и бытовой мешанины, что наложило отпечаток на ее вкусы, интересы, характер, личность.

При дворе императрицы Анны Ивановны как бы сошлись разные эпохи: и московский XVII век, и грубоватые нравы новой российской столицы и европейского XVIII века. Научные сообщения академиков соседствовали с непристойными шутками, мордобоем, потехами многочисленных «шутов и дурак». Обычаи роскошного европейского двора сливались с нравами старинной «царицыной комнаты», где камергеры и фрейлины оказывались рядом с приживалками, «каликами», убогими, карликами и обезьянами. Балет и опера сменялись шутовскими шествиями, примитивными спектаклями итальянского площадного театра, где главной целью вечных его персонажей — Арлекина и Смеральдины — было посмешить публику тумакон, неприличным жестом, грубой шуткой.

Но общий тон, стиль жизни двора Анны, перебравшейся в Петербург в 1732 г., все же больше всего напоминает стиль жизни русской помещицы XVIII в. с ее незатейливыми заботами и развлечениями, сплетнями и разбирательствами ссор дворни. В 1732 г. в Тайной канцелярии рассматривалось дело об одном солдате, который видел примечательную сцену под окнами царского дворца: «Шел мимо мужик и Ея императорское величество соизволила смотреть в окно и спрашивала того мужика, какой он человек и он ответствовал: «Я — посацкой человек» — «Что у тебя шляпа худа, а кафтан хорошей?» (спросила Анна.— *Е. А.*). И пожаловала мужику на шляпу денег два рубли»⁸. Эта бытовая сценка более характерна для купчихи, мещанки или помещицы, глазающей в скучный полуденный час на редких прохожих. Ее как-то трудно приложить, например, к Екатерине II и даже к Елизавете Петровне.

В психологии, нравах Анны было много от помещицы, именем которой было не село Ивановское с деревнями, а огромное государство. Именно такой помещицей — не особенно умной, мелочной, ленивой, суеверной — и выглядит Анна в ее письмах, записочках, резолюциях. Особенно примечательны ее письма С. А. Салтыкову, ее родственнику и «главнокомандующему Москвы». Впечатление такое, как будто читаешь переписку барыни со своим приказчиком, живущим в другой барской вотчине, в соседней губернии. Мелочные интересы, убогий кругозор, отсутствие интеллекта — вот что бросается в глаза. Анна требует высылки к ней шутов, обезьян, лампадного масла от чудотворной иконы.

Особенно любила Анна выступать в роли свахи, сводя пары людей так, как она считала нужным. «Сыскать,— пишет она Салтыкову 7 марта 1738 г.,— воеводскую жену Кологривую и, призвав ее к себе, объявить, чтоб она отдала дочь свою за[гоф-фурьера] Дмитрия Симонова, которой при дворе нашем служит, понеже он человек доброй и мы его нашею милостию не оставим»⁹. Вообще, все, связанное с браком и амурными делами подданных, очень привлекало императрицу. Ее в этой области интересовало буквально все, а источником информации были в основном сплетни и слухи.

Как рачительная и строгая хозяйка обширного поместья, Анна всем интересуется и все видит: и как некто Кондратович, который послан с В. Н. Та-

тищевым в Сибирь «ныне... шатается в Москве», и что «в Москве, на Петровском кружале стоит на окне скворец, который так хорошо говорит, что все люди, которые мимо едут, останавливаются и его слушают», и что «имеется мужик, который унимает пожары», и что «есть в доме у Василья Абрамовича Лопухина гусли» и т. д., и т. п. Приказы императрицы строги: гусли, скворца и мужика немедленно прислать в Петербург, а Кондратовича и многих других немедленно выслать по месту службы.

Гнев императрицы обрушивался на тех непослушных подданных-холопов, которые вздумали пренебречь ее распоряжением или попытались ее обмануть. «Розыщите о последнем,— пишет Анна Салтыкову по делу какого-то провинившегося перед ней попа,— без всякой поговорки кто будет виноват, мне ино надобно, кроме правды, а кого хочу пожаловать, в том я вольна»¹⁰. Главный принцип самодержавия, выраженный задолго до времен Анны Ивановой Грозным: «Жаловать есь мы своих холопов вольны, а и казнить вольны же», довольно прочно запечатлелся и в голове бывшей курляндской герцогини.

Придя к власти, Анна Ивановна оказалась в довольно сложном положении. Она была провозглашена самодержавной императрицей теми политическими силами, которые при обсуждении шляхетских проектов выступали за ограничение ее власти, но в последний момент — под давлением гвардейцев — сняли свои требования. Логика политического поведения безошибочно подсказывала Анне и ее окружению, что нужна политика компромисса с дворянством, налаживания отношений даже со вчерашними противниками. Поэтому ликвидация Верховного тайного совета, ставшего при Петре II центром олигархического движения, была осуществлена 4 марта 1730 г. как обычная реорганизация с целью восстановления полноценной власти Сената, в состав которого и вошли верховники. Но было ясно, что императрица не может доверить управление Сенату, который, с одной стороны, был наполнен ее «утеснителями» — верховниками и, с другой — по своей структуре, функциям не был приспособлен к оперативной деятельности. А именно такая работа требовалась в условиях самодержавия женщины, почти полностью лишенной способностей, навыков государственного управления.

Образование осенью 1731 г. Кабинета министров снимало остроту проблемы в управлении: вошедшие в новое учреждение люди — канцлер Г. И. Головкин, вице-канцлер А. И. Остерман, князь А. М. Черкасский, а потом П. И. Ягужинский и сменивший его А. П. Волынский — были достаточно опытными администраторами и взяли на себя всю работу по управлению империей. Поначалу Анна участвовала в работе Кабинета, но вскоре это ей «наскучило», и она передала министрам право решать дела ее именем. Указом 9 июня 1735 г. подпись трех министров была приравнена к подписи императрицы. На практике же было достаточно и двух, а затем и одной министерской подписи под указом. Впрочем, это вовсе не ограничивало самодержавную власть. Ведь самодержец был волен передать часть своих прав учреждению или доверенному лицу, оставляя за собой прерогативу ни в чем себя не ограничивать. Концепция самодержавия как раз и строилась на том, что ни круг дел, подлежащих компетенции монарха, ни само разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную никогда четко не устанавливались, ибо уже в одном этом состояло бы ограничение власти монарха, которого в таком случае уже нельзя было бы назвать самодержцем.

Особое, исключительное место в системе управления при Анне Ивановне занимал ее фаворит Эрнст-Йоганн Бирон. До него долгое время ее фаворитом был Петр Михайлович Бестужев-Рюмин, резидент русского правительства в Курляндии, обер-гофмейстер двора герцогини, а по существу — полномочный правитель. Почтенный отец семейства, в котором выросли известные русские дипломаты Михаил и Алексей Бестужевы-Рюмины, он был опытным царедворцем. Будучи старше Анны на 19 лет, он полностью подчинил ее своей воле. Это стало одной из причин конфликта Анны с матерью. Не раз ревновавшая к Бестужеву царица Прасковья просила Петра I и Екатерину изгнать его из Митавы. Но у Петра были свои представления о Бестужеве — он был толковым дипломатом и интересы России ставил выше нравственности, что вполне устраивало царя.

«Не можно оправдать Анну Ивановну в любострастии,— писал знаменитый обличитель нравов двора князь М. М. Щербатов,— ибо подлинно, что бывший у ней Бестужев имел участие в ее милостях»¹¹. Негоже оправдывать Анну в грехе

любожестрастия, если так можно назвать ее, вдовы, связь с вдовцом же Бестужевым. Но все же она не была вакханкой или Мессалиной, уступая в этом и Елизавете Петровне и Екатерине II. Анна была женщина простая, незатейливая, не особенно умная и совсем не кокетливая. Она была лишена честолюбивых устремлений Екатерины II, не гналась, как Елизавета, и за пальмой первой красавицы. Всю свою жизнь она мечтала лишь о надежной защите, поддержке, которую мог дать ей мужчина, хозяин дома, господин ее судьбы.

Просьбы о защите, «протекции», готовность «предать себя в волю» постоянно звучат в ее письмах Петру I, Екатерине I, Петру II, сановникам, вообще — сильным мира сего. Именно поэтому она так рвалась замуж. Но все ее попытки вступить в брак были неудачны, женихи не подходили Петру I и его преемникам. И со временем Бестужев стал для нее таким защитником, опорой. Анна закрывала глаза и на огромную разницу лет, и полную бесперспективность связи со своим подданным, и на многочисленные грехи своего обер-гофмейстера.

История с неудачным сватовством графа Морица Саксонского болезненно ударила по Анне Ивановне. Мало того, что такой завидный жених был с позором изгнан русскими войсками из Курляндии, — был отозван из Митавы и Бестужев. Меншиков не мог простить ему появления Морица в Курляндии. И вот после отъезда Бестужева летом 1727 г. Анна пишет одно за другим 26 писем всем, кому только возможно, умоляя вернуть ей Бестужева. Она шлет их Меншикову, его жене, дочери Марии, даже свояченице Варваре Арсеньевой, другим влиятельным лицам из окружения светлейшего, просит вновь послать Бестужева в Митаву, ибо без него все дворцовое хозяйство развалится.

В отчаянии она, дочь царя, в своих письмах к вице-канцлеру Остерману прибегает к оборотам, уместным более для челобитных солдатской вдовы: «Нижайше прошу ваше превосходительство попросить за меня, сирую, у его светлости... Умилосердись, Андрей Иванович, покажите милость в моей нижайшем и сиротском прошении, порадуйте и не ослезите меня, сирой». Отчаяние одиночества выливается в откровенном признании: «Воистинку [я] в великой горести и пустоте и в страхе! Не дайте мне во веки плакать!.. Я к нему привыкла!»¹². Вот это и есть самое главное. Она убивается по Бестужеву, но дело не в его личности или в особой беззаветной любви Анны к своему пожилому фавориту. Ее жизненная установка другая — она не хочет и не может быть одна, ее страшит одиночество. И в этом ее глубокая трагедия.

Но к концу 1727 г. вопли из Митавы стихают. Бестужеву разрешено вернуться в Курляндию, но увы... место его там уже занято. И он пишет своей дочери: «Я в несносной печали, едва во мне дух держится. что чрез злых людей друг мой сердечный от меня отменился, а ваш друг (здесь — иронично — Бирон.— Е. А.) более в кредите остался... Знаешь ты, как я того человека (Анну.— Е. А.) люблю?»¹³. Старый опытный царедворец в отчаянии: ведь именно он пригласил на груди своей проходимца Бирона. «Не шляхтич и не курляндец,— писал о нем Бестужев,— пришел из Москвы без кафтана и чрез мой труд принят ко дворцу без чина и год от году я, его любя, по его прошению, производил и до сего градуса, произвел и, как видно, то он за мою великую милость делает мне тяжкие обиды... и пришел в небытность мою (в Курляндии.— Е. А.) в кредит»¹⁴.

Бирон был хотя и мелкопоместным, но все же дворянином и курляндцем, но прошлое его действительно довольно темное. Известно только, что, учась в Кенигсбергском университете, он принял участие в драке студентов с ночной стражей и убил солдата. С большим трудом выбравшись из тюрьмы, он около 1718 г. пристал ко двору Анны благодаря покровительству Бестужева. Затем он женился на фрейлине герцогини Бенигне-Готтлиб фон Тротта-Трейден, усердно служил, выполняя поручения Анны и Бестужева. И вот в отсутствие последнего Бирон — почти ровесник Анны (он родился в 1690 г.) — утешил горевавшую вдову. Его влияние на Анну все усиливалось.

Бестужев, хорошо зная своего соперника, опасался Бирона. И не напрасно: в августе 1728 г. Анна прислала ко двору Петра II своего человека с доносом на бывшего фаворита и просила разобраться, «каким образом Бестужев меня расхитил и в великие долги привел»¹⁵. Всплыли махинации обер-гофмейстера с герцогской казной. Конечно, дело было не в краденном изюме или сахаре, а в полной «отмене» Бестужева, против которого начал умело действовать занявший его место Бирон.

«Никогда на свете, чаю, не бывало дружественнейшей четы, приемлющей взаимно в увеселении или скорби совершенное участие, как императрица с герцогом», — писал Э. Миних (с 1737 г. Бирон стал герцогом Курляндским. — *Е. А.*) и продолжал: «Оба почти никогда не могли во внешнем виде своем притворствоваться. Если герцог явился с пасмурным лицом, то императрица в то же мгновение встревоженный принимала вид. Буде тот весел, то на лице монархини явное напечатлевалось удовольствие. Если кто герцогу не угодил, тот из глаз и встречи монархини тотчас мог приметить чувствительную перемену... Всех милостей надлежало испрашивать у герцога и чрез него одного императрица на оные решалась»¹⁶.

Когда в середине марта 1730 г. Бирон приехал в Москву к Анне, они уже не расставались ни на один день. Более того, многие современники отмечали, что императрица не могла и часа провести без Бирона, их часто видели шествующими рука об руку. И это становилось предметом злословия в обществе, а уже злословие — предметом расследования в застенке Тайной канцелярии. Влияние Бирона на царицу было огромно. И истоки его — не столько в характере временщика — человека умного, волевого, но и в предыдущей жизни Анны, некогда подчинившейся хозяину, господину и отныне навсегда сделавшей свой выбор и не изменявшей ему. Зимой и летом, в дождь и снег они были вместе. Они даже болели одновременно, точнее, болезнь Бирона делала Анну больной и она не покидала на это время его покоев. Миних писал, что Анна «вовсе не имела своего стола, а обедала и ужинала только с семьей Бирона и даже в апартаментах своего фаворита»¹⁷. Примечательно, что, отправляясь по зову верховников в Москву, Анна взяла с собой, кроме необходимых вещей, и годовалого сына Бирона Карла-Эрнста. Есть серьезные основания думать, что Карл был сыном Анны от Бирона, и она брала с собой самое дорогое ей существо. Известно также, что Карл-Эрнст впоследствии пользовался особой милостью при дворе Анны и до самой ее смерти спал в одной с ней комнате.

Бирон был женат на уродливой, болезненной женщине и имел от нее еще сына Петра и дочь Гедвигу-Елизавету. Создается впечатление, что это была единая семья. Анна, Бирон с Бироншей (так ее называли при дворе и в обществе) и детьми присутствовали на празднествах, катались на санях по Невскому, вместе бывали на концертах, принимали зубного врача, который всех лечил по очереди, и т. д. Этот треугольник мог удивить несведущих наблюдателей, но история знает немало подобных треугольников, в которых всем все давно ясно и у каждого своя роль, место и судьба. Некоторым знакомым Бирон жаловался, что вынужден целыми днями находиться при Анне, тогда как его ждут государственные дела. Но это были или минутная слабость или лукавство. Помня печальную судьбу своего предшественника, он никогда не оставлял императрицу без присмотра: когда сам уходил, возле нее оставалась жена или соглядатаи, которым он верил. Он всегда помнил то, о чем писал русскому посланнику в Варшаву Г. Кайзерлингу, пользовавшемуся его особым расположением: «Крайне необходимо осторожно обращаться с великими милостями великих особ, чтоб не воспоследовало злополучной перемены»¹⁸.

В литературе есть известная тенденция принизить значение Бирона как государственного деятеля, представить его либо человеком устраненным от управления, либо мало что понимавшим в делах. И то, и другое неверно. И во внешней, и во внутренней политике влияние Бирона было огромным. В той системе власти, которая сложилась при Анне, без Бирона — ее доверенного лица, человека властолюбивого, вообще не принималось ни одного важного решения. В своих письмах временщик постоянно жалуется на загруженность делами, но при этом показывает себя как человек весьма осторожный, стремящийся не выпячивать свою роль в управлении, остаться в тени.

Проблема «бирановщины» не раз привлекала внимание историков. В Советском энциклопедическом словаре 1991 года¹⁹ «бирановщина» характеризуется как реакционный режим — «засилье иностранцев, разграбление богатств страны, всеобщая подозрительность, шпионаж, доносы, жестокое преследование недовольных». В этой справке, как в капле воды, отразились историографические стереотипы, штампы, возникшие задолго до борьбы с «тлетворным влиянием Запада».

Стремление представить правление Анны как время попрания национальных интересов, подавления русской нации наиболее отчетливо прослеживается уже в первых шагах Елизаветы Петровны, взойшедшей на престол в результате

государственного переворота. Только необходимостью освободить русских от «седающих в гнезде орла Российского ноцных сов и нетопырей, мыслящих злое государству» с целью «сынов российских из неволи высвободить и до первого привести благополучия», можно было обосновать дворцовый переворот 25 ноября 1741 года. В XIX в. особую роль в представлении о «бионовщине» как о засилье иностранцев, сыграла художественная литература. Под пером К. П. Масальского (повесть «Регенство Бирона») и И. И. Лажечникова («Ледяной дом») перед читателями предстал патриот Артемий Вольтинский, погибший от интриг иноземного временщика Бирона. Поколения русских читателей впитали вместе с романом Лажечникова стойкий «антибионовский дух». Этому способствовали и популярные суждения о вреде западного влияния на Россию. Оставила следы в историографии и общественном сознании и кампания по борьбе с космополитизмом в советское время.

Итак, первый стереотип: «бионовщина» — засилье иностранцев, преимущественно немцев. Многим памятна эффектная, но, к сожалению, весьма легковесная фраза В. О. Ключевского, что при Анне «немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались во все доходные места в управлении»²⁰. Между тем, немцы «посыпались» в Россию задолго до царствования Анны и их количество никогда не было устрашающим для русского народа. С незапамятных времен иностранные специалисты приезжали работать в Россию, но особенно широко двери страны открыл для них Петр Великий. По-разному складывалась судьба этих людей в России. Одни с ненавистью и обидой уезжали из нее навсегда, для других она становилась второй родиной, где расцвел их талант, где они получили признание, прижизненную и посмертную славу. Среди них есть ученые, полководцы, архитекторы, артисты, врачи, инженеры. Без них немыслима гражданская и военная история России, их кровь смешивалась в браках с кровью русских, они вместе с «природными» русскими создавали великую русскую культуру. Незаурядные люди «посыпались» в Россию в XVIII в.: архитекторы Д. Трезини и Ф. Б. Растрелли, ученые Н. Ж. Делиль, Д. Бернулли, Г. З. Байер, И. Гмелин, Г. Ф. Миллер, музыканты и композиторы Ристоли, Ф. Арайя, Ланде. Военных (инженеров, полководцев, моряков) невозможно даже перечислить. И в большинстве своем эти иностранцы, принятые на русскую службу, знали свое дело и зря денег не получали.

Во времена Анны, как и раньше, иностранцев охотно брали и в армию, и в государственный аппарат, но они не оказывались, благодаря «бионовщине», в каких-то особых, сказочных условиях. Именно при Анне, по инициативе немца Миниха, было устранено болезненное для русских офицеров различие в жалованье: они стали получать столько же, сколько иностранцы, а не в 2 раза меньше, как было при Петре I. Сохранилось немало постановлений правительства о недопущении особых привилегий для иностранных специалистов, поступивших в русскую службу. Сохранились ведомости о составе офицерства накануне «бионовщины» и в ее «разгар». Согласно ведомостям 1728 г. в полевой армии служил 71 генерал, из них иностранцев было 41, или 58%. К 1738 г. доля иностранцев-генералов даже понизилась — из 61 генерала их было 31, то есть в абсолютном исчислении даже меньше, чем до «бионовщины». Если же считать иностранцев-генералов вместе со штаб-офицерами (включая майоров), то в 1729 г. в армии генералов и штаб-офицеров было 371, иностранцев из них — 125, или 34%. В 1738 г. генералов и штаб-офицеров было 515, а иностранцев из них — 192, или 37,3%. Этого явно недостаточно, чтобы говорить об усилении чужеземного влияния в русской армии во времена Бирона, хотя численность иностранцев в армии, особенно в заново созданном Измайловском полку, и была достаточно высока.

Любопытная ситуация сложилась и на флоте. В 1725 г. были определены к летней кампании командиры 12 линейных кораблей и 2 фрегатов. Из русских капитаном был лишь командир фрегата Лодыженский, все остальные — иноземцы: англичане, датчане, голландцы и т. д. Летом же 1741 г. была выставлена эскадра в 14 кораблей и 6 фрегатов. Из 20 капитанов было 13 русских!²¹. Итак, «бионовщина» вроде бы не только не нанесла ущерба русской морской гордости, но способствовала еще ее усилению. Впрочем, власть не в прямую зависит от численности той или иной национальной группы в составе армии, флота или гражданской службы.

Но существовала сфера, которая притягивала и русских, и иностранцев: это был двор, который не ограничивался табельными чинами придворного ведомства, а всегда оставался особой средой со своей атмосферой, правилами и традициями. Благополучие как следствие «благорасположения» монарха было главной целью для всех членов камарильи, без которой немислим абсолютизм вообще, и российское самодержавие в частности. Конечно, то, что при дворе, в окружении Анны, сразу же оказалось немало иностранцев, не могло не бросаться в глаза, и вызывало недовольство русских вельмож не оскорблением национального чувства, а тем, что их оттеснили от престола новые «любимцы». Понять это возмущение можно: усилиями дворянства-шляхетства Анна стала, вопреки намерениям верховников, самодержавной государыней и тут же выписала из Курляндии Бирона, приблизила тех иностранцев, которые ранее не играли видных ролей в русской политике.

Но события 1730 г. имели и другой аспект. Шляхетство защищало не лично Анну, а принцип самодержавия, попраный олигархами. И поэтому большинству своих нечаянных сторонников императрица не особенно доверяла. Она искала опору среди тех, кого лично знала, с кем была связана с давних пор. Это вполне естественно для каждого нового человека у власти: сколачивать свою «команду» из родственников, земляков, сослуживцев, старых друзей и т. д. Верность и преданность лично ей были главными критериями и при образовании круга близких Анне лиц. В него попали как родственники Салтыковы, так и непримиримый борец с верховниками П. И. Ягужинский, а также А. М. Черкасский, фаворит Бирон, братья Левенвольде, показавший искреннюю преданность Миних. Как человек опытный и поэтому совершенно необходимый в государственном управлении был привлечен и А. И. Остерман.

Можно с уверенностью утверждать, что при Анне не существовало «немецкой партии», то есть достаточно сплоченной и однородной национально-политической группировки, которая бы контролировала верховную власть. Этнопонятие «немцы» в XVIII в. лишь отчасти охватывало жителей Германии, которые в то время не ощущали еще этнического единства в рамках одной страны. Они были подданными множества германских княжеств, разделяемых религиозными, экономическими и историческими обстоятельствами. Пестрая компания, окружившая престол Анны, состояла из лифляндцев, братьев Левенвольде, курляндского немца Бирона и его братьев, ольденбургца Миниха, вестфальца Остермана, русских Головкина, А. Ушакова, Волынского, потомка кабардинских князей Черкасского. И эта компания не составляла единства, то была типичная придворная камарилья, раздираемая никогда не стихавшей борьбой за власть, влияние, «милости». «Глотатели счастья» вне зависимости от национальности были в чем-то схожи, идет ли речь о Бироне или о боровшемся с его влиянием Волынском.

Испанский посланник де Лириа так характеризовал одного из влиятельнейших придворных Анны, графа К. Р. Левенвольде: «Он не пренебрегал никакими средствами и ни перед чем не останавливался в преследовании личных выгод, в жертву которым готов был принести лучшего друга и благодетеля. Задачей его жизни был личный интерес. Лживый и криводушный, он был чрезвычайно честолюбив и тщеславен, не имел религии и едва ли даже верил в Бога»²². То же можно сказать и о других участниках камарильи: Бироне и Волынском, Остермане и Ушакове, Минихе и Ягужинском, и многих других. И разделяла их вовсе не национальная принадлежность, что подтверждает история придворной борьбы, а точнее — настоящей грызни за власть, которая сразу же развернулась у подножья трона Анны.

Вначале Бирон, Левенвольде и Ягужинский интриговали против Остермана, который объединился с Минихом, затем на второй план оттесняют Ягужинского и Миниха, которого бросил Остерман. Бирон сближается с Остерманом, но не доверяет ему, интригует против него через Головкина, Ягужинского, а потом и Волынского, который вначале был «вернейшим вассалом» временщика. Следя за мелочными подробностями той борьбы, как-то забываешь о национальности борющихся — не она разделяла и объединяла людей двора.

Следующий историографический штамп: «торговля интересами страны» и «разграбление ее богатств» немецкими временщиками при Анне. Можно уверенно утверждать, что внешняя политика «немецких временщиков» была в то время российской имперской политикой. И упрочение русско-австрийского союза, и слаженные действия союзников в Польше в 1733—1734 гг. во время войны «за польское

наследство», и русско-турецкая война 1735—1739 гг. — все это говорит об одном: принципы и методы имперского разрешения «польского» и «черноморского» вопросов были развитием и совершенствованием петровских внешнеполитических доктрин, приложимых к новой исторической действительности и в наиболее перспективных геополитических направлениях. Этим путем пошли позднее и другие «патриотические» правительства, в особенности — правительство немки Екатерины II.

Приход к власти Анны — курляндской герцогини — усилил влияние России в этом пограничном с империей герцогстве. Став курляндским герцогом, Бирон использовал казну России для благоустройства и украшения своих дворцов, построенных архитектором Ф. Б. Растрелли. Но деньги, вложенные в Курляндию, не пропали, позже они дали буйные всходы, ибо с той поры Курляндия была признана в Европе государством, находившимся в сфере влияния России. И когда Екатерина II вернула Бирону курляндский престол, ей не приходилось более волноваться за интересы России в этом районе — Бирон, а потом его сын Петр хорошо знали, кто их подлинный сюзерен и верно служили ему до самого конца существования герцогства, слитого с Российской империей в результате третьего раздела Речи Посполитой.

Внутреннее положение страны во времена «бирановщины» в литературе тоже характеризуется как весьма драматичное: «Народное, а с ним и государственное хозяйство, — пишет Ключевский, — расстраивалось. Торговля упала». Данные историков, и в особенности новейшие исследования Н. Н. Репина, убедительно показывают, что представления об упадке торговли ни на чем не основаны. Общий объем торговли Петербурга с 1725 по 1739 г. увеличился с 3,4 млн. до 4,1 млн. руб., а размеры таможенных пошлин с 228 тыс. руб. в 1729 г. выросли до 300 тыс. руб. в 1740 году. Вывоз железа за 30-е годы XVIII в. возрос более чем в 5 раз, а хлеба (через Архангельск) — более чем в 22 раза. Вдвое вырос экспорт говяжьего сала, икры и других товаров. Увеличился и ввоз иностранных товаров через Петербург, Архангельск, Ревель, Нарву, Ригу²³.

Наиболее убедительными многие считают показатели экономического роста, и в первую очередь — данные о работе промышленности — основы могущества государства. Выплавка чугуна на казенных уральских заводах с 1729 по 1740 г. увеличилась с 252,8 тыс. до 415,7 тыс. пудов. Если при Петре I, в 1720 г., Россия выплавляла 10 тыс. т, а Англия — 17 тыс. т чугуна, то в 1740 г. Россия достигла уровня 25 тыс. т, тогда как домы Шеффилда и Лидса выдавали только 17,3 тыс. тонн²⁴.

На первых ролях в горной промышленности во второй половине 30-х годов XVIII в. действовал А. К. Шемберг — личность весьма одиозная, ставленник Бирона и его окружения. С его именем справедливо связывают многие злоупотребления, воровство в этой, весьма доходной, отрасли. Но и здесь, как часто бывает в жизни, есть две стороны, которые трудно отделить одну от другой. Ведомство Шемберга приступило к пересмотру горного законодательства в смысле смягчения условий для частного предпринимательства, что отразилось в Берг-регламенте 1739 года. Как считает крупный знаток истории русской промышленности Н. И. Павленко, «новые уступки в пользу промышленников, установленные Берг-регламентом, дают полное основание считать, что политика покровительства, которую проводило правительство Петра в отношении промышленников и металлургической промышленности, осталась в своих основах неизменной и во второй четверти XVIII века. Правительство Анны Ивановны учитывало, что от развития промышленности «многие другие государства богатятся и процветают» и поэтому считало необходимым заботиться о развитии промышленности в России»²⁵. И роль таких администраторов, каким был Шемберг, в этом деле очевидна.

Особый интерес вызывает работа специальной комиссии по приватизации казенных предприятий. Наиболее болезненным был вопрос о принципах передачи заводов в частные руки. Шемберг как глава Генерал-берг-директориума настаивал на том, чтобы передачей заводов занимался он и его ведомство. Комиссия возражала, считая, что тем самым будет открыт путь к всевозможным злоупотреблениям чиновников этого ведомства и что все желающие приобрести завод должны предстать перед авторитетной комиссией, которая вынесет решение с «общего рассуждения». Шемберг предлагал установить фиксированные цены на заводы, а Комиссия, наоборот, склонялась к тому, чтобы продавать заводы с выгодного

государству аукциона. Наконец, разгорелся спор между Шембергом и Комиссией о том, могут ли чиновники горного ведомства сами вступать в рудокопные компании и становиться владельцами заводов. Комиссия справедливо вопрошала генерал-берг-директора о таких деятелях: «Когда они будут интересанты, то уже кому надзирание над ними иметь?»²⁶.

Утвержденный Анной Берг-регламент открыл путь к приватизации казенной промышленности, и первым, кто по нему устремился, был сам Шемберг. Гарантии его платежеспособности и честности дал Бирон²⁷. Шемберг как «начинающий» предприниматель получил большие льготы и субсидии от государства, и утверждать, что дружба Бирона с Шембергом была бескорыстна — лицемерие. Махинации Шемберга продолжались недолго; Елизавета Петровна лишила его и власти и имущества. И дело состояло не в том, что он был приятель Бирона и вор, а в том, что на его заводы стали поглядывать люди из новой — уже чисто русской — камарильи, окружавшей трон дочери Петра I.

Новые заводчики — графы Шуваловы, Воронцовы, Чернышovy — пришли на смену «немецким авантюристам, разворовавшим страну». И то, что делали Шемберг с Бироном выглядело детской забавой в сравнении с махинациями, к которым прибегали русские «патриоты» на благодатной промышленной почве. Гигантские субсидии из казны, грубейшие нарушения горного законодательства, расправа с беззащитными конкурентами — купцами, всевозможные злоупотребления — вся эта бесстыдная вакханалия дала Н. И. Павленко основание сделать вывод: «Правительство А. И. Шувалова ярко иллюстрирует беззастенчивость исполнительной власти... Едва ли в правительстве Шувалова можно обнаружить хотя бы одну черту, положительно повлиявшую на развитие металлургии России»²⁸.

Читая у Ключевского о том, что во времена «бионовщины» «источники казенного дохода были крайне истощены», что «при разгульном дворе... вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа» и что, наконец, «на многочисленные недоимки (так! — Е. А.) и разбежались глаза у Бирона»²⁹, невольно задаешь себе вопрос: не слишком ли заострил национальный вопрос великий русский историк? Только ли при Бироне были так истощены источники казенного дохода, только ли ненавистные патриотам немецкие временщики руками русских солдат и офицеров нещадно выколачивали недоимки?

Проблема недоимок была острейшей весь XVIII век и не была тогда решена ни одним правительством. Крестьянское хозяйство не справлялось с прессом повинностей и налогов. Ошибочно было бы думать, что при Петре I или Екатерине II взымали недоимки иначе, чем при Анне — способ был всегда один: посыльные, военные команды, массовый правож, отписание в казну имущества недоимщика, заковывание его в «железа», заключение в тюрьму. В 1727 г. была создана специальная Доимочная канцелярия, а в 1729 г. — Канцелярия конфискации, которые рьяно взялись за то, чем потом попрекали Анну и Бирона. А между тем, в начале 30-х годов XVIII в. правительство оказалось в весьма сложном финансовом положении: к 1732 г., при доходе в 6—7 млн. руб. в год, недоимки за пять предыдущих лет составили 7 млн. рублей. И деньги эти требовались не столько на веселье или обжорство при дворе, сколько на нужды армии, почти непрерывно воевавшей с 1733 до 1740 год. В этих условиях гуманизма от сборщиков недоимок ожидать было трудно.

В упрек только режиму, существовавшему при Анне, ставятся казнокрадство и воровство. Однако этими пороками полна история России. И еще один упрек «бионовщине» встречается в литературе. Е. Белов, описывая ужасы господства немецких временщиков, заключает: «Затем последовало систематическое разорение высшего дворянства посредством неслыханной до того роскоши»³⁰. По его мнению, коварный немецкий временщик, ведя роскошную жизнь, устраивая умопомрачительные балы, втягивал в подобные траты и простодушных российских дворян, которым приходилось разоряться, расходуя деньги на угощение, выезд, костюмы, приемы. Но ведь еще больше «разоряла» русских дворян Елизавета Петровна, чьи пиры, маскарады, ежедневные переодевания по два и более раз, стали легендой. Примеры «разорения» от роскоши приводит обличитель придворного разврата князь М. М. Щербатов. В сравнении с лукулловыми пирами Елизаветы празднества Анны выглядят вечеринками постников и трезвенников.

Нет оснований считать, что в годы «бионовщины» проводились гонения на

православную церковь. Это тоже один из историографических мифов. В Синоде и в церковных верхах царили интриги и подсиживания. Многие церковники, недовольные реформами Петра I, стремились любыми путями, в том числе и бесчестными, устранить от власти теоретика петровских церковных преобразований архиепископа Феофана Прокоповича, но он, человек беспринципный и опытный в интригах, умело оборонялся, засаживая своих противников в дальние монастыри и в Тайную канцелярию. Можно без преувеличения утверждать, что превращение Петром I церкви в контору по делам веры, полностью подконтрольную государству, привнесло в ее среду обычаи двора, ожесточение, безнравственность и грязь, характерные для придворной камарильи. В остальном же церковная политика при Анне мало в чем изменилась по сравнению с предшествующими царствованиями.

Защита православия выражалась, как и прежде, в расправах с еретиками, которых сжигали на кострах и гноили в монастырских тюрьмах. Более того, время «биرونщины» стало трагическим периодом в истории старообрядчества. С 1735 г. на Урале и в Сибири начались беспрецедентные по масштабам и жестокости облавы по лесным скитам. Аресты, пытки, преследования тысяч людей приводили к «гарям» — самосожжениям раскольников. «Своеобразная ироническая логика истории,— писал Н. Н. Покровский,— видится в том, что активным проводником консервативнейшей линии правительства Анны Иоанновны в этом вопросе, в некоторой степени даже инициатором невиданной ранее по масштабам полицейской акции явился просвещеннейший поборник государственного подхода и казенного интереса Василий Никитич Татищев»³¹. Патриот Татищев был беспощаден к беззащитным раскольникам, как и к башкирам, волнения которых он не только подавлял, но и предлагал план уничтожения их вообще.

Не могли быть недовольны «биронщиной» и русские дворяне. Драматические события 1730 г. выдвинули на передний план проблему дворянства, которое требовало новых сословных привилегий. Затянутые в мундиры вчерашние столтники и дети боярские требовали уменьшения срока службы в армии до 20 лет, замены обучением в специальных учреждениях тягостной службы рядовыми в гвардии. Но самое существенное состояло в том, что дворяне, как один, требовали отмены петровского закона о единонаследии 1714 г., согласно которому помещик мог передать свое имение только одному из сыновей, обрекая остальных на существование за счет службы в канцеляриях и полках. Правительство Анны пошло на удовлетворение запросов дворянства, тем самым существенно расширив социальную основу своей власти.

В 1730 и 1731 гг. указ о единонаследии, к всеобщему ликованию землевладельцев, был отменен как «не к пользе происходящий». В декабре 1736 г. был издан указ, который, по словам С. М. Соловьева, «составил эпоху в истории русского дворянства в первой половине XVIII века»³². Указом разрешалось оставлять одного из сыновей в имении «для содержания экономии», молодым шляхтичам разрешалось сидеть дома до 20 лет, срок их службы устанавливался в 25 лет, после чего они могли вернуться в имения или заняться другой деятельностью. В итоге российское дворянство, добившись значительного облегчения в службе, получив полные права в распоряжении своим имением, еще на один шаг продвинулось к своей эмансипации, к знаменитой грамоте времен Петра III о вольности дворянства. «Биронщина» этому шагу не воспрепятствовала.

Внешняя политика России в царствование Анны не претерпела существенных перемен по сравнению с петровским периодом и не была отступлением от принципов царя-преобразователя. В 1726 г. благодаря усилиям Остермана Россия заключила союзный договор с Австрией. Ось Петербург — Вена придала особую устойчивость политике России. В основе союза лежала общность имперских интересов на юге — в борьбе со слабеющей Османской империей за Причерноморье и Балканы, а также в борьбе за сферы влияния в Польше и в Германии. Так было нацупано главное направление внешней политики России, которое ее правительства — будь то русской Анны Ивановны или немки Екатерины II — успешно разрабатывали весь XVIII век.

Но именно в 30-е его годы Россия, начав интервенцию в Польшу (после смерти Августа II в 1733 г.), как никогда близко подошла к вопросу о разделах Речи Посполитой. Австрия в этой войне, названной «войной за польское наследство» (1733—1735 гг.) действовала синхронно с Россией и тоже направила свои войска

в Польшу. Изгнание неугодного союзникам кандидата на польский трон Станислава Лещинского и воцарение короля Августа III было достигнуто совместными усилиями, а активные карательные действия против всех противников России показали, что ждет Речь Посполитую в недалеком будущем. В 1737 г. был собран первый урожай с ее боевых полей: Курляндия приобрела нового герцога. Им стал Бирон. И это был не только триумф фаворита Анны, но и серьезный успех России — с тех пор Курляндия стала сателлитом России и включить ее в состав империи для преемников Анны было делом нетрудным.

Почти сразу же после «войны за польское наследство» началась война с Турцией (1735—1739 гг.). Войну начала Россия при поддержке Австрии. Правительство Анны не скрывало, что это война мести за поражение Петра I на Пруте в 1711 году. Накануне похода фельдмаршал Миних составил план войны, которая должна была закончиться взятием Стамбула и изгнанием турок из Европы. В этом стремлении водрузить «крест на Святую Софию» прослеживалось совсем не влияние «бирановщины», а более глубокие цели российской имперской политики. Разорением Крымского ханства в 1736—1738 гг. Россия ясно показала, что не потерпит на северном побережье Черного моря соперников и что участь Крыма будет решена в ее пользу. И хотя победы под Очаковым и Хотинском не принесли реальных результатов при заключении мира с Турцией в Белграде в 1739 г., общая стратегия войн с османами в союзе с Австрией определилась окончательно, и Екатерина II последовательно осуществила то, что было заложено политикой правительства Анны и ее фаворита. Все это лишний раз показывает, что для всех, кто оказывался у власти в Петербурге — какой бы национальности они ни были, — превыше всего были интересы империи.

Есть и еще один аспект «бирановщины», которая часто изображается как репрессивный режим, чем-то схожий по жестокости с режимом Ивана Грозного. Действительно, во времена господства Бирона были и шпионаж, и доносы, и «жестокое преследование недовольных». А когда этого не было в России? История Тайной канцелярии — главного репрессивного органа XVIII в. — показывает, что вся система политического сыска, начиная с законодательства и кончая методами ведения допросов, была придумана не Бироном, а его предшественниками у власти.

История политического сыска XVIII в. говорит о том, что с приходом Анны к власти масштабы репрессивной работы сыскаемого ведомства не возросли, личный состав Тайной канцелярии не увеличился (15—20 человек и около 150 солдат, охранявших примерно 250—300 колодников). Число арестованных по политическим мотивам за десять лет царствования Анны не превышало 10 тыс. человек, из них в Сибирь отправлено не более тысячи. Данные описи дел Тайной канцелярии позволили Т. В. Черниковой сделать вывод, что количество политических дел не превышало во времена Анны более 2 тыс., тогда как в первое десятилетие царствования Елизаветы был заведено 2478, а во второе — 2413 таких дел³³. Так что не может идти и речи о массовых репрессиях недовольных во времена «бирановщины».

Основной криминал, приводивший людей в застенки генерала Ушакова, составляли слухи и сплетни о жизни Анны и ее окружения. Внимание сплетников очень редко фокусировалось на немецком происхождении фаворита императрицы. Много подобных дел было и позже — не менее остро народ говорил и о «ночных императорах» при Елизавете или Екатерине II. Конечно, звучало и осуждение преимуществ, которые получали при дворе «немцы», но это никогда не становилось главной причиной репрессий в 30-е годы XVIII века.

Царствование Анны было омрачено розысками и расправами над князьями Голицыными, Долгорукими и Волынским, что тоже обычно относили на счет «бирановщины». Но и в этом смысле ее правление не было более «террористично», чем царствования ее предшественников и преемников. Склонность к политическому розыску как средству устрашения и подавления политической оппозиции, пресечения нежелательных слухов в той или иной степени проявляли все цари. Кровавые казни стрельцов, дело царевича Алексея при Петре I, расправа Меншикова со своими сподвижниками — П. Толстым, А. Девьером и другими при Екатерине I; наконец, дело Лопухиных, печальная судьба семьи Ивана Антоновича при Елизавете — все это вытягивается в единую цепь, звеньями которой стали и дела Долгоруких, Голицыных и Волынского при Анне.

Придя к власти, Анна действовала так, как поступали все ее предшественники,

приближая угодных и отдаляя неугодных. Общая политическая ситуация начала ее царствования, когда новая императрица как бы олицетворяла возвращенное единство общества и самодержца, не позволила ей сразу рассчитаться со своими утеснителями — Долгорукими и Голицыными. Подозрительная и злопамятная Анна выжидала удобный момент, ограничившись лишь высылкой в Сибирь наиболее скомпрометировавших себя при Петре II членов семьи А. Долгорукого — отца фаворита Петра II, князя Ивана. Ссылка целой семьи, включая женщин и детей, не была следствием какого-то злодеяния Бирона — в этом проявилась традиция политических репрессий: ссылали или казнили не только опального вельможу, но и всех его братьев, семью, род, на который обрушивался царский гнев.

Неосторожное поведение Долгоруких в Березове, ссоры и пьянки привели к доносам на них, и в 1738 г. они были арестованы и свезены в Шлиссельбург. Первым допросов не выдержал князь Иван, раскрыв на следствии обстоятельства попытки возведения на престол невесты Петра II Екатерины Долгорукой. «Генеральное собрание» — высший суд, состоящий из русских вельмож, — приговорило Долгоруких к смертной казни, и 8 ноября 1739 г. в Новгороде состоялась их казнь. Расправа Анны с Долгорукими как и ранее с Д. М. Голицыным, сосланным в Соловецкий монастырь, произвела довольно тягостное впечатление на общество, хотя всем было ясно, что в этих делах проявилась не национальная, а политическая подоплека, месть униженной верховниками императрицы.

В значительной степени политическим, точнее, придворным делом стало и начатое весной 1740 г. дело кабинет-министра А. П. Волынского. Он был человек противоречивый. Прекрасный администратор, «птенец гнезда Петрова», он был в то же время самодур, казнокрад, умел держать нос по ветру, ловко пристраиваясь к тем, кто был сильнее. Все это сочеталось с безмерным честолюбием, амбициозностью и властностью. Родственник его жены С. А. Салтыков в одном из своих писем 1733 г. подобострастно просил Бирона обратить внимание на Волынского, сидевшего под следствием в связи со злоупотреблением властью в Казани, где он был губернатором. Бирону Волынский понравился — толковый, активный и исполнительный, он был готов угодить новому хозяину.

Началась блестящая карьера, вершиной которой стал пост кабинет-министра и благорасположение Анны и ее фаворита, которым Волынский регулярно докладывал о делах. Эта карьера в эпоху «засилья немецких временщиков» смущала патриотических историков, воспитанных на «Думах» Рылеева и романе Лажечникова, где Волынский изображен как нестигаемый борец за правду и отечество. Поэтому они пустили в ход версию, согласно которой Волынский решил вначале достичь высших постов в государстве, а потом «попытаться изменить положение в стране»³⁴, начать бороться с немецкими временщиками.

Но к концу 1739 г. ситуация стала меняться: Волынский все больше стал не устраивать Бирона. Да и сам Волынский проявлял недовольство своим патроном. У таких людей, как высокомерный и гордый Артемий Петрович, довольно быстро под влиянием успехов на служебном поприще возникает иллюзия того, что своим возвышением они обязаны не чьей-то воле, а исключительно своим способностям, что они незаменимы. Волынский вступил в острый конфликт с коллегой по Кабинету Остерманом, рассорился с Бироном. Последнего раздражали многие действия ранее послушного Волынского, в особенности его попытки сблизиться с потенциальной наследницей престола Анной Леопольдовной и ее мужем Антоном-Ульрихом.

Поводом для опалы Волынского послужило его вызывающее письмо Анне Ивановне, в котором он жаловался на неких врагов, которые ему вредят при дворе. Анна, ценившая деловые качества Волынского, не без колебаний согласилась с доводами Бирона о необходимости устранить Волынского. Когда началось следствие, то выплыла неизвестная двору история с полуночными сидениями в доме Волынского, где он, окруженный своими «конфидентами» — П. Еропкиным, П. Мусиным-Пушкиным, А. Хрущовым и другими, сочинял «Генеральный проект» поправления государственных дел. Сочинение этого проекта было расценено как преступное деяние, как попытка заговора с целью свержения Анны, и пытками у Волынского добились признания, что он хотел сам занять престол.

Доносы его дворецкого В. Кубанца существенно пополнили досье на Волынского, и все его откровенные разговоры о глупой бабе на троне, ее грубом и нахальном временщике-немце и других «опасных материях» предопределили

приговор Волынскому и его друзьям. «Генеральное собрание» (уже без его члена Волынского) в полном составе вместе с Сенатом — и что примечательно — все только русские вельможи, приятели-друзья Артемия Петровича, приговорили его к посажению на кол.

27 июня 1740 г. Волынский, Хрущов и Еропкин были казнены: Анна облегчила их участь — велела отрубить им головы. Эта казнь сделала обстановку в Петербурге гнетущей. И когда, проболев немного, умерла 17 октября 1740 г. Анна Ивановна, завещав престол только что родившемуся сыну Анны Леопольдовны Ивану VI Антоновичу, а регентские полномочия вручив Бирону, все понимали, что рано или поздно власть временщика рухнет. И спустя три недели Миних совершил государственный переворот — ночью арестовал регента и посадил его в Петропавловскую крепость. «Бироновщина» кончилась. Начался новый виток придворной борьбы.

Примечания

1. КОРСАКОВ Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880.
2. РГАДА, ф. 7, д. 670, лл. 5—6 об.
3. Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН, ф. 270, д. 107, л. 268.
4. СЕМЕВСКИЙ М. И. Царица Прасковья (1664—1723). Изд. 2-е СПб. 1883, с. 68—69.
5. Безвременье и временщики. Л. 1991, с. 262.
6. Там же, с. 165.
7. ШЕСТАКОВА А. Ф. Черты домашней жизни имп. Анны Иоанновны.— Русский архив, 1904, кн. 1, вып. 3, с. 523—526.
8. РГАДА, ф. 7, д. 281, л. 7.
9. Переписка императрицы Анны Иоанновны с Московским губернатором графом С. А. Салтыковым.— Русский архив, 1863, № 2, с. 1648 и др.
10. Там же.
11. ЩЕРБАТОВ М. М. О повреждении нравов в России. Факсим. изд. М. 1984, с. 47.
12. Письма русских государей и других особ царского семейства. Ч. IV. М. 1862, с. 176—203 и др.
13. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. X, т. 19. М. 1963, с. 133—134.
14. АРСЕНЬЕВ К. Царствование Екатерины I. СПб. 1856, с. 82.
15. Письма русских государей, с. 252—253.
16. Безвременье и временщики, с. 163.
17. Там же, с. 62.
18. Сб. Русского исторического общества (Сб. РИО), т. 33, СПб. 1888, с. 475.
19. Советский энциклопедический словарь. Т. 1. М. 1991, с. 140—141.
20. Ключевский В. О. Соч. Т. 4. М. 1989, с. 272.
21. Российский государственный военно-исторический архив, ф. 489, оп. 1, дд. 7387, 7395.
22. Цит. по: КОРСАКОВ Д. А. Ук. соч., с. 83.
23. РЕПИН Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII века. Докт. дисс. Т. 1. Л. 1985, с. 523 и таблицы.
24. СТРУМИЛИН С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М. 1954, с. 185—204; ПАВЛЕНКО Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. М. 1953, с. 82.
25. ПАВЛЕНКО Н. И. Ук. соч., с. 124—126.
26. Там же.
27. Сб. РИО, т. 126, Юрьев, 1907, с. 569.
28. ПАВЛЕНКО Н. И. История металлургии в России XVIII века. М. 1962, с. 329.
29. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 4, с. 295—296.
30. БЕЛОВ Е. Отношение Фридриха II до вступления его на престол к русскому двору.— Древняя и новая Россия, 1875, т. 2, с. 373.
31. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке. Новосибирск. 1974, с. 68—69.
32. СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10, т. 20. М. 1963, с. 467—468.
33. ЧЕРНИКОВА Т. В. Государево слово и дело во времена Анны Иоанновны.— История СССР, 1989, № 5, с. 155—163.
34. ЭПШТЕЙН Е. М. Артемий Петрович Волынский — государственный деятель и дипломат. Канд. дисс. Л. 1949, с. 235.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Начало визита в США

В начале 1959 г. Советское правительство получило приглашение от правительств скандинавских стран посетить их на уровне Председателя Совета Министров СССР с дружеским визитом. Это приглашение, конечно, было не коллективным от всех скандинавских стран. Не помню, кто лично первым проявил политическую инициативу. Кажется, шведы. Боюсь сейчас сказать также, было ли это приглашение получено нами сначала от шведов или от норвежцев. Но пригласили нас и шведы, и норвежцы, и датчане. Затем по закрытым доверительным каналам мы получили информацию о том, что если мы окажемся с официальным визитом в скандинавских странах, то финны тоже хотели бы договориться с Москвой и прислать свое приглашение. В Финляндии мы уже ранее бывали, и финляндские делегации тоже нас посещали. С финнами к тому времени у СССР установились, я бы сказал, хорошие, даже дружественные отношения.

А со скандинавскими странами у нас, как говорится, не было ни мира, ни войны. Во вторую мировую войну мы с ними не воевали, отношения же складывались не холодные и не горячие. Так что мы с удовольствием приняли теперь их приглашения. О времени визита хотели потом сообщить дополнительно. Реакционные круги этих стран подняли большую кампанию в печати: критиковали свои правительства за то, что они пригласили советскую делегацию во главе с Председателем Совета Министров, поносили нашу страну, угрожали, что организуют демонстрации протеста и прочее.

Мы молчали. Но это, естественно, нас раздражало. Раздражение вызывалось с нашей стороны еще и непониманием реальной обстановки в буржуазно-демократических странах. Мы привыкли в СССР к тому, что наша печать печатает то, что ей позволено печатать, а иначе она просто не может действовать, потому что все у нас централизовано и контролируется. В капиталистических странах существуют другие условия. Там много партий, и каждая занимает определенные позиции по любому вопросу, в какой-то степени независимо высказывает свое отношение к тому или другому решению правительства, к каждой его акции. Но нас это тогда оскорбляло, и мы «надули губы». Однако молчали. И вдруг мы получаем от президента Соединенных Штатов Америки приглашение прибыть с визитом в их страну. Эйзенхауэр персонально адресовался ко мне, я должен был возглавлять эту делегацию как Председатель Совета Министров СССР. Приглашение из Вашингтона мы получили абсолютно неожиданно, никак на него не рассчитывали. Следовательно, мы не планировали поездку в США не только на ближайшее время, но и на будущее, потому что отношения наши были довольно холодными. Как же это произошло?

Приезжала к нам какая-то делегация от американских промышленников, влиятельных людей. Они пользовались доверием у правительства Эйзенхауэра, а может быть получили какое-то задание. Знакомились в СССР с работой каких-то отраслей промышленности. По-моему, особенно интересовались строительством кораблей. Мы показали им, как строится атомный ледокол, и они его осмотрели. То был «Ленин», единственный в ту пору у нас ледокол с атомным двигателем. Сейчас он уже много лет успешно плавает в Северном Ледовитом океане. Члены этой делегации пригласили советских специалистов приехать и взглянуть на кораблестроение в США. Такое предложение мы приняли с удовольствием, потому что устанавливались новые контакты. Мы считали, что любые контакты, которые смягчили бы напряженные отношения между США и СССР, выгодны обеим сторонам. В состав делегации был включен Козлов, секретарь ЦК партии, ранее секретарь Ленинградского обкома КПСС. Он был знаком потому с судостроением (хотя по образованию он инженер-металлург), что Ленинград славится этим. У меня сейчас совершенно не сохранилось в памяти, какая фирма послала приглашение. Видимо, оно было не правительственным, а преследовало цель обмена опытом и взаимного ознакомления с производством.

Козлов потом рассказывал мне, как они осматривали в США грузовой корабль с атомным двигателем. Он был построен лишь наполовину. Козлов по лазил там по лестницам, да и инженеры, которые с ним ездили, тоже осмотрели все, что было позволено. Фирмачи показали, конечно, именно то, что хотели показать. Но думаю, что в любом случае наши инженеры увидели много интересного. Когда программа пребывания нашей делегации завершилась и она готовилась к отлету, неожиданно от Эйзенхауэра прибыл курьер и вручил Козлову пакет с просьбой передать его лично Хрущеву. Вернувшись, Козлов в выходной день позвонил мне на дачу, а затем приехал и сказал: «У меня есть специально для Вас пакет от президента Соединенных Штатов господина Эйзенхауэра». И вручил пакет. Документ, находившийся в нем, был сформулирован кратко: делалось приглашение Председателю Совета Министров СССР от имени президента США посетить его страну с дружеским визитом. Адресовался документ персонально мне.

Признаюсь, я сначала даже не поверил. Это произошло так неожиданно, мы вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского правительства и Первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я ее возглавлял. Неожиданно, но приятно. А также интересно. Хотелось взглянуть на Америку. За границей я к тому времени уже бывал. Однако США занимали особое положение в нашем представлении о загранице и нашем воображении. Да иначе и быть не могло. Это ведь самый сильный оппонент СССР, лидер капиталистических стран, который задает тон всей антисоветчине в зарубежном мире.

В экономической блокаде Советского Союза кто задает тон? Тоже Соединенные Штаты. Если их партнеры к тому времени все-таки шли на какие-то экономические контакты, то США нас бойкотировали. Мы покупали кое-какое оборудование за рубежом и что-то продавали туда, главным образом сырье, а порою некоторые промышленные изделия, станочное оборудование. Но США бойкотировали нас абсолютно. Даже на закупку русских крабов объявили специальный запрет, мотивируя его тем, что сей продукт добывается в море русскими людьми, дескать, рабским трудом. Дикость, но именно так они аргументировали свое решение. Отказались покупать у нас даже столь традиционные товары, как черную икру и водку, хотя русская водка имела постоянных потребителей в Соединенных Штатах, высоко ценилась знатоками и, по-моему, сейчас тоже ценится.

И вдруг — приглашение! Как это понимать? Что это, поворот в политике? Нет, трудно представить. Тем не менее, без всякой подготовки письмо от президента. Президиум ЦК партии собрался, ознакомился с документом. Было решено принять приглашение и поблагодарить за него. Тут перед нами встал новый вопрос. Сначала мы получили приглашения от лидеров скандинавских стран, потом от Эйзенхауэра. Соблюдая этикет, мы должны были бы посетить те страны, которые пригласили нас первыми. Но нас тянуло больше в Америку. США — ключевая капиталистическая держава, создававшая климат отношения зарубежных стран к Советскому Союзу и ко всем социалистическим странам. Так что визит в США потом многое предопределил.

Буржуазные газеты (нужно отдать им должное) не щадят никаких персон независимо от того, какое положение те занимают. Так как в скандинавской печати нарастала критика своих правительств за сделанные приглашения, мы решили ответить, каждой столице — персонально, что пока откладываем свою поездку в связи с создавшейся там атмосферой, которая не располагает к нормальному пребыванию в их странах нашей правительственной делегации. А с Вашингтоном стали конкретно договариваться через наше посольство. Советским послом долгое время был там Меньшиков. Он хорошо знал порядки в США, и через него мы стали выяснять соответствующие вопросы. Договорились о сроках пребывания и о процедуре.

Несколько беспокоились, какой окажется церемония встречи, не возникнет ли какой-либо дискриминации. Того, что положено для главы правительства, они могли подчеркнуто не сделать, и это нанесет нам моральный урон. В некоторой степени они там потом и поступили. Другой вопрос: на каком уровне нас все же приглашают: на уровне главы правительства (Хрущев) или главы государства (председатель Президиума Верховного Совета СССР Ворошилов)? Ведь президент США является и тем, и другим. Но они подчеркнули нашему послу, что приглашают на уровне главы правительства. Это соответствовало моему рангу! Разговор зашел и о том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон Эйзенхауэр потом примет наше приглашение и приедет в Москву. Мы предупредили Меньшикова, чтобы он, разрабатывая процедуру и церемонию приема делегации СССР, все предусмотрел бы при встрече и предупредил, что такая же церемония будет устроена потом для Эйзенхауэра.

Правда, если разбираться несколько скрупулезнее, наши претензии были тогда преувеличены. Мы хотели подчеркнуть их для того, чтобы исключить всякую дискриминацию, ибо знали, что желание такое у них было, а искушений — еще больше, чем желания. В Вашингтоне согласились с нами. Было обусловлено время пребывания, разработана программа, и мы стали готовиться к поездке. До того я выезжал в Индию, был в Англии, Финляндии, на переговорах четырех лидеров в Женеве. Последняя — вообще служебная, а не гостевая поездка. С собой мы тогда жен не брали. Во-первых, таково наследие сталинских времен: Сталин никуда не ездил и очень ревниво относился к тому, если кто-нибудь брал с собой жену. По-моему, только один раз Сталин приказал Микояну взять с собой жену при поездке в США. Во-вторых, такое считалось у нас не то роскошью, не то чем-то обывательским, но не деловым актом.

Теперь тот же вопрос встал при моей поездке. Я тоже думал поехать один, без супружеского сопровождения. Но Микоян сказал: «За границей обыватели лучше относятся к людям, если гости приезжают с женами. А если его сопровождают другие члены семьи, то это еще больше располагает их. Поэтому я предложил бы, чтобы Хрущев взял с собой Нину Петровну и включил в делегацию также других членов семейства. Это будет хорошо расценено американскими обывателями, и это лучше для нас». Я сомневался, нужно ли так поступать. Но члены Президиума ЦК поддержали Анастаса Ивановича и стали меня убеждать, что это действительно будет хорошо. Я согласился.

В делегацию входил официально министр иностранных дел СССР Громыко, и мы предложили Андрею Андреевичу взять с собой супругу. Ранее, при нашей поездке с Булганиным в Англию, мы включили в состав сопровождающих лиц академика Игоря Васильевича Курчатова. Он произвел большое впечатление на англичан не только своей эффектной бородой, но главное — своим умом. Среди ученых Великобритании он был человеком известным, а новые личные контакты создавали лучшие условия для их закрепления. К сожалению, на этот раз он поехать с нами не смог. И я предложил включить в состав делегации какого-либо писателя, с тем чтобы можно было установить с писательскими кругами США тоже какие-то контакты. Назвал имя Михаила Александровича Шолохова.

Мы знали за ним «грех»: он иной раз при выпивке может вести себя несдержанно. Я с ним по этому вопросу уже объяснялся раньше. Он как-то пришел ко мне и пожаловался: «Не пускают меня за границу. А мне нужно съездить в Норвегию (кажется, получил туда приглашение). Нет, не пускают никуда!» Я сказал ему: «Не пускают не потому, что не доверяют политически, а потому, что не уверены, что не споткнешься и тем самым нанесешь урон не только себе, но всей нашей стране».

Тогда он мне дал честное слово держаться, и мы его выпустили. Он побывал в Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии. Никаких замечаний от посла (а в таких случаях всегда доносят) о его промашках не было. Авторитет Шолохова стоял высоко как внутри страны, так и за границей, его произведения звучали по всему миру уже много лет, и мы были довольны происшедшим.

Приближался момент отъезда. Встал вопрос, как добираться? Кораблем? Слишком долго. Подумали о самолете. Единственный самолет, которым можно без посадки преодолеть расстояние Москва — Вашингтон, это Ту-114. Он был сконструирован Андреем Николаевичем Туполевым, академиком, великим гражданином и замечательным конструктором, но еще не вполне облетан. На нем пока мало летали. Возникали иногда какие-то неполадки, вызывавшие беспокойство: можно ли на нем надежно лететь? Однако других подходящих средств мы не имели. Если полететь на Ил-18, то придется с посадками. Можно было воспользоваться также иностранным самолетом. Или же кораблем с пересадкой: на Ил-18 прилететь в Лондон либо в Париж, а там пересесть на корабль, который ходит между Европой и Америкой. Но нам хотелось, чтобы правительственная делегация СССР прибыла в США на своем самолете и чтобы он произвел впечатление. Ту-114 именно и был по тому времени таким самолетом, лучшим по вместительности, дальности и скорости. Он производил сильное впечатление в техническом, инженерном мире, не говоря уже об обывателях.

В ходе беседы с Туполевым он сказал мне: «Я абсолютно уверен, что никаких происшествий не будет. Самолет вполне надежен и выдержит нагрузку. Разрешите мне послать людей, которые при необходимости смогут что-то предпринять на месте. Я настолько уверен в самолете, что просил бы Вас разрешить полететь с командой летчиков моему сыну Алексею Андреевичу». Я ответил: «Ну, что же, лучшего мне и желать нечего. Считаю, что Алеша (так я его называл) будет не только гарантией (хотя мне не понадобится заложник: если случится катастрофа, то какая разница?), но, если возникнут неожиданности, может оказаться полезным». Он работал рядом с отцом и отлично знал систему этого самолета. Ему тоже хотелось полететь. Да и Андрею Николаевичу было желательно, чтобы сын повидал США, хоть одним глазом. (Диктуя это, я остановился на минуту, усомнившись, а не полетел ли сам Андрей Николаевич? Нет, не летел. Прошу все же своего сына Сергея, ведущего запись, проверить.)

Мы тогда чрезвычайно плохо знали Соединенные Штаты Америки. И не только руководители, которые были по горло заняты внутренними вопросами. Что касается внешних проблем, то мы занимались главным образом вопросами войны и мира и еще в какой-то степени теми странами, с которыми торговали. Нас интересовало, что мы могли купить. Другие же вопросы мы знали плохо. Например, при рассмотрении протокола нашего приема мы прочли, что такие-то дни и столько-то времени отводится для встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Я не смог получить у нас разъяснения, что такое Кэмп-Дэвид? Сейчас это покажется смешным, а тогда это был для нас вопрос. Что же такое Кэмп-Дэвид? Я начал спрашивать в Министерстве иностранных дел СССР. Уж кому-кому, а им надо такие вещи знать. «Не знаем», — отвечают. Тогда я приказал запросить наше посольство, что такое Кэмп-Дэвид. Может быть, место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то карантинного учреждения. Так что там только президент и будет со мной встречаться. Получается дискриминация: почему не в Вашингтоне, а в Кэмп-Дэвиде? Сейчас мне не только смешно, но и немножко стыдно.

В конце концов мы разобрались, что это загородная резиденция президента. Построил ее Франклин Рузвельт во время второй мировой войны и выезжал туда, когда не мог далеко отлучиться от Вашингтона. Эйзенхауэр, когда он пришел в Белый дом, назвал эту загородную резиденцию именем своего внука Дэвида. Оказывается, то была особая честь гостю, когда президент приглашал его побыть за городом в личной резиденции, чтобы никакие другие люди и дела не отвлекали. Там можно свободно вести беседы, интересующие обе стороны.

Вот видите, как мы тогда боялись, что нас могут унижить. Помню, когда устанавливались первые контакты с буржуазным миром, советскую делегацию пригласили провести переговоры на Принцевых островах. В те времена в газетах так писали о Принцевых островах: это место, где собирают бездомных собак. Их туда,

якобы, свозят, и там они доживают свой век. Одним словом, выбирается место, которым подчеркивается дискриминация приглашенного государства. Так было в первые годы после революции, когда у нас шла гражданская война, Советская власть твердо установилась, и буржуазный мир вынужден был считаться с существованием нового государства. Надо было идти на какие-то контакты, но они оставались довольно непрочными, и на них шли с оглядкой.

Буржуазия старалась уколоть нас и унижить. Вот я и насторожился, не является ли Кэмп-Дэвид именно таким местом, куда меня приглашают на несколько дней? Поэтому реагировал весьма ревностно и просил хорошенько изучить дело. Доложили мне. Оказывается, все наоборот, мы удостоивались особой чести. Тогда мы с удовольствием приняли приглашение, но никому, конечно, не говорили о своих сомнениях. Такой была наша неосведомленность. Мы не знали вещей, которые, наверное, были известны во всем мире. Наше посольство в Вашингтоне тоже толком сначала не разъяснило, приходилось запрашивать дополнительно.

Итак, мы приготовились лететь на Ту-114 без посадки. Повторяю, мы гордились, что летим на таком самолете, который может без посадки прилететь из Москвы в Вашингтон. Такого самолета в мире еще не было. США не имели такого пассажирского самолета долгое время. Потом, когда мы вели переговоры о воздушном сообщении между СССР и США и когда соглашение было достигнуто, оно было несколько отложено при реализации согласно просьбе американской стороны из-за отсутствия у нее соответствующего самолета. Как только США создали свой самолет такой дальности, сразу стало осуществляться регулярное воздушное сообщение между США и СССР. Да, Ту-114 — гордость нашего технического прогресса! Мы радовались тому, что этот самолет создан товарищем Туполевым в Советском Союзе.

Было рассчитано и время пребывания в воздухе. Определили час вылета из Москвы, чтобы прибыть в США тоже к определенному часу. Это важно в силу различия между часовыми поясами Земли. В Вашингтоне будет подготовлена определенная церемония встречи, поэтому надо не опаздывать, но и не спешить. Если подлетим раньше, то можно будет в воздухе сделать несколько лишних кругов, чтобы дотянуть до обусловленной минуты. Но если запоздаем, то нанесем ущерб нашему престижу: не смогли вовремя прибыть и заставили ожидать президента и всех собравшихся лиц! Прилететь мы должны были днем, кажется, в первой половине. Итак, поднялись в воздух. Самолет шел хорошо. Мы спокойно летели через Скандинавию, потом над океаном. Ночью спали. Я тоже спал, но без привычки мне было не совсем удобно, да и гул в самолете оказался довольно ощутимым. От утомления и от того, что я сам себя уговаривал: «Надо уснуть!» — уснул. Знал, что следующий день, когда прибудем в Америку, будет очень напряженным, голове следовало отдохнуть.

Настало утро. Мы летим над океаном. Это было интересно. Все время я ощущал также чувство гордости. Не потому, что мы Америку боготворили или что нас ожидало какое-то таинство. Мы капиталистическую Америку понимали правильно. Помнили ее описание, сделанное А. М. Горьким в книге о городе «желтого дьявола». С американцами я встречался еще вскоре после гражданской войны у нас, когда возвратился из Красной Армии и работал на Рутченковском руднике заместителем управляющего. Для оказания помощи в восстановлении шахт к нам прибыли американские шахтеры. Так я впервые столкнулся с рабочей Америкой. Наши люди тоже ездили туда, в их рассказах было много интересного. Однако сейчас не сама по себе Америка как-то поражала наше воображение, нет, мы были горды тем, что, наконец, заставили ее осознать необходимость установления с нами более тесных контактов.

Если президент США приглашает к себе Председателя Совета Министров СССР, это совсем иная ситуация, чем та, которую мы имели в отношениях с США первые 15 лет после Октябрьской революции. Нас не только не признавали дипломатически. А сейчас признают уже не только дипломатически, это давно пройденный этап, и не только при необходимости воюют вместе с нами против общего врага: нет, президент США приглашает теперь с дружеским визитом главу правительства СССР. И мы были горды за свою страну, за свою партию, за свой народ, за те успехи, которых он добился. Из разоренной, отсталой и неграмотной России мы превратились в Россию, поразившую мир своими успехами. Именно это обстоятель-

ство вынудило президента США искать тесных контактов с Советским Союзом. Вот с таким чувством мы летели в США.

Не скрою, что меня беспокоила новая встреча с президентом. Я с ним был немного знаком, ибо мы встречались еще в Женеве, да и раньше, когда после разгрома гитлеровской Германии Эйзенхауэр прибыл в Москву. Сталин тогда познакомил меня с ним. Но это было знакомство другого характера. А сейчас, когда я должен был один на один, с глазу на глаз, хотя и в присутствии Громыко, вести с ним беседы и переговоры, налицо были некоторая неопределенность и сложность. Здесь, знаете, на ходу в справочник не залезешь и на ухо опять же с Андреем Андреевичем не посоветуешься по вопросам, вызвавшим вдруг затруднения. Я сам прежде с недоумением относился к такому методу поведения Эйзенхауэра, когда он проделывал это в Женеве, читая вслух записки, которые ему составлял и подкладывал под руку государственный секретарь Даллес. В такое положение я теперь никак не хотел попасть, и это меня в какой-то степени тревожило.

Экзамен общения с капиталистами я уже выдержал и в Индии, и в Бирме, и в Англии. Но это все же Америка! Американскую культуру мы не ставим выше английской, однако мощь страны в те времена имела решающее значение. Поэтому надо было достойно представлять СССР и с пониманием отнестись к партнеру. А спор-то возникнет у нас, бесспорно возникнет, но надо, чтобы без повышения голоса. В этом-то и будет сложность. Необходимо аргументировать свою позицию и достойно защищать ее так, чтобы не унизиться и не позволить себе сказать лишнее, недопустимое при дипломатических переговорах.

Нам все это казалось очень сложным, тем более что Сталин вплоть до самой своей смерти убеждал нас, что мы, его сподвижники по Политбюро, негодные люди, что не сможем устоять против сил империализма, что при первом же личном контакте не сумеем достойно представлять свою Родину и защищать ее интересы, что империалисты нас просто сомнут. Это означало, что мы неспособны защищать и достоинство своей страны. Теперь его слова проносились в моем сознании, но не угнетали, а наоборот, мобилизовали силы. Я морально и психологически готовился к встрече, имея в виду тот ряд вопросов, по которым мы должны были обменяться мнениями, чтобы найти возможность их решения. Главное — обеспечить мир, мирное сосуществование. Постараться достичь соглашения о запрещении атомного оружия, решить вопросы о сокращении вооруженных сил, ликвидации военных баз на чужих территориях и выводе войск с этих баз в собственную страну. Вот главное, что вставало тогда. Те же вопросы не решены, по существу, и сейчас. Они по-прежнему стоят перед каждой страной, и столь же грозно. Может быть, даже еще более грозно, чем стояли в то время, когда я отправился на встречу с президентом страны, представлявшей в ту пору самую грозную военную мощь и обладавшей таковою. Имею в виду термоядерное оружие.

Нас интересовал и народ. Я встречался с американскими шахтерами и в 1922 г., и позже. Было бы вернее называть их рабочими, приехавшими из Америки, так как в большинстве своем то были европейцы по происхождению — югославы или люди других европейских национальностей, американцев же англо-саксонского происхождения у нас на шахтах не было. Шахтеры среди рабочих считались людьми, обездоленными тяжким, каторжным трудом. В таком положении они находились тогда в капиталистических странах, да и сейчас тоже. Иное дело — встретиться с населением США вообще. Беспокоило, как оно отнесется к нам? С одной стороны — советские лидеры, с другой — американская общественность.

Интересовали меня и контакты с деловым миром, предусмотренные протоколом. Ведь еще Сталин хотел получить там кредит и просил американцев дать нам три миллиарда долларов. На этом условии мы соглашались выплатить какие-то суммы, причитающиеся с нас согласно ленд-лизу. И по этому вопросу мы должны были вести беседу. Я не думал, что мы можем достичь серьезных результатов, но к такой беседе готовился и чувствовал, что она неизбежна. Волновал и вопрос о торговле с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Думал о возможности снятия запрета, наложенного конгрессом США на торговлю с СССР. Все это имело большое политическое и экономическое значение.

Еще я надеялся встретиться с представителями Коммунистической партии США. Тут я не предчувствовал каких-либо трудностей, но тоже было интересно. В общем-то, все мне было интересно. Америка, хорошо описанная и поданная

Ильфом и Петровым, Горьким, другими нашими писателями,— это одно; Америка, к которой мы сами приближались,— уже реальность. Все нас настораживало, возбуждало и напрягало нервы: вот наконец живая Америка, те живые «америкэны», которые предстанут перед нами через какие-то минуты. И вот мы их увидели. Тут я воспользовался словом «америкэны» из пьесы Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69», где партизаны Вершинина допрашивают американца и один из них сообщает: «Америкэна в плен взяли».

Доложили, что подлетаем к Соединенным Штатам; потом — что подлетаем к Вашингтону. Делаем круг. Не знаю, круг почета или для захода на посадку. Садимся. Погода была чудесная. Тамошняя природа встретила нас очень ласково. Было тепло, сияло прекрасное солнце. Когда я выглянул в окно самолета, то увидел очень много народа. Трибуна была уже возведена, войска приготовлены к встрече, разостлана дорожка, бросалась в глаза публика в ярких летних одеждах, весьма нарядных: сплошная пестрота, как ковер из цветов.

Самолет подрулил к месту высадки. Тут оказалось, что наш самолет, шасси которого было крупнее американских стандартов, имел большую высоту, поэтому трап на самоходе до двери не доставал. Таких трапов, по-моему, вообще тогда не было. Пришлось трап наращивать. Так что мы выходили из самолета не очень-то парадно, как было предусмотрено протоколом. Но такие трудности нас не оскорбляли и не унижали. Наоборот, мы, как и американцы, смеясь, разводили руками. А я про себя думал: «Знай наших! Мы строим самолеты, которые впервые летают без посадки через океаны, а у вас таких самолетов нет». Думаю, что американцы больше нас переживали, что их трап не подошел. Спустившись с трапа, я увидел войска, выстроенные для парада. Потом увидел и президента. Он был одет в гражданскую одежду, не военную, хотя и генерал. Наше посольство тоже встречало нас. Я и другие лица поздоровались с президентом, и он подвел меня к членам своего правительства, представил их. Я поздоровался с каждым лично, потом с нашим послом и сотрудниками посольства. Жены сотрудников и их детишки преподнесли нам цветы.

Чувствовал я себя хорошо, хотя и обратил внимание на то, что люди на трибунах и на других местах, отведенных для публики, встретили нас сдержанно. У нас такая встреча обычно выражается в каких-то приветственных возгласах. Там этого не было. Скорее они смотрели на нас, как на диковинку: что это за большевики? И чего от них можно ожидать? У некоторых из присутствующих было заметно и другое выражение лица: зачем они вообще приехали? Зачем нужно было их приглашать? Мы слегка поклонились, сняв шляпы, но держались с гордостью. Эйзенхауэр пригласил нас на возвышение трибуны, покрытой красным ковром и оборудованной радио. Может быть, велась радиопередача и за пределы страны, я этого не знаю. Все там блистало, сверкало, было сделано изысканно и со вкусом. Мы делали не так, а просто, по-пролетарски, даже небрежно. У них же все было сделано основательно, продуманно и на своем месте.

Сначала выступил с краткой речью президент, потом слово было предоставлено мне. Насколько я знаю, согласно международной процедуре первым приветствует прибывших хозяин, потом отвечает гость, приветствуя встречающих. Затем исполнялся гимн страны, в которую прибыл, потом — гимн гостей. Все это делалось очень торжественно и вселяло в нас еще больше гордости: вот мы побудили США выстроить почетный воинский караул и исполнить советский гимн! Раздался артиллерийский салют. Кажется, прозвучал 21 залп. Все, в общем, что положено по протоколу, было проделано, и это нас удовлетворяло. К нам отнеслись с должным вниманием. Получить почести доставляло нам особое удовлетворение. Не от того, что меня так встречают, а потому, что так встречают представителей великой социалистической страны.

Эйзенхауэр предложил мне поприветствовать почетный караул. Офицер от- рапортовал мне, церемония закончилась, и мы прошли вдоль шеренги по красной дорожке. Теперь уже не помню, положено ли здороваться там с почетным караулом или нет. Не во всех странах это предусмотрено уставом, в некоторых надо только пройти, тем самым церемония обхода почетного караула считается законченной. Эйзенхауэр пригласил меня сесть в его автомобиль вместе с ним. Мы разместились с ним вдвоем. Нина Петровна села в другую машину, вместе с женой президента или с женой посла. Рассажены все были тоже согласно протоколу, разработанному

протокольной частью дипломатических ведомств обеих стран. Машина тронулась, и мы поехали, но очень медленно. Охрана президента бежала справа и слева от нашей машины, вытянувшись цепочкой. Спереди и сзади она тоже прикрывала ее. Было сделано то, что мы уже видели во время пребывания в Женеве.

Нам был непривычен такой порядок. Но когда я узнал, на что способны люди в Америке, то все понял. За короткое время там убили президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, который выставлялся кандидатом в президенты. Убили потом негритянского лидера Мартина Лютера Кинга, боровшегося за равноправие своего народа в США. Совершались и другие политические убийства. Может быть, процедура охраны, разработанная там, которой я стал свидетелем, была поэтому оправдана. Хотя это тоже не дает гарантии. Убийства, которые были совершены, подтверждают это. И все же охрана затрудняет возможность совершения террористических актов. О том, что там имелось много врагов (не у меня лично, а у Советского Союза), мы догадывались. Я, конечно, это знал, но искренне признаюсь, что абсолютно ни о чем таком не думал и никакой тревоги не испытывал. Это я сейчас говорю о возможной опасности. А тогда у меня и мыслей не было о каком-либо террористическом акте.

Когда мы ехали от аэродрома, народа виднелось много. В городе — тоже, но не так много, как бывает у нас. Мы выстраиваем шеренги встречающих «дорогого гостя». Наши люди при встречах не выстраивались сами, а их выстраивали. Мы даем задание городскому партийному комитету, сколько вывести народа, как поставить, у нас выработана определенная процедура: знаем расстояние от одной точки шеренги до другой, сколько может там поместиться людей, получается плотная шеренга и обязательно с флажками той страны, откуда прибывает гость. Это производит впечатление. Конечно, это вызывало и недовольство, но мы продолжали такую практику. Поступаем, как пьяница, которому если и не выпить водки, так хотя бы понюхать, иначе он будет страдать. У нас выработался такой «алкоголизм» к встречам: и в мороз, и в осеннее ненастье стояли люди-бедняги.

Бывало, когда я ехал, мне жалко было смотреть на них. Я их понимал и если бы был на их месте, то, наверное, протестовал бы настойчиво и открыто. Но все мы были рабы формы: раз сделали такую встречу одному, то надо сделать такую же и другому, иначе — дискриминация! И у меня возникла мысль о том, как бы нам перейти к иной форме выражения своего отношения к гостям, как на Западе. Там никто не выводит народ, там его некому, да и невозможно выводить. Кто хочет, тот сам может выйти и взглянуть, хочет — рот раскрыть, хочет — зубы стиснуть, это дело встречающих. А у нас нельзя сказать, что люди вышли по собственному желанию. Во-первых, их выводят, а во-вторых, им за это сохраняется заработная плата, так что некоторые выходят даже с охотой, если стоит хорошая погода. Почему бы и не пройти? Не поглазеть на гостя, черного, коричневого или белого? Все равно экзотика. А иной раз такая экзотика, с которой наши рабочие и служащие не встречались! Я тут осуждаю прошлое и не одобряю то настоящее, которое еще продолжается, как у нас было заведено прежде.

Знал, конечно, что в США и других странах практикуется и такая встреча, когда выходят с плакатами, на которых видны резкие надписи, протестующие против какого-то гостя, или карикатуры на прибывших. Одним словом, форма протеста проявляется в публичном выражении несогласия с прибытием гостя. Тут я такого не замечал, такого не было. Могут сказать, что недоброжелателей убрала полиция. Нет, полагаю, что их просто не было. Видимо, американцы относились к нам с терпением: посмотрим, что выйдет, что это за такой-сякой гусь лапчатый, возглавляющий их правительство, интересно взглянуть на него или услышать. Поскольку враждебных к нам сил в США и было, и имеется достаточно, то сказать, что нас встречало радушием все население, было бы глупо и наивно. США — наиболее ярко выраженное классовое государство, где имеется все, от нищеты до абсолютного изобилия. Поэтому нас, представителей трудящихся и социалистического государства, не могут все там приветствовать одинаково. Мы вообще-то были подготовлены ко всему, и я объясняю сдержанность публики каким-то выжиданием, а может быть проявлением уважения к своему президенту, так как я являлся его гостем. Я-то ехал в президентской машине вместе с ним. Может быть, и это сдерживало народ.

Мы поехали с аэродрома прямо в предоставленную нам резиденцию. Президент ненадолго оставил нас отдохнуть, а спустя какое-то время я прибыл с первым

визитом в Белый дом. Отдыхая, я получил срочную информацию от посла Меншикова о том, как реагировала печать на мой приезд. Он сообщил также об интервью в газете, данном вице-президентом США Никсоном. Прямого выпада против нашей страны и против меня как представителя Советского государства там не было, но присутствовали всяческие старые недоброжелательные высказывания, обычно присущие Никсону. Я к этому уже привык, много читал раньше об этом. Он допускал в своих статьях и беседах и более резкие выражения. Тем не менее, меня возмутила бестактность, допущенная по отношению к гостю президента сразу же в день прибытия. В своем интервью Никсон настраивал народ насчет того, «как нужно понимать» приезд Хрущева. Именно это возмутило меня.

Когда я приехал в Белый дом, Эйзенхауэр встретил меня у дверей своего кабинета. Мы зашли туда, уселись. С его стороны присутствовал тот же Никсон, а с нашей — Меншиков и Громыко. Как только мы обменялись с президентом приветствиями, как положено делать в таких случаях, я тут же, что называется, взорвался и сказал: «Господин президент, не могу не выразить своего изумления и негодования». Он насторожился. «Ваш заместитель, вице-президент господин Никсон позволил себе в день моего приезда бестактность: давая интервью, употребил недопустимые выражения». Эйзенхауэр изумленно взглянул на Никсона, и я понял, что президент этого не знал. Видимо, еще не успел просмотреть газеты. К слову сказать, не знаю, читал ли он вообще аккуратно газеты? У меня-то сложилось впечатление, что он царствовал, а не управлял. Наверное, ему готовили подборки вырезок. Когда он посмотрел на Никсона, тот кивнул головой, подтвердив мои слова. Не помню, что конкретно тогда сказал мне Эйзенхауэр, что-то успокоительное. Однако я видел недовольство на его лице в связи со случившимся.

Впрочем, мне лично все было ясно. Это интервью не претендовало на бестактность, а просто являлось выступлением классового противника. От классового врага ожидать чего-то другого было нельзя, хотя я считал, что Никсон, облеченный государственными обязанностями, должен был держаться в определенных рамках и считаться с тем, что я являюсь гостем президента. Раз он вице-президент, то я — и его гость. Газеты же писали по-разному. В любом буржуазном государстве существуют разные газеты, представляющие позицию разных социальных групп. Классы в целом и их прослойки выражали свое отношение к социалистической стране и ее представителю. Это мы понимали и против враждебных наскоков на нас, нашу политику и наших людей имели классовую прививку. Просто Никсон был официальным лицом, что и заставило меня оценить его выпад по-особому.

Не помню сейчас в деталях всю программу нашего пребывания в США. И рассказать о порядке посещения нами разных районов и городов смогу лишь разрозненно. Упомяну о наиболее характерных поездках и о том, что отложилось в памяти от встреч с людьми. Президент любезно предложил мне совершить путешествие по США на его личном самолете Боинг-707. Этот пассажирский самолет в то время считался у них самым скоростным и наиболее вместительным. Думаю, что он не превосходил скоростью наш Ту-104. Разница заключалась в том, что наш Ту имел два мотора, а Боинг — четыре. Но так как то был специально президентский самолет, то и оборудован он был тоже по-особому. Для президента выделили огромный салон, для сопровождающих его лиц — несколько кресел в удалении. Обставлен самолет был хорошо и оборудован очень удобно.

Я с благодарностью принял предложение, поблагодарив президента за внимание. Он сказал: «Вас будет сопровождать господин Генри Кэбот Лодж», — и представил его мне. Этот человек средних лет, но выше среднего роста, крепкий, здоровый и цветущий, был офицером, в войну служил на флоте, имел звание генерал-майора (в сопоставлении с нашей градацией). Мы потом с ним познакомились поближе и долго находились вместе. Он как представитель президента повсюду сопровождал меня. От нас со мной постоянно следовали Громыко, Нина Петровна и жена Громыко. Не помню, ездил ли с нами по стране Шолохов. Кажется, нет, а бывал он вместе с нами лишь в отдельных городах. Он пожелал подольше побыть в Вашингтоне, видимо, для встречи с писателями.

Свой рассказ начинаю с Лос-Анджелеса, потому что он стал особым местом при путешествии по США. Осмотрев город, мы затем должны были попасть в Диснейлэнд, парк сказок, как говорят, очень красивый. Но туда мы не попали. Лодж и заместитель мэра города Виктор Картер стали меня отговаривать. Картер

говорил по-русски, но с заметным акцентом, примерно так, как говорят евреи, живущие в СССР. Я спросил его: «Откуда Вы знаете русский язык?» «Да я сам из России, поэтому и знаю русский». «А где Вы жили?» «В Ростове-на-Дону». Тут я подумал о том, как он мог жить в Ростове, будучи евреем. Ведь Ростов входил в территорию донского казачества, евреям жить там было при царе запрещено. Сказав ему об этом, я спросил: «Как это могло случиться? По закону, существовавшему до революции, это запрещалось. Вы ведь еврей?» «Да, я еврей, но мой отец был купцом первой гильдии. По тогдашним законам купцы первой гильдии имели право жить в любом городе России». Это сразу приковало к нему мое внимание, и именно он давал мне разъяснения при поездке по городу.

Помню из всех достопримечательностей Лос-Анджелеса более всего то, как много в нем цветов, как там тепло и сколь высокая влажность. Потом мне разъяснили, почему, запланировав посещение Диснейлэнда, меня стали уговаривать не ездить туда. Узнав о моем приезде, там организовали какое-то контрвыступление, даже с личными угрозами. И когда мне об этом сообщили, передо мною встал вопрос: настаивать или отказаться? Сначала я настаивал. Хозяева очень настойчиво отговаривали. Объяснили, что будет масса всякого народа, что могут возникнуть беспорядки. Конечно, если бы я сохранил настойчивость, то сопровождавший меня бывший ростовчанин, потерявший в России отцовские капиталы, был бы, вероятно, доволен враждебной демонстрацией. Не допускаю худшего, но и худшее могло случиться. Тогда я, подумав, более не настаивал. Мы познакомились там только с Лос-Анджелесом, причем из машины, кажется, из открытой.

Потом нас пригласили к себе кинопромышленники. Голливуд — это особая республика в государстве, которая печет кинокартины любых направлений и всех жанров. В то время там уже почти не делали прогрессивных картин, это был не тот Голливуд, который когда-то выпускал кинокартины Чаплина и других прогрессивных режиссеров. Когда нам показывали залы для киносъемок, как раз в это время шли съемки кинофильма «Канкан». Думаю, что съемки не были приурочены к нашему посещению и шли по плану. Наше посещение пришлось на эпизод, когда очень нарядные и красивые девушки в коротких красочных платьях должны были танцевать канкан. В этом танце встречаются моменты, которые считаются не вполне пристойными и не всеми хорошо воспринимаются. Затем нас пригласили в само съемочное ателье, туда же позвали этих девушек и других участвующих лиц. Мы вошли всей делегацией, и нам предложили сфотографироваться с киноактерами. Я встал рядом с Ниной Петровной, девушки нас окружили, а фотокорреспонденты взялись за аппараты. Я слышал, как один корреспондент обратился к соседней девушке, но не знал, о чем шла речь. Немного позднее наш переводчик рассказал мне о том обращении фотокорреспондента к актрисе Ширли Маклейн — он заметил ей вполголоса: «Приподнимите платье повыше, еще выше!» И она, по-моему, сделала это. Она стояла рядом со мной, и, видимо, тот тип хотел получить более пикантный снимок. Такая девушка — и рядом с Хрущевым! Я-то остался равнодушным: ну, и что? Это же канкановая артистка.

Когда мы были в Дании, там тоже ставился спектакль под названием «Канкан». Один из эпизодов: девицы танцевали, потом повернулись к публике и, откинув подола платьев, обнажили нижнюю часть спины. Они были в панталонах, на которых виднелись буквы. Жена премьер-министра Дании, сама являвшаяся актрисой, сказала нам, что там было написано: «С Новым годом!» Для советской публики, конечно, такая сцена была сверхпикантной. Мы не привыкли к такому жанру и считали его непристойным. Почему же я должен фиксировать на этом свое внимание? Правда, сами американские киноактеры, беседовавшие с нами, и другие участники съемок произвели на нас хорошее впечатление. Эти девушки вне съемок ничем особенно не выделялись, вели себя скромно. То есть, просто делали свою работу. Фотографию же мы, кажется, получили. Потом администрация Голливуда дала в нашу честь обед. Присутствовало довольно много людей, цвет тамошних актеров, кинозвезды. Обед прошел в непринужденной обстановке, ничего антисоветского не было проявлено. Хотя отношение у них всех к СССР было, конечно, разным, но держались они вполне дружелюбно. Это была в целом приятная встреча.

В Лос-Анджелесе мы находились в течение одного дня. Вечером состоялся второй обед в честь нашей делегации. Его давал мэр города, республиканец. Мне

сказали, что этот человек занимает резко антисоветскую позицию, поэтому можно ожидать какого-либо подвоха. Вряд ли открытого, в грубой форме. Но в замаскированном виде он мог в своей речи выступить против нашей страны. Мы очень ревниво относились к любому негативному проявлению чувств, стараясь не допускать в наш адрес даже намека на неуважительное отношение.

Продолговатый зал отеля «Амбассадор» человек на 500 был полностью забит приглашенными. Мне рассказали, как организуются такие приемы. У нас их оплачивает государство или какое-то учреждение, устраивающее прием, у них — частные лица. Входные билеты стоят очень дорого. Соседка по столу была, видимо, как раз человеком богатым и обладала крупным капиталом, иначе не смогла бы попасть туда. Мы с Ниной Петровной и вся делегация были усажены за стол мэра и его супруги. А за столом у меня состоялась беседа как раз с той женщиной. Главным образом, она сама навязывала разговор. Высказывалась она по-доброму и в адрес делегации, и в мой лично. Но это еще не значит, что она с уважением относилась к Советам. Мне показалось, что она хотела посмотреть на гостя, как на экзотического медведя из России, где их по улицам водят. Ее удостоили сидеть с ним рядом, а он почему-то не рычит. Она говорила: «Да Вы знаете, сколько было желающих попасть на этот обед? Я тут присутствую одна, а мой муж сидит дома и, конечно, завидует мне. За участие в обеде каждая персона должна была внести крупные деньги. Конечно, мы внесли бы и за две персоны, чтобы присутствовать тут вдвоем, но было так много желающих, что установили особый порядок: только кто-нибудь один, или муж, или жена. Мне повезло, и я считаю себя счастливой. Я попала на прием в Вашу честь, а муж сидит дома, скучает и завидует мне».

Помимо Лоджа нашу делегацию сопровождал посол США в СССР господин Томпсон с женой. Они тоже там находились. Обстановка была парадной, столы накрыты, зал нарядно убран, сияли свечи. У них существует традиция давать обеды при свечах. Царит полумрак, мягкий, приятный свет не раздражает. Все шло хорошо, пока не выступил мэр. Фамилию его не помню. Лет пятидесяти или за пятьдесят, вовсе не тучный, какими у нас обычно на плакатах рисуют буржуев, а вполне нормальных объемов человек. Его речь была небольшой, но в ней торчали шпильки, направленные против Советского Союза. Сейчас не помню, касались ли они и меня лично. По-моему, нет, но в адрес советской системы, в сравнении с государственной системой США, он допустил неприятные выражения, особенно в связи с позицией, которую занимал СССР в мировой политике. Хотя в его выступлении присутствовала замаскированная антисоветская направленность не прямая и не грубая, я ее почувствовал и возмутился. Можно было бы и пройти мимо этого, потому что сделано было не в грубой форме. Думаю даже, что не все присутствующие поняли суть сказанного. Но я понял. Поскольку его речь адресовалась мне, я имел право сделать вид, что я не понял. Но решил демонстративно отреагировать и дать ему публично отпор, чтобы объясниться тут же, а не после обеда, один на один.

Я попросил разрешения на реплику, и он предоставил мне слово. Тогда я в резкой форме, несколько раздраженным тоном, заявил протест такого содержания: «Господин мэр, я являюсь гостем президента и прибыл сюда по его приглашению. К вам я тоже прибыл согласно программе пребывания, утвержденной президентом США. Но я не напрашивался в гости и не позволю третирования, какого-либо унижения или тем более оскорбления советской политики, нашей страны великого Советского Союза и нашего народа. Мы, социалистическая страна, прошли трудный путь и достигли больших высот в развитии экономики и культуры. Мы шапку не ломаем и не напрашиваемся в гости. Но если нас пригласили, то не потерпим ничего такого, что могло бы как-то оскорбить либо унижить нашу страну или ее представителей. Если мое пребывание как представителя СССР здесь неуместно, то на аэродроме в Вашингтоне стоит наш самолет. Я всегда могу его вызвать прямо сюда и улететь отсюда в Советский Союз».

Это произвело сильное впечатление. Потом мне рассказывали, что жена посла США госпожа Томпсон прослезилась, а соседям, которые сидели с ней рядом, высказала недовольство мэром за то, что он допустил такое. Она была очень возбудимой женщиной, и ей представилось, что чуть ли не начнется тотчас война, если Хрущев уедет. Сейчас не помню, как реагировал сам мэр. Во всяком случае, не полез в драку. А о своем поведении я тогда не жалел и ныне не жалею. Надо было

дать отпор, двинуть в зубы антисоветчику, который занимал достаточно высокий пост. Кончился обед, мы распрощались. Я, конечно, поблагодарил мэра за прием, и мы отправились в гостиницу, где должны были переночевать. Оттуда рано утром был запланирован наш отъезд поездом в Сан-Франциско. Вернувшись в гостиницу, все сопровождающие собрались в моем номере — большой гостиной. Я продолжал негодовать и свое негодование высказывал в очень сильной форме, допускал даже резкие выражения. Демонстрируя свое раздражение, я говорил, что если нас так будут принимать, то я отказываюсь продолжать поездку по США и улечу на Родину.

Все это было выражено мною нарочито в возбужденном состоянии и очень громко. Я отпустил много нелестных слов в адрес мэра: как мог он позволить себе выпад в отношении гостя президента? Жена Громыко, милая женщина, очень взволнованная, начала меня успокаивать и даже побежала за валериановыми каплями, а потом накапала их мне, чтобы я успокоил нервы. Я-то ей условным знаком показываю, чтобы она сама не волновалась, что я-то как раз держу свои нервы в руках и просто выражаю возмущение для ушей хозяев. Я ведь был убежден, что там поставлены подслушивающие аппараты и что Лодж, расположившийся в той же гостинице, слушает меня в своем номере. Поэтому я хотел, чтобы он понял, что мы такого не потерпим, что это недопустимо. Кончилось тем, что я попросил Громыко как министра иностранных дел пойти сейчас же к представителю президента господину Лоджу и выразить ему неудовольствие, заявив о нашем отказе от завтрашней поездки в Сан-Франциско.

Товарищ Громыко ушел, потом вернулся вместе с Лоджем, который извинился за слова мэра и просто умолял, чтобы я не отказывался от посещения Сан-Франциско. Говорил, что гарантирует неповторяемость ничего такого: «Наоборот, господин Хрущев будет очень доволен обстановкой в Сан-Франциско». Мы позволили уговорить себя. Потом в вагоне поезда он, проявив инициативу, сам заговорил об инциденте. Я благосклонно выслушал его заверения, но предупредил, что если еще что-либо такое встретится, то я прекращаю визит и возвращаюсь в Советский Союз. Теперь — о поезде. Американские вагоны — на мягких рессорах, очень удобны, в них приятно ехать. Вообще вся железная дорога — на высоком уровне. Лодж же никак не мог остановиться и так выражался о вчерашнем инциденте: «Господин Хрущев, я прочитал речь мэра. Только дурак мог составить такую речь. Если бы Вы видели, что было написано в первом варианте, который он дал мне для просмотра! Я все ему вычеркнул, говорил, что это недопустимо. Те места, на которые Вы отреагировали, я тоже вычеркнул, но он, такой дурак, оставил их. Видимо, он не понимает ситуации, тупица».

Конечно, не знаю, так ли обстояло дело, как говорил Лодж? Может быть, он тоже пропустил эти места, ибо в его понимании они не вызывали чувства протеста, и он считал, что они вполне допустимы? Но, может быть, он действительно указывал мэру, а тот по глупости не посчитался с советом. Для меня происшедшее было закономерным, потому что наш классовый враг занимал естественную для него позицию. Но ведь случилось это не при частной встрече, а при официальном визите. Иначе нечего было бы и возмущаться, а надо было просто разъяснить человеку, что он ошибается. Иной характер приобретала его речь, когда он принимал советскую делегацию. К Лоджу же я относился с доверием. По-моему, он вел себя искренне, да и вообще добросовестно исполнял свои обязанности уполномоченного. Это — умный человек. Проводил он плохую политику, но ведь он чиновник и проводил политику своего правительства. Во Вьетнаме он дважды был послом, участвовал в переговорах по Вьетнаму в Париже. В политике занимал позиции республиканской партии, а в личной беседе проявил себя приятным собеседником, ко мне во всяком случае относился хорошо.

Мы часто с ним шутили. Он рассказывал мне о своем участии в войне, я ему — о своем. Шутя сказал ему: «Господин Лодж, Вы человек военный и поэтому должны соблюдать субординацию. Вы генерал-майор, а я генерал-лейтенант, имею более высокое воинское звание, и Вы должны относиться ко мне соответственно и вести себя, как положено младшему перед старшим». Он захохотал: «Есть, я понял, господин генерал-лейтенант». И другой раз говорил в шутку: «Докладывает генерал-майор...» Одним словом, произвел на меня хорошее впечатление. Мне с ним было приятно проводить время. Во время перелетов и переездов мы о делах

говорили мало. Он никаких вопросов не решал, и я понимал его положение, поэтому проводить с ним какие-то диспуты о политическом моменте не было нужды, хотя мы их все-таки не избежали. Политики не могут избежать таких разговоров, даже если и желали бы. Но наши беседы велись в определенных рамках, чтобы не разгорались страсти и не обострялись личные отношения.

Во время поездки в Сан-Франциско согласно расписанию поезд остановился на какой-то станции. Народу там собралось много, видимо, из близлежащих поселков. Не знаю, что это за люди. Когда поезд остановился, все глядели на вагоны. Явно искали глазами делегацию Советского Союза. Видимо, о нас заранее было объявлено. Я попросил Лоджа: «Выйдем на перрон». «Что Вы, что Вы, я не советую». Но я считал, что раз народ пришел, надо выйти, иначе могут неправильно понять: дескать, игнорируют, проявляют неуважение к тем, кто хотел бы встретиться или хотя бы увидаться; с другой стороны, сочтут, что меня запугали, и поэтому я боюсь... И я направился к выходу, потом спрыгнул на перрон и подошел к решетке, которая отделяла станцию от газона. Народ сгрудился вокруг меня и Лоджа и прижал нас к решетке. Люди напирала друг на друга, всюю отталкивая соседей. Однако остановка была недолгой, послышался сигнал к отправлению поезда. Мы вернулись в вагон, но я выступал из окна, отвечая на вопросы. Голос мой услышать всем было невозможно, и вдруг откуда-то появился переносной усилитель с репродуктором. Лодж держал его передо мной, я выступал. Закончил мимолетную речь благодарностью. Еще когда я уходил в вагон, Лодж на некоторое время остался, а потом, вернувшись, подал мне медаль с барельефом Ленина, которая была прикреплена к моему костюму. Я получил ее от Общества борьбы за мирное сосуществование. Тут я спросил: «Где Вы ее нашли?» «Мне ее передал какой-то человек и сказал: «Утеряна господином Хрущевым, прошу передать ему». Я был очень обрадован этим, и во мне пробудилось уважение к неведомому человеку. Ведь другие могли бы сохранить находку как сувенир или польститься на ценность, потому что эта медаль из золота. Для корыстных людей она хоть и небольшой, но все же соблазн.

В Сан-Франциско нашу делегацию встречали губернатор штата и мэр. Мэр проявил большую любезность и оставил очень хорошее о себе впечатление. На шумной встрече народу было много. Нам поднесли роскошные цветы. Как только мэр представил мне свою жену, она тотчас подошла к Нине Петровне и Лидии Дмитриевне Громько, а потом не оставляла их, мэр же занялся мною. В толпе на вокзале и по пути следования в гостиницу я никаких проявлений враждебности не заметил, хотя и был подготовлен к тому, ибо тогда у нас были очень плохие отношения с Соединенными Штатами. Впрочем, даже в стране, с которой налицо добрые отношения, нельзя рассчитывать на абсолютное понимание необходимости крепить дружбу. Поэтому при встрече с главой правительства, к которому питаешь неуважение, не нужен особенно большой талант для выражения своего негодования в той или иной форме. Но ничего такого не попало тогда в поле моего зрения: ни выкриков, ни жестыкулляции, хотя американцы умеют это делать, если хотят проявить свою враждебность. Потом Лодж мне говорил: «Вот видите, я обещал Вам, что тут будет совсем другой климат, другая атмосфера». И я поблагодарил его. Видимо, он как-то предупредил мэра города и надеялся на него.

В беседе со мною этот мэр тоже говорил: «О-о, господин Хрущев, здесь Сан-Франциско. Я, готовясь к выборам на второй срок, с уважением отношусь к Вашему государству и лично к Вам. Мы очень рады принять всех вас и проявить гостеприимство. По национальности я грек, моя жена тоже гречанка». Тогда я пошутил: «Значит, мы с вами братья. Когда Русь принимала христианство, то избрала греческое вероисповедание. Я человек не религиозный. Не знаю, как Вы, но думаю, что Вы меня понимаете и не обидитесь, если я откровенно скажу, что я атеист. Однако история Руси такова, что ее народ близок с греками, всегда относился к ним с сочувствием, был готов оказать помощь в их борьбе против турок за освобождение Греции». Мэр, улыбаясь, кивал головой.

Были устроены прием и обед. Люди, которые там присутствовали, весьма обеспеченные, платили за свое присутствие большие деньги. Расходы тоже были солидными, потому что угощали там, как понимаете, не кислыми щами, а иным ассортиментом блюд. Даже обслуживание стоило многих денег. Думаю, что этот обед привлек внимание публики больше из любопытства, чем для демонстрации

дружеского расположения к нам. Рядом со мной опять сидела женщина, которая очень любезно ко мне относилась, но ее в принципе скорее интересовал факт присутствия на мероприятии. В США печать по-разному склоняла мою фамилию, а ей, вот, посчастливилось сидеть рядом.

И тогда я вспомнил себя подростком, рабочим завода, неподалеку от которого 14 сентября всегда проводилась ярмарка. Люди всех возрастов шли туда. Там продавались разные товары, главным образом сельскохозяйственные или для бытовых нужд. Цыгане приводили лошадей. Приезжал цирк с передвижными зверинцами. Бывало, шли посмотреть за 50 копеек на слона. Среди заводских гуляла шутка: «Ну, что, заплатил полтинник?» «Как же, заплатил, да еще слона за хвост подергал». Теперь я сказал бы, что налицо некоторая аналогия: какие-то люди хотели посмотреть вместо слона на русского медведя. Каков он по внешнему виду, умеет ли держать в руках нож и вилку, сидеть за столом в обществе, как ведет себя, чавкает ли, и пр. Другие хотели послушать, что скажет Хрущев по вопросу мира и войны. Этот вопрос занимал всех, но оценивался с разных позиций. Все классы к нему небезучастны. Американцы в своем большинстве боялись войны и считали, что войной им может угрожать только Советский Союз.

Мэра города Сан-Франциско я потом пригласил приехать в Советский Союз: «Приезжайте, Вам будет оказано соответствующее внимание». Он приехал с женой по приглашению от Моссовета, а не туристом. Я принимал его, беседовал с ним, и мне было приятно, что он вновь держался хорошо. А тогда, в Сан-Франциско, он готовился к переизбранию, выставив свою кандидатуру на второй срок. Прием, оказанный мэром делегации Советского Союза, склонял весы в избирательной кампании в его пользу. Если мэр Лос-Анджелеса, напротив, завоевывал лишние голоса на антисоветских высказываниях, то здесь подчеркнутое уважение при приеме советской делегации, как раз наоборот, обещало дополнительные голоса избирателей. А в Москву этот грек приехал уже после переизбрания, и я его поздравил с успехом. В Сан-Франциско он специально угощал нас молочными продуктами отличного качества и сказал: «Это с моей фермы, которая занимается переработкой молока и продает молочные продукты». Все продукты и по упаковке, и по вкусовым качествам были на высоком уровне. Я похвалил их публично, и это тоже оказалось на пользу мэру, но уже как владельцу фирмы: такая реклама обещала ему увеличение сбыта и прибылей.

Мэр предложил мне также посмотреть на строительство индивидуальных коттеджей. Я с удовольствием принял это предложение, и мы поехали на окраину города. Коттеджи возводились деревянные, из сборных щитов и сразу целой улицей или даже поселком. На фабрике изготовлялись конструкции, их привозили на стройку, где уже был подготовлен фундамент и закончены канализационные работы, оставалась лишь нивелировка, даже все дорожки и подъезды были сделаны. Потом ставили эти щиты, очень быстро скрепляли, и дома приобретали конечный вид. Окрашены они были нарядно и выглядели красиво. В домах разное количество комнат, в зависимости от возможностей заказчика. Но когда я осмотрел щиты вблизи, то был разочарован. «Из чего сделан наполнитель: стружки, опилки?» «Вроде того,— отвечают,— тут дешевое строительство». И мне назвали низкую цену домиков, по американским стандартам даже малую. Эти дома были похожи на финские, которые у нас приобрели известность после войны. Мы их много закупали тогда в Финляндии, рассматривая их как временное жилье. У нас от людей, живших в них, шли сплошные жалобы, что их заедают блохи. Опилки — благоприятная среда для размножения насекомых.

Все, конечно, зависит от культуры содержания домов. В таких же жили финны, но блохи им не мешали. Нам же нужно было побыстрее получить жилье, хотя бы и с блохами. Затем я опять спросил: «Сколько лет простоит этот домик? Лет 20?» «У нас покупатели так и предупреждаются: строится на 20 лет». «А что дальше?» «Ну, зачем строить дом, который простоит 100 лет? Через 20 лет мы сделаем человеку по его заказу совершенно новый». Это правильно с точки зрения коммерческой, интересов фирмы. Но я знаю психологию нашего крестьянина. Она сложилась в результате бытовых и материальных возможностей. Строить на 20 лет — чистое разорение для крестьянина. Хорошо знаю Курскую губернию, откуда я родом. Пожары были частыми гостями в нашей деревне. Лес помещичий, дерево надо покупать. И когда крестьянин строил дом, он обязательно делал сруб и для него

покупал осину, потому что дуб купить не мог из-за дороговизны. Сосна в наших лесах не росла, а осина была дешевая. Покупали только на нижний венец дома дубовые бревна. Если человек состоятельный, он приобретал три-четыре венца, после чего осиновая хата могла простоять 50 лет. Американцам же предлагают: «Пожалуйста, спустя 20 лет сделаем новый». Для нас это чересчур мало.

Сан-Франциско порадовал меня солидарностью рабочих. Там профсоюз докеров возглавлял прогрессивный человек, не коммунист, но придерживавшийся левых взглядов и очень хорошо относившийся к Советскому Союзу. Я получил приглашение от докеров выступить на их митинге, с большим удовольствием согласился и в назначенные день и час прибыл на митинг. Народу собралось не так много. Тем не менее у меня остался чрезвычайно приятный след в памяти от встречи с докерами и от того, как меня приняли. Открывая встречу, профсоюзный деятель произнес дружественную речь в отношении нашего народа, политики нашего государства и в мой адрес. Публика реагировала тоже весьма приветливо. Выступали докеры. Они горячо выражали нам свои симпатии. Потом выступил я с небольшой речью. Ее все принимали горячо. Переводчик переводил синхронно, и почти на каждую фразу слушатели реагировали аплодисментами.

Кончился митинг, я сошел с трибуны, ко мне подбежал какой-то молодой парень, снял с меня шляпу и надел мне на голову свою парусиновую кепку (видимо, часть производственной одежды), а я надел ему на голову свою шляпу. Это вызвало смех и одобрение, народ долго аплодировал. То была самая теплая, истинно пролетарская встреча, и я остался благодарен профсоюзному лидеру. Я заранее знал о его симпатиях. Но одно дело — ожидать, и другое — ощутить, когда увидишь такую теплую встречу и братские объятия. Журналисты, а их было там несколько сот человек, все это засняли на киноплёнку и фотографировали. Потом митинг освещался в печати. Они вынуждены были давать правдивую информацию, хотя некоторые журналисты имеют склонность извращать факты. Здесь такого не случилось.

Потом от наших журналистов я узнал, что в Сан-Франциско находится и профсоюзный лидер рабочих автомобильной и тракторной промышленности господин Райтер, известный мне по статьям в печати. Какое-то время он занимал левые позиции и входил в одну международную профсоюзную организацию вместе с представителем СССР. Потом Райтер вышел из нее и занял антисоветскую политическую позицию. Когда мне сообщили, что он хочет встретиться со мной и просит назначить желательные время и место, я, хотя от этой встречи ничего хорошего не ожидал, захотел увидеться с ним, чтобы провести беседу. Тут сказали, что если я соглашусь, то придут еще три профсоюзных босса. Пришел также брат Райтера с кинокамерой и фотоаппаратом. Потом мы узнали, что он захватил и магнитофон. Я ничего не имел против: пожалуйста! Мы условились о месте и часе, и встреча состоялась в той гостинице, где я жил. Я хозяин, значит, и угощение мое: пиво, прохладительные напитки, соки, закуска.

Райтер оказался человеком средних лет, моложе меня. Мне запомнился и сопровождавший его старик, лидер рабочих пивоваренной промышленности. Брат Райтера уселся в стороне, на краю удлиненного стола, где он записывал беседу, главным образом не в блокнот, а на ленту магнитофона, но старался, чтобы мне не было заметно. С нашей стороны присутствовали Громыко, журналист Юрий Жуков и некоторые другие корреспонденты. Они записывали все вопросы и ответы, потому что потом следовало осветить встречу в печати. Жуков — блестящий журналист. Он хорошо разбирался в американских вопросах вообще, в профсоюзном движении США в частности. Это вообще один из лучших наших журналистов. Я относился к нему с большим уважением и охотно приглашал его на встречи. Не на все, конечно, но часто выбирал именно Жукова.

Темы во время беседы с Райтером затрагивались общие, которые интересовали нас ранее, во время переговоров с государственными деятелями США. Возникали также специфические проблемы мирного сосуществования, единого рабочего фронта и объединения революционных сил, классовой борьбы. С другими профсоюзными деятелями я потом в США больше не встречался. Хотя инициатива встречи исходила от Райтера, беседа оставила во мне плохой след. Взаимопонимание обычно выражается сразу. Тут его не получилось, так как у нас были противоположные точки зрения. Райтер поддерживал все, что делало правительство США: стоял за

классовый мир, за мирное сосуществование не между странами, а между классами, что противоречит марксистско-ленинскому учению и вредно для рабочих. Райтер — умный человек, сам тоже из рабочих. Сначала он трудился у Форда, тот послал его в СССР на строительство автомобильного завода в Горьком. Райтер вошел в число инструкторов, которые обучали наших людей налаживать производство автомобилей, и рассказал мне, что года два или три проработал в Горьком, хорошо знал советские условия жизни и быт, помнил город Горький. «У меня остались добрые воспоминания о ваших людях», — сказал он и начал вспоминать тех, с кем поддерживал контакты. Я избегаю тут слова «дружил», хотя, может быть, в то время он и дружил. Райтер рассказывал и о советских девушках, несколько в игривом тоне, а в целом старался убедить меня, что отлично знает наш народ и его быт, участвовал в молодежных вечеринках и пр.

И все-таки он остался человеком, который отрицал классовую борьбу. В США он организовывал забастовки и вел профсоюзную работу, но только в рамках дозволенного, чтобы не поколебать капиталистические устои, не ослаблять правительственный режим, вел борьбу за пяток долларов, за гривенник центов. Это экономическая борьба, а не политическая. В политической борьбе он занимал те же позиции, что и обе правительственные партии — республиканцы и демократы. За какую же партию он призывал голосовать? Вероятно, за демократическую, но хрен редьки не слаще. Классовой разницы между демократами и республиканцами в сущности не было. И та, и другая партия стояли на позиции дальнейшего укрепления капитализма и его развития, а также подавления рабочего движения.

Несколько слов скажу о сопровождавших Райтера людях. Один — выше среднего возраста, показавшийся мне разумным человеком, который с пониманием относился к нашей политике. Я почувствовал, что он хотел бы каких-то диалогов с профсоюзами СССР. По некоторым обсуждавшимся вопросам он подавал реплики, в которых выражал неплохое отношение к нашей политике, но очень робко, а Райтер с ним не считался. Может быть, тот находился в оппозиции к Райтеру? А может быть, хотел продемонстрировать американскую демократию: «Вот видите, у нас глава профсоюзов имеет одно мнение, а я, член этого же профсоюза, хотя и поддерживаю основную линию, но по отдельным вопросам имею свое мнение». Лидер пивоваренных рабочих был не просто старым, но и, похоже, выжившим из ума. Во время всей беседы я от него не услышал ни одной разумной фразы. Единственное, чем он занимался, — пил пиво, лил его в себя, как в бочку, и поедал абсолютно все, что лежало на столе. Реплики же вставлял просто глупые. Меня это раздражало. Райтер это заметил и сказал: «Ну что же Вы так реагируете? Он ведь не политик, а профсоюзный деятель. А знаете ли Вы, сколько лет он возглавляет свое профсоюзное движение?» Я прямо ответил: «Не знаю, сколько лет, но всерьез принимать и всерьез отвечать на его несуразные реплики не вижу смысла».

Третий гость тоже был недалеко от пивовара. У меня в памяти не сохранилась его политическая позиция, но по своим репликам он стоял близко к старику. На меня произвело странное впечатление одно наблюдение. Когда пивовар тянулся к бокалу, я заметил, что у него и на правой, и на левой руке были золотые часы. Зачем нужно носить две пары часов? Украшение? Браслеты? Я не стал спрашивать его, но для себя сделал вывод, что он мещански ограниченный человек, и вести с ним какие-либо разговоры бесполезно. Понял, что тут босс, которого, не знаю уж за что, просто поддерживают и выбирают рабочие его профсоюза. Трудно сказать, как функционирует там машина выборов. Но явно низок политический уровень тех, кого он возглавляет.

Впрочем, Райтер — тоже свидетельство идентичного политического уровня автомобилестроителей. А ведь это весьма квалифицированные рабочие. Почему они избрали Райтера? Там же есть истинно левые силы, есть коммунистическая партия. Увы, хотя в профсоюзном движении США коммунисты пользуются каким-то доверием, но не могут занять достойное положение. Тамашнее профсоюзное движение поддерживает капиталистические устои. Иной раз я читаю в газетах и слышу по радио: вот там-то забастовка. Когда сообщают, почему, то не уточняют, что ведется не политическая борьба, а экономическая. Ленин осуждал в рабочем классе такие течения, которые отрицали политическую борьбу профсоюзов, ограничивая свои действия только экономической борьбой. На таких же позициях стоит сейчас профсоюзное движение в США, и яркий представитель данного течения — Райтер.

Потом мне дали справку о его заработной плате. Я был удивлен: он зарабатывает столько же, сколько директора крупнейших корпораций. Значит, капиталисты умеют ценить людей, которые являются организаторами рабочего класса, поддерживают их и платят им. Эти платежи являются сдерживающим фактором, и такие люди больше прислушиваются к капиталистам, чем к рабочим. Предательская позиция, но, к сожалению, она сильна в американских профсоюзах.

На этом, собственно, наша беседа тогда и закончилась. Она проходила на фоне большой непримиримости во взглядах. Райтер демонстрировал какую-то, я бы сказал, дерзость в отношении советской политики. Я ему не только отвечал тем же, но и, как говорится, «заливал ему сала за воротник», обличая его позицию как измену рабочему классу. Да Райтер и не отрицал этого: он вовсе не борется за социализм, а выступает лишь за улучшение жизни рабочих. Его профсоюз объединяет какой-то их процент, но многие не входят в профсоюз. Кстати, когда я находился в США, состоялась забастовка рабочих металлургической промышленности, крупнейшая по масштабу. Нам было запланировано посещение Питтсбурга — одного из центров металлургической промышленности. Печать уже сообщила, что я должен посетить этот город. Профсоюзы выступили с предупреждением, чтобы я даже не рассчитывал на встречу с их деятелями, ибо те не желали такой встречи и повели себя недружелюбно, высказывая враждебное отношение к моему пребыванию в США и к посещению Питтсбурга во время забастовки.

Несмотря на это, было решено не менять планов и воспользоваться поездкой в Питтсбург, чтобы хотя бы осмотреть город. Мы прибыли туда на автомашинах. Местность там холмистая, зеленая, много людей стояло вдоль дороги и гуляло семьями, женщины с детскими колясками расположились на траве. На меня произвела впечатление их одежда: нарядные ситцевые платья хорошей расцветки, приятно выглядевшие. Но меня поразила вольность в одежде. У нас женщины носят платья строгого покроя. А там они ходили в трусах, ситцевых штанишках и весьма легких платьях. Я лично считаю, что это практично, хотя и непривычно для нас. Наши женщины носят даже более дорогие платья, но с более темными расцветками и другого покроя. Бросалась в глаза масса ярко одетых людей на зеленом фоне. Они отдыхали и заодно встречали нас. Ведь люди знали, что мы поедем этой дорогой, вот они и собрались у дороги.

Когда мы проезжали, некоторые из них приветствовали нас, и таких было довольно много. Каких-либо выкриков враждебного характера не слышалось. Проявлялась сдержанность, но все-таки в толпе заметны были люди, которые выражали симпатии к нам. Однако никаких встреч с профсоюзными деятелями или рабочими в Питтсбурге так и не состоялось. Профсоюзы, которые делали нам предупреждения, своего добились. Это тоже говорит о характере их профсоюзного движения и его политической линии. Профсоюзы не хотели запятнать свои профсоюзные одежды контактом с представителями Советского государства, демонстрировали свою собачью преданность капитализму и враждебность к социализму. Полагаю, что сейчас проводится такая же линия профсоюзами не только США, а и других капиталистических стран.

Нам было запланировано также посещение крупной фабрики колбасных изделий. Это произошло при интересных обстоятельствах. Рабочие колбасной фабрики тоже бастовали, и их профсоюзные лидеры предупредили, что они нас не примут. Капиталисты здорово их приручили. Неожиданно владелец фабрики пригласил нас ознакомиться с ее производством, хотя и не для беседы с рабочими. Мы согласились и приехали. В рекламе хозяин знал толк. Мы увидели заранее приготовленную аппаратуру для съемок и телевизионной передачи. Дирекция организовала дегустацию изделий. Нам подавали вкусные сосиски с ароматной горчицей, мы угощались ими прямо перед телекамерой. Мистер Лодж тоже уплетал сосиски и улыбался. Он-то понимал публичное значение дегустации. Потом мы осмотрели производство, но оно не представляло лично для меня интереса. Вот если бы рядом был Микоян, который больше разбирался в таком деле... Приглашение меня на эту фабрику носило в какой-то степени подчеркнутый, вызывающий характер. Металлургические заводы, бастуя, потребовали, чтобы я не подходил к ним на пушечный выстрел. Рабочие-колбасники поддерживали их и тоже не пожелали контакта с нами. Хозяин же, видимо, решил подзаработать на этом, пригласил нас и создал себе рекламу. И когда мы уехали, я спросил Лоджа: «То, что сейчас произошло, тоже реклама?»

Он заулыбался: «Да, безусловно, хозяин на вас хорошо заработает». Тогда я пошутил (а Лодж понимал шутки): «Вам что-то должно перепасть от этой рекламы как сопровождающему?» Лодж смеялся, не отрицая, и отпустил такую же шутку, что я тоже должен что-то получить от рекламы.

Затем мы осмотрели Питтсбург. Никаких контактов ни с кем больше не имели. Так, в сугубо забастовочной обстановке я увидел рабочий класс и профсоюзы США, их отношение к социалистическому государству, к делу борьбы против капитализма. Если в некоторых других странах сознательные рабочие посвящают классовой борьбе все свои силы, то в США этого нет. Далее согласно плану мы должны были посетить машиностроительный завод. Мне сообщили, что завод старый, оборудование несовременное. И по размерам, и по объему производства предприятие было средним или даже ниже среднего. А попал я на него так. На обеде у Эйзенхауэра он познакомил меня со своей приятельницей, дамой намного старше средних лет, но выглядевшей свежо, и сказал, что дама приглашает посетить частично принадлежащий ей завод как акционер общества, которое владеет заводом. Я поблагодарил за любезность и принял приглашение.

На предприятии нас встретила администрация. Той дамы я не увидел. Сразу же, как только переступил порог, почувствовал родную стихию. Мы спокойно ходили, осматривая производство и станочное оборудование, а рабочие не отвлекались. Не так, как бывает у нас: если приедешь на любой наш завод, он фактически останавливается. Хотя работа станков не прерывается, но все будут смотреть на тебя, подходить, разговаривать. В США же производственного ритма строго придерживаются, никто не имеет права отвлекаться, хотя бы и не было поточного производства. Тут тоже его не было, работа велась на индивидуальных станках, изготавливались какие-то отдельные детали, так что рабочие могли бы без особого ущерба отвлечься. Но они берегли трудовое время, были дисциплинированными, да и администрация стояла рядом, так что все придерживались распорядка.

Я подошел к сверлильному станку и сказал управляющему: «Этот станок — мой ровесник. Когда я в ранней юности работал на машиностроительном заводе, у нас стояли такие же станки». Подошли к механической ножовке для отрезания металлических концов. Я улыбнулся и спросил: «А это какого возраста?» «Да, господин Хрущев, — ответили мне, — наш завод старый, поэтому у нас встречается оборудование от современного до допотопного». Но я заметил: «Тут даже больше, чем допотопное». Устаревших станков стояло много: и долбежные, и строгальные. Даже не знаю, как такой завод мог конкурировать с более налаженным производством и с современным оборудованием. Тут проявляются сноровка и ловкость капиталистов, если производство дает прибыль. В их мире нерациональное не живет. Что не дает прибыль, то обречено на слом. Если действует, значит, сохраняется смысл.

Когда ходили по цехам, увидели, что проходы между станочным оборудованием пятнистые — в свежих асфальтовых латках. И я заметил администратору: «Очень похоже на наши порядки. Когда приезжает руководство, к его приезду залатывают выбоины». Он улыбнулся: «Да, мы перед вашим приездом, господин Хрущев, сделали ремонт. Приезжает гость, надо залатать».

Шел я мимо одного строгального станка, рабочий подошел ко мне, предложил сигару и дружески похлопал меня по плечу. Другие рабочие тут же подняли головы. Я тоже похлопал его по плечу, снял с руки часы советского производства, хотя и не золотые, но хорошие, и надел ему на руку. Рабочему это было приятно. Потом какой-то американский журналист обратился ко мне: «Господин Хрущев, вы дали свои часы рабочему. Как понимать? Когда мистер Никсон был в Москве и дал на рынке рабочему какую-то сумму денег, то ваша печать осуждала его, рассматривая это как подкуп». Я ответил: «Рассматривайте так, как произошло. Вы же видели, что рабочий проявил любезность, подарил мне сигару. Хоть я не курящий, но принял ее. Человеческий долг велит сделать ответный подарок. У меня ничего другого не было, поэтому я подарил ему свои часы. Так что тут не подкуп, а взаимная любезность. Это ничего общего не имеет с тем, что делал Никсон, и тем более с тем, какие он цели преследовал. Я таких целей не преследовал». Обращаю внимание на то, сколь ревностно журналисты следили за каждым моим шагом и за каждым действием, глядя, не будет ли проявлена с нашей стороны какая-то неосмотрительность, чтобы

им потом использовать ее против Советского Союза и против меня как главы делегации.

Далее согласно плану мы должны были посетить заводы «Джон Дир», крупнейшей сельскохозяйственной фирмы, известной в СССР, потому что в свое время мы закупали у нее сельскохозяйственные машины. Думаю, что, приглашая нас, фирма преследовала коммерческие цели, хотела показать нам свое производство и заинтересовать в дальнейших покупках. Мы прошли по цехам ее фабрики, но у меня особых впечатлений в памяти не сохранилось. Приглашенные лишь фирмой, мы никаких контактов с профсоюзами не имели. Рабочие во время нашего посещения трудились. Не осталось у меня в памяти и каких-либо проявлений вражды или особых симпатий с их стороны. Рабочие поглядывали на нас из желания увидеть заморских людей. И все. Затем нас повели в контору, где дирекция проинформировала о своем производстве. Их сельскохозяйственные машины хороши. Советским инженерам и рабочим, работникам совхозов и колхозов они нравились.

Настало обеденное время, директор пригласил нас в общую столовую и сказал, что сам всегда обедает здесь. Администрация и служащие обедали тут же. Мы, как и все, взяли столовые приборы, подошли к раздаточному окну, нам положили на тарелки кушанья, мы отошли, по выбору, к намеченному столику и съели одно блюдо, потом опять проделали прежнюю процедуру и получили другое блюдо. Порядок был демократичным. Думаю, что дирекция умышленно его продемонстрировала, и, признаюсь, мне он очень понравился. Я потом пропагандировал в своих выступлениях такую же форму обслуживания на наших заводах: нигде ничего лишнего, на столах лежит пластмассовое покрытие. Достаточно протереть его мокрым полотенцем, и на столе не остается никаких следов.

Как меня информировали, директор тоже питался в этой столовой. К сожалению, у нас на многих заводах отдельно столовые для администрации и для рабочих. Содержится огромный штат обслуживающего персонала. Обслуживание от этого не улучшается, а ухудшается, наблюдаются постоянные очереди, рабочие ропщут против такой организации обеденного перерыва. Вот почему я рекомендовал руководителям наших партийных и профсоюзных организаций позаимствовать американскую систему. Такую же картину мы видели и в Индии, тоже на каком-то заводе. Наступило обеденное время, Неру пригласил нас в столовую и сказал: «Господин Хрущев, тут никто нам подавать не будет. Порядок такой, что каждый должен взять приборы и идти к раздаточному окну. Там мы получим свои порции и пообедаем». Поели и вкусно, и сытно. Никаких очередей не возникало.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Глава XXIV. *Положение к 1 августа армии и освобожденного края.
Облик Добровольческой армии*

Армия прошла в три недели 262 версты, выдержав ряд серьезных боев и понеся значительные потери. Большевики оказались гораздо более стойкими, чем мы ожидали. К сожалению, у меня нет данных об общем числе убитых и раненых за этот период; полагаю, что их было более четверти состава армии. Даже в тех случаях, когда в полковых реляциях или в моем очерке встречается фраза «потери наши были ничтожны», надо помнить, что определение это весьма относительно: ведь гибли наши кадры, наши первые, наши лучшие, идейные Добровольцы...

Тем не менее состав армии к первым числам июля — по крайней мере удвоился. Шел непрерывный приток с Украины и Новороссии, отчасти из Центральной России добровольцев, главным образом, офицеров; освобождаемые кубанские станицы — по приказу и добровольно — становились в ряды армии¹ или вооруженными отрядами охраняли ее сообщения; поступали на пополнение частей, теперь уже в большом числе, пленные красноармейцы, и во всех районах действия армии привлекалась по мобилизации местная молодежь, первоначально два возрастных класса. Дроздовский сделал даже опыт формирования отдельной части из пленных и мобилизованных. Его «1-й Солдатский полк» принимал доблестное участие под Тихорецкой и в дальнейших боях. Наконец, были факты и другого порядка: некоторые села Ставропольской губернии, приведенные в отчаяние советским режимом, постановляли сами на сходах мобилизацию известных контингентов населения и присылали их на службу в ряды армии.

Пополнив значительно свои ряды, Добровольческая армия к началу июля усилилась следующими войсковыми частями²: одним пехотным полком («Солдатский»), четырьмя пластунскими батальонами, тремя кубанскими конными полками, пятью батареями. Части эти вошли в состав дивизий или пошли на развертывание новых соединений³; кроме того, в состав армии входило 4 бронепоезда и автоброневой дивизион из 6 машин.

Ввиду вступления у станицы Ново-Покровской на территорию Кубани я обратился к Кубанскому атаману с письмом, в котором указывал на необходимость подготовки им и правительством, помимо схемы гражданского управления области, и плана необходимых военных мероприятий. «Эти вопросы,— писал я,— как затрагивающие интересы Добровольческой армии, предварительно проведения их в жизнь, должны быть нами совместно обсуждены». В основание военных мероприятий я ставил: 1) полное напряжение сил Кубани для скорейшего ее освобождения; 2) все первоочередные части должны входить и впредь в состав

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, № 2.

Добровольческой армии для выполнения общегосударственных задач; 3) в дальнейшем со стороны освобожденного кубанского казачества не должно быть проявлено никакого сепаратизма.

Как бы в ответ на это письмо состоялся приказ по войску, подписанный атаманом, полковником Филимоновым, и «военным министром», полковником Савицким. Приказ попал ко мне случайно. В нем самостоятельно, без моего участия, разрешены были все вопросы организации вооруженных сил, причем, вместо призыва к полному напряжению, давались уже опасные психологические обещания об освобождении из рядов армии, и в частности из чисто Добровольческих частей, известных контингентов... На этой почве произошла первая крупная размолвка моя с кубанскими властями. В результате атаман оставил в силе приказ, сохранив «принцип суверенности», я же продолжал организацию кубанских частей в мере действительной потребности, вызываемой общим военным положением.

Наконец, к этому же периоду относится еще один эпизод. Полагая, что после ряда побед достаточно назрела психологически возможность перестроения Добровольческих частей на основах общеобязательной службы, я запросил секретно мнение по этому вопросу начальников дивизий... Ответили, что пока преждевременно.

Довольствовалась армия, ввиду богатства края, обыкновенно хорошо — за наличный расчет, редко путем платных реквизиций. Иногда население кормило Добровольцев по доброй воле бесплатно. Вообще нужно заметить, что имевшие место на этой почве злоупотребления меньше всего озлобляли народ, в глазах которого такого рода незаконная «повинность», если и была неприятной, не раз тяжелой, то, очевидно, слишком привычной.

Снабжение армии несколько улучшилось; источниками его служили по-прежнему военная добыча, грузы, следовавшие в адрес советских учреждений, покупка за наличные, а на территории Кубани и за зачетные квитанции — за счет ее правительства. Реализация не имевшего военного значения советского добра служила вместе с тем некоторым источником пополнения скудной казны ген. Алексеева. Я снял с армии эту обузу и попросил Михаила Васильевича принять это дело на себя, поручив общественным деятелям из состава Военно-промышленного комитета ликвидацию имущества.

Ген. Алексеев приехал в это время в Тихорецкую, предполагая вскоре вернуться в Новочеркасск. Но сначала его болезнь, потом занятие Екатеринодара задержали его при армии, с которой он более уже не разлучался. Вообще последнее время здоровье М. В. сильно пошатнулось, и он, невзирая на это, работал из последних сил, отдавая всего себя на служение армии. Все, что касалось ее, он принимал близко к сердцу и, казалось, жил только этим «своим последним делом на земле»...

Ген. Алексеев создал особую комиссию, которую, между прочим, обязал, чтобы «в первую очередь были соблюдены интересы местного населения, избегая перепродавцов и спекулянтов», и чтобы работа шла «в полном контакте с кубанскими кооперативами и потребительскими организациями». Дело пошло, к сожалению, так же плохо, как и в руках военного ведомства. Первый председатель комиссии Н. Парамонов в самом начале (4 авг.) был арестован и выслан немцами как состоявший в оппозиции им и донскому атаману. Проходили недели, месяцы, грузы портились, расхищались, а ростовские и новочеркасские общественные деятели организовывали и переорганизовывали комиссии, составляли и пересоставляли учет и перессорились вконец друг с другом.

Сохранилась обширная переписка, характерная для безвременья и деятелей его. «Большинство членов комиссии,— пишет один из участников, мотивируя свой отказ от участия в ней,— лица совершенно неподготовленные и бесполезные, один заведомо вредный и невежественный... Члены комиссии не давали никакой опоры ни в общественном значении, ни в деловом, в сложных вопросах были опасны, а меня связывали в политическом(?) и деловом отношении»... «Вас испугало,— отвечает другой,— что разные недостойные люди начинают свивать себе гнездо и паутиной интриг и личной выгоды окутывают то святое дело, которое обогрето кровью тысяч юношей... Но разве Вы вчера родились и не знаете, что, к сожалению, на одного честного человека приходится тысяча негодяев»...

В итоге за ближайшие месяцы — август, сентябрь — комиссия успела реализовать из числа многомиллионного имущества всего на один миллион рублей. На ту

же комиссию возложено было ген. Алексеевым «принятие на учет всех оставленных большевиками железнодорожных грузов, находившихся на станциях (занятых армией), выяснение принадлежности грузов владельцам и возвращение им имущества с удержанием известного % в пользу Добровольческой армии».

Реализация осложнялась вмешательством со всех сторон. Кубанское правительство считало собственностью войска все грузы, материалы и вообще всякое имущество, отбитое у большевиков на территории Кубани, и требовало передачи этого имущества в свое распоряжение. Генерал Алексеев на эти домогательства отвечал указанием, что военная база создавалась большевиками ведь средствами всего Северного Кавказа и России. Я со своей стороны охотно соглашался уступить кубанским правителям всю «добычу», но с тем, чтобы они взяли на себя и содержание армии...

Войсковые начальники, как, например, Покровский, в поисках популярности, раздавали «добычу» щедрой рукой станицам. Даже Дон через новочеркасское правительство передавал ген. Алексееву, что, «хотя войско не претендует на сопаривание всего захваченного, но очень просило бы поделиться необходимыми для него предметами»⁴...

В общем итоге деятельности интендантства и общественных элементов в армии создавалось впечатление, что запасов всякого рода — великое множество, но до войск они не доходят. Войсковые начальники и части вводили свои «коррективы» в систему снабжения, в результате которых мне пришлось 30 июля приказом разъяснять довольно элементарное положение, что «предметы военной добычи составляют собственность армии, а не тех лиц, в чьи руки они попали»... Это разъяснение имело особенное отношение к казачеству, где распространительный взгляд на «добычу» был не благоприобретенным, а составлял вековую традицию.

Другим подсобным средством пополнения казны являлись контрибуции, наложенные на те села Ставропольской губернии, население которых приняло участие в вооруженном противодействии Добровольческой армии. Контрибуции назначались в мере вины и соответствовали количеству населения: minimum — в Шаблиевке и Екатериновской (вместе 50 тысяч рублей), maximum — в Белой Глине (2¹/₂ милл.). Разверстка была предоставлена сельским самоуправлениям. Это мероприятие, будучи рискованным и непопулярным, создавая неравномерное обложение, против ожидания не потребовало никаких репрессий и дало казне 6¹/₂ миллионов рублей, из которых к 1 августа фактически поступило 3 миллиона.

Такими паллиативными мерами поддерживалась казна ген. Алексеева, от которой зависело само существование армии. Особенно остро стоял вопрос со снабжением боевыми припасами, по-прежнему добываемыми только из двух источников: покупкой в небольших размерах от Дона — по дорогой цене, за ставропольский хлеб и шерсть, и от большевиков — ценою несравненно более дорогой — Добровольческой крови.

Считая движение наше на Кубань временным, предполагая, что организация гражданской власти произойдет за Волгой при его участии в масштабе всероссийском, ген. Алексеев не создавал при армии органов гражданского управления. Этот вопрос поднимался однажды в Мечетинской среди лиц алексеевского окружения и то не серьезно: со мной беседовал А. Ладыженский относительно организации гражданского и политического отдела при ген. Алексееве в составе его — Ладыженского, Б. Суворина и кадета Богданова⁵. Я отнесся отрицательно к этому предположению.

Когда армия освободила северную часть Ставропольской губернии, организация местной власти стала насущно необходимой. У меня на походе для этой цели не было решительно никого. Вдвоем с Иваном Павловичем мы разрешали необыкновенно трудные вопросы запутанной, сложной местной жизни по всем отраслям управления и законодательства. Эти вопросы выдвигались каждый день, со всех сторон; все кругом искали помощи, защиты, а главное, каких-нибудь правовых норм, на которые можно было бы опереться. Можно было, конечно, воспользоваться готовым правительственным аппаратом Дона или Кубани. Но бесправное положение на Дону, потом и на Кубани, иногороднего населения исключало всякую возможность присоединения, хотя бы и временного, Ставропольской губернии к одной из казачьих областей.

Я написал ген. Алексееву. Но и у него тогда, по-видимому, никого не было.

Снесся с ростовским к.-д. Зеелером, ввиду его стажа в качестве популярного либерального деятеля и бывшего ростовского градоначальника, предлагая ему вступить в управление Ставропольской губернией. Зеелер приехал, ознакомился с положением, дал понять, что он не прочь был бы занять пост моего помощника по гражданской части, но от губернии отказался.

Вообще в то время, когда по всей «пограничной» в отношении советской России губернии шли непрерывные бои и восстания, и губернский город впоследствии дважды переходил из рук в руки, служба там не привлекала никого; она требовала гражданского подвига. После первого занятия нами Ставрополя, оттуда потянуло такой провинциальной склокой, общественные элементы так прочно и сложно переплелись во взаимном недоверии, озлоблении и вражде, что разобраться в этих взаимоотношениях было невозможно и вручить власть незнакомому местному человеку казалось опасным.

При такой обстановке пришлось начинать дело управления в первой освобожденной русской губернии. Приказами моими по гражданской части были признаны действующими все законы, изданные до 25 октября 1917 г., т. е. до большевистского переворота; восстановлены суд, сельские и волостные власти, уездные, потом губернские учреждения. Во главе губернии поставлен был военный губернатор, полковник Глазенап — командир отдельной бригады, которая осталась в губернии в его распоряжении.

От первых шагов наших в освобожденном крае, хотя и занимавшем пока крошечную территорию, зависело много. И первые шаги оказались неудачными. Кубанское правительство в пределах своей области восстанавливало автоматически станичные и окружные органы; кое-где в станицах перевыбирали правление и атаманов, в большинстве остались прежние, сменив лишь ненавистное казачеству наименование «комиссар». В городах прежние думы распускались, и местное самоуправление передавалось в руки назначаемых правительством голов, которые сами подбирали состав городских управ. В конституцию края и организацию областной власти было внесено еще одно серьезное отступление от практики недавнего прошлого: социалистические правители порвали окончательно с «паритетом», устранив от всякого участия в деле управления областью более половины его иногороднего населения. Правители были казаками, мыслили и чувствовали по-казачьи. Но, если бы они и хотели в то время «проявить демократизм», то в силу создавшегося в казачестве настроения сделать это было очень трудно.

Как бы то ни было, армия подвигалась неизменно вперед, и от ее успехов — главным образом — зависели судьбы населения, значение разнородных политических течений в крае и отношение его к самой армии.

Армия представляла из себя организм чрезвычайно сложный. В ней были и герои, наполнившие эпическим содержанием летопись борьбы; и мученики, оросившие ее страницы своею кровью; и люди, пришедшие без подъема, без увлечения, но считавшие необходимым исполнить свой долг; и загнанные туда нуждой или просто стадным чувством; были профессионалы войны, ищущие применения своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшие совесть, — чтобы разбойничать и грабить. Наконец, была еще рыхлая, безличная среда вольных и подневольных людей, попавших охотою, по мобилизации, случайно, по своей или чужой ошибке; их психология менялась диаметрально при колебаниях боевого счастья...

Наши походы, в обстановке необычайной, создавали чудесные боевые традиции Добровольцев, но из них некоторые выносили также и печальные навыки: легкое отношение к жизни — своей и чужой, к «большевицкому» добру; слишком распространенное толкование понятия «большевик», которое обнимало широко вольных и невольных участников советского уклада. У многих слагалась особая психология, создававшая двойную мораль — одну в отношении своих, другую — к чужим.

Все те черные стороны жизни, которые были зачаты еще на мировой войне и углублены в революцию общим упадком чувства законности и порядка, теперь, в обстановке гражданского безначалия, неуловимости преступлений и, может быть, пассивности общего отношения к ним, создали благоприятную почву для преступного элемента, который проникал в армию. Даже в штаб армии проникли такие люди, как некто, именовавший себя князем Химшиевым (начальник команды ординарцев), и подьесаул Чайдоянц (комендантский адъютант), — чины, имевшие по

характеру служебных обязанностей постоянное и непосредственное отношение к населению; оба они попали затем под суд — первый за грабежи, второй за грабежи и убийства... Командующий армией по своему положению не имеет возможности соприкасаться близко с самой гущей армейского быта, с его грехами и пороками. Но то немногое, что доходило до меня, доставляло немало огорчений.

Положение, между тем, становилось крайне трудным. В крае только что начинали восстанавливаться суд и гражданская власть: в армии не было пока военных юристов; суд в ней был поэтому упрощенный, далеко не совершенный: полковой — нормального типа и военно-полевой. В нашей исключительной военно-походной обстановке этот последний в буквальном смысле слова мог только казнить или миловать. Смертная казнь как высшая мера наказания была всецело во власти суда. Но, подчиняясь общей психологии, и начальники, и суды были милостивы к своим и суровы к «чужим».

В целях борьбы с самосудами — в большей степени, чем для ограждения армии — была введена статья в Уголовное Уложение⁶, предусматривавшая виновность «в способствовании или благоприятствовании войскам или властям советской России в их военных или иных враждебных против Добровольческой армии или союзных с ней войск действиях». И вслед за сим организованы были комиссии для производства расследования по нарушениям этой статьи лицами, не принадлежащими к составу армии. Эти комиссии, которым было предоставлено право налагать и самим в административном порядке взыскания от 1 года 4 месяцев тюремного заключения до небольшого денежного штрафа, спасли многих людей от горькой участи. Впоследствии списки осужденных представлялись мне периодически начальником военного и морского судного отдела, и я уменьшал наказания или слагал их вовсе⁷.

В тех же целях — предотвращения массовых самосудов — Кубанское правительво на своей территории организовало повсеместно станичные «чрезвычайные» или «полевые суды». Эта мера имела последствия, весьма печальные: составленные из казаков данной станицы, лишённые в своих действиях какой бы то ни было объективности, суды эти сводили кроваво личные счёты со своими иногородними, обратившись сами в орудие организованного самосуда.

В пестром калейдоскопе, который являла собой Добровольческая армия, каждый видит тот свет или ту тень, которые пожелает найти. Но одни эти отдельные явления не дадут еще историку представления об облике армии. Он должен будет поставить их в теснейшую связь и зависимость от исторических условий зарождения армии, от духа народа, передавшего в армию свои добродетели, пороки и заблуждения.

Историк отметит, несомненно, еще одно важное явление — эпидемическое распространение русского большевизма — в формах, быть может, более слабых, иногда мало заметных, — поражавших, тем не менее, морально широкие круги, ему чуждые и враждебные. В навыки, приемы, методы, в самый склад мышления людей вливалась незаметно, несознательно большевистская отравка. Эпидемия пронеслась и по белым армиям, и по освобожденным районам, и по мировым путям расселения эмиграции. Она находила там свои жертвы среди философов и богословов, среди начальников и воинов, правителей и судей, политиков и купцов, в толще домовитого крестьянства, зажиточного мещанства и рабочих, казаков и иногородних; в красном, розовом, белом и черном станах. Одни переносили болезнь легко, другие долго и мучительно, третьи не исцелились до сего дня.

В разные периоды своего существования переболела по-разному и Добровольческая армия. Но в своих подвигах, страданиях и грехах была постоянна в одном: она являла образ высокого самопожертвования и пламенного патриотизма.

Глава XXV. Второй Кубанский поход. Подготовка Екатеринодарской операции: Куцевка, Кавказская, занятие Ставрополя, Пластуновская

Добровольческая армия, отдохнув в течение двух дней в районе Тихорецкой, приступила к подготовке екатеринодарской операции.

К этому времени северо-кавказские красные войска располагались в следующих организованных группах: 1. Армия Сорокина (около 30 тысяч) по-прежнему —

в районе Куцевка — Сосыка. 2. Екатеринодарская группа — в составе екатеринодарского гарнизона, 5—8 тысяч, и остатков Тихорецкой группы Калнина, 2—3 тысячи, деморализованных, остановленных с большим трудом в районе Кореновки. 3. «Кавказская» группа силою 3¹/₂—4 тысячи человек, занимавшая жел.-дор. узел Кавказской и выдвинувшаяся передовыми частями к станице Малороссийской. В том же направлении стояли крупные гарнизоны Армавира и Майкопа. 4. Ставропольская группа численностью 6—8 тысяч; отряды ее располагались в Ставрополе, в Благодарненском и Медвеженском уездах. 5. Наконец, множество более или менее организованных мелких отрядов, разбросанных по всему Северному Кавказу.

Чтобы расширить фронт движения и обеспечить предстоящую операцию, я поставил армии следующие задачи: 1. Генералам Эрдели, Покровскому и полковнику Кутепову (около 8—10 тысяч ⁸) — разбить армию Сорокина и овладеть жел.-дор. узлом Куцевкой, что приводило одновременно к освобождению Ростовского округа (Задонья). 2. Генералу Боровскому (3—4 тысячи) — разбить «кавказскую» группу и овладеть жел.-дор. узлом Кавказской. 3. Полковнику Дроздовскому (2¹/₂—3 тысячи) — прикрыть Тихорецкую со стороны Екатеринодара.

Независимо от чисто стратегических условий, всякое расширение фронта и занятие новой территории вызывало подъем там казачества и приток живой силы в ряды армии. А несравненные качества Добровольцев позволяли мне с 20-тысячной армией вести одновременно операции от Куцевки до Армавира (220 верст), от Динской до Ставрополя (220 верст)... 3 июля армия начала наступление. В тот же день части Сорокина, стоявшие против Кагальницкого донского фронта, оставили его, поспешно уходя на Куцевку.

По разным причинам, вытекавшим из личных свойств начальников, нельзя было объединить командования над тремя дивизиями, направленными на Куцевку; пришлось руководить ими непосредственно мне. Главная колонна — дивизия Кутепова — направлена была вдоль жел. дороги; конница Покровского правее ее от Незамаевской в охват Куцевки с востока; конница Эрдели левее — на Уманскую — Старо-Минскую — на пути отступления Сорокина.

5 июля Кутепов у Сосыки, после краткого боя с большевиками, насчитывавшими несколько батальонов, 4 орудия и 3 бронированных поезда, опрокинул их и занял этот жел.-дорожный узел. 6-го колонна его, продолжая наступление, встретила крайне упорное сопротивление на линии станции Крыловской — станицы Екатериновской. После неоднократных атак, 1-й дивизии удалось пополудни овладеть станцией. Но бой у Екатериновской продолжался до поздней ночи, вызвав большие потери и потребовав введения в дело всех резервов:

Запоздалый подход шедшей с юга конницы Покровского еще более осложнил положение. Атаки Марковцев и конников 1-го полка встречали неожиданно стойкий отпор большевиков, переходивших не раз в контратаку; бывали тяжелые минуты. Только в сумерках нам удалось оттеснить фронт большевиков. Утомленные войска заночевали в поле, а к рассвету противника уже не оказалось: под влиянием общей обстановки, отчасти угрозы со стороны появившихся частей Покровского, он отошел в направлении Куцевки.

В тот же день Эрдели, наступая вдоль жел. дор. Сосыка — Старо-Минская, вел ряд боев с боковым отрядом армии Сорокина, выдержал сильную контратаку его и к вечеру овладел станицей Уманской. В этом центре конспиративной работы и очаге восстаний казаков Ейского отдела дивизия Эрдели значительно пополнилась.

7-го вечером колонны Кутепова и Покровского продолжали наступление, на этот раз вполне согласованно. Под утро 8-го вновь начался тяжелый бой дивизии Кутепова при подходе к станции Кисляковской. Обе стороны проявили высокое напряжение и незаурядное мужество; не раз то большевики, то Добровольцы местами начинали отступление... Только пополудни, когда Покровский овладел станцией Кисляковской, угрожая тылу большевиков, занимавших станцию, в рядах их началось замешательство. Войска Кутепова стремительно двинулись в атаку, опрокинули противника, заняли станцию и преследовали большевиков на расстоянии трех верст.

Но Сорокин, придавая, по-видимому, исключительное значение Куцевскому узлу, к которому, как оказалось, спешно отходили войска его с Батайского и Кага-

льницкого фронтов, поезда и все обозы, направил на юг новые подкрепления и приказал отряду, действовавшему против Кисляковской, перейти в контрнаступление. Бой начался вновь — такой же упорный и кровавый, и только к вечеру войска Кутепова разбили, наконец, противника, хлынувшего в беспорядке в сторону Куцевки.

На рассвете 10-го предположена была атака Куцевки... Но в ночь на 10-е станцию Куцевку покинули последние арьергардные части Сорокина, главные силы которого отступали поспешно вдоль Черноморской жел. дороги в направлении на Тимашевскую. Утром 10-го колонны Кутепова и Покровского вступили в Куцевку; с севера одновременно с ними подходили донские части и... немецкие разъезды. Раздавшийся вслед за тем взрыв Куцевского моста был тяжелой данью политике, сковавшей стратегию.

Занятие Куцевки имело для нас весьма важное стратегическое значение: оно вызвало полное очищение от большевиков Задонья и упразднение южного донского фронта, дало нам выход к Азовскому морю и обеспечение екатеринодарской операции с севера. В этот день (10-го) я посетил Куцевку и дал войскам новые задачи: коннице Покровского преследовать главные силы противника на Старо-Минскую, частью сил очистить Ейский район; коннице Эрдели двигаться наперерез пути Сорокина между Старо-Минской и Тимашевской для удара во фланг ему; начать немедленную переброску дивизии Кутепова по жел. дороге через Тихорецкую на екатеринодарское направление.

Армия Сорокина уходила, бросая свои обозы, склады и груженные поезда, стараясь выйти из стратегического окружения и из-под наших ударов. Преследование ее, к сожалению, не отличалось напором и стремительностью. Ейск был занят 12-го. Покровский, не учтя обстановку, подчиняясь своей слабости к толпе и овациям, уделил более, чем нужно, сил и внимания этому второстепенному направлению и сам лично свернул с главного пути, чтобы посетить освобожденный город... Несколько дней было потеряно, связь с дивизией временно нарушена. Эрдели с 6-го числа оставался в районе Уманской и не мог или не дерзал ударить во фланг Сорокину, ведя мелкие, затяжные бои с его боковым заслоном. Оперативные сводки этих дней характеризуют это направление стереотипной фразой — «положение без перемен».

Ведя затем параллельное преследование, Эрдели 13-го числа занял станции Переяславскую и Ново-Корсунскую. К этому дню Сорокин успел уже сосредоточиться в районе Тимашевской, прикрывшись с севера труднопроходимым лиманом Лебяжьим и низовьями р. Бейсуга.

Генерал Боровский со 2-й дивизией начал наступление 3-го июля. Выбив большевиков последовательно из ряда станций и станиц, пройдя в три дня с боями 60 верст, он атаковал 5 июля главные силы противника в районе Кавказской. Удар, занесенный одновременно с запада, севера и северо-востока⁹, увенчался полнейшим успехом: большевики бежали, главным образом, за Кубань, не успев ни эвакуировать станции, ни повредить жел.-дорожного моста через реку. В наши руки попал огромный подвижной состав.

Обеспечив себя занятием станции Тифлисской со стороны Екатеринодара и Ново-Александровской со стороны Ставрополя, Боровский прочно утвердился в Кавказском узле. Обладание им разъединяло стратегически Екатеринодар, Ставрополь и Армавир, открыв нам свободу действий по всем этим направлениям и обеспечив главное операционное направление армии с юга.

Но большевики, расположившись на левом берегу Кубани, тревожили Добровольцев вылазками в районе жел.-дорожного моста и обстреливали наше расположение и станцию артиллерийским огнем. К тому же, 8-го пришло известие о падении Ставрополя¹⁰, что развязывало Боровскому руки в этом направлении. Поэтому он решил расширить свою задачу. Оставив полковника Писарева с Партизанским полком в районе Тифлисской — Кавказской, остальными силами дивизии переправился с боем на левый берег Кубани у ст. Темижбекской и 12 июля атаковал с фланга и с тыла группу большевиков у жел.-дор. моста и станции Гулькевичи. Большевики частью были захвачены в плен, частью рассеяны.

Сравнительная легкость, с которой был достигнут успех, побудила дивизию развивать наступление к Армавиру... Я не толкал, но и не сдерживал. 13-го правая колонна (Пластуны) Боровского взяла с бою станцию Кубанскую, а левая —

Корниловцы с батареей — овладели Григориполиской и, переправившись там же через Кубань, двинулась на юг правым берегом реки... К ночи Корниловцы овладели Прочнокопской — станицей, висящей на высоком утесе Кубани над самым Армавиром. Утром соединенными силами обеих колонн после двухчасового ожесточенного уличного боя Армавир был взят. Разбитые большевики уходили в беспорядке на Майкоп и Невинномысскую... Мы, однако, недооценили силы противника и к тому же в Армавире были, по-видимому, слишком беспечны...

В связи с успешно начавшимся 15 июля наступлением армии Сорокина ¹¹ возобновилась деятельность красных войск на всех направлениях. 15-го большевики ударили на слабый заслон Партизанского полка у Тифлисской и захватили станицу, угрожая тылу Боровского. Но полковник Писарев вернул с бою станицу и стойко сдерживал затем неоднократные попытки большевиков форсировать там Кубань. 17-го большевики, значительно усилившиеся подошедшими из Майкопа подкреплениями, атаковали Армавир с запада. Боровский, обративший больше внимания на юг ¹², не успел перегруппировать войска, вынужден был очистить Армавир и в ближайшие дни отойти к Кавказской. Южный авангард, отрезанный большевиками, с трудом пробился сквозь их расположение на соединение с дивизией.

Одержанный большевиками успех получил официальное признание со стороны «командующего Армави́ро-Кавказским фронтом, тов. Тулинова». Приказ его весьма характерен для красноармейских Епиходовых: «Честь и слава геройским полкам, отрядам, вверенным мне. Приношу Вам свою великодушную благодарность, за Вашу небывалую храбрость, целыми веками революции других иностранных государств. Вы стали выше исторических бойцов славы освободительной истории, героически заняли Армавир, с открытыми глазами и стальной грудью идя прямо по пути рассвета свободы»...

Армавирская неудача, весьма мало отразившаяся на стратегическом положении армии, имела, однако, трагические последствия для злосчастного города... В дни занятия его Боровским, измученное большевистским режимом население встретило Добровольцев восторженно и потом всеми способами проявляло свое расположение к ним. Когда 17-го вернулись красноармейцы, началась расплата: большевики убили более полуторы тысячи невинных людей. Описание особой комиссии так рисует картину этого страшного дня: «Беспрерывные ружейные выстрелы, прерывистый треск пулеметов, крики озверевшей толпы, хруст дробящихся прикладами черепов, стоны, хрипение умирающих, мольбы еще цеплявшихся за жизнь страдальцев, кровь, кровь кругом, ощущение то прикасающейся, то отдаляющейся руки смерти»...

Из-за отвлеченных положений стратегии, из-за строк реляций, то радостно воспевающих победу, то сухо-лаконичных, скрывающих неудачу — глядело окровавленное и смертельно измученное лицо русского обывателя. И этот призрак побуждал не раз класть лишнюю гирю не на ту чашку весов задуманного плана операции, на которой покоились принципы военного искусства...

8 июля получено было донесение о падении Ставрополя. Штабная сводка объявляла об этом событии следующими словами: «Советская власть изгнана из Ставрополя и вместе с красной гвардией бежала в Армавир. В Ставрополь прибыл наш военный губернатор и вступили наши войска»... Вероятно, для многих событие это казалось тогда значительным и радостным. Но для армии оно являлось тяжелой обузой. Занятие Ставрополя — не в порядке планомерного развития операции, а в результате партизанского налета — сделало положение города весьма непрочным; вместе с тем оно налагало на нас нравственную обязанность защищать его, отвлекая силы от главного направления. Случилось все это в обстановке почти феерической.

В Кисловодске в мае объявился партизан, полковник Шкуро ¹. Он был заподозрен большевиками в контрреволюции, арестован и отправлен во Владикавказ. Там, при содействии ген. Мадритова, находившегося в добрых отношениях с терским «советом народных комиссаров», Шкуро не только освобождают, но и отпускают обратно в Кисловодск. Прошло немного времени, и Шкуро во главе отряда, в состав которого входили кубанские казаки Баталпашинского и Лабинского отделов, в середине июня появляется под Кисловодском. Взяв город и продержавшись в нем несколько дней, он, выбитый большевиками, уходит на Кубань и ищет соединения с Добровольческой армией. Выступление Шкуро дало сигнал к преждевременному

восстанию терцев и к сильным репрессиям со стороны большевиков в отношении кисловодской буржуазии.

К концу июня отряд Шкуро появился в Ставропольской губернии, ведя по дороге удачные бои с большевистскими частями. Его движение опережала громкая молва о несметной силе отряда, неизменной удаче его «атамана» и жестоких расправах с советскими властями...

Появившись 5 июля к северу от Ставрополя, Шкуро вошел в связь с Добровольческой армией, а городу предъявил ультиматум о выходе из него в определенный срок красноармейцев, грозя в противном случае начать «обстрел тяжелой артиллерией»... Как это ни странно, но комиссары Ставрополя и начальник гарнизона Шпак, напуганные тревожными вестями, идущими со всех сторон, об успехах Добровольцев, 8-го очистили город без боя... Ликованию измученных жителей не было предела.

В Тихорецкой, куда приехал Шкуро представиться и заявить о своем подчинении, я первый раз увидел этого офицера, которого Кубань долго считала своим национальным героем. Тогда — только начиналась еще восходящая линия его карьеры и слагались первые легенды... Молодой, нервный, веселый, беспечный, подкупающий своей удалью и бесшабашностью — словом, тип настоящего партизана. Отряд его имел состав приблизительно четырех полков, и потому я обещал Шкуро после реорганизации и снабжения его артиллерией и технической частью, развернуть отряд в дивизию, сохранив за ним командование.

Но прошло несколько дней, и из Ставрополя начали поступать тревожные сведения. Отряд Шкуро — отличный для набегов — был мало пригоден для длительного боя на подступах к Ставрополю. Партизаны кутили — больше всех сам Шкуро — не раз обижали население, поделили склады... «Старики»-кубанцы ворчали — «не для того они шли в отряд, чтобы защищать буржуев»... Поддаваясь обаянию своего пылкого начальника, они в то же время скептически относились к его молодости и житейскому опыту. До того, что не ясно было, кто над кем верховодит.

Кубанский атаман отнесся также с сомнением к отряду. В результате в Ставрополь был командирован вернувшейся после излечения ран, полученных в Первом походе, достойнейший полковник Улагай¹¹ и принял дивизию, получившую потом наименование 2-й Кубанской. Шкуро, хотя и с некоторой обидой, согласился стать в ней бригадным командиром. Через некоторое время, по выделении наиболее беспокойных казаков Баталпашинского отдела в «Кубанскую Партизанскую отдельную бригаду», Шкуро получил с ней самостоятельную задачу — действовать на фланге Добровольческой армии и поднять закубанские отделы...

Ставрополь ликовал недолго. На третий день после освобождения (10 июля) опомнившиеся от испуга большевистские отряды повели наступление на город с трех сторон, подойдя к его предместью. Казаки Шкуро и вновь сформированный из ставропольских офицеров «3-й офицерский полк»¹³ с трудом отбивали наступление. 12-го положение было грозное и потребовало переброски туда с главного — екатеринодарского — направления полка с батареей и броневиком... Но Шкуро удалось отбросить большевиков за Кубань.

В районе Ставрополя наступило некоторое затишье, которое было нарушено 18-го, когда с юга и востока на город вновь повели наступление красноармейцы силами до 10 тысяч при 6 орудиях. И на этот раз Партизаны, подкрепленные частями Боровского¹⁴, после десятидневных боев разбили противника, преследуя его в обоих направлениях верст на 40. В начале августа наступление повторится. И долго еще Ставропольское направление будет отвлекать преждевременно наши силы, средства и внимание, пока не войдет в нормальный район северо-кавказской операции.

На Екатеринодарском направлении Дроздовский расширял район прикрытия Тихорецкой, продвигаясь постепенно к Екатеринодару. Действуя быстро и энергично, он опрокидывал слабые части противника, группировавшиеся вдоль жел. дороги, и занимал станицы по обе стороны ее, привлекая казаков к участию в борьбе. 9-го он взял после серьезного боя ст. Выселки, 10-го Кореновскую, наконец, 13-го Пластуновскую, находившуюся в 90 верстах от Тихорецкой и в 37 — от Екатеринодара. К 14-му закончилось сосредоточение в районе Пластуновской 1-й¹⁵ и 3-й дивизий. Конница располагалась севернее, у Челбасской, имея передовые части

у Переяславской и Ново-Корсунской в непосредственном соприкосновении с войсками Сорокина. Покровский должен был идти с севера на Тимашевскую.

Предстояло решить вопрос о направлении удара, в зависимости от сосредоточения главных сил Красной армии, в частности группы Сорокина: 1) если они в районе Тимашевской, то Добровольческой армии надлежало, прикрывшись заслоном со стороны Екатеринодара, ударить всеми силами в направлении Тимашевской; 2) если у Тимашевской только сильный арьергард, то, отвлекая его прямым движением конницы Покровского и Эрдели через Тимашевскую, всеми силами обрушиться на Екатеринодар настолько быстро, чтобы не дать противнику возможности уйти за Кубань.

Вся совокупность войсковой и агентурной разведки свидетельствовала о том, что армия Сорокина, ослабленная численно и деморализованная, прикрываясь арьергардами, идет на Екатеринодар. Очевидцы передавали о тысячах повозок с пехотой и громадных обозах, непрерывной лентой идущих днем и ночью вдоль Черноморской жел. дороги к Екатеринодару. Поэтому принято было второе решение, приведшее к десятидневному сражению, — одному из наиболее тяжелых и кровопролитных за всю операцию.

Глава XXVI. Бои на путях к Екатеринодару. Кореновская

Для овладения Екатеринодаром направлена была большая часть армии. Дивизии Казановича и Дроздовского (1-я и 3-я) — вдоль Тихорецкой линии; Эрдели (1-я конная) — севернее, параллельно им, к черноморской линии для удара по городу с севера; Покровский (1-я Кубанская дивизия) — с севера на Тимашевскую и далее в тыл Екатеринодарской группе большевиков. Боровский (2-я дивизия) должен был частью своих сил наступать вдоль Кавказской жел.-дор. линии для обеспечения главного направления и для демонстрации. Для обеспечения тыла в Кореновской был оставлен Пластунский батальон с двумя орудиями.

14 июля я с Романовским был в центральной группе, в станице Пластуновской, установил окончательно детали наступления и напутствовал каждую дивизию пожеланием, чтобы она «первою вошла в Екатеринодар». Этот прием боевого соревнования, как нельзя более, соответствовал общему настроению — все рвались к Екатеринодару. К вечеру того же дня Дроздовский маневром окружения взял станцию Динскую, захватив 3 орудия, 600 пленных и большую добычу; южнее — Казанович занял с боя монастырь (Покровская общ.).

Поздно ночью я вернулся в Тихорецкую. Штаб армии на другой день должен был перейти в Кореновскую. Но утром 15-го связь с центральными колоннами была порвана. По жел.-дорожному телефону мы получили донесение, что станица Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен.

Большевистские войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1-2 формирующиеся батальона, 1-2 сотни и мой конвой. Положение создалось грозное.

Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместного с бронепоездами удара по Кореновской с северо-востока, тогда как центральная группа будет наносить его очевидно с юго-запада; послал Покровскому приказание — «минуя всякие препятствия» и чего бы это ни стоило атаковать Тимашевский узел и выйти в тыл Сорокину; Эрдели — ударить на Кореновскую с севера.

В центральную колонну штаб послал на аэроплане сообщение о направленной помощи; летчик должен был спуститься в районе Пластуновской, с риском попасть в руки неприятеля... Прошли томительные сутки...

Сведения разведки о движении большевиков из Тимашевской на Екатеринодар имели некоторые основания: туда текли обозы, беженцы, дезертиры, мелкие отряды, отколовшиеся от Сорокина. Главные силы оставались, однако, в районе Тимашевской, приводились в порядок, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, как оказалось, не менее 25—30 тысяч. На основании согласных

показаний пленных Сорокин принял решение — выставить против Покровского заслон из лучшей своей дивизии, которая должна была впоследствии отступить на Тамань и Новороссийск, самому пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу, с целью уйти за Кубань. Вероятно, только впоследствии легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую армию. Во всяком случае весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих — Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северо-кавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка советская Россия потеряла крупного военачальника ¹⁶...

14-го Сорокин перешел в наступление на широком фронте, направляя главные силы на Кореновскую. В этот день он, отбросив конницу Эрдели, вышел на линию Переяславская — Ново-Корсунская — Сергиевская, а 15-го взял Кореновскую.

Ввиду неясных слухов о появлении противника у Сергиевской и Дядьковской, полученных к вечеру 14-го, послана была туда новая разведка, а колонны Казановича и Дроздовского были придержаны у Динской. Когда утром 15-го колонны оказались отрезанными от Тихорецкой, Казанович и Дроздовский, по взаимному соглашению, оставив арьергард с бронепоездом у Динской ¹⁷, двинулись на Кореновскую, с целью атаковать ее. Марковцы Казановича — в поезде, Дроздовцы — на подводах. 2-й конный полк был направлен на ст. Раздольную для атаки Кореновской с юго-востока.

С рассветом Казанович, имея всего два батальона Марковцев с артиллерией и бронепоездом, атаковал большевиков в направлении станции (Станичная), не дождавшись подхода Дроздовского, и потерпел неудачу; батальоны его залегли, отбиваясь огнем от наступавшей пехоты противника, от атакующей большевистской конницы. В 8 часов утра войска Дроздовского развернулись севернее жел. дор., направляясь на станицу с запада, и бой под Кореновской, тылом к Екатеринодару, продолжался с новым напряжением в течение всего дня.

Войска Сорокина оказались здесь в значительно превосходных силах и отменного боевого качества. Артиллерия его выпускала огромное количество снарядов. Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды «на картечь» батарей, личный пример начальников: Дроздовского, под непрерывным огнем ободрившего свои войска, Казановича, выезжавшего в цепи противника на броневике в горячие минуты боя, Тимановского, водившего лично в атаку батальон Марковцев для спасения положения...

Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником, за руч. Кирпели к станице Платнировской. «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, — говорится в описании действий Дроздовской дивизии, — носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства Добровольцев, от изнеможения не имевших возможности (уйти) от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали (потом) раненых на кострах»... Дивизии остановились на ночь на позиции за ручьем. Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились в порядок.

На совещании, состоявшемся в эту ночь в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась в крайне мрачном свете. Казанович так описывает это совещание: «Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и искать кружным путем соединения с командующим армией или Боровским... Что надо спасать части от уничтожения»... Казанович протестовал: «Такое отступление развяжет большевикам руки, они (возьмут) Тихорецкую, порвут всякую связь между отдельными частями армии... Операция будет сорвана, наше отступление поведет к поражению армии по частям. С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы ген. Деникин оставался в бездействии — очевидно, он направляет все, что ему удалось собрать, в тыл стоящим против нас большевикам». Казанович, наконец, заявил, что ввиду потери связи с командующим армией он как старший, на основании полевого устава, вступает в командование группой и приказывает с рассветом возобновить наступление на Кореновскую...

С утра 17-го были сделаны попытки наступления Марковским полком, но безуспешно. Противник в свою очередь перешел в наступление по всему фронту. С особенной силой большевики обрушились в направлении жел. дороги на правый фланг Дроздовцев (Солдатский полк) и на Марковцев. Во многих местах окопы наши были захвачены и в них шел жестокий штыковой бой. С большим трудом незначительным поддержкам храброго 2-го Офицерского полка и батарее доблестного подполковника Миончинского удалось восстановить положение. В атаках большевиков, невзирая на их исключительное упорство, Добровольцы заметили, однако, какую-то необычайную нервность. Большевики не просто атаковали — они пробивались...

В то время, когда силы Добровольцев были уже на исходе, возле Платнировской спустился летчик штаба армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой... Настроение войск сразу поднялось. Пополудни над Кореновской появились высокие разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанский полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника с тыла.

Вскоре на всем поле между Кореновской и Платнировской Добровольцы увидели ясную и знакомую им картину «конца», когда поле сразу оживает и по нем мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди... 1-й Кубанский полк ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский. Разбитый противник спешно уходил двумя волнами: одна, смяв правый фланг Марковцев, бросилась на юг, на Раздольное, откуда ее встретил атакой 2-й конный полк; другая в сравнительном порядке текла на запад, провожаемая огнем артиллерии Дроздовского, и остановилась тыловыми частями верстах в 2—3 от Кореновской. Дроздовский под впечатлением вчерашнего дня не решился преследовать ее пехотой...

Связь с Тихорецкой была восстановлена. Большевики понесли весьма тяжелые потери — Добровольцы пощады не давали. Но и Добровольческая армия была сильно обескровлена. 1-я и 3-я дивизии потеряли 25—30% своего состава. В числе убитых были храбрейшие первопоходники — Марковцы полк. Хованский, подп. Плохинский, шт.-ротмистр Дударев и много других... Не один день потом в Тихорецкой провожал я в могилу прах своих старых соратников, со скорбью в душе и с большой неотвязчивой думой: «Уходят, уходят... один за другим»...

Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и др., войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгнувшиеся в глубь России и отделенные тысячами верст от своих баз...

К утру 18-го войска Добровольческой армии на Екатеринодарском направлении располагались следующим образом: на севере ген. Покровский, ведя весьма упорные бои, форсировал низовья Бейсуга и после уличного боя овладел Брюховецкой. Эрдели расположился главными силами в районе Березанской, одним полком занимая Батуриную. 1-я дивизия Казановича была на подходе к ст. Выселки, выделив Марковский полк на станцию Бейсуг. Дроздовский оставался в районе Кореновской, имея авангард в Платнировской.

В то время, когда происходили описанные выше события в южной группе Сорокина, северная продолжала наступление на восток, угрожая Березанской и Выселкам. 18-го большевики выбили Эрдели из Березанской и заняли станицу. В то же время другая их сильная колонна сосредоточилась у хутора Журавского, подойдя к вечеру к ст. Выселки и открыв по ней артиллерийский огонь.

Необходимо было покончить во что бы то ни стало с этой группой, вновь угрожающей жел. дороге и нашим сообщениям. Я приказал Дроздовскому вести активную оборону Кореновской, а Казановичу, с подчинением ему, кроме 1-й дивизии, и конницы Эрдели, разбить северную группу большевиков. Казанович 18-го производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном...

На другой день Кореновская группа большевиков с утра большими силами обрушилась вновь на колонну Дроздовского. Весь день шел бой, в течение которого большевики несколько раз врываются в Кореновскую с юга. Одновременно замечено было движение сильной колонны вдоль р. Малеваны, с запада на восток, в глубокий обход позиций 3-й дивизии. Войска Дроздовского проявляли

большое упорство, но противник был также необыкновенно настойчив, шел в превосходных силах, а главное, взял уже в свои руки инициативу, приковав Дроздовского к Кореновской и заставив его перейти к пассивной обороне.

Положение Кореновской стало безнадежным. Понеся серьезные потери, утомленный физически и морально, Дроздовский отдал приказ об отступлении. Начав с трудом вывод войск из боя еще засветло, он в течение ночи отошел на восток, верст за 30, в станицу Бейсугскую, оторвавшись совершенно от противника. На другой день (20-го) он донес мне, что за минувшие бои дивизия сильно пострадала, в настоящее время не боеспособна и требует полного отдыха...

Известие об отступлении 3-й дивизии пришло в штаб армии и к Казановичу только пополудни 20-го. Казанович, между тем, вел упорные атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята, но сопротивление Журавской группы противника разбивало все наши усилия. Войска Казановича, в особенности Марковский полк во главе с Тимановским, ходили многократно в атаку, несли тяжелые потери, но успеха не имели.

21 июля Сорокин был назначен главнокомандующим красных войск Северного Кавказа, и это назначение, по-видимому, повлияло на упорство его войск. На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности. Только на севере обстановка несколько улучшилась: 20-го наша флотилия, организованная в Ейске, вошла на рейд Приморско-Ахтарской и высадила там небольшой десант, который занял станцию, а в то же время Покровский после упорного боя взял станицы Ново-Джерлиевскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охватив с севера Тимашевский жел.-дорожный узел.

На 24 июля я вновь назначил общее наступление Екатеринодарской группы, привлекая и 3-ю дивизию: Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомление дивизии, наступать на Кореновскую, в тыл северной группе большевиков с целью облегчения задачи Казановича. Оставив большую половину своих сил для выполнения задачи пассивной — прикрытия Усть-Лабинского направления, Дроздовский с остальными 24-го двинулся левым берегом реки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую, по его сведениям, крупными силами противника, не решился и заночевал на полпути, в хуторе Бейсужек. Казанович атаковал опять, опять понес большой урон и безрезультатно.

Между 1-й и 3-й дивизиями создавались натянутые отношения, основанные меньше всего на их боевых достоинствах: и начальники, и части могли поспорить в доблести... Но трудно было сочетать два характера — безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть Добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского — медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми «пакетами» для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее.

Утром 25-го Дроздовский продолжал движение, изменив его направление: учитывая слабость своих сил, он отказался от глубокого обхода и решил выйти в ближний тыл Журавской группе большевиков. Двинувшись на хутор Малеваный и овладев им в десятом часу утра, Дроздовский направил 1-й Солдатский полк в сторону Выселок, где вел бой ген. Казанович. Появление наших войск вызвало большую панику среди большевистских обозов.

В течение 4—5 часов Дроздовский, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, вел здесь двусторонний горячий бой: обойдя большевиков, он оказался сам обойденным противником, подошедшим к Малеваному с юго-запада от Кореновской. Сдерживая его с этой стороны артиллерийским огнем, Дроздовский лично с «солдатскими» ротами отражал атаки с северо-востока. Большевики, стоявшие против Выселок, повернули в его сторону. Сначала одна волна, которая была расстреляна и уничтожена в штыковом бою, потом вскоре и остальные силы, преследуемые с севера Марковцами и 1-м конным полком. Последний, в пылу увлечения, гонясь по пятам за большевиками, налетел и на Дроздовцев и, пока недоразумение разъяснилось, понес потери от их огня.

Севернее, между тем, у Журавской, 1-й Кубанский полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковали позицию противника с севера и северо-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицу. К 4 часам все было кончено. Армия Сорокина, на этот раз понеся жестокое поражение, отступала на всем

фронте, преследуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами. К вечеру занята была с бою и Кореновская. Только в этот день (25-го) я приобрел вновь полную свободу действий и получил возможность продолжать выполнение своего основного плана.

Глава XXVII. Взятие Екатеринодара

Армия Сорокина уходила с большой поспешностью главной массой в направлении на Екатеринодар, частью на Тимашевскую; там по-прежнему Таманская дивизия оказывала упорное сопротивление коннице Покровского и даже 28-го предприняла серьезное контрнаступление в направлении на Роговскую... На юге отдельная группа большевиков — 4—6 тысяч с артиллерией и бронепоездами — располагалась в районе Усть-Лабинской (постоянная переправа через Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями к Раздольной и Кирпильской. Под прикрытием екатеринодарской укрепленной позиции и Усть-Лабинской группы, по мостам у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движение обозов: советское командование перебрасывало свои тылы и коммуникации за р. Кубань...

Невзирая на крайнее утомление войск непрерывными боями, я двинул армию для неотступного преследования противника: Эрдели и Казановича — в направлении Екатеринодара с севера и северо-востока, Дроздовского — против Усть-Лабы. Покровский по-прежнему имел задачей овладение Тимашевским узлом и Боровский — содействие колонне Дроздовского продвижением части сил вниз по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла к Черноморской жел. дороге у ст. Медведовской, а по Тихорецкой ветви — блестящей конной атакой одного из кубанских полков овладела станицей Пластуновской. Дроздовский в этот день взял с боя Кирпильскую, а Корниловский полк — ст. Ладожскую, причем захватили исправный неприятельский бронепоезд с 6 орудиями и 8 пулеметами¹⁸.

28-го, подвигаясь вдоль обеих жел.-дорожных линий, Эрдели занял Ново-Титоровскую и Динскую, подойдя на 20 верст к Екатеринодару. 29-го в районе Динской сосредоточилась и 1-я дивизия Казановича, причем бронепоезд ее подходил в тот день к разъезду Лорис, на полпути к Екатеринодару. Штаб армии перешел в Кореновскую, потом в Динскую. Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовский производил развертывание по линии р. Кирпили и на следующий день атаковал Усть-Лабу, одновременно выслал конный полк с полубатареями против Воронежской. 4-й Кубанский пластунский батальон ворвался на станцию и в станицу, но, не поддержанный главными силами, вскоре был выбит оттуда большевиками, подошедшими из Воронежской, отчасти с востока. В разыгравшемся здесь бою большевики, отрезанные от Екатеринодара, сами многократно атаковали с фланга боковыми отрядами главные силы Дроздовского, перешедшие к пассивной обороне, задержав их к северу от станицы; в то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по Усть-Лабинскому мосту большевистских обозов и войск. Только к вечеру по инициативе частных начальников Кубанские пластуны ворвались в Усть-Лабу совместно с Корниловскими ротами, наступавшими с востока. Арьергард противника, метавшийся между Воронежской и мостом, совместными действиями конницы Дроздовского был уничтожен, захвачены многочисленные еще обозы, орудия, пулеметы, боевые припасы; конница заняла Воронежскую.

30-го дивизия Дроздовского отдыхала. Я послал приказание двигаться безотлагательно к Екатеринодару, оставив лишь небольшой отряд для прикрытия Усть-Лабинской переправы. В этот вечер и на следующий день Дроздовский подошел к станице Старо-Корсунской, войдя в связь вправо с Казановичем. Таким образом, к 1 августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его тесным кольцом с севера и востока.

1-го предстоял штурм екатеринодарских позиций. Они тянулись от Кубани, опоясывая Пашковскую, — разъезд Лорис и далее к екатеринодарским «Садам»¹⁹, пересекая Черноморскую жел.-дор. линию; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линия окопов. Местность кругом была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1 августа после ожесточенного боя Покровский взял, наконец, Тимашевскую, и разбитый противник начал отходить в общем направлении на Новороссийск... В этот же день с раннего утра начались бои на всем Екатеринодарском фронте. Кубанцы Эрдели дошли до «Садов», сбивая передовые части противника, поддержанные бронепоездом; Казанович после горячего боя овладел разъездом Лорис и продвинулся вперед версты на две; Дроздовский потеснил противника к станции Пашковской и занял разъезд того же имени. В таком положении наши войска застала ночь, а наутро возобновился опять упорный бой.

Я шел с войсками Казановича. Все поле боя было видно, как на ладони; вдали виднелись знакомые очертания города... Четыре месяца тому назад Армия уходила от него в неизвестное, раненная в сердце гибелью любимого вождя. Теперь она опять здесь, готовая к новому штурму...

Шел непрерывный гул стрельбы. Быстро подвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем; левее цепи Дроздовского²⁰ катились безостановочно к Пашковской, на некоторое время скрылись в станице и потом появились опять, пройдя ее и гоня перед собой нестройные цепи противника... Проходит немного времени, и картина боя меняется: начинается движение в обратном направлении. Наши цепи отступают в беспорядке, и за ними текут густые волны большевиков, подоспевших из резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и левому флангу Казановича. Дроздовский, вызвав свои многочисленные резервы, останавливает с фронта наступление противника; я направляю батальон Кубанского стрелкового полка в тыл большевикам; скоро треск его пулеметов и ружей вызывает смятение в рядах большевиков. Волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару. К вечеру Дроздовский занимал опять Пашковскую, заночевав в этом районе. Казанович продвинулся с боем до предместья.

На фронте Эрдели, у Ново-Величковской, бригада Кубанцев (Запорожцы и Уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединение с Тимашевской группой большевиков. К концу дня Эрдели атаковал на широком фронте арьергарды противника с севера и запада от Екатеринодара и в девятом часу вечера ворвался в город. Утром 3-го наши колонны и штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар — ликующий, восторженно встречавший Добровольцев. Вступали с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то особое мистическое значение.

Еще на улицах Екатеринодара рвались снаряды, а из-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже последние отзвуки отшумевшей над городом грозы. Войска Казановича овладели мостом и отбросили большевиков от берега. В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах был праздник — светлый и радостный.

Взятие Екатеринодара было вторым «роковым моментом», когда, по мнению многих — не только правых, но и либеральных политических деятелей, Добровольческое командование проявило «недопустимый либерализм», вместо того, чтобы «покончить с кубанской самостийностью», посадив на Кубани наказного атамана и создав себе таким образом спокойный, замиренный тыл.

О последствиях такого образа действий можно судить только гадательно. Ни генерал Алексеев, ни я не могли начинать дела возрождения Кубани — с ее глубоко расположенным к нам казачеством, с ее доблестными воинами, боровшимися в наших рядах, — актом насилия. Была большая надежда на мирное сожительство. Но, помимо принципиальной стороны вопроса, я утверждаю убежденно: тот, кто захотел бы устранить тогда насильственно кубанскую власть, вынужден был бы применять в крае систему чисто большевистского террора против самостийников и попал бы в полнейшую зависимость от кубанских военных начальников.

Когда был взят Екатеринодар, я послал кубанскому атаману, полковнику Филимонову, в Тихорецкую телеграфное извещение об этом событии и письмо следующего содержания: «Милостивый государь Александр Петрович! Трудом и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань. Область, с которой нас связывает крепкими узами беспримерный Кубанский поход, смерть вождя и сотни рассеянных по кубанским степям братских могил, где рядом с кубанскими казаками покоятся вечным сном Добровольцы, собравшиеся со всех концов России.

Армия всем сердцем разделяет радость Кубани. Я уверен, что Краевая Рада,

которая должна собраться в кратчайший срок, найдет в себе разум, мужество и силы залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнузданной черни. Создаст единоличную твердую власть, состоящую в тесной связи с Добровольческой армией. Не порвет сыновней зависимости от Единой, Великой России. Не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях. И не повторит социальные опыты, приведшие народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию.

Я не сомневаюсь, что на примере Добровольческой армии, где наряду с высокой доблестью одержала верх над «революционной свободой» красных банд воинская дисциплина, воспитаются новые полки Кубанского войска, забыв навсегда комитеты, митинги и все те преступные нововведения, которые погубили их и всю армию.

Несомненно, только казачье и горское население области, ополчившееся против врагов и насильников и выдержавшее вместе с Добровольческой армией всю тяжесть борьбы, имеет право устраивать судьбы родного края. Но пусть при этом не будут обездолены иногородние: суровая кара палачам, милость заблудившимся темным людям и высокая справедливость в отношении массы безобидного населения, страдавшего так же, как и казаки, в темные дни бесправья.

Добровольческая армия не кончила своей крестный путь. Отданная на поругание советской власти Россия ждет избавления. Армия не сомневается, что казаки в рядах ее пойдут на новые подвиги в деле освобождения отчизны, краеугольный камень чему положен на Кубани и в Ставропольской губернии.

Дай Бог счастья Кубанскому Краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким и радостным, — которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами! Уважающий Вас А. Деникин».

Кубанское правительство просило меня повременить со въездом в Екатеринодар, чтобы оно могло прибыть туда ранее и подготовить «достойную встречу». Но в Екатеринодар втягивались Добровольческие дивизии, на том берегу шел еще бой, и мне поневоле пришлось перевести свой штаб на Екатеринодарский вокзал; только к вечеру не вытерпел — проехал незаметно на автомобиле по знакомому городу — теперь неузнаваемому — загаженному, заплеванному большевиками, еще не вполне верившему счастью освобождения.

Много позднее, к величайшему своему изумлению, в отчете о секретном заседании законодательной рады (28 февраля 1919 г.) в числе многих тяжких вин, предъявленных Рябоволом командованию, я нашел и следующую: «Когда после взятия Екатеринодара атаман и председатель рады были с визитом у Алексева (в Тихорецкой), тот определенно заявил, что атаман и правительство должны явиться в город первыми, как истинные хозяева; что всякие выработанные без этого условия церемониалы должны быть отменены. Но, конечно, этого не случилось»...

Тонкие политики! Если бы я знал, что наш совместный въезд в «столицу» (4 августа) так огорчит ваше чувство суверенности, я отказался бы вовсе от торжеств. И притом никто не препятствовал ведь правительству и раде войти в Екатеринодар хотя бы... с конницей Эрдели, атаковавшей город.

Первые часы омрачились маленьким инцидентом: Добровольцы принесли мне глубоко возмущивший их экземпляр воззвания, расклеенного по всем екатеринодарским улицам. Оно было подписано ген. Букретовым — председателем тайной военной организации, проявившей признаки жизни только в момент вступления в город Добровольцев. Начиналось оно следующими словами: «Долго жданные хозяева Кубани, казаки и с ними часть иногородцев, неся с собою справедливость и свободу, прибыли в столицу Кубани»... Добровольческая армия — «часть иногородцев»? Так... Букретов пришел представиться и не был принят. Долго ждал на вокзале и, когда я вышел на перрон, подошел ко мне. Я сказал ему: «Вы в своем воззвании отнеслись с таким неуважением к Добровольческой армии, что говорить мне с Вами не пристало». Повернулся от него и ушел.

Этот ничтожный по существу случай имел, однако, весьма важные последствия. Букретов затаил враждебное чувство. Пройдет с небольшим год... Кубанская рада, весьма ревниво относившаяся всегда к чистоте казачьей крови своих атаманов, изменит конституцию края и вручит атаманскую булаву генералу Букретову...

Человеку «чужому», не имевшему никаких заслуг в отношении кубанского казачества, состоявшему под следствием по обвинению во взяточничестве, по происхождению еврею, приписанному в полковничьем чине к казачьей станице, но зато... «несомненному врагу главнокомандующего»... Букретов приложит все усилия, чтобы углубить и ускорить разрыв между Кубанью и главным командованием, потом вероломно сдаст остатки Кубанской армии большевикам и исчезнет.

4 августа на вокзале торжественно встречали в моем лице Добровольческую армию атаман, правительство, рада и делегации. Потом все вместе поехали верхом на соборную площадь, где собрались духовенство, войска и несметная толпа народа. Под палящими лучами южного солнца шло благодарственное молебствие. И были моления те животворящей росой на испепеленные смутой души; примирали с перенесенными терзаниями и углубляли веру в будущее — страны многострадальной, измученного народа, самоотверженной армии... Это чувство написано было на лицах, оно поднимало в эти минуты людей над житейскими буднями и объединяло толпу, ряды Добровольцев и собравшихся возле аналая военачальников и правителей.

Когда проходили после молебствия войска — офицерские части, кубанская конница, черкесы — все загорелые, тщательно прикрасившие ради торжественного случая свои изношенные, заплатанные одежды, их встречали отовсюду любовно и трогательно. В приветственных речах на вокзале, потом в застольных, в войсковом собрании, кубанские правители — Филимонов, Быч, Рябовол и др. — превозносили заслуги Добровольческой армии и ее вождей и, главное, свидетельствовали — в особенности устами атамана — о своей преданности национальной идее. «Кубань отлично сознает, что она может быть счастливой только при условии единства матери-России, — говорил атаман. — Поэтому, закончив борьбу за освобождение Кубани, казаки в рядах Добровольческой армии будут биться и за освобождение и возрождение Великой Единой России»... Это было самое важное; остальное, казалось, все приложится.

5-го приехал в Екатеринодар ген. Алексеев, встреченный торжественно и задумчиво. Вновь состоялось молебствие и парад прибывшей неожиданно в Екатеринодар дивизии Покровского... Покровский привел несколько полков, хотя город был взят уже два дня тому назад, а Тимашевская группа большевиков уходила на Славянскую... «Полки измотались, — говорил он, — все равно необходима дневка. Но всеобщее желание Кубанцев было пройти еще лишних 15—20 верст, чтобы увидеть свою столицу, своих вождей и себя показать»...

В этот день кубанцы чествовали ген. Алексева. Опять слышались горячие речи, полные признания заслуг армии, любви к Кубанскому краю и глубокого патриотизма по отношению к России... Я от души пожелал, «чтобы освобожденная Кубань не стала вновь ареной политической борьбы, а приступила как можно скорее к творческой созидательной работе»...

Глава XXVIII. Политика кубанской власти. Взаимоотношения Кубани и Добровольческой армии осенью 1918 года

Окончились празднества, отзвучали речи и настали суровые, деловые будни. Войска двигались к Лабе, Тамани и Новороссийску, а екатеринодарская жизнь забила ключом, впитав в себя самые разнородные и зачастую резко противоположные интересы создавшегося вновь военного и политического центра Юга России. Первым важным вопросом явилось разграничение власти военного командования и Кубанского правительства.

Кубанские правители во главу угла поставили свою суверенность. Они основывали ее на своем выборном происхождении и на договоре с ген. Корниловым и Добровольческой армией, заключенном в Ново-Дмитриевской 17 марта 1918 года²¹. Всякое действительное или казавшееся только нарушение этого принципа вызывало с их стороны упорное прямое или скрытое противодействие. Ген. Алексеев и я, в свою очередь, не имели ни малейшего желания вмешиваться в управление краем. Но жизнь была сильнее и кубанской власти, и командования и говорила языком своих суровых требований. Как-никак, на территории «суверенного» края жила и боролась «суверенная» армия. Враг, еще многочисленный и сильный, зани-

мал значительную часть Кубани, и положение требовало полного напряжения сил, полного подчинения всей краевой жизни и деятельности правительства — интересам вооруженной борьбы.

Исходя из этих мотивов, мы основывали наши взаимоотношения на «Положении о полевом управлении войск», поставив Кубанское правительство в такую же связь с нами, какая существовала до 23 августа 1915 г. между ставкой вел. кн. Николая Николаевича и Российским правительством. Отсутствие верхнего звена в этой иерархической цепи создавало объективно поводы для крупных и мелких недоразумений и «превышения» то одной, то другой стороной своей компетенции. Тем не менее такое положение, не закрепленное никаким актом, оспариваемое не раз Кубанским правительством, просуществовало фактически целых полтора года — долгий срок, в который мы безнадежно искали и не нашли приемлемых форм государственной связи Кубани с той Россией, которая была представлена командованием.

Совершенно невозможно перечислить все те мелкие поводы, главным образом материального характера, которые возникали ежедневно и портили наши отношения. Я остановлюсь лишь на той группе фактов, которую приводило само Кубанское правительство в обращении к ген. Алексееву и ко мне ²²: 1. Вмешательство проходящих Добровольческих отрядов во внутреннюю жизнь станиц и городов. 2. Реквизиции, производимые армией, в особенности большевистских складов, запасов и имущества, которые Кубанское правительство считало своим призом. 3. Сбор продовольствия и отвод квартир непосредственным распоряжением органов армии, помимо кубанских учреждений.

Несомненно, претензии Кубанского правительства имели не мало оснований, но далеко не исчерпывали вопроса. За быстрым движением армии не поспевало административное устройство края... Органы снабжения и продовольствия Кубанского правительства — малочисленные и немощные — не в состоянии были удовлетворить потребностей разбросанной на огромном протяжении армии... С обеих сторон — армейских и кубанских органов снабжения — проявлялось полное недоверие друг к другу и борьба за свои интересы, не умеряемая общей, единою властью. И если Кубанское правительство не без известного основания говорило, что с ним «представители Добровольческой армии в своих распоряжениях, касающихся многих важных сторон местной и краевой жизни, не считаются», то прав был и ген. Алексеев, положивший на одном из представлений резолюцию ²³: «По закону все органы Кубанского краевого правительства должны являться исполнительными для Армии, очищающей вооруженною рукой территорию (области) и за нее ведущей борьбу. Практика и деятельность г-на Быча показывает иное. Мы не можем теперь рассчитывать на выполнение краевым правительством своих обязанностей перед армией. Остается заботиться самим, не останавливаясь перед суровыми реквизициями»...

Помимо этих материального характера столкновений, с первых же шагов обнаружилось идейное расхождение между Кубанским правительством и командованием армии.

К кубанским деятелям не применимы общерусские термины партийной принадлежности: в кастовом, сословно-казачьем укладе они теряют совершенно свое обычное содержание. Казак — с.-р. или с.-д., например, — совершенная аномалия. Можно говорить об этом лишь относительно.

Действенная казачья интеллигенция делилась на социалистов и либералов; почти не были представлены консерваторы. Сообразно территориальному и генеалогическому происхождению существовало деление на черноморцев ²⁴ и линейцев ²⁵, совпадавшее с большим отличием политических стремлений обеих групп. Встречались нередко уклонения отдельных лиц от такого грубого политического размежевания по территориальным признакам, но в широком обобщении оно было верно: слово «черноморец» стало синонимом украинофила, социалиста, сепаратиста; «линеец» — синонимом либерала, русского централиста или автономиста.

Политическим центром черноморцев был Екатеринодар, линейцев — Армавир. Первые имели довольно сильных в областном масштабе вожаков, во главе с Бычом — председателем правительства, и Рябоволом — председателем законодательной рады. «Мозг» и «импульс» кубанского сепаратизма. Их неизменным спутником — тенью, декорацией — был товарищ председателя законодательной рады

Шахим-Гирей. Он никогда не говорил других слов, чем его вдохновители, и притом всегда от имени всего черкесского народа. А мирный спокойный народ «его» совершенно не интересовался политической борьбой; почтенные представители черкесов впоследствии в раде единогласно присоединились к мнению Шахим-Гирея и так же единогласно опровергали его, когда на заседании в среде их присутствовал другой, старший Гирей (Келеч) — командир Черкесского полка — храбрый Доброволец и русский централист.

Линейцы были слабее численно и возглавлялись интеллектуально менее сильными лидерами. Это обстоятельство поставило линейцев в хроническое положение «оппозиции», группировавшейся вокруг полковника Филимонова. Центральное положение, им занятое, обуславливалось не политическим влиянием Филимонова, а ролью его как атамана, борющегося за атаманскую власть, обезличенную конституцией, расхищаемую правительством и законодательной радой, — атамана, считавшегося другом Добровольческой армии.

Последнее обстоятельство требует некоторого разъяснения. С самого начала нашей совместной деятельности на Кубани атаман Филимонов играл не вполне определенную роль: в своей борьбе с черноморской группой он искал и находил всегда поддержку в командовании; но в борьбе командования с той же политической группой занимал часто нейтральное положение. Никогда, к сожалению, мы до конца не договаривались, и пути наши поэтому не раз расходились.

В толще кубанского казачества и в кубанских частях оба эти политические течения отражались вначале весьма мало. В особенности в войсках: казаки шли за своими начальниками, а эти последние были совершенно лояльны в отношении командования армии и разделяли всецело национальные стимулы ее.

В правительстве и раде возобладали черноморцы. Этот факт определил направление всей политики Кубани и ее взаимоотношения с Добровольческой армией. Первые месяцы, однако, противодействие армии со стороны Кубанского правительства носило более пассивный характер, прорываясь лишь в резких агитационных выпадах против Армии членов господствующей партии в законодательной раде, в печати и на станичных сборах. Агитация почти не находила отклика в станицах, полных доброго чувства к армии-освободительнице. И ген. Алексеев, и я получали множество постановлений и приветствий от станиц — теплых, сердечных, бесхитростных, когда они были лишены... казенного штампа.

Правительственная агитация носила формы чрезвычайно грубые и примитивные. Чтобы дать понятие о характере их, я приведу один эпизод, имевший место через месяц после взятия армией Екатеринодара. 31 августа все екатеринодарские газеты получили циркулярное предложение от Кубанского правительства напечатать приговор станицы Старо-Нижестеблиевской... В нем были такие перлы самостоятельной идеологии, с тонкой игрой на отождествлении советской власти с Россией: «Мы козаки... по своему слабоумию или недохвату в науци, нытак давно изминыли булы свой ридний Кубани, дали волю и власть проклятому москалю... Проклятый москаль волю и власть козачу штыком соби в руки захватыв, задавыв нас як мух»..., но «наши батькы-паны, як люди ученни, ны допустылы заблудывшихся нас до погыбыли, стали на опалцаткы, перэд тию чернотою сибирякамы и каторжанами и вывылы нас з москальской ныволи... И спасыби Вам, наши спасытыли Кубанци паны, гиниралы и весь начальствующий состав, в особенности рыдному батьку, полковнику Фылымонову, батьку Бычу и всий Ради., вылыкe спасыби... за Вашу шыроць, за спасэние нас и наших имуцьств». Ввиду возмущения этим фактом «русской» общественности, кубанский «министр» Калабухов на другой день разъяснил, что «вышеупомянутый приговор с резолюцией Войскового Атамана «отпечатать», по личному недосмотру г. секретаря (правительства) был разослан во все редакции»...

А «москальи» — Корнилов, Алексеев, Марков, Дроздовский и много тысяч других — одни уже сложили свои головы, другие продолжали борьбу за спасение Кубани...

Казачество в целом не было пока вовлечено в нашу распрю. Сильный враг был еще у порога Екатеринодара, а какой будет политический облик созываемой Краевой рады — неизвестно. Перетягивать поэтому струны кубанским деятелям не стоило... Тем не менее, основные линии политики черноморской группы в деятельности правительства Быча начали проявляться с полной определенностью.

Идея «Великой Украины», в которой Кубань займет положение «равного члена», проводилась пока еще теоретически: немецкая оккупация и гетманский режим служили охлаждающим началом. Черноморцы ждали возвращения к власти Центральной рады и Петлюры. Практически принимались, однако, меры к округлению границ «Великой Кубани», в пределах которой мыслились и юго-западная часть Ставропольской губернии, и вся Черноморская²⁶. По мере продвижения наших войск в пределы Черноморской губ. за ними шли агитаторы, снабженные удостоверениями Кубанского правительства, побуждая население требовать «возвращения к родной матери-Кубани»; они, впрочем, быстро вылавливались Добровольческими властями. Позднее правительство Быча входило в тайные сношения с грузинами о присоединении к Кубани Черноморской губ., находившейся под управлением Добровольческого командования, и в то же время воздействовало на население бесплодной губернии голодной блокадой, закрыв границы войска для продовольственных грузов.

Суверенность подчеркивалась и укреплялась всеми способами. Официальная газета Кубанского правительства²⁷ заявляла, что Кубань в будущем «не помирится на самоуправлении, ни даже на автономии, а будет отстаивать суверенные права... Казачество хочет быть полноправным хозяином во всех областях гражданской и экономической жизни. Ему нужны свои порты и дороги, независимость при определении своих отношений к другим соседним областям или государствам и полная частная и общественная инициатива и самостоятельность во всех вопросах экономической политики»...

Остатки общегосударственных учреждений закрывались — даже такие, как, например, 14 приютов б. ведомства импер. Марии, эвакуированных на Кубань в 1917 г. и обреченных теперь на голодное существование. С другой стороны, областные учреждения, связанные административными нитями с другими губерниями Северного Кавказа, без всякого предупреждения командования превращались в самостоятельные краевые²⁸. Распоряжением правительства был воспрещен въезд на Кубань «русских беженцев», а в конце августа были закрыты все границы области для вывоза почти всего сырья и предметов продовольствия, чем нарушился установившийся обмен с районами, занятыми Добровольческой армией, отягчая их положение и вызывая неудовольствие против командования. Такие же распоряжения отдавались на Дону. С 13 сентября Кубанское правительство подчинило себе железные дороги, проходящие по краю, и, таким образом, из Новороссийска, например, в Ростов через Торговую движение по одной Владикавказской дороге происходило через три «суверенные государства» с донскими и кубанскими таможенниками: район Добровольческой армии (Новороссийск — Тонельная), Кубань (до станции Ея), опять район Добровольческой армии (до Торговой) и Дон (до Ростова)... Конечно, такое положение было нетерпимым, и начальник военных сообщений армии должен был наложить руку на всю сеть ж. д. театра войны.

Неоднократные попытки генерала Алексева к согласованию деятельности, к объединению снабжения, финансовой системы и т. д. встретили подозрительность и недоверие Кубанского правительства. И ген. Алексеев, разочарованный в своих ожиданиях в полной мере, писал атаману, что во всех правительственных мероприятиях Кубани он видит только «стремление всеми силами отмежеваться от вопросов общегосударственного значения и все управление краем свести к удовлетворению чисто местных интересов²⁹».

Казачий шовинизм в отношении иногородних — «русских» — проявлялся в формах, совершенно недопустимых. Казаки мстили за свое разорение, за свою кровь. Иногородние считались поголовно большевиками и являлись бесправными на кубанской земле; на них налагались тяжкие материальные кары за действительный и мнимый большевизм включительно до отобрания домов и угодий безвестно отсутствующих глав семей³⁰; детей их изгоняли из школ, и само правительство создавало высшее учебное заведение для «коренных жителей края». А сколько людей перевешано и расстреляно было станичными судами, об этом не ведомо Кубанскому правительству, не занимавшемуся подобной статистикой. В самом кубанском «парламенте», собравшемся в октябре, серьезно обсуждался вопрос о поголовном выселении иногородних из Кубанской области, причем более экспансивные ораторы сбивались: вместо «выселения» упоминали иногда об «истреблении».

Могло ли умерить эти настроения правительство Быча? Несомненно. Боролось ли с ними? На этот вопрос ответил в заседании рады товарищ председателя Рябцев: «Борьба с... иногородними (!) входила в одну из задач Законодательной Рады»³¹.

Обоснование этой борьбы было чуждо каких-либо идеологических мотивов. Это была только борьба за землю. Компетентное определение существа этой борьбы мы находим у председателя Кубанского правительства Луки Быча: «Иногородние, — говорит он³², — имели основание быть остро недовольными своим положением.... Они здесь не имели земли, столь плодородной богатейшей земли, которая составляла общинную собственность всего войска и не могла поступить в их полное распоряжение, чего они, как истые крестьяне, так жаждали». Быч находил вполне естественным такой порядок: «Конечно, для них звучало бы странной иронией требование земли в том невозможном в действительности случае, если бы такое требование было предъявлено казаками, случайно поселившимися, скажем, в Тверской или Воронежской губерниях, откуда они пришли на Кубань»... «Революция, давшая возможность проявить и углубить притязания на казачьи земли со стороны иногородних, создала чрезвычайно тучную почву для внедрения большевизма в эту среду. Строго говоря, большевизм играл роль прикрытия к вопросу аграрному»...

Как бы то ни было, игра на казачьем шовинизме составляла одно из главных средств для сохранения за собой влияния черноморской группы. Сойти с этой позиции — значило бы потерять влияние и власть.

Общерусская революционная демократия мирилась с таким положением, оставаясь в постоянном союзе с «демократическим» правительством Быча в противовес «реакционному» командованию. А в народе эти чисто казачьи эксцессы заносились нередко в пассив Добровольчеству, отягчая синодик наших собственных не малых прегрешений. Вообще, когда кубанский казак брал станицы, пушки и пленных, правительство ревниво следило, чтобы он был наименован «кубанцем»; когда же казак порол и грабил иногородних, его называли «Добровольцем»...

Помимо морального и политического значения своего, эти взаимоотношения, как видим ниже, имели следствием приток значительных пополнений иногородних в ряды Красной армии и усиление ее упорства и воли к продолжению борьбы.

В край, и в частности в Екатеринодар, наехало много общественных и политических деятелей из Украины, Крыма, Москвы. Одни из них присоединились всецело к позиции Добровольческой армии, другие стали в стороне, не решаясь еще открыто высказаться против подозреваемой в реакционности армии и вместе с тем испугавшись чрезмерного самостийничества «демократического» Кубанского правительства. В начале сентября выступил Шульгин с «Россией», проводя с большою страстностью идеи монархизма и национализма. Загорелась жестокая полемика с органами левого и самостийного направления — «Вольной Кубанью» (правит. газета), «Сыном Отечества» (газета Шрейдера), «Кубанским Краем» и др., отражая до известной степени течение борьбы между краевым правительством и командованием в области национальных задач.

«Россию» считали нашим официозом и потому в ее лице направляли удары по адресу командования. Это было не совсем верное толкование. Газета всемерно поддерживала армию и имела близкую связь с нею, главным образом, благодаря личным дружественным отношениям Шульгина с ген. Драгомировым³³. Драгомиров и штаб армии давали газете информацию и иногда фактическое освещение мероприятий Добровольческого командования и его взаимоотношений с другими новообразованиями. Но в политической идеологии своей Шульгин не был связан никаким обязательством. Он говорил от себя и за себя, иногда отражая мнение командования, иногда идя вразрез с ним. Влияние его органа на офицерство было, несомненно, очень велико.

Пришлая «российская демократия», представителем которой считал себя Г. Шрейдер, и члены редакции «Сына Отечества» отнеслись с особенным опасением к этому влиянию. «Сын Отечества», следуя твердо традициям отжившей охранной прессы, писал донос казачьим правительствам: «Открыто ведущаяся на Дону (Суворин) и на Кубани (Шульгин) пропаганда монархизма имеет все признаки государственного преступления... Постановлением бывшего Временного правительства, утвержденным волею Всенародного Учредительного Собрания, разогнанного большевиками, в России установлена республиканская форма правления... Покушающийся в данное время на свержение этой единственно законной формы

правления является преступником перед народом. Эти покушения предполагают заговор, бунт»...

Подобные откровения из области государственного права поддерживались Кубанским правительством в нужных случаях, поддерживались им и Шрейдеровские органы в качестве оппозиции Добровольческой армии. Но только до известного предела: Шрейдер с его Учредительным Собранием³⁴ 18 года для кубанских самостийников казался таким же централистом, хотя и социалистического образца, как и Шульгин.

Вообще настроение приезжей российской интеллигенции оказалось огульно не в пользу кубанской власти. И однажды кубанское ведомство внутренних дел в длинном, полемического характера приказе³⁵ констатировало наплыв в Екатеринодар «множества членов различных партийных течений и организаций», которые «выявляют бесконечные резолюции, протесты и почти открытое противодействие местной правительственной власти». На основании «военного положения» ведомство нашло необходимым «воспретить все, без исключения, собрания» и «закрывать газеты» за статьи, «вызывающие недоверие к Краевой власти и затрагивающие (высших) представителей соседних дружественных новообразований»... Только поношение Добровольческой власти и армии не преследовалось законом и исполнителями его, являясь одним из методов политической борьбы.

Наиболее серьезное столкновение с кубанской властью произошло по вопросу о выделении автономной Кубанской армии с подчинением ее во всех отношениях атаману и лишь в оперативном — Добровольческому командованию.

К сентябрю относительный состав Добровольческой армии был следующий (далее в тексте таблица.— *Ред.*): Части общероссийских пехотных полков — 10, конных полков — 2, батарей — 14; кубанских (соответственно) 8 (пласт. бат.), 16, 7.

Технические войска были укомплектованы по преимуществу общероссийским элементом. Все войсковые части в силу условий комплектования — на походе и в бою — были перемешаны. Казаки входили в большом числе в состав пехотных полков, в особенности 1-го Кубанского стрелкового и Партизанского; неказачьи офицеры, ввиду сильного некомплекта у кубанцев, составляли по преимуществу командный элемент в Пластунских батальонах³⁶ и в кубанских батареях. Если подсчитать боевой состав общероссийских и кубанских частей, то кубанцев в армии было 50%; внеся поправку за счет казаков, находившихся в отрядах офицерских частей, эту цифру надо поднять до 60—65%.

На общем заседании командования и кубанских властей 12 августа вопрос о выделении всех кубанцев и создании армии поставлен был в форме категорического требования. Особенно настаивал на этом большой недоброжелатель армии, «военный министр» полковн. Савицкий — офицер конвоя Его Величества, перешедший всецело в стан «социалистов» и самостийников. Такие неожиданные превращения весьма характерны: когда вспыхнула революция, одними из первых пришли в Думу дворцовые слуги — наследственно пользовавшиеся царскими милостями — заклеймить старый «ненавистный» режим и порадоваться на новых «господ»...

Официальные мотивы этого требования были знакомы и ранее: пример «старшего брата» — Дона, имеющего свою армию; моральное самочувствие кубанских казаков, которых заслуги якобы «затираются» под общим именем Добровольческой армии... Наконец, необходимость иметь свою армию на случай ухода по стратегическим соображениям Добровольцев. Кубанские правители не были здесь так откровенны, как на заседаниях законодательной, потом краевой рады, когда вопрос о борьбе с большевиками отошел окончательно на задний план, и «Кубанская армия» выдвигалась открыто как политическое орудие против Добровольческой. Один из черноморских лидеров, П. Макаренко, говорил: «Всякий человек, который хочет возвыситься над обыкновенными, старается прибрать к рукам вооруженную силу... Это общее правило — забрать больше власти над войсками, а тогда уже диктовать свои условия. Необходимо кубанские войска подчинять кубанскому атаману (правительству?), а в оперативном отношении он может подчинить их тому, кому найдет нужным»³⁷.

Создавать Кубанскую армию для политических целей Быча и Рябовола было нецелесообразно. «Их» армия в «Россию» не пошла бы. Но, помимо этого, такая операция над армией, находившейся в постоянном движении и в боях, была технически невыполнима и, во всяком случае, грозила полным подрывом ее боеспособ-

ности. Добровольцы остались бы с поредельными пехотными частями и без конницы, а Кубанцы — без генерального штаба, без технических частей, с сильно ослабленной артиллерией и пластунскими батальонами, из которых, несомненно, ушло бы все неказачье офицерство.

Я соглашался постепенно, по мере притока укомплектований, выделять всех кубанцев из чисто Добровольческих в казачьи части, но в формировании отдельной армии, нарушающей систему организации и затрудняющей стратегическое использование сил, категорически отказал. Спор грозил затянуться до бесконечности. Я встал и заявил: «В то время, когда половина Кубани под властью большевиков, и на полях ее льется кровь Добровольцев, Кубанское правительство стремится развалить армию. Я этого не допущу». Извинившись затем за свой резкий тон и за уход перед ген. Алексеевым, я вместе с Романовским покинул заседание.

Вопрос этот заглох. Через месяц он поднялся опять в бурном заседании законодательной рады. Там, однако, оказался у нас союзник: атаман Филимонов защищал позицию командования и Добровольческую армию, в весьма резких выражениях обвинял правительство, требовал устранения им поводов к разрыву и призывал к полному единению с армией³⁸. «Стоя близко к Добровольческой армии,— говорил он,— имея частые сношения с командующим.., я не замечал никогда желания последнего мешать работе правительства или стремления к захвату власти».

Отстаивая перед командованием иногда неумеренные требования «казачьей вольности», в своем кругу атаман Филимонов вносил умеряющую струю в разгоряченную атмосферу, созданную казачьим шовинизмом и центробежными силами. Свой взгляд на общность интересов армии и края он высказал однажды образной фразой: «Мы так срослись с Добровольческой армией, что каждое расхождение кровотоцит»...

В смысле взаимоотношений армии и Кубанского правительства первые два месяца были только прелюдией. Они только намечали глубокими бороздами те направления, которыми разойдутся пути Кубани и Армии. Пока шел разговор лишь о размежевании власти на Кубанской территории и не подымался еще вопрос о создании «южной власти».

Тем не менее, создавшееся положение борьбы «на два фронта» было крайне тягостным. Не раз, после очередного столкновения, мне высказывали мысль: что, если предоставить Кубань ее собственной участи и дальнейшую борьбу на ее территории — ее армии, выведя Добровольческие части первоначально в Ставропольскую губернию?.. В конце концов это было возможно. Но дальше и мне, и Романовскому рисовались перспективы, далеко не радостного свойства... Ослабленная и дезорганизованная Добровольческая армия должна была бы пробивать себе новые пути на север или на юг и начинать всю работу сначала — опять без базы, в политической обстановке, еще более сложной... Кубанская армия, лишенная «спинного хребта» в лице Добровольческих частей, была совершенно бессильна справиться с Северо-Кавказской красной армией. Мы увидим в дальнейшем, что после взятия Екатеринодара борьба с большевиками потребует еще 5 месяцев времени, полного напряжения всех сил Добровольческой армии и больших жертв... С нашим уходом большевики хлынули бы вновь в освобожденный край, затопили бы неповинные кубанские станицы и Черноморскую губернию... Все наши труды и жертвы пошли бы прахом.

Цепи, связывавшие нас с Кубанью, были неразрывны еще по одной причине: мне стало известным, что в случае решения об уходе Добровольческой армии кубанские военные начальники произведут в Екатеринодаре переворот, свергнув правительство и законодательную раду, и, вероятно, истребят многих черноморских вожаков. Пришлось бы, следовательно, взяв на себя нравственную ответственность за происшедшее, возвращаться к исходному положению в обстановке, значительно ухудшившейся в стратегическом и политическом отношении.

В таком напряженном положении обе стороны ждали Краевой Рады, которая должна была внести ясность в наши отношения. Быч или Филимонов? Самостийность и федерация с Украиной или автономная Кубань в Единой Великой России? Война или мир?

(Продолжение следует)

Примечания

1. Кроме чисто кубанских конных и пластунских частей кубанские казаки входили в состав пехотных Добровольческих полков.
2. См. гл. XX.
3. Бригада Покровского развернута в Кубанскую дивизию и сформирована отдельная бригада (Глазенапа).
4. Доклад Лисового от 6 июля.
5. Заведовал у ген. Алексеева финансовой частью. Впоследствии был министром внутренних дел Крымского правительства.
6. Статья 108¹.
7. С 24 января по 6 февраля в судебную-следственную комиссию поступило 705 дел, из которых 265 переданы в другие судебные учреждения, 92 не разобраны, 82 окончены в административном порядке и 251 прекращено за отсутствием состава преступления.
8. Боевой состав дивизий менялся чуть не ежегодно — с одной стороны, от убыли, с другой — от притока пополнений.
9. Отряд полковника Селезнева из мобилизованных кубанских казаков, шедший из станицы Дмитриевской.
10. См. ниже.
11. См. следующую главу.
12. Авангард был выдвинут на станцию Овечки, в 50 с лишним верстах от Армавира.
13. Оказался не боеспособен и вскоре был расформирован.
14. Улагаевский Пластунский батальон из состава 2-й дивизии принимал главное участие.
15. В командование 1-й дивизией вступил вернувшийся из командировки в Москву ген. Казанович. Полковник Кутепов стал бригадным командиром. 1-й Кубанский полк этой дивизии с гаубичной батареей был отправлен в Ставрополь.
16. Убит в октябре большевиками в Ставрополе. См. ниже.
17. Из состава 1-й дивизии батальона Марковцев и 1-й конный полк.
18. Дело капитана Морозова.
19. Предместье города.
20. 4-й Кубанский пластунский батальон и батальон 2-го Офицерского полка.
21. См. т. II, гл. XXIV.
22. Сношение председателя Быча 18 августа.
23. 31 августа.
24. Черноморцы — потомки запорожцев, населяющие сев.-зап., большую часть Кубани.
25. Линейцы — выселенные некогда с Дона «на линию» казаки и выходцы крестьяне центральных и Ставропольской губерний.
26. Эти районы входили и в карту «Великой Украины».
27. «Вольная Кубань» 22 сентября (передовая).
28. Судебные учреждения Черноморской губ., например, были ранее подведомственны Екатеринодарскому суду.
29. Письмо атаману 4 сентября № 586.
30. Официальный текст закона говорил о «лицах, бежавших с большевиками из сочувствия к ним».
31. Из стенографического отчета.
32. Статья Быча в «Донской Волне», 1918 г., № 21.
33. Помощник Верховного руководителя, генерала Алексеева.
34. Позже организовал Юго-Восточный комитет членов Учред. Собрания.
35. Приказ Калабухова 24 октября 1918 года.
36. Так было и во время мировой войны: кубанского офицерства хватало только на пополнение конницы и артиллерии; в пластунах (пехота) они служить не любили.
37. Отчет о заседании 10 ноября 1918 года.
38. Заседание 19 сентября.

Примечания редакции

1. *Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1887—1947)* — один из организаторов контрреволюции в России в годы гражданской войны, генерал-лейтенант (1919 г.). Из семьи казачьего офицера. Окончил Николаевское кавалерийское училище, служил в Кубанском казачьем

войске. Участник первой мировой войны, полковник. Весной 1918 г. создал казачий отряд в районе Баталпашинска (Черкесск) и начал вооруженную борьбу против Советской власти; в мае — июне совершил налеты на Ставрополь, Ессентуки и Кисловодск. Был начальником Кубанской казачьей бригады, дивизии в армии Деникина, с мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса в Вооруженных силах Юга России. После поражения белогвардейцев эмигрировал. В 1939—1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами. В 1945 г. задержан английскими войсками в Австрии и выдан советскому командованию. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

II. *Улагай Сергей Георгиевич* (1875— после 1945) — генерал-лейтенант (1919 г.). Из семьи казачьего офицера. Окончил Николаевское кавалерийское училище. В годы первой мировой войны полковник. За участие в мятеже генерала Корнилова арестован Временным правительством, но бежал на Кубань. Весной 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; с июля начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с декабря командовал конной группой; был разбит Красной Армией. Руководил морским десантом врангелевских войск на Кубани 14 августа — 7 сентября 1920 г., но десант был быстро ликвидирован. Лишь незначительной части войск Улагая удалось уйти в Крым, сам он был уволен Врангелем из армии, эмигрировал. Служил в албанской армии. В 1939—1945 гг. сотрудничал с гитлеровцами. Захвачен советскими войсками, казнен по приговору Верховного суда СССР.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1921 год

24 июня/7 июля. Голод надвигается быстрыми шагами ¹. Они, по-видимому, сознают, что дело плохо, по крайней мере, насколько можно верить московским слухам. Говорят о радио, отправленных с призывом о помощи голодающим, и о радио, полученных в ответ, где будто бы говорится, что помочь готовы, но этому правительству не дадут ни фунта хлеба ²; говорят, что сводня М. Горький ездил к Патриарху с просьбой от имени властей обратиться за помощью к иностранным церквам ³. Говорят о статьях в иностранных газетах, где будто бы опять говорят об интервенции. В Москве силится образоваться комитет для помощи голодающим из «общественных» деятелей пополам с умеренными большевиками; но до сих пор он образоваться не может, потому что власти явно этого не хотят и, кроме того, элементы умеренные враждуют с крайними — Кремль с Лубянкой ⁴. Как бы то ни было, Москва опять полна разговорами; все опять насторожились. Во всяком случае — голод наносит большевикам удар посильнее всех Колчаков и Деникиных, вместе взятых.

2/15 июля. Провожал М. М. Богословского и был очень занят. Сегодня весь день ушел на раскопки в Коломенском, причем, чтобы попасть туда, мы поехали Окружной дорогой и нарвались на новый железнодорожный тариф, увеличенный в 400 раз или около того. Вместо 20 рублей — 7600 рублей. Вечером носились слухи, что он уже отменен, ибо повлек за собой сумятицу, путаницу и даже возмущение. Насколько верны слухи об отмене, узнаю завтра, когда поеду в Пестово. Тариф этот имеет, по правде сказать, контрреволюционный характер и сделан для того, чтобы злить граждан РСФСР.

Слухи за эти дни ходили все те же. Добавляют, будто бы в ответ на воззвание узника-Патриарха от глав других церквей получен ответ, что при настоящем положении дел они могут о русском народе только молиться. И слухи, и из рук вон глупые декреты все более убеждают в том, что РСФСР накануне краха. Долго ли, однако, продолжится канун?

9/22 июля. Москва все более и более наполняется слухами. Они идут и от большевиков. Их газеты пишут о каких-то намерениях извне. Что это — опять обманчивая надежда или что-нибудь более солидное? Во всяком случае, развал идет все дальше и дальше. Какие дураки те ошметки общественных деятелей, которые пошли на совещание о голоде. Да и от кого же ждать проку? Кишкин — Иеронимус Амалия фон Курц-Галоп, которому надлежало бы жить всю жизнь «обливанием», да дура Катя Кускова, да пустое место Головин ⁵? Нет, уж пускай бы большевики и распутывали все то, что они наделали!

22 июля/4 августа. Промежуток почти в две недели я не вел записей, потому что мало был в Москве (за это время — см. Пестовские записи ⁶). Общее положение изменяется лишь очень незаметно и понемногу, но все в прежнем направлении в сторону дальнейшего развала. Теперь большие затруднения в печатании денег, и потому жалование задерживается. Видимо, везде

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12; 1992, №№ 1, 5, 11, 12; 1993, №№ 1—3.

судорожно ищут денег, но не знают, где их найти; обещают ввести плату за квартиры, за электричество. Повышают непомерно железнодорожный тариф, сулят какие-то новые налоги. Однако все это не поможет разложению, как не поможет в борьбе с голодом пресловутый комитет quasi-общественных деятелей во главе с Прокоповичем, Кусковой и Кишкиным⁷, комитет, который крылатая молва окрестила чудесным названием Про-ку-киш.

Сегодня я ходил в Совдеп «венчаться» с Верой Михайловной. Регистрация браков — сущая оперетка. В большой комнате три стола для этой цели; напротив стол для регистрации новорожденных. Процедура записи длится 10 минут, потом ведут к какому-то жиду-секретарю, который спрашивает еще раз и подписывает бумажку. Говорят, бывают очереди. Мы вышли в очень веселом настроении.

12 июля/25 августа. Промежуток — см. Пестовские записи.

В Москве — самые удивительные слухи о сложении власти, о коалиционном министерстве, об открытии ресторанов (говорят, будто бы за патент на открытие Яра⁸ большевики спрашивают 30 миллиардов, а дают им — 25). Прокукиш лопается, потому что большевики не пускают их за границу⁹. Не знаю, что будет дальше, но чувствую, что время «администрации по делам бывшей Российской империи» приближается.

Избран председателем Московской секции Академии истории материальной культуры¹⁰; сегодня председательствовал в первый раз. Новые хлопоты. Жажду осесть дома и заниматься.

14/27 августа. Был командирован на заседание «Коминолита». Это не минерал, а учреждение, которое обязано снабжать РСФСР иностранными книгами¹¹. Оно возглавляется киевским большевиком из домовладельцев и буржуев Отто Юльевичем Шмидтом¹², весьма красивым молодым человеком. Он разыгрывает собою цивилизованного человека. Вокруг него сидели чудища обла, озорна — около десяти горилл, которые ничего не понимали в том деле, которое должны были делать. Заседание происходило в здании Азовско-Донского банка. Меня призывали для их осведомления, т. к. они изволят «собирать материалы».

15/28 августа. Остался стеречь Музей, т. к. все уехали; и Виноградов в паническом ужасе решил, что сторожить его необходимо. Общее положение то же. Читаю «Русскую Мысль» Струве (№ 1, вышедший в Софии)¹³; интересен дневник дуры Гиппиус, которая, оказывается, со своим дураком Мережковским была в эс-ерах¹⁴; в воспоминаниях Евгения Николаевича Трубецкого очень интересна характеристика Фр. Ив. Креймана¹⁵.

17/30 августа. Второе заседание Коминолита, который есть не что иное, как засилие Научно-технического отдела ВСНХ (!!!) над всеми другими библиотеками. Более всех за НТО ратовал продажный подлец Реформатский¹⁶. Весь Прокукиш арестован¹⁷. Для большевиков это — провал, т. к. кое-какое впечатление в Европе все же получится. Для дураков из Прокукиша это — лучший и самый почетный выход из дурацкого положения.

22 августа/4 сентября. Виноградов уехал к семье и не возвращается вторую неделю. Поэтому не могу ни уехать к Володе, ни привезти его домой. Глупое положение.

Общее положение какое-то путаное. Они опять пускают какую-то пыль, а в Петрограде разыграли скверную историю с расстрелами¹⁸. Стараются создать какую-то историю также и с Прокукишем¹⁹. Говорят, что некоторые засели там крепко. Я думаю все же, что гибель Прокукиша не останется совсем без впечатления за границей. Читал последнее произведение Л. Андреева — «Дневник сатаны»²⁰. Сгущенное, но сильное изображение нигилиста-большевика, готовящего взрыв цивилизации.

25 августа/7 сентября. Угорелые кошки как будто метнулись налево. Это очередной сдвиг: их будет много — и туда, и сюда. Сентябрь — классический месяц жестокостей. Теперь опять ужасы в Петрограде и в Москве; стараются сгустить краски вокруг Прокукиша²¹. Положение с Виноградовым — без перемен, и я все еще не могу выехать за Володей.

19 сентября 1921 г. Москва. Снова осень; начинается обычная суeta; общее настроение смутное и малопонятное. Говорят о войне, и все думают, что ее не будет.

21 сентября. Вчера вечером в нашем подъезде очутился пьяный молодой человек, который долго грозился и ругался, когда его оттуда выдворяли. По документам, которые он предъявлял вооруженной страже и не менее вооруженному «заведующему» Виноградову, он оказался член РКП Александр Петрович Минкин, бывший начальник поезда Троцкого и бывший член ВЦИК²². Белобрысый, плюгавый, с незначительным лицом, весь развинченный, видимо, сбитый со всех устоев, если таковые у него когда-либо были, он то кричал, что всех расстреляет, то просил, чтоб его расстреляли. Видимо, он одинаково готов и на то, и на другое. Типичный представитель «русской революции».

13/26 сентября. Трения с поляками. Что за этим стоит? Мы не знаем, как вообще мы ничего не знаем. Кажется, есть тенденция выпустить Прокукиш на волю²³. В остальном —

обычная московская бестолочь: заседания, собрания, совершенно ненужная, но суетливая работа, и в результате — усталость. Особенно меня раздражает и отнимает время Музей.

15/28 сентября. Опять какое-то как бы успокоение. Опять буржуи в Москве подавлены. Деньги продолжают стремительно падать. Сажень дров — 275 000; башмаки — 375 000; один золотой 10-рублевик стоит 395 000 рублей. Между тем, на повестке Совнаркома, поданной Отто Шмидту, я видел вопрос о введении нового рубля ²⁴. Новая очередная глупость! В Музее и Университете — штиль.

Пестовские заметки, июнь — сентябрь [в подлиннике август] 1921

6/19 июня. Троицын день. Вчера бодро отмаршировал 16 верст; погода пасмурная, дождь. На психику это, однако, не действует. Отдых — вот что нужно, что здесь достижимо. Общие впечатления от Москвы все же таковы, что что-то должно начать меняться. Мне подсказывает это мое чутье, которому я ранее верил безусловно, потом перестал вовсе верить, а теперь верю, сомневаясь. Сейчас читал в эс-еровских парижских «Современных записках» воспоминания Брешко-Брешковской о Кропоткине и Луизе Мишель ²⁵. Какая глупая статья и как претенциозна слепая непроходимая дура — ее автор!

Вечером спектакль в сенном сарае. Очень приличные артисты играли «В старые годы» Шпажинского ²⁶. Хотя я помню ансамбль Малого театра (Рыбаков, Ермолова, Лешковская, Макшеев, Правдин ²⁷), но все же я смотрел их без неудовольствия. В конце спектакля — советское *intermezzo* ²⁸: проверка документов; причем, как оказалось, ловили не дезертиров, а бандитов, будто бы сюда пришедших. Сопровождалось дело выстрелом, отчего часть публики бросилась в панике на сцену. Затем праздник продолжался балом в галерее дома, которую так завозили, точно в нее свозили сор нарочно. Артистам, а потом нам, был предложен чай; молодежь принимала участие в танцах горилл до 6 часов, а после играла в горелки. Так веселятся в Совроссии.

8/21 июня. После двух дней праздника с неизбежным наплывом гостей наступило обычное для Пестово спокойствие. Я надел штаны с разноцветными заплатами на коленях и сзади, колос дрова, полос огород, принес воды и теперь пишу воспоминания о невозвратном прошлом и о моей Ниночке. Завтра утром — в Москву.

13/26 июня. После пяти дней московской жизни, покой в Пестове. Приехали вместе с Шамби. Читаю книгу Милюкова «История второй русской революции» ²⁹.

14/27 июня. Тихий день; занимаюсь в прохладе. Часто думаю о тех, кто в Москве.

15/28 июня. То же самое; слухи сюда не проникают; книга Милюкова, т. е. 1-й выпуск, который только у меня и есть, оставляет впечатление некоторой апологии себя и партии к.-д.; в остальном довольно яркая и верная картина той *course à la mort* ³⁰, которая продолжалась с марта по октябрь 1917 года и в которой наибольшая вина лежит не на большевиках, а на попустителях, вроде того же Милюкова или особенно Львова, и особенно на преступно-глупых и подлых умеренных социалистах, разных с.-р., н.-с. и т. д.

Прилагаю также и письмо Malfitano ³¹.

22 июня/5 июля. За эти три дня в Пестове ничего, кроме отдыха и спокойствия; сажали турнепсы артелью для пропитания семьи Ренман зимой.

28 июня/11 июля. Ненастная погода, от которой мы отвыкли. Пережевываю московские слухи, хотя здесь как-то особенно далеко отходишь от всего, что делается в Москве. Гоняли мальчишек, которые таскают яблоки и малину из огорода.

5/18 июля. Переполох, вызванный новым тарифом ³², в моей душе на первый раз разрешился без хлопот. Мой билет действителен до 1 августа, а Володя и Юрочка проехали даром, т. к. оказывается, что в РСФСР дети до 16 лет ездят даром. Таким образом, сюда мы добрались благополучно. Но здесь я все время испытываю какую-то моральную и физическую депрессию. Разбираясь в себе, я думаю, что это — 1) естественная реакция после некоторого возбуждения последнего времени, 2) результат сырой и облачной погоды, 3) последствие чрезвычайно неприятных и хлопотливых дней в Музее и 4) думы о последствиях этого нового тарифа. Несомненно, что это есть признак развала РСФСР; видно, что они хватаются судорожно за все, чтобы что-то поправить и удержаться; увеличение тарифа в несколько сот раз задевает всех, и если буржуи или интеллигенты с ним должны будут примириться, то рабочие и т. п. элемент станут еще более недовольны. А главное, фрахт на ввозимые продукты увеличит в больших городах, в том числе и в Москве, голодуху из-за новой страшной дороговизны продуктов. Очень много думаю о Вере Михайловне. Как она доберется обратно? Хотя распоряжения как будто гарантируют возможность вернуться по старым условиям.

Здесь, как всегда, тишь да гладь. Собираю грибы и ворошу сено. Володя, слава Богу, пока здоров.

10/23—13/26 июля. Тишь и гладь, прерываемая дождем, мешающим уборке сена.

Пестово (2)

18 июня/31 июля, воскресенье. На прошедшей неделе я был в Москве только один день. Потом вернулся в Пестово, где пробуду до завтрашнего дня. 15/28 справляли именины Володи; были Вера Михайловна и Таня Дольник. Обстановка была почти довоенная: пироги, конфеты и т. п. и отличное настроение. В субботу С. К. Шамби привез различные новости, которые все клонят в ту же сторону, даже если учесть обычные увлечения рассказчика.

Во вторник, 13/26, я, проездом из Пестова в Москву, посетил село Мураново, принадлежавшее Баратынскому и Тютчеву, где был в качестве гостя Н. И. и Ф. И. Тютчевых и О. М. Веселкиной. Очень красивое имение; дом строен Баратынским; теперь он весь обращен в музей, где воспоминания о Баратынском, Тютчеве и И. С. Аксакове³³ обрамлены в чудесную рамку из бронзы, фарфора, портретов и старой мебели. После осмотра, который меня подавил, т. к. я ничего такого не ожидал, был разговор с Н. И. Тютчевым и Трапезниковым; оба совершенно согласны в том, что музей должен пережить большевиков и остаться в этом доме.

26 июля/8 августа, понедельник. Здесь все то же: спокойствие, грибы, коих я принес вчера 4 корзины, и глубокий сон. Предстоят в Москве хлопотливые дни, т. к. мои дела с Верой Михайловной приходят к благополучному концу.

Приехал А. И. Яковлев; его рассказы о положении в Симбирске вполне подтверждают все, что говорится о Поволжье. Он передал мне свой разговор с Покровским, который я здесь записываю: «Михаил Николаевич, что вы делаете? Ведь вы довели русский народ до того, что ваши имена будут записаны огненными буквами проклятия в истории, и народ вас растерзает». — «Я не знаю, какими буквами будут записаны наши имена, огненными или какими иными, но, к несчастью, народ нас не растерзает, как он не растерзал правительство в 1891 году. Детей мы будем кормить, вероятно, при помощи Америки. Нам они ничего не дадут, но сами давать и кормить будут». — «Такое соглашение уже достигнуто?» — «Да, почти достигнуто. Опыт социализма кончен и более повторен не будет».

Далее вывожу я: даже такие параноики, как Покровский, убеждаются, что все изжито; но они не уходят, т. к. уходить некуда и «к несчастью» сам народ с ними не расправится. Но если американцы будут действовать сами здесь в РСФСР, то другие полезут вслед за ними, и это будет началом мирной интервенции или инфильтрации иностранцев, а за этим последует и преобразование управления, конечно, постепенное.

Слышал характерные сведения о недовольстве курсантов-коммунистов, укоряющих Ленина, Троцкого и К^о в том, что те завели их в тупик. От К. С. Кузьминского³⁴ слышал, что военных приготовлений не делается; значит, или никакой военной интервенции не будет, или же, если и будет, то она не встретит сопротивления, ибо все сознают, что сопротивляться нечем.

О Прокукише — самые безотрадные известия: они бессильны и беспомощны, да и сидят там мертвые люди; по компетентным отзывам, или большевики постараются их во что бы то ни стало сохранить, чтоб показать всю их негодность; или же они сами постараются вызвать взрыв и даже аресты самих себя, чтоб спасти свое положение.

3/16 августа. Я приехал сюда с Верой Михайловной после венчания. Это наш voyage de pose³⁵. Погода удивительная. Свадьба была в пятницу, 30/12, в 11 часов утра в церкви бывшего Сербского подворья. Потом был кофе у Рындиных; затем я был в Музее. В 5 часов у нас был обед для четырех свидетелей. Кроме того были Таня Дольник, Е. А. Колычевская, которая отдувалась за нас в Музее, и А. И. Яковлев, принесший нам водченки. Неожиданно для нас самих обед был очень весел и оживлен. Вечером мы навестили М. М. Рындина, а на следующее утро, в 10 часов утра, у нас пил деловой кофе Александр Сергеевич Николаев, после чего мы выехали в Пестово.

За эти дни появился на горизонте К. Д. Корсаков из Сибири и прямо в одну из московских санаторий. Это еще один из revenants³⁶ прошлого, вернувшихся в Москву после долгих болезней и скитаний. За нашим обедом мы долго комментировали декреты о частичном возвращении домов и о разрешении продавать вино; все это — уступки, все это — знамения времени. А. И. Яковлев рассказал о своем визите к пребывающим в Москве англичанам Hodgson and Co.; вывод тот, что there is nothing to be done here³⁷ и we are here for information³⁸.

Кроме того, они, кажется, искренно удивлены, что в России все недовольны советской властью. Разговоры о военной интервенции стихают, но мысль об интервенции мирной, кажется, крепнет и развивается; впрочем, это, быть может, мне кажется потому, что я сам разделяю эту мысль.

Прилагаю письмо Эммы Вилькен, из которого, между прочим, я узнал, что мои деньги целы ³⁹.

Пестово (3)

Август 30/сентябрь 12. Я не был здесь целых две недели. Виною виноградовское исчезновение, которое мне все более и более [кажется] загадочным. В Музее последние дни дамы говорили даже, что он удрал за границу. Это мало на него похоже; но я не буду удивлен даже этому. В пятницу 27 меня, наконец, сменил Егоров ⁴⁰, и я выехал в Пестово, чтобы пробыть здесь несколько последних дней и затем перевезти Вовулю в Москву. Сегодня жду Веру Михайловну, которая должна также привезти вести от Егорова.

Стоят чудесные дни уже сентябрьского типа; все леса желтые, днем тепло, вечера свежие. Уходящее лето дарит нас последними своими лучами.

Здесь вчера, 29/11, пришлось пережить несколько тяжелых минут: была ревизия ВЧК над маленьким несчастным театральным кружком, руководимым Володей Репманом. Дело возникло по доносу одного из московских артистов, которым не платят достаточного вознаграждения. Явились два лица: один — жид с удивительным выражением лица, впрочем обычным среди большевиков и чекистов: сочетание жестокости с каким-то беспредельным унынием. Глядя на него, сердце лопается от непроходимой тоски. Другой — русский, играл второстепенную роль и больше молчал; видимо, из тех, которых еще натаскивают на дело. Вечером они остались ночевать и исчезли «яко дым» при утренних лучах солнца. Как тяжело себя чувствовать во власти этих темных людей!

Очень трудно отдать себе отчет в общем положении, как я оставил его в Москве. Как будто в попятном ходе большевиков какая-то заминка. Но что это так или же это создается впечатлением от петроградских расстрелов и истории с Прокукишем [?] Некоторым из глав последнего, в частности про, ку и киш, видимо, грозит нечто серьезное ⁴¹. Но какие это слепые и глупые люди! Ведь все их выступление было основано только на непременном желании во что бы то ни стало играть какую-то роль. Вынь да положь, но чтоб играть роль! Как это типично для так называемых русских общественных деятелей. Какие это сплошные неисправимые дураки. И ведь, видимо, русская действительность может создавать только таких общественных дураков. Такими дураками полна заграница. И если они сюда явятся, то дури будет так много, что последние остатки России будут в ней утоплены. Глядя на все это, во мне опять просыпается желание уехать, с тем, чтобы перестать быть русским.

4/17 сентября. Последний день в Пестове. Лето кончено — четвертое лето при большевиках. Сколько их осталось? Последние дни прошли в работах. Кончили сено; копали картофель — работа, которой я не видел с детства в Загранице. Положение здесь осложняется арестом Володи Репмана, который последовал в понедельник вечером. С ним вместе мы поехали в Пушкино — он по тому же делу, я за Верочкой; он остался в Пушкине, а когда мы возвращались, то нам встретился милиционер с ордером об аресте. Володя был принужден уйти из Пушкина вследствие обыска и ареста своего шефа по театру — Мельникова — и узнал о своей судьбе, придя домой. Он уехал во вторник, по-видимому, засев надолго, несмотря на пустячность всего этого дела.

Об общем положении привез слухи Шамби — оно становится более смутным, как извне, так и внутри. Таково впечатление.

* * *

1—4 октября. Поездка в Петроград. Ехал туда и обратно с Н. Д. Протасовым ⁴² очень удачно. В оба конца со скорым поездом, который идет 15 часов, останавливаясь на больших станциях. В этой езде — некоторая иллюзия прошлого, которая нарушается видом горилл, сидящих в купе. Туда с нами ехал артельщик с папашей, вывозимым из голодных и разграбленных местностей; а оттуда — компания молодых красноармейцев-коммунистов, гордых своим званием, гладко выбритых, даже на затылке, и совершенно невежественных.

В Петрограде я пробыл 3 дня. Заседания совета и правления Академии Истории Материальной Культуры; и тут и там некоторый деловой характер. Видел довольно много лиц;

провел вечер у Платонова. Там все под впечатлением очередного погрома Петербургского университета, аналогичного с московским погромом, но постигшего их позднее нас ⁴³. Кроме того, все ученые учреждения сидят там без денег и без жалования ⁴⁴, так что даже на службу мало кто ходит. Невский покрылся кустарными магазинами и кафе; в городе есть заграничный товар, добываемый контрабандно. Говорят, что моряки тралят мины, а на самом деле они занимаются торговлей с подходящими к ним иностранными шхунами. Вчера первый раз в жизни видел петербургское наводнение; это очень красивое зрелище, которое мы созерцали из бельэтажа Мраморного дворца.

В Москве ничего нового; осенняя слякоть и тоска. Н. П. К., со слов своего родственника, приехавшего из Норвегии, говорит, что русский вопрос — только четвертый в ряду больших международных вопросов; сначала идет германский, потом японо-американский, потом внутренние и только потом русский.

26 сентября/9 октября. Наступает мертвый сезон в смысле слухов. Все успокаиваются, ибо засели опять с большевиками на зиму. Слякоть и в общественном отношении, полная скука; если бы не было некоторого утешения дома, то можно было бы повеситься. В Университете все умерщвлено. Занятия неизвестно когда и где начнутся. Но никогда я так не интересовался Университетом, как теперь, когда его фактически нет. Наш Музей устроил выставку Данте. Мир ничего не потерял бы, если бы ее не было. Большое ограбление в Историческом Музее. Насколько можно думать, много профессиональных бандитов, заделавшись в господствующие, пользуются этим для обдывания своих делишек.

1/14 октября. Декреты об учреждении государственного банка, установлении бюджета, о подрядах ⁴⁵ — все свидетельствует о новых уступках большевиков перед железным законом жизни. В Москве продолжается полоса грабежей, как в публичных учреждениях, так и в частных домах. Если мы в Музее будем топиться, то только благодаря частному подряду и взяткам. Состояние духа противное, и мой *taedium Russiae* ⁴⁶ все растет, вместе с *Hinausweh* ⁴⁷. Вчера в газете статья Стеклова о сборнике «Смена Вехам» [так в подлиннике], вышедшем в Праге: группа дряблых русских интеллигентов-ренегатов: Ключников, молокосос, оставленный при Московском Университете по гражданскому праву; истерик адвокат Бобрищев-Пушкин, Лукьянов, в 1918 сбежавший из Петербурга, — захотели идти к большевикам в Каноссу ⁴⁸. Если верно то, что о них написано, то, во-первых, они опоздали, во-вторых, это или беспринципные дураки, или они просто купленные люди. Гредескулы ⁴⁹ или Прокукиши? И то, и другое — равно пошло и гнусно. О презренная русская интеллигенция!

5/18 октября. Все то же. Назначено повышение цен на железных дорогах на три недели в пользу голодающих, по 1000 рублей с версты. Говорят, это будет с 20-го. Результат сказывается уже теперь: хлеб 3500 рублей, вместо 2800. На днях видел В. А. Розенберга, когда-то всемогущего редактора «Русских Ведомостей» ⁵⁰. Скромнен и даже искателем в искании места. Спрашивал, имеет ли значение Волгии. Я ему отвечал, что можно быть благодарным «Русским Ведомостям» за этого выкорыша, кому мы обязаны разрушением Московского Университета ⁵¹.

12/25 октября. *Situation inchangée* ⁵². Много комментируется речь Ленина о новой экономической политике ⁵³. По-моему, это слова лжеца и наглеца, которому ничего не стоит играть словами, как ему ничего не стоит жонглировать идеями и людьми. Большевики возвещают прилет императора Карла в Венгрию ⁵⁴. А у нас и прилететь некому, даже если бы желали того ⁵⁵. Сегодня была назначена моя лекция в Университете. Я пришел и увидел, что дверь на запоре. Пошел и подал официальное заявление об этом инциденте, который может дать понятие о том, что творится в бывшем Университете. Проводил за границу гр. М. П. Келлера ⁵⁶. Какая зависть берет к лицам, могущим уехать! На днях получил предложение принять участие в делах Исторического Музея. Я принял предложение с удовольствием.

14/27 октября. Сегодня была сделана попытка ограбить нашу квартиру, по способу, выработанному до мельчайших подробностей. Сначала пришел первый и спросил, не живет ли здесь Н. Н.; уходя, старался испортить замок. Затем тайно вошел второй и нарвался на М. А. Мензбира, что и спасло нас. Покровский официально поднял вопрос о продаже некоторых вещей из Эрмитажа для поддержания большевицкой казны ⁵⁷. Музеи и ученые учреждения предполагается сократить и представить им самим изыскивать способы для своего содержания.

17/30 октября. По поводу ноты о готовности признать долги ⁵⁸ много разговоров. Одни верят, другие не верят. Я думаю, что это один из следующих закономерно этапов крушения большевиков. Конечно, они делают это с тайным желанием всех надуть; но позволит ли жизнь им надуть своих противников или же заставит их сделать новые уступки — это вопрос. Думаю, что скорее будет второе.

Сегодня чествовали 25-летие Д. Н. Ушакова. Я против официальных юбилеев, особенно

в настоящее время. Юбилей был трафаретно-теплый. Т. к. Ушаков мой товарищ⁵⁹, то я рикошетом чувствовал, что это что-то вроде первой панихиды. В речах чувствовалась двойственность. С одной стороны, соглашательство; с другой, ненависть к большевикам. Оттуда я непосредственно прошел на чествование памяти В. И. Герье. Читали Богословский, Савин, Егоров, Любавский, Бахрушин. Немножко длинно, но очень тепло и очень солидно. Сильное сокращение штатов в большевицких учреждениях: уничтожают все Музо, Изо, Лито, Моно и т. д.; т. е. уничтожают все собственные попытки строительства: экономика их душит⁶⁰.

18/31 октября. Закончил чтение мемуаров Витте⁶¹. Одна из самых интересных книг, какие я когда-либо читал. Витте рисуется как очень умный, государственно-умный, более того, талантливый человек. Правда, в нем виден карьерист и себялюб, но это прощительно ему как умному человеку среди той бездны дураков, среди которых он вращался. Чрезвычайно ценное впечатление получается от Николая П. Николаю было совершенно чуждо чувство и понимание закона и законности. Кроме того, он мелочен, завистлив и злопамятен и не терпит около себя никого, кто выше его; как слабый человек, он, кроме того, лжец. Краски едва ли сгущены: многое, что говорит Витте, подтверждается из других источников. Витте говорит о своей отставке совсем так же, как кн. С. М. Волконский говорит о своей отставке из директоров Императорских театров. Александра III Витте возвеличивает, но я не думаю, чтоб только из желания противопоставить его Николаю II. Очень интересны главы — о подготовке Японской войны, где Николай II играл куда более значительную роль, чем это принято думать; о портсмутских переговорах, где Витте одержал небывалую победу; и о его встречах с Вильгельмом. Играя дураком Николаем, Вильгельм втравлял Россию в грязные истории, и дурень Николай дошел до того, что заключил с ним в Бьерке союз против союзной Франции⁶². Какой бы отличный министр иностранных дел вышел из Витте, если бы Николай II не ненавидел его. Очень интересны предвидения войны и революции. Часто забываешь, что книга закончена в 1912 году.

2 ноября. Прочел «Смену векам». Книга выше и интереснее, чем можно было думать по выдержкам из нее, которые делают большевики в своих лекциях и выступлениях. Это голос тех эмигрантов, которым плохо живется или которые разочаровались. Впечатления подкупности нет⁶³. Но главная полемика направлена против различных групп эмигрантов и против их-лидеров их-партий. Впервые в зарубежной печати я слышу дань уважения тем, кто здесь, несмотря на все, несет культурную работу. Не все одна хвала и большевикам: их темные стороны не замолчаны. С другой стороны, они большевиков переоценивают: они не знают России 1921 [года] — им не известен развал, грабеж и воровство, которые разлагают остатки большевицкого царства. Есть здесь и голос русского мессианизма — они не хотят понять, что никакой мировой будущности в России нет и что Россия своей пугачевщиной доказала, что она низшая раса. Почти в каждой статье смесь правды, незнания и лжи, сознательной и бессознательной. Много истеричности; но неискренности незаметно. Но нельзя отрицать, что и в этой книжке сочетается трогательная наивность русской интеллигенции с ее неисправимой рыхлостью и дряблостью⁶⁴.

4 ноября. Я должен был ехать в Петроград по делам Академии Материальной Культуры. Я получил забронированное место Наркомпроса. Это оказалось место 3-го класса — 4-м на лавке — в вагоне с забитыми окнами, в котором люди стояли в проходе. Я добросовестно уселся на место, но затем меня объял ужас перед этой духотой, теснотой и вместе с тем обидой, что я должен ехать в этой мурье. За 5 минут до отхода поезда я выкатился из вагона и вернулся домой.

5 ноября. Г. А. Ряжский много рассказывал о Сибири; еще новое подтверждение, что там были все те же болезни, как и у нас — а главное воровство, казнокрадство и эта ужасающая русская нечестность. Вопрос о приглашении большевиков куда бы то ни было даже и не поднимается в Европе: их воззвание о признании долгов и о том, чтоб их позвали в Вашингтон⁶⁵ — холостой выстрел.

7 ноября. 4-я годовщина татарского ига. Тускло-скупные мысли — такая же погода, такое же празднование. Точнее, никакого празднования нет, лишь кое-где, редко, болтаются потрепанные красные флаги.

Беседа с И. Л. Томашевским, бывшим товарищем прокурора палаты и камергером, но польского происхождения⁶⁶. Теперь в нем заговорила polska krew⁶⁷, и в нем чувствуется заядлый и злорадный поляк. Как легко совершаются такие перемены. А, впрочем, что и говорить, когда русский народ есть не что иное, как «сукин сын, камаринский мужик», который заголя ж... по улице бежит; он бежит, бежит, поп..., за м... свои подергивает⁶⁸. Это ли не эмблема!

На желание якобы платить долги, только кислые критические отзывы газет. Странно [было бы], впрочем, если было бы иначе. Хлеб — 3500, мясо в среднем 10 000 рублей фунт.

9 ноября. Положение без перемен. Все дни упорная тоска, чтоб вывезти своих и себя и навсегда уехать. С упоением читаю интересные мемуары Чернина ⁶⁹.

12 ноября. На моей книге о Смутном времени тов. Покровский начертал — «кто рецензировал эту гадость». Высокое отличие. Читаю мемуары гр. Чернина: очень интересная точка зрения на Вильгельма и живая характеристика Франца Фердинанда — оживает реальная фигура:

1/14 ноября. Вновь надвигается кризис безденежья, точнее, отсутствия «гос-знаков» ⁷⁰. Опять нигде не платят; мне должны «миллионы», и ниоткуда их нельзя получить. Хлеб — 4000; масло — 40 000; молока кружка — 5000. В Петрограде дороговизна еще большая. Несомненно, что общая экономика «Совроссии» душит это уродливое здание. О признании долгов, говорят, жида с жидами торгуются.

3/16 ноября. Общая картина без перемен; задаюсь вопросом — сдвинулась или не сдвинулась с места куча навоза. Иногда кажется — да, иногда — нет. «Дни бегут, как минуты; недели короче дней». Вот уже 4 года мы все вертимся, как белки в колесе, и все без толка. Единственная отрада — вечерние занятия наукой.

10/23 ноября. Общее положение все то же. Рубль летит катастрофически: 10-рублевый золотой стоит больше 700 000 рублей, масло 60 000, хлеб 4800. Я имею дома 1 500 000 рублей, и они равны 750 000 два месяца назад. И ведь все это может продолжаться долго. Хотя все же будущее должно вылиться в состояние администрации по делам несостоятельного должника «бывшей Российской Империи», причем общее собрание кредиторов будет состоять большей частью из иностранцев. Не знаю, верен ли этот мой прогноз.

В Музее становится трудно работать с А. К. Виноградовым: делец, карьерист, хам при больших положительных качествах как работника и защитника интересов Музея. Но нервов много надо на него тратить: пример — прилагаемое письмо от 20-го ноября, по поводу которого ему пришлось высказать не мало горьких истин ⁷¹.

Вчера читал в Историческом обществе доклад о мемуарах Витте. Большая аудитория; присутствовали представители старого мира. Оживленные разговоры по поводу доклада. Мне было весело. На докладе были американские профессора Coolish [так в подлиннике] и Colder ⁷²; у обоих лица замком.

12/25 ноября. Насколько сейчас не знаешь утром, что будет вечером. Вчера в 4 часа вдруг известие, что МЧК опечатывает наше филиальное отделение в Лиховом переулке, т. е. бывшую епархиальную библиотеку ⁷³. Оказывается, служащие там попы вздумали сводить под ручки архиерея, их посетившего, а это происходило в коммунистическом окружении, и в результате коммунистическая ячейка донесла ЧК, а нам пришлось отписываться, вследствие чего пропал в хлопотах день и вечер. Впрочем, все ближайшие дни были очень хлопотны...

Декрет о деньгах: 10 000 будет называться рублем. Думаю, что искомым результатов это не даст. Сегодня узнал достоверно, что А. Н. Савин читает в Институте Красной Профессуры, который, кстати сказать, состоит сплошь из жидов ⁷⁴.

14/27 ноября. Новое повышение цен; некоторые объясняют это «деноминацией» денег, но я думаю, что это просто обычная и нормальная дорога большевиков к смерти. Был с Бахрушиным у американского гарвардского профессора истории Coolidge'a. Провели интересный вечер. Услышали кое-что интересное о жизни в Европе и о вышедших новых книгах по истории и политике последних 25 лет. С ним стоит поддерживать знакомство.

18 ноября/1 декабря. Получил вызов для дачи показаний в МЧК по делу библиотеки Лихова переулка. Был на заседании «Общественно-педагогического отделения факультета общественных наук» ⁷⁵, куда пришлось пойти по одному определенному делу. Так называемый факультет ⁷⁶ был в составе Савина, Коновалова, которого вычеркнули из штатов (почему он и уходит из должности секретаря), Тарасова Н. Г., со сладким лицом, нескольких молодых из ранних, в том числе нашего В. К. Никольского, который, видимо, вошел в роль профессора новой формации ⁷⁷, и двух совершенно мне неизвестных лиц. Противно и скучно. По поводу университетских выборов «президиума» поссорились два прохвоста: Костицын — математик из большевиков — и Кубицкий — философ из мерзавцев ⁷⁸. Первый назвал второго человеком из папье-маше, впитывающим все дурные запахи. Второй апеллирует к умеренной профессуре и, кажется, находит отклик в всеупотребительной блеющей самке — М. М. Новикове. Компания невеличка, но честная. Масло — 70 000.

19 ноября/2 декабря. Визит в МЧК. Пропуск у коменданта. Вошел во двор дома Московского Страхового Общества. Чисто. Дом в чистоте. Чтоб пройти в комнату № 37, пришлось пройти длинными коридорами и выйти в помещение окнами на Малую Лубянку. Никого не было; потом пришел молодой человек интеллигентного вида и спросил: «Вы ко мне?». Камера — комната или, вернее, часть комнаты, отгороженная деревянной перегород-

кой. Он предложил мне заполнить анкетный лист. Затем начался очень вежливый разговор, сущность которого была добиться, откуда взялось книжное имущество в подвалах дома 6 по Лихову переулку. Я сообщил ему все, что мог, и он просил посоветовать, что делать, чтобы разобрать его. Я сказал, что лучше всего — смешанная комиссия из представителей Румянцевского Музея, Наркомпроса и МЧК, с чем он вполне согласился. Конец разговора был такой: «Надо поскорее ликвидировать это дело». Допрос-разговор продолжался около 40 минут и был вполне корректен. При выходе я должен был предъявить свой пропуск, который остался у стражи. Новому Государственному Банку делать нечего, т. к. дел в нем никаких нет; сведение идет от членов правления. Я не удивляюсь.

25 ноября/ 8 декабря. За эти дни произошло печальное событие. Умер дядя Эдуард Владимирович, профессор Высших Женских Курсов (2-го Университета). Это был оригинальный, глубокий и обаятельный человек, тонко мыслящий, необыкновенно деликатный, «камерный» человек, как его назвал один из его ассистентов в речи на могиле. В своей жизни он не дал всего, что мог дать. Он был отличный врач с большой практикой, но не нашёл состояния, потому что был чрезвычайно благороден; он был ученый с оригинальными взглядами, но не прогремел, потому что был слишком скромн и не обладал тем нахрапом, каким в избытке обладали разные Остроумовы, Захарьины⁷⁹ и подобные им представители русского врачебного искусства. Он был удивительно добрый человек, но не был популярен среди товарищеских медиков, потому что был совершенной противоположностью типа русского медика. Европейцу по внешности и по внутреннему складу — претила грубость и аморальная незаконность большинства русских врачей.

Для меня это — большая потеря; он был человеком, с которым всегда можно было поговорить по душе; он болел нашими горями и радовался нашими радостями. Со смерти своей жены в 1915 году, он отгородился от жизни; революция окончательно развила в нем *taedium vitae*⁸⁰. Он говорил не раз, что на все окружающее он смотрит как человек уже умерший. Его интересовало только чтение, и главным образом мемуаров XVIII века, преимущественно французских; он отходил душой среди философов-рационалистов и мудрых скептиков того времени, которые ему самому были близки душой.

Похороны были очень теплые; стоили они 5 000 000 рублей, равных 4 золотым империалам, т. е. 40 рублям старым. Так как он жил в советском доме, то, во избежание грабежа, пришлось немедленно приступить к гнусному делу выноса его имущества. Все эти дни были заняты ликвидацией его дел и жизни.

3/16 декабря. Перемен нет. Все то же. Большевики подобны угорелым кошкам в мешке. Все ищут выхода и не находят. По мнению одних, это предвещает их скорый конец; по мнению других, это — признак того, что их не скоро удастся свалить. Все это субъективные суждения, где обывательская точка зрения сталкивается с исторической. Разум говорит более, чем когда-либо — *wir müssen durch*⁸¹! А чувство сопротивляется. Вот уже поистине — *qui vivit, vegeta*⁸². Я очень устал.хлопоты и возня после смерти дяди Эдуарда; теперь еще тяжкая болезнь отца жены выбивает из колеи; а особенно, если принять во внимание, что вся деятельность служебная — есть тоже своего рода бег на месте, растрепывающий нервы. Штопаешь одну дыру, сейчас же показывается другая, и так без конца.

Я давно ничего не пишу об Университете, но это потому, что его больше нет, остались его составные части, а самого его нет, и нам, старым его деятелям, лучше всего отойти в сторонку, ограничив свое отношение к нему обязанностями к слушателям, пока таковые имеются и пока нам дают возможность преподавать. Если я буду продолжать мою деятельность в экспертизе по польским делам, то буду это делать потому, что во мне борются две ненависти — к большевикам и к полякам. Авось при этом удастся хоть крошку сделать в пользу бывшей России!

7/20 декабря. Празднование Николина дня гораздо роскошнее, чем год, два и три назад. Между тем, цены скачут бешено: хлеб — 9-10 тысяч, хотя в Москве по-прежнему все можно достать. Касательно имеющего открыться съезда советов⁸³ московские буржуи распространяют самые удивительные слухи — одни ждут поправения, другие — полевения; и то, и другое рисуется в самых резких и решительных формах.

8/21 декабря. Как я провел сегодняшний день: 8 1/2 — обедня, 20-й день по дяде Эдуарде Владимировиче [;] 10-11 — занятия с Володей, прерванные четырьмя посещениями [;] 11 — канцелярия Музея [;] 11 1/2 — 1 — делил книги в библиотеке Университета [;] 1—2 — совет Музея [;] 2 — в Академии Материальной Культуры [;] 2 1/4 — 3 — библиотека [;] 3 — обед [;] 3 1/2 — 4 1/2 — Комиссариат иностранных Дел: польские дела [;] 5—6 — лекция на библиотечных курсах [;] 7—8 — заседание Комиссии Древностей Центральной России [;] 8 1/2 — пришел домой [.] Это очень характерное времяпрепровождение для тепершнего времени [.]

Болезнь отца Веры Михайловны затягивается и ухудшается.

10/23 декабря. Получил предложение участвовать в экспертизе по делу выдачи полякам различных предметов и документов на основании Рижского договора⁸⁴. Полагаю, что, приняв его, не совершил греха, ибо убедился, что поляки остались и останутся врагами России и, защищаясь от них, мы, может быть, работаем для будущей гипотетической России. Пока видел вчера только товарища председателя Русской делегации тов. Мрочковского⁸⁵ -- коммуниста из присяжных поверенных — сухого, деловитого, вежливого, достаточно цивилизованного, но с неприятным, жестким выражением.

За эти дни вступил в деятели Исторического Музея; был на совете и на заседании исторического разряда. Работа там может быть и в настоящих условиях приятной. Золотые сильно упали; говорят, что большевики спросили у жидов, что им делать; те посоветовали выкинуть на рынок золота и спросить отчета у крупных авансисстов-подрядчиков. Вероятно, некоторые из последних затрещат; жида скупят золото по дешевой цене, а через неделю или две золото опять пойдет в гору, причем большевицкая казна заплатит протори и убытки.

13/26 декабря. Подарок от американцев Coolidge и Colder к Рождеству: food packet⁸⁶ с очень милым письмом, которое я прилагаю здесь⁸⁷. Один пуд 15 фунтов крупчатки, 25 фунтов риса, 15 фунтов сахара, 3 фунта чая, ведро сала, 20 банок сгущенного молока. Признаюсь, был тронут, и доволен, и немного возбужден. Съезд советов заставляет что-то ждать; пока я еще не вижу ничего; но перемены все же надвигаются. У Веры Михайловны положение без перемен и затягивается. Я чувствую, что больше не могу усиливать моих занятий; я дошел до точки; не совокупность их, а раздрганность, которую порождает эти занятия, не позволяет больше их увеличивать.

Хлеб — 9000; один фунт колбасы — 65 000.

15/28 декабря. Situation inchangée⁸⁸. Слушал речь А. А. Грушки о Достоевском. Интересно, когда выйдут все его антибольшевические речи в виде [...]. Несмотря на ужасающее положение страны, я не теряю почему-то бодрости.

18/31 декабря. Типичный случай: заведующий административным управлением Наркомпроса, жид-мальчишка Невельсон, желая поместить свою мамашу, захватил помещение Московской Секции Академии Материальной Культуры. Управление научных учреждений, боясь Невельсона или не желая портить отношений⁸⁹, в ус не дует, чтоб помочь обиженному учреждению. Хожу и хлопочу. Оптимисты ожидают каких-то декретов. Большевики пишут о том, что кто-то хочет их признать. Закончен еще один год русской смерти.

(Окончание следует)

Примечания

1. Положение с продовольствием ухудшилось к лету 1921 г. до крайней степени. Можно выделить три главных фактора кризиса: социально-экономическую политику коммунистических властей, разрушавшую сельское хозяйство и торговлю; гражданскую войну, захватившую главные хлебопроизводящие местности: два неурожайных года подряд (1920 и 1921).
2. Задолго до описываемого времени из-за границы стали поступать предложения о помощи (от министра торговли США Г. Гувера, председателя Международного комитета помощи русским Ф. Нансена и др.), но они отвергались Советским правительством из политических соображений. В частности, Американская администрация помощи (American Relief Administration) — АРА, которую возглавлял Гувер, настаивала на том, что помощь голодающим должна осуществляться непосредственно ее представителями на местах, на что Советское правительство не шло. Так как большинством иностранных правительств оно не признавалось законным и дипломатических отношений с ним не было, все эти заявления часто передавались во всеуслышание по радио, что и вызывало слухи, о которых пишет Готье.
3. Горький действовал с согласия властей, признавших, наконец, катастрофичность положения. 11 июля было опубликовано обращение, подписанное патриархом Тихоном и Горьким. Гувер откликнулся на него. Советское правительство дало согласие на прямую раздачу продовольствия голодающим, и с августа АРА приступила к работе. Размеры помощи, продолжавшейся до середины 1923 г., были очень значительны: в период наибольшей нужды АРА ежедневно кормила более 10 млн. человек (см. Golder F. A., Hutchinson I., On the Trail of the Russian Famine. Stanford. 1927; Fisher H. H. The Famine in Soviet Russia. N. Y. 1927 (автор, профессор Стэнфордского университета, как и Гольдер, принимал участие в деятельности АРА в России); Weissman B. M. Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921—1923. Stanford. 1974).

4. 22 июня группа общественных деятелей сообщила правительству о намерении создать Всероссийский общественный комитет помощи голодающим. Обращение вызвало большие разногласия в партийно-правительственных верхах. О позиции Ленина свидетельствует записка, написанная им на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 12 июля в связи с обсуждением вопроса об этом комитете: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову... От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. *Больше ни-че-го*» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53, с. 24—25). С целью «обезвредить» общественное начинание, Политбюро «одобрило план создания в Комитете коммунистической группы и постановило ввести в президиум Комитета лишь определенное количество буржуазных «общественных деятелей»» (там же, прим. 29, с. 381—382). В противовес общественному комитету и до его официального разрешения 18 июля был издан декрет ВЦИК «О Центральной комиссии помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете». Комиссии этой, во главе с М. И. Калининым, вменялось в обязанность «объединять и согласовывать» всю деятельность по борьбе с голодом.
5. Неясно, что автор называет «совещанием о голоде». 16—24 июня в Москве состоялось 3-е Всероссийское продовольственное совещание, а 16—23 июля (когда Готье делал эту запись) — 3-е Всероссийское собрание уполномоченных Центросоюза. Говоря об Н. М. Кишкине, Готье намекает на то, что он по профессии врач-физиотерапевт.
Головин Федор Александрович (1867 — после 1929) — юрист, общественный и политический деятель. Участник земского движения, член Союза освобождения. Один из организаторов КДП, председатель ее Московского комитета и бессменный член ЦК. Председатель II Государственной думы, депутат III Думы. Во время мировой войны один из учредителей и член совета общества «Кооперация», председатель Общества помощи жертвам войны. После Февральской революции комиссар Временного правительства по Министерству императорского двора. В описываемое время вошел в Комитет помощи голодающим. Называя Головина «пустым местом», Готье, скорее всего, имеет в виду, что тот, будучи председателем Государственной думы, часто проявлял нерешительность и колебания.
6. Пестовские записи за июнь — сентябрь см. после основных записей за сентябрь.
7. Только 21 июля ВЦИК оформил решение об образовании Всероссийского общественного комитета помощи голодающим. В него было введено 12 представителей партийно-правительственной верхушки во главе с Каменевым и Рыковым, которые были назначены председателем и заместителем председателя комитета. Фактически деятельность его возглавлял Кишкин, бывший председателем Административного отдела (см. Максимов Ю. Н. Комитет помощи голодающим. — Память. Исторический сборник. Вып. 4. М. 1979 — Париж. 1981).
8. *Ресторан «Яр»*, существовавший с 1826 г., был одним из наиболее известных и шикарных московских ресторанов. Расположенный в Петровском парке на Санкт-Петербургском шоссе, он в дореволюционное время считался загородным. Новое его здание, построенное в 1910-х годах, было перестроено в 1948—1950 гг.; теперь в нем помещается гостиница «Советская».
9. 18 августа ВЦИК постановил «отложить поездку заграничной делегации» комитета, на что он 23 августа ответил, что его дальнейшая деятельность невозможна без такой поездки.
10. Московская секция ГАИМК просуществовала (последние годы как Московский филиал Института истории материальной культуры) до 1945 г., когда Московский филиал стал главной частью института, а бывший центр — Ленинградским филиалом.
11. Межведомственная комиссия по закупке и распределению иностранной литературы была образована решением СНК от 14 июня 1921 года.
12. *Шмидт Отто Юльевич* (1891—1956) — математик и политик; организатор и реорганизатор; с 1920 г. член Социалистической академии. В 1918—1919 гг. член Партии социал-демократов интернационалистов и ее ЦК; с 1919 г. в РКП(б). Развивал бурную деятельность в разных хозяйственных ведомствах (разрабатывал в Наркомпроде положение 1918 г. о продотрядах, разорявших и терроризировавших деревню; в Центросоюзе — проект декрета СНК 1920 г. о кооперации, уничтожившего независимые кооперативные организации). Как член коллегии Наркомпроса (1920—1921 гг.) много сделал для разрушения среднего и высшего образования. «Устав Шмидта», принятый Наркомпросом 2 марта 1921 г., лишал профессоров какого-либо влияния на управление высшими учебными заведениями. В марте 1921 г. после разногласий с Крупской, вызвавших недовольство Ленина, был снят с должности заместителя председателя Главпрофобра (Шмидт отстаивал всеобщее

«монотехническое» образование с 15-летнего возраста, Крупская — «политехническое». Ленин в заметках на тезисы Крупской, не предназначенных для оглашения, писал, что Шмидт, может быть, «пересобачил»). В 1921—1924 гг. заведовал Госиздатом (снят после выхода книги Троцкого «Уроки Октября»). Один из основателей (главный редактор в 1924—1941 гг.) Большой Советской энциклопедии и организаторов освоения Северного морского пути (в 1932—1939 гг. начальник Главсевморпути). Академик (1933 г.). Герой Советского Союза (1937 г.). Член ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР (1937—1946 гг.). В 30-е годы один из виднейших представителей декоративной знати в сталинской общественно-политической системе (одно время «избирался» на всевозможных торжественных заседаниях в «почетный президиум» вместе с членами Политбюро); после войны такой роли не играл.

13. Журнал «Русская мысль» (София. Прага. Берлин. 1921—1923; Париж. 1927) был задуман П. Б. Струве как возобновление журнала, выходившего под тем же названием в Москве (1880—1918), издателем и редактором которого в 1911—1918 гг. он был (см. Струве Глеб. Из истории русской зарубежной печати. Издания П. Б. Струве. — Русская литература в эмиграции. Сб. ст. Питтсбург. 1972).
14. *Гиппиус Зинаида Николаевна* (1869—1945) и ее муж *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941) — литераторы, игравшие видную роль в религиозно-философской, идейно-эстетической и идейно-политической жизни интеллигенции с начала века до второй мировой войны. К ПСР были близки с 1905 года. С конца 1919 г. в эмиграции. В описываемое время деятельные участники возрожденной Савинковым (с которым были в дружеских отношениях с лета 1917 г.) революционной организации Национальный союз защиты родины и свободы, ведшей вооруженную борьбу с коммунистической властью (главным образом, в Белоруссии и Пековской губ.); сотрудничали в газете Союза «За Свободу» (выходившей в Варшаве под редакцией их ближайшего друга Д. В. Философова) (см. *Rachmus Temira. Z. Hippius. An Intellectual Profile. Lnd. Amsterdam, 1971* и ее же статью «З. Н. Гиппиус в эмиграции — по ее письмам» в вышеупомянутом (прим. 13) сборнике). Дневник, о котором пишет Готье, был опубликован в №№ 1—2 и 3—4 «Русской мысли» за 1921 год. Новейшее (более полное) издание: *Гиппиус Зинаида. Петербургские дневники (1914—1919)*. Нью-Йорк. 1982. Дневник содержит много ценных сведений, особенно за 1917 год.
15. Воспоминания кн. Е. Н. Трубецкого печатались в нескольких номерах «Русской мысли» за 1921 г. и отдельной книгой: *Воспоминания*. София. 1921. Другое собрание воспоминаний вышло в том же году в Вене под названием «Из прошлого».

Крейман Франц Иванович — основатель и директор частной гимназии в Москве (Пименовский пер., д. 5), в которой учился Готье.

16. Вероятно, химик А. Н. Реформатский (см. прим. 80, «Вопросы истории», 1992, № 11—12), в описываемое время преуспевший в стремлении завоевать доверие большевистского «президиума» университета.
17. 26 августа в записке Сталину (с просьбой показать ее членам Политбюро) Ленин писал: «Некий Рунов, свой человек, рассказал ему [Рыкову, на которого Ленин ссылается] о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи... прикрывался он Комитетом помощи голодающим... Предлагаю: сегодня же... постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш» — мотив: их отказ от работы, их резолюция [о необходимости посылки делегации за границу]. Назначить для приема денег и ликвидации одного *вечекиста*. Прокоповича сегодня же арестовать... и продержать месяца три... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, *под надзор*... Игре (*с огнем*) будет положен конец. Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изю всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев... Советую сегодня же это покончить в Политбюро. Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей»» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53, с. 141—142).

Упомянув о приезде иностранцев, Ленин, вероятно, имел в виду сотрудников АРА и Международного Красного Креста и не хотел согласования их работы с работой общественного комитета. 27 августа Политбюро (!) приняло решение об аресте членов Всероссийского общественного комитета помощи голодающим «ввиду их контрреволюционной деятельности». В тот же день члены комитета, собравшиеся на заседание, были арестованы отрядом чекистов во главе с Т. П. Самсоновым.

Самсонов (или Самсонов-Бабий) *Тимофей Петрович* (1888—1956) — анархист-коммунист с дореволюционным стажем (до революции какое-то время провел в заключении), с 1919 г. в РКП(б). В 1917 г. красногвардеец, с началом гражданской войны деятель особых отделов в Красной Армии, затем чекист. С сентября 1920 г. начальник Секретно-оперативного отдела и член коллегии ВЧК. Впоследствии был управляющим делами ЦК ВКП(б) и Коминтерна.

18. 31 августа в «Правде» появилось сообщение о расстреле (за неделю до того) 61 участника «заговора Таганцева», или «Петроградской боевой организации». Согласно версии ВЧК (см. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 2. М. 1980), это была многочисленная разветвленная организация (было арестовано более 200 человек), возникшая в 1920 г. и готовившая вооруженное восстание с целью свержения советской власти. Кроме географа, профессора Петроградского университета В. Н. Таганцева (сына юриста, сенатора, почетного академика Н. С. Таганцева), из «профессорской группы» в числе расстрелянных были проректор университета, юрист Н. И. Лазаревский, автор одного из лучших курсов русского государственного права (ему вменялось в вину составление проекта реформы местного самоуправления на случай падения большевистской власти) и специалист по химии нефти М. М. Тихвинский (в 1905 г. руководил изготовлением бомб для большевистской боевой организации). В числе расстрелянных из «офицерской группы» был Н. С. Гумилев.

Насколько можно судить (открытого суда не было, архивные документы до сих пор в большинстве своем недоступны для ознакомления), «дело» это, по крайней мере в значительной степени, было фальсификацией. В «раскрытии» его активную роль сыграл упомянутый выше Самсонов.

19. Сообщение о «ропуске» Всероссийского общественного комитета помощи голодающим было напечатано в газетах 30 августа.
20. Андреев Л. Дневник Сатаны. Гельсингфорс. 1921.
21. См. выше ленинское указание «травить».
22. В числе членов и кандидатов в члены ВЦИК за 1917—1921 гг. А. П. Минкина, как будто, не было.
23. Некоторые из арестованных членов комитета были высланы из Москвы, остальные вскоре выпущены.
24. Очевидно, на заседании 27 августа, о котором говорится в записи, помеченной этим числом. В 1921—1922 гг. Шмидт был членом коллегии Наркомфина.
25. Бренковская Катерина. Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель. — Современные записки, 1921, № 4.

Современные записки. Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал (Париж. 1920—1940) — лучший «толстый» журнал русского зарубежья того времени. Хотя в редакционной коллегии были только эсеры (Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фондаминский, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский и В. В. Руднев), она придерживалась политики «выдержки и терпимости», и журнал был органом всего левого крыла эмиграции, включая левых кадетов (см. Вишняк М. Современные записки: воспоминания редактора. Bloomington — Ind. 1957).

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — профессиональная революционерка, старейший член ПСР; в 1917 г. занимала в партии наиболее правую оборонческую позицию, поддерживала Керенского и решительно выступала против Чернова, обвиняя его в германофильстве. В 1918 г. входила в Комитет членов Учредительного собрания, в 1919 г. эмигрировала.

Мост Иоганн Йозеф (Most Johann Joseph) (1846—1906) немецкий анархист, по профессии переплетчик. Жил в разных странах Европы и в США, везде попадал под суд за пропаганду насилия, что он делал в самой грубой и неприкрытой форме. После убийства Александра II Мост, живший тогда в Лондоне, печатно выразил радость по этому поводу и надежду, что такая же участь постигнет еще какого-нибудь императора; за умышленное подстрекательство к убийству был английским судом приговорен к полутора годам каторги.

Мишель Клеменс Луиза (Michel Clémence Louise) (1830—1905) — французская анархистка, по профессии учительница. Активная участница Парижской Коммуны, была приговорена к пожизненной ссылке, освободилась по общей амнистии 1880 года. Продолжала анархистскую пропаганду и агитацию (главным образом среди женщин), восхваляла жестокость коммунаров и политические убийства.

26. *Шнявшинский Ипполит Васильевич* (1848—1917) — драматург, получил военное образова-

- ние и был офицером, затем вольнослушателем прошел полный курс юридического факультета Московского университета. «*В старые годы*» (1889 г.) — пьеса о дореформенном быте, пользовалась большим успехом.
27. Актеры московского Малого театра *К. Н. Рыбаков* (1856—1916), *М. Н. Ермолова* (1853—1928), *Е. К. Лешковская* (1864—1925), *В. А. Макшеев* (1843—1901), *О. А. Правдин* (1849—1921). Последний после Февральской революции был комиссаром театра, а с 1918 г. входил в состав его дирекции.
 28. *Интермеццо* — буквально — перерыв (*ит.*).
 29. Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1 (в трех частях). София. 1921. Второй русской революцией Милюков, как и большинство современников, называл все события 1917 года. Работу над книгой, в известной мере основанной на его личных воспоминаниях как участника многих событий и заинтересованного наблюдателя, он начал в 1918 г. в Киеве.
 30. Путь к смерти (*фр.*).
 31. См. приложение 21.
 32. В соответствии с новой экономической политикой СНК 9 июля принял декрет «Об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям».
 33. *Мураново* — село в 4 км к северо-западу от плат. Ашукинская (по Ярославскому направлению), в котором находится усадьба, с 1836 г. принадлежавшая поэту Е. А. Баратынскому (1800—1844), а впоследствии И. Ф. Тютчеву, дальнему родственнику Баратынского, сыну поэта Ф. И. Тютчева, собравшему здесь бумаги, книги и другие вещи отца. *И. С. Аксаков* (1823—1886) был женат на сестре И. Ф. Тютчева и часто бывал в имении. *Николай Иванович* (1876—1949) и *Федор Иванович Тютчевы* — внуки поэта, которым усадьба принадлежала до 1919 г., когда она была преобразована в музей, с 1920 г. открытый для посетителей. Н. И. Тютчев был хранителем музея.
 34. *Кузьминский Константин Станиславович* (1875—1940) — искусствовед и историк; член Государственной академии художественных наук — учреждения, целью которого (подобно РАНИОН) было привлечь интеллигенцию к сотрудничеству с новой властью.
 35. Свадебное путешествие (*фр.*).
 36. Привидений (*фр.*).
 37. Делать здесь нечего (*англ.*).
 38. Мы здесь для ознакомления (*англ.*).
 39. См. приложение 22.
 40. *Д. Н. Егоров*, сменивший Готье на дежурстве в библиотеке Румянцевского музея, с 1919 г. ведал там отделом всеобщей истории.
 41. «По некоторым сведениям, Прокоповича, Кускову и Кишкина от смерти спасло лишь заступничество Ф. Нансена, поставившего условием помощи голодающим сохранение жизни основателям ВОКПГ» (Гулеев Р., предисловие к воспоминаниям Ю. Н. Максимова о комитете — см. прим. 7).
 42. Протасов Николай Дмитриевич (1886—?) — археолог и искусствовед, библиотекарь; в прошлом сотрудничал в журнале «Богословский вестник», в описываемое время член Государственной академии истории материальной культуры.
 43. 2 сентября вышел декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)», проведение которого в жизнь в Петроградском университете «проходило в сложной и острой борьбе, вследствие чего процесс перестройки органов управления университета на основе нового устава надолго затянулся» (История Ленинградского университета. 1819—1969. Л. 1969, с. 232). В Московском университете аналогичная домка была произведена Наркомпросом (в качестве временной меры до принятия нового Положения) в ноябре 1920 года. Кроме того, в Петроградском университете осенью 1921 г. был еще раз реорганизован факультет общественных наук (во исполнение декрета СНК от 4 марта «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов»), в частности, были ликвидированы философское, историческое и филологическое отделения.
 44. В Петроградском университете не было выплачено содержание с июля по сентябрь 1921 года.
 45. Государственный банк (существовавший с 1860 г.), с которым в декабре 1917 г. были слиты все конфискованные частные и кооперативные банки, был весной 1918 г. переименован в Народный банк, а 19 января 1920 г. декретом СНК «Об упразднении Народного банка» ликвидирован за ненадобностью, так как властями проводилась политика натурализации хозяйства и уничтожения кредита. С переходом к новой экономической политике вновь учрежден декретом СНК от 4 октября 1921 года. Постановление ВЦИК «Об учреждении

Государственного банка» (принятое 7 октября) было опубликовано 12 октября. На той же сессии ВЦИК был утвержден порядок составления росписи доходов и расходов на 1922 год. Вероятно, тогда же был узаконен частный подряд. О его возможности говорилось в декрете СНК от 13 октября «О мерах к развитию торгового судоходства и судостроения на началах хозяйственного расчета».

46. Отвращение к России (лат.).

47. Стремление выбраться (нем.).

48. Сборник «Смена вех» вышел в Праге в июле 1921 г.; 2-е издание было выпущено в 1922 г. одновременно в Берлине и Смоленске (или Воронеже?).

Ключников Юрий Вениаминович (1886—1938?) — юрист, специалист по международному публичному (а не по гражданскому) праву, приват-доцент Московского университета; член КДП, сотрудничал в демократической газете «Русское слово». Весной 1918 г. член редакции еженедельника молодых кадетов «Накануне». В июле участвовал в антибольшевистском восстании в Ярославле, затем был товарищем министра и министром иностранных дел в правительстве П. В. Вологодского в Уфе (при Директории) и Омске (при адмирале Колчаке). В 1919 г. выехал в Париж (с намерением участвовать в Версальской мирной конференции), входил там в кадетский ЦК; с конца 1921 г. в Берлине.

В 1921 г. возглавил сменовеховское движение среди эмигрантов в Западной Европе, был инициатором издания сборника «Смена вех» (придумал его название), еженедельника под тем же названием (Париж, 1921—1922) и ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922—1924), их редактором или соредактором. В 1922 г., еще будучи эмигрантом, по инициативе Ленина, обратившего внимание на его статью в парижской «Смене вех» о предстоящей Генуэзской конференции, был причислен к советской делегации в качестве эксперта (что он считал первым практическим шагом сменовеховства). В августе 1923 г. вернулся в СССР, был заведующим кабинетом международной политики Коммунистической академии, советником Наркоминдела, сотрудничал в журнале «Международная жизнь», издавал сборники дипломатических документов. Погиб во время ежовщины.

Бобринцев-Пушкин Александр Владимирович (1875—1958) — петербургский присяжный поверенный, политик и публицист. Член Партии правового порядка (ППП), затем Союза 17 октября (в который в 1906 г. влилась значительная часть распавшейся ППП), был членом его ЦК и товарищем председателя. Сотрудничал в либеральных газетах «Голос правды» (СПб. 1905—1910) и «Голос Москвы» (1906—1915; главный орган октябристов, выходивший под редакцией А. И. Гучкова). В начале 1918 г. был защитником В. М. Пуришкевича. Во время гражданской войны — на Юге, с Добровольческой армией, потом в эмиграции в Париже и Берлине. В 1921—1923 гг. сменовеховец, участвовал в изданиях Ключникова; в сборнике шел, пожалуй, дальше других авторов (по крайней мере, более явно) в отказе от идеи правового государства, в апологии большевизма и восхвалении советской власти. В 1923 г. вернулся в СССР, занимался адвокатской практикой.

Лукьянов Сергей Сергеевич — петербургский журналист, сын профессора-патолога С. М. Лукьянова (впоследствии товарища министра народного просвещения, члена Государственного совета, обер-прокурора Св. Синода); одно время состоял в КДП. С 1920 г. в эмиграции в Париже, затем в Берлине, ближайший сотрудник Ключникова. В 1924 г. вернулся в Париж; вступил во Французскую коммунистическую партию, был корреспондентом ТАСС. В 1930 г. (или 1931?) выслан из Франции, вернулся в СССР; с 1934 г. первый редактор еженедельной газеты «Journal de Moscou», близкой к Наркоминделу. Погиб во время ежовщины (по некоторым сведениям, в Ухто-Печерском лагере).

«В Каноссу!» — так озаглавил свою статью в «Смене вех» физиолог (ученик И. П. Павлова) С. С. Чахотин, который до конца 40-х годов находился в эмиграции, а затем вернулся на родину (в 1972 г. он был жив и работал в Институте биофизики под Москвой). «Идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию.

49. *Гредескул Николай Андреевич* (1864—?) — юрист, политический деятель и публицист. Был профессором гражданского права и деканом юридического факультета Харьковского университета. Автор ряда работ по общим вопросам права и брошюры «Марксизм и идеализм» (Харьков. 1905), в которых критиковал марксизм и отстаивал идеализм. В 1905 г. редактор харьковской газеты «Мир» «противоправительственного» направления, за что она была закрыта, а Гредескул арестован и сослан. Один из основателей КДП, с апреля 1906 г. член ее ЦК (до 1916 г., когда вышел из партии), сторонник Милюкова. Товарищ председателя I Думы, участвовал в выработке Выборгского воззвания. Затем профессор Петербургского политехнического института, сотрудник газеты «Речь», журнала

«Русская мысль» и других либеральных изданий. Участник «антивеховского» сборника «Интеллигенция в России» (СПб. 1910). В 1917 г. сотрудник газеты «Русская воля», выступавшей против большевиков.

В 1920 г. высказался за признание советской власти, а в апреле 1921 г. вошел в Группу красной профессуры (распущенную летом того же года, так как не сумела привлечь достаточно сторонников), которая в своей декларации утверждала, что новая власть «впервые в истории создает условия для свободного развития науки» и что преподавание социально-экономических дисциплин должно строиться в духе исторического материализма (вероятно, именно это заявление побудило Готье назвать Гредескула купленным). См. Гредескул Н. А. Россия прежде и теперь. М.—Л. 1926.

50. *Розенберг Владимир Александрович* (1860—1931) — публицист, историк русской печати; работал в редакции газеты «Русские ведомости» (в 1912 г. редактор). Вскоре эмигрировал, умер в Праге. См. его «Из истории русской печати: организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости». 1863—1918». Прага. 1924.
51. *В. П. Волгин* был членом Президиума — временного органа управления университетом, образованного в ноябре 1920 года. В декабре 1921 г., после очередного преобразования (в соответствии с декретом от 2 сентября), был назначен ректором университета. В 1911—1914 гг. работал в «Русских ведомостях», писал статьи о странах Западной Европы, Азии и о США, а также рецензии на книги по всеобщей истории.
52. Положение не изменилось (*фр.*).
53. Имеется в виду доклад Ленина «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на 2-м Всероссийском съезде политпросветов 17 октября, печатавшийся в «Известиях» 19, 21 и 22 октября.
54. *Карл* (1887—1922) — в 1916—1918 гг. король Венгрии Карой (Károly) IV (как император Австрии — Карл I). После отречения жил в эмиграции. В 1921 г. дважды пытался свергнуть регента адмирала М. Хорти и вернуться на престол (Венгрия официально оставалась монархией). Потерпев неудачу при первой попытке (в марте), 21 октября опять прибыл в Венгрию (в г. Шопрон близ австрийской границы) и с наспех набранным отрядом двинулся на Будапешт. Был взят в плен правительственными войсками и сослан на о. Мадейру, где вскоре умер.
55. В описываемое время среди монархистов в эмиграции не было единодушия в вопросе о том, кого считать наследником российского престола. Легитимисты, следуя акту о престолонаследии от 5 апреля 1797 г., законным наследником считали двоюродного брата Николая II великого князя Кирилла Владимировича (1876—1938), отец которого был следующим за Александром III сыном Александра II. В августе 1924 г. (придя к убеждению, что Николай II, цесаревич Алексей и великий князь Михаил Александрович погибли) Кирилл Владимирович объявил себя императором. Легитимистам противостояли поклонники бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (1856—1929), сына одного из младших братьев Александра II. «Николаисты» считали, что Кирилл Владимирович недостойн престола (будучи командиром гвардейского морского экипажа, он в момент Февральской революции перешел со своим экипажем на сторону Временного комитета Думы). Сам Николай Николаевич не только не претендовал на престол, но придерживался позиции «непредрешенчества», считая, что вопрос о форме правления должен решаться после падения большевистской власти.

Сын Кирилла Владимировича великий князь Владимир Кириллович (1917—1992) приезжал в Санкт-Петербург в начале ноября 1991 г. на празднование по поводу возвращения городу его исконного имени; похоронен в усыпальнице великих князей в Петропавловской крепости.

56. *Келлер Михаил Петрович* (1883—?) — граф, по образованию юрист, библиофил, имевший репутацию «одного из культурнейших любителей книги в России», обладатель замечательной библиотеки (наиболее ценную часть которой ему удалось вывезти). С октября 1920 г. товарищ председателя созданного тогда Русского общества друзей книги. В мае 1921 г. поступил на работу в Румянцевский музей (раньше, будучи состоятельным человеком, нигде не служил).

Готье пишет о проходах его в Латвию, куда он выезжал, воспользовавшись правом оптации. Графы Келлеры были швейцарско-прусского, а не остзейского происхождения, но они были записаны в родословную книгу Витебской губ., а северо-западные уезды этой губернии (Латгалия) вошли в состав независимой Латвии. По-видимому, латвийское гражданство было использовано для выезда на Запад; в 1922—1923 гг. Келлер жил в Дрездене, сотрудничал в московском журнале «Среди коллекционеров».

57. Эта мысль была приведена в исполнение; в 20-е и 30-е годы продажа музейных ценностей за границу приобрела широкие размеры.
58. 29 октября в «Известиях» под заглавием «Декларация о признании долгов» было напечатано заявление, которое накануне народный комиссар по иностранным делам Чичерин направил правительствам великих держав. «Российское правительство... заявляет, — говорилось в нем, — что предложение признать на известных условиях старые долги идет в настоящее время навстречу его собственным намерениям... Советская республика может принять на себя эти обязательства лишь в том случае, если великие державы заключат с ней окончательный всеобщий мир и если ее правительство будет признано другими державами». Кроме того, возможное признание долгов ограничивалось займами, полученными до 1914 года.

История этого заявления такова. 6–8 октября в Брюсселе состоялась международная конференция по вопросу о помощи голодающим в России. В решении конференции указывалось, на каких условиях возможно оказание помощи, в частности рекомендовалось предоставлять кредиты только при условии «признания русским правительством существующих долгов».

15 октября Чичерин докладывал Ленину, не ссылаясь на решение конференции, что роспуск Всероссийского общественного комитета помощи голодающим и другие шаги советского правительства ухудшили международное положение РСФСР, и предлагал ряд мер к его улучшению, в том числе заявление о признании долгов. Ленин ответил, что не согласен, а 18 октября подтвердил свое несогласие в письме членам Политбюро. Вопрос обсуждался на заседании Политбюро 20 октября, когда, по-видимому, было решено воспользоваться постановлением Брюссельской конференции для очередной попытки добиться признания советского правительства. Представленный Чичериным проект заявления с поправками Ленина (который настаивал на одновременном рассмотрении взаимных претензий) был принят на заседании Политбюро 27 октября, причем Чичерину было поручено опубликовать его за своей подписью.

59. *Ушаков Дмитрий Николаевич* (1873—1942) — лингвист, с 1939 г. член-корреспондент АН СССР. В описываемое время профессор литературного отделения факультета общественных наук Московского университета, председатель (1915—1931) Московской диалектологической комиссии. Известность приобрел в 1915 г. изданием (в соавторстве) первой карты русских диалектов, а в 1935–1940 гг. — «Толкового словаря русского языка». О дружбе с Ушаковым в бытность их однокурсниками на историко-филологическом факультете Готье рассказывает в своих воспоминаниях о студенческих годах. В 1921 г. отмечалось, по всей вероятности, 25-летие научной и преподавательской деятельности Ушакова.
60. Отделы Наркомпроса: Музыкальный, Изобразительных искусств, Литературный; Московский отдел народного образования. Слова автора об их уничтожении нельзя понимать буквально (см. исследование Sh. Fitzpatrick).
61. Неясно, о каком издании идет речь. Первый том русского издания (С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Царствование Николая II. Берлин. 1922) вышел, по всей вероятности, в октябре 1921 г. (объявление о его выходе появилось в берлинской газете «Руль» 30 октября) и вскоре мог быть получен в библиотеке Румянцевского музея. Но выражение «закончил чтение мемуаров Витте» можно понять и как прочтение всего труда. В таком случае не исключена возможность, что Готье прочитал однотомное английское издание (The Memoirs of Count Witte. Lnd. 1921), вышедшее на несколько месяцев ранее берлинского. Однако это мало вероятно, Готье скорее всего, упомянул бы, что читал перевод. См. также Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте. — Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. ст. М. 1963.
62. Об этом эпизоде см. труд С. С. Ольденбурга и комментарии редактора английского перевода: Oldenburg S. S. Last Tsar: Nicolas II, His Reign and His Russia. Vol. 2. Gulf Breeze, Fl. 1977.
63. Сомневаться в том, что авторы сборника писали искренне, оснований нет, но следует иметь в виду, что сменовеховские издания за границей (по крайней мере, некоторые, например, берлинская газета «Накануне») субсидировались советскими властями. О взаимоотношениях между берлинскими сменовеховцами и советским полпредством некоторое представление дают воспоминания Гуля.
64. Запись Готье — ценное свидетельство о том, как в момент появления сборника воспринимались его основные идеи. Ясно видна двойственность восприятия самим Готье — удовлетворение положительной оценкой культурной работы интеллигенции в России и резкое неприятие романтизации революции, мессианских упований и веры в здравый

государственный смысл русского народа («трогательной наивности русской интеллигенции»). Подобная двойственность восприятия в среде национально-государственно мыслящей интеллигенции, судя по всему, сыграла большую роль в судьбе сменовеховского движения.

Вызывает некоторое удивление, что Готье не упоминает Устрялова, автора важнейшей статьи сборника, которого он мог знать лично, хотя бы и мельком. *Устрялов Николай Васильевич* (1890—1938) — юрист, политический деятель и публицист, был главным теоретиком национал-большевизма и идеологом сменовеховского движения. Окончил Московский университет, где, по всей вероятности, был учеником А. С. Алексеева и С. А. Котляревского; с 1916 г. приват-доцент там же, с 1918 г. в Пермском университете; в 1920 г. первый декан, затем до 1934 г. профессор государственного права русского Юридического факультета в Харбине (а не Харбинского университета, как говорится в статье о нем в 3-м изд. БСЭ; такого университета не было).

С 1917 г. деятель КДП; противник Брестского мира как унижительного для России. В 1919 г. председатель Восточного бюро ЦК КДП в Омске, редактор официозной газеты «Русское дело», один из руководителей Русского бюро печати; сторонник «чистой диктатуры» Колчака, на которого оказывал некоторое влияние. Еще в 1916—1918 гг. в журнале «Проблемы Великой России», газетах «Утро России» и «Заря России», еженедельнике «Нахануне» начал высказывать мысли, легшие в основу теории национал-большевизма, которую развивал в 1920—1934 годах. После продажи КВЖД (где было его основное место работы), как и многие другие ее русские служащие, в 1935 г. уехал в СССР; по некоторым сведениям, преподавал в Москве; погиб во время ежовщины. См. его сб. ст. «В борьбе за Россию». Харбин. 1920; перепечатка Orange. Ст. 1987.

Серьезное изучение сменовеховства и национал-большевизма только начинается — см. Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж. 1980; его же. У истоков национал-большевизма.— Минувшее. Вып. 4. Париж. 1987; Флейшман Л. и др. Русский Берлин. 1921—1923. Париж. 1983.

65. То есть на Вашингтонскую международную конференцию (по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам), которая открывалась 12 ноября 1921 года. В заявлении Чичерина от 28 октября выражалось недовольство тем, что советское правительство на нее не пригласили.
66. *Томашевский Иван Леонтьевич* (Tomaszewski Jan) был в свое время также председателем Третьего московского уголовного суда.
67. Польская кровь (польск.).
68. Большинство слов из песенки приводится в подлиннике полностью.
69. Czernin Ottokar. Im Weltkrieg. Brl.— Wien. 1919.
70. «Госзнаки» — в ту пору официальное наименование бумажных денег, выпущенных советским правительством. Цель его — подчеркнуть отрицательное отношение коммунистов к деньгам (до перехода к новой экономической политике).
71. См. приложение 23.
72. *Coolidge Archibald Cary* (1866—1928) — профессор истории и директор библиотеки в Гарвардском университете. В 1890—1891 гг. был и. о. секретаря миссии США в Петербурге (в конце прошлого столетия Соединенные Штаты еще не считались великой державой, поэтому их дипломатическое представительство в Петербурге, как и российское в Вашингтоне, были в ранге миссии, а не посольства). В 1919 г. был причислен к делегации США на Версальской мирной конференции. В 1921 г. принял участие в деятельности Российского отряда Американской организации помощи, был во главе подразделения по связям с властями (в том числе по делам репатриации американцев) и прессой. Сведения о Гольдере, бывшем ученике Кулиджа, приведены во вступительной статье к данной публикации («Вопросы истории», 1991, № 6, с. 150).
73. Лихов переулоч расположен у Садового кольца.
74. Институт красной профессуры был создан во исполнение декрета СНК от 11 февраля 1921 г. «Об учреждении институтов по подготовке красной профессуры», которые должны были готовить для высшей школы преподавателей политической экономии, исторического материализма, истории «развития общественных формаций», новейшей истории и «советского строительства». Сначала был образован один институт (занятия в нем начались осенью 1921 г.), впоследствии разделен на несколько. Организатором и директором института был Покровский.

Хотя слушателями могли быть только члены РКП(б), командированные ЦК, республиканскими или губернскими комитетами партии, первое время принимали небольшое

число беспартийных (в 1921 г. четверых из 93). Среди преподавателей тоже было беспартийное меньшинство, к которому принадлежал Савин. Тон записи Готье свидетельствует о том, что такого рода сотрудничество историков с коммунистами обращало на себя внимание и в среде историков не одобрялось. Если Готье был прав, говоря, что институт «сплошь» состоит из евреев, то это его наблюдение могло относиться только к составу слушателей; среди преподавателей евреи составляли меньшинство.

75. В «общественно-педагогическое» было преобразовано историческое отделение при проведении в жизнь декрета СНК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов». Московский и другие университеты вместо историков стали готовить преподавателей «обществоведения».
76. Здесь — совет отделения.
77. *Коновалов Дмитрий Григорьевич* (1876—?) — историк религии. Окончил Московскую духовную академию, был там доцентом по кафедре греческого языка и словесности. Изучал историю русского сектантства. Для лучшего понимания психики сектантов поступил на медицинский факультет Московского университета, занимался в нервной и психиатрической клиниках. Избранный в Духовной академии на новую кафедру истории сектантства, не был утвержден Св. Синодом. Магистерская диссертация его (Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве... Сергиев Посад. 1908), защищенная в академии, также не была утверждена Синодом. Позже был членом РАНИОН.
- Тарасов Николай Григорьевич* (1866—?) — историк и искусствовед. В начале 20-х годов принимал участие в попытках найти марксистское истолкование истории искусств и теории общественных наук.
- Никольский Владимир Капитонович* (1894—1953) — историк; в 1916 г. окончил Московский университет и, вероятно, был оставлен при нем; с 1921 г. доцент. С этого же времени занялся историей первобытной культуры и вопросами происхождения религии, сначала в позитивистском, а затем в марксистском духе (как «историей доклассового общества»). Позже был членом Центрального совета Союза воинствующих безбожников и одним из его наиболее активных пропагандистов.
78. *Костицын Владимир Александрович* (1883—?) — астрофизик, вероятно, ученик П. К. Штернберга; преподавал на физико-математическом факультете. С января 1906 г. входил в боевую организацию при Московском комитете РСДРП (большевистском); с того же года вместе со Штернбергом был членом военно-технического бюро при областном Комитете РСДРП Центрально-Промышленного района (тоже большевистском), созданного для «объединения военно-боевой деятельности области и технического руководства по подготовке к вооруженному восстанию» (до 1908 г., когда оно было распущено?). В ноябре 1906 г. на конференции военных и боевых организаций в Таммерфорсе (Финляндия) вошел в состав Временного бюро военных и боевых организаций. Позднее активной роли в партийных делах, кажется, не играл.
- Кубицкий Алексей Владимирович* (1880—?) — философ, специалист по древнегреческой и идеалистической философии. В 1911 г., будучи приват-доцентом, покинул Московский университет; вернулся, вероятно, после Февральской революции. В 1934 г. выпустил первый полный русский перевод «Метафизики» Аристотеля с подробными комментариями.
- Готье, вероятно, ошибается, говоря о выборах «президиума» университета. Термин этот (введенный осенью 1920 г.), кажется, был по Положению 2 сентября 1921 г. заменен термином «правление». В декабре 1921 г. в правление попал Кубицкий.
79. Знаменитые профессора-терапевты, предшественники Э. В. Готье. Последний считался представителем школы А. А. Остроумова (1844—1908), а Остроумов — школы Г. А. Захарьина (1829—1897).
80. Отвращение к жизни (лат.).
81. Мы должны пережить! (нем.).
82. Поживем — увидим (фр.).
83. IX съезд Советов состоялся 23—28 декабря 1921 года.
84. Рижский мирный договор предусматривал возвращение Польше всех военных трофеев, а также научных и культурных сокровищ, вывезенных с польской территории за время с 1772 года.
85. *Мрочковский Стефан Иосифович* (1885—1967) — присяжный поверенный, большевик с 1905 г.; в 1917 г. член Елизаветградского совета и ВРК; в 1919 г. попал в плен к деникинским войскам, бежал. В описываемое время (1921—1925) работал в ВСНХ.
86. Продовольственная посылка (англ.).

87. См. приложение 24.

88. Положение прежнее (фр.).

89. Об обстановке в верхах Наркомпроса в описываемое время см.: Fitzpatrick Sh. Op. cit.; Литературное наследство, т. 80.

Приложения

21

Institut Pasteur
25, Rue Dutot (XVe Arrondt)
Tel. Saxe 08-27-18-14.

Paris, le 21 VII 1921

Cher Monsieur Gautier,

Votre lettre a ravivé en moi le tourment de ne pas se savoir en accord avec ceux qu'on aime et estime. Sans doute rien [...] est vraiment vrai si l'on y croit dans être (?) tout à fait d'accord avec les amis. Mais croyez moi, je suis convaincu que à ce moment c'est excessivement difficile d'avoir une vision claire. Vous savez que le seul principe que je crois salutaire c'est d'être sincère. Vous l'êtes, sûrement, notre amitié est née de notre reciproque sincérité. Mon attitude actuelle est dicté par l'espoir que des conditions peuvent être ménagées dans lesquelles se sera moins facile de mentir. Ces conditions se résument par égalité. Je vous écris à la hâte, parce que autrement je penserais beaucoup à ma lettre tellement que je l'écrirai jamais. J'ai honte [...] tous mes amis de Russie parmi lesquels en [...] place Vous. Non pas d'avoir changé d'attitude, mais des illusions dont je faisais sur force lorsque j'étais à Moscou. Que-ce soient encore des illusions je ne peux affirmer le contraire, mais très sincèrement je vous le dis s'est mon grand amour pour la Russie qui en est le motif.

J'ai passé à Avenard votre lettre par l'intermédiaire de son beau-père parce que il vit à la campagne et nous ne nous rencontrons pas souvent. Écrivez moi encore. Vous pourrez être sûr de [...] et de mon estime. Embrassez pour moi votre enfant. Votre J. *Malfitano* ¹.

22

Дорогой мой Юра, только что получила твое письмо и спешу ответить, так как чувствую, что ты с нетерпением будешь ждать моего ответа. Шлю вам, тебе и Верочке (позволяю себе не величать ее Михайловной), свое родительское благословение, от души поздравляю вас и желаю всего лучшего. Наши присоединяются ко мне и шлют тебе тоже наилучшие пожелания; только мама сказала, что жалеет, что так случилось, потому что теряет надежду когда-либо увидеть тебя.

Мало ты меня знаешь, если боишься моего укоризненного взгляда; представь себе, что стараюсь на тебя смотреть как можно ласковее и, смотря сейчас на твою Ниночку, портрет которой привезла с собой в Антверпен, чувствую, что и она не осудила бы тебя. Мне кажется, что теперь, как все последнее время, мы с ней понимаем друг друга без слов. Я много думала о тебе эту зиму; тяжело в ваших условиях жить одному, да и Володя еще в таком возрасте, когда ему необходима женская забота. Лучше выбора ты сделать не мог. В Верочке я уверена, за нашу совместную службу я оценила ее доброе сердце; сам, впрочем, знаешь, как я отнеслась к ней; за тебя, за Володю я покойна. Вы оба были так избалованы ежеминутной заботой Нины, мысли которой все были сосредоточены на Вашем благополучии.

Саша Пар меня огорчил тем, что это было все не так, как следует; доказательство этому то, что он как будто бы хорошо ко мне относился и ни слова мне не решился написать, несмотря на то, что мои письма он получил. Ты ничего не пишешь об отце В. М.; он на меня произвел очень хорошее впечатление, но знаю его мало, раза два видела. Спасибо тебе за письма; если мои письма доставляют вам радость, то ваши для меня еще важнее. Все стремления, все желания сосредоточены на том, чтобы свидеться опять со старыми друзьями.

Вот уже две недели, как я принялась за свою новую, теперь уже самостоятельную работу; не везет мне в одном, не могу найти помещения для конторы, хотя средства отпущены порядочные, но питомцев моих сторонятся и не хотят пускать в дом. Лично я устроилась хорошо, нашла очень симпатичную комнату с окном в сад; хозяева за мной ухаживают и находят, что я покладистая жилица. С 1-го августа завела себе годовой билет и буду, кроме субботы, ездить в Брюссель еще на неделе; поезда block ² ходят 40 минут без остановки; весь переезд занимает 1½ часа времени, скорей, чем мы добирались до Листвин.

Работа моя нелегкая, главная загвоздка в том, что я не могу выработать в себе как от

меня требуют из центрального комитета, равнодушия ко всему, с чем приходится сталкиваться. Сидя в Лондоне, все наши начальствующие головы разбирают по нашим докладам техническую сторону, откуда и куда идет волна эмигрантов, какие задержки, почему тот или другой не попал в Америку. По всем этим данным они вырабатывают разные правила, чтобы помочь и облегчить судьбу эмигрантов вообще. Сейчас опять съезд в Женеве, все обсуждают разные вопросы. Литература по этим вопросам уже большая и интересная, разбираюсь в ней легко, к английскому привыкла. Все это прекрасно, но с отдельными случаями им всем дела иметь не приходится, нам же, работающим на местах, приходится видеть много горя, и я остаюсь при своем особом мнении, что если в некоторых случаях не подходить к людям с лаской, то не будет доверия, и правду никогда не узнаешь. Помощь может быть оказана большая, иногда просто указаниями на то, что требуется для посадки на пароход. Затем у нас есть возможность сообщаться с комитетом в Америке, который там на месте наводит справки о родственниках.

Когда здесь напечатали о моем назначении, я рассердилась, т. к. было написано, что я прекрасно говорю на всех славянских языках; как это тебе нравится? Американский доктор, с которым имею дела при посадке на пароход, убежден, что это правда, так как я со всеми пока могу объясняться. Все приезжающие из Югославии, из Польши и Галиции меня прекрасно понимают. С румынами объясняться не могу, но они больше проезжают через Францию.

Наши все здоровы. Жорж повез сегодня семью на море, в деревушку под Остендою, где сам пробудет неделю. Мама моя стонет, все недовольна: кажется теперь ее-то жизнь налаживается. Я отдаю половину жалованья, Лина получает больше, так что меньше приходится рассчитывать; ей хочется еще чего-то. Тяжко сидеть в городе в жару, но что же делать? Может быть, поедем к Нине и детям, когда Жорж вернется, но все это скромно. Жалею ее, не может смотреть на тех, кто живет хуже, а все хочет угнаться за теми, кто живет лучше. Крепко целую тебя, Верочку и Володю и прошу не забывать старого друга Эммы.

То, что ты передал Назе, у него сохранилось в том же виде, мы поэтому не могли этим воспользоваться.

23

20 ноября 1921 года.

Многоуважаемый Юрий Владимирович,

В мое отсутствие Вами принят был некий Стефан Рыгель в помещении Музея, и при этом он был допущен к осмотру Музея и Библиотеки, хотя и не в исключительном порядке, но, во всяком случае, не наряду с прочими посетителями. Уведомляю Вас, что такого рода приемы иностранных подданных в настоящий период времени и впредь безусловно не должны быть допущены. Прошу Вас доложить это распоряжение Ученому Совету и сделать его обязательно известным по всем отделам Музея. Наличие в Москве польских граждан, законно зарегистрированных [так в тексте] в НК Иностранных Дел, обусловлено или дипломатическими или коммерческими интересами; поэтому чисто научного интереса к Музею нет оснований предполагать у принятого Вами поляка. Прием Ст. Рыгеля есть Ваша крупная ошибка, могущая повлечь за собой тяжелые для Вас и для Музея последствия. С большим сожалением указывая Вам на это, прошу Вас усердно избавить меня от необходимости делать Вам самоочевидные указания, так как Вы, входя в состав управления Музея, тем самым обязуетесь к известному обременению памяти постановлениями и распоряжениями по всем областям, соприкасающимся с жизнью Музея. А. Виноградов.

24

Moscow, Dec. 24 — '21.

Dear Professor Gautier!

И хопе ыоу шилл нот обйецт то мы адвертисинг тхе шорк оф тхе Америцан Релиеф Администратион. Ше хаве йуст институтед а веш систем бы шхицх ит ис POSSIBLE фор Руссианс-шхо хаве фриендс ор релативес ин Америка то рецеиве фром тхем шхат ше цалл ыффоод пацкетсь. Ше аре лоокинг форшард то грат резултс фром тхис, инцлудинг муцх сатисфактион то оурселвес. Нош тхис ис Цхристмас тиме, а тиме шхен ше лике то сенд а феш презентс, анд и ам гоинг то аск ыоу анд ыоур фамилы то гиве ме тхе плеасуре, бы ащептинг тхис сампле оф А. Р. А шорк, оф леттинг ме феел тхат иф ыоу хаве нот фриендс ин Америка ыоу хаве Америцан фриендс шхо цан адд то ыоур Цхристмас цхеер.

Шитх бест Цхристмас мессагес, белиеве ме, Веры синцерелы ыоурс, Арцхибалд Цары Цоолidge³.

Примечания к приложениям

1. Письмо написано на бланке Пастеровского института.

Париж, 21 июля 1921 г.

Дорогой господин Готье,

Ваше письмо опять вызвало у меня мучительное сознание, что я не согласен с теми, кого люблю и высоко ценю. Конечно, ничто [...] не становится непреложной истиной только оттого, что кто-то так думает и его друзья полностью с ним согласны. Но поверьте мне, я убежден, что в данный момент исключительно трудно иметь ясный взгляд [на вещи]. Вы знаете, что единственный принцип, который я считаю спасительным, это быть искренним. Вы, несомненно, искренни; наша дружба рождена взаимной искренностью. Моя теперешняя позиция продиктована надеждой, что можно создать условия, в которых будет не так легко лгать. Эти условия сводятся к Равенству. Пишу Вам второпях, так как иначе буду столь долго обдумывать свое письмо, что вообще не напишу. Мне стыдно [перед] всеми моими друзьями в России, и в [первую?] очередь перед Вами. Не потому, что изменил взгляды, но из-за иллюзий, которыми был полон, когда был в Москве. Не могу опровергнуть того, что все еще живу иллюзиями, но со всей искренностью говорю Вам, что побуждает меня большая любовь к России.

Я передал Ваше письмо Авенару через его тестя, так как он живет за городом и мы встречаемся нечасто. Пишите. Примите уверения в [...] и в моем уважении. Обнимите за меня Вашего сына. Ваш Ж. Мальфитано.

2. Поезда *block* — видимо, состав с прицепными вагонами.

3. Москва, 24 декабря 1921 г.

Многоуважаемый профессор Готье!

Надеюсь, Вы не будете возражать против рекламирования мною деятельности Американской администрации помощи. Мы только что ввели новую систему, благодаря которой русские люди, имеющие друзей или родственников в Америке, смогут получать от них продовольственные посылки. Мы ожидаем от этой системы крупных успехов, а также большого удовлетворения для самих себя. Сейчас время Рождественских праздников, когда у нас в обычае делать подарки. Я буду просить Вас и Вашу семью принять образец работы ААП и этим доставить мне удовольствие почувствовать, что, хотя у Вас нет друзей в Америке, у Вас есть друзья-американцы, которые хотят, чтобы Вы более радостно встретили Рождество.

С наилучшими Рождественскими пожеланиями, искренне Ваш Арчибальд Кэри Кулидж.

Письма Азефа

Имя гродненского мещанина Евгения Филипповича (Евно Фишелевича) Азефа (1869—1918) вошло в историю дооктябрьской России как синоним низости и предательства. Карьера провокатора-виртуоза, «великого» или даже «гениального» провокатора, как называли Азефа современники, действительно уникальна. Состоя в течение 16 лет агентом Департамента полиции (что само по себе удивительно, если учесть, что срок службы там секретного сотрудника обычно не превышал двух — трех лет ¹), он работал рука об руку со «звездами» царской охраны — Г. К. Семякиным, Л. А. Ратаевым, С. В. Зубатовым, П. И. Рачковским, А. В. Герасимовым. При этом, переходя от одного полицейского чина к другому, Азеф всякий раз умел завоевать полное доверие, а нередко и искреннее расположение своего нового хозяина. «Сообщения Аз[ефа], — отмечал в 1897 г. делопроизводитель III делопроизводства Департамента полиции Семякин, — поражают своей точностью» ²; «Азеф, — вспоминал начальник Петербургского охранного отделения Герасимов, — оказался моим лучшим сотрудником в течение ряда лет... Его сообщения были для нас исключительно ценны... Чем ближе я с ним знакомился, тем больше он завоевывал мое доверие и даже дружеское к нему расположение» ³.

В 1906—1907 гг., на вершине своей карьеры, Азеф являлся не только самым старослуживым секретным сотрудником Департамента полиции, но и одной из ключевых фигур тайной политической полиции империи вообще. О его существовании становится известно в верхах российской бюрократии, его рекомендациям в видах собственной безопасности следуют министры и сам царь. Жалованье Азефа, первоначально весьма скромное, в последние годы службы возрастает до гигантской для той поры суммы — 12 тыс. руб. в год ⁴.

Такова одна сфера деятельности Азефа. Однако не менее блестящую карьеру ему удалось сделать и на революционном поприще. «В революции, — писал эсеровский лидер В. М. Чернов, — он [Азеф] завоевал себе положение, напоминавшее положение Желябова и Гершуни» ⁵. В апогее своей деятельности революционера, что совпало с расцветом его полицейской карьеры, Азеф был одним из основателей и признанных столпов Партии социалистов-революционеров (ПСР), членом ее ЦК и руководителем Боевой организации, имевшей на своем счету убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, ряда других высокопоставленных лиц. Будучи главной фигурой во многих важнейших партийных мероприятиях, Азеф умел держаться в тени, мотивируя это требованиями конспирации. Наделенный «врожденной нелюбовью к пустой словесности», он не занимался теорией и, по свидетельству Чернова, идейно-политическим влиянием в ПСР не обладал. Не найдем мы его работ и в партийных изданиях. Единственным официальным партийным документом, вышедшим из-под его пера, было заявление по поводу покушения эсеров-максималистов на П. А. Столыпина, в котором ЦК ПСР резко отрицал свою причастность к этому.

Но мало кто из эсеровских вождей мог сравниться с Азефом по тому исключительному положению, которое он имел в партии. «Евгений Азеф, — свидетельствует Чернов, — ...пред-

ставлялся одной из самых крупных практических сил Центрального Комитета... Им всегда очень дорожили... Со своим ясным, четким математическим умом Азеф казался незаменимым»⁶. Мемуаристы в один голос говорят о возникшем к 1907 г. среди эсеров слепом преклонении перед ним. «Золотая голова», «золотые руки», «нежный и чуткий товарищ» по мнению одних, Азеф в глазах других членов партии представлялся самым выдающимся деятелем русского революционного движения всех времен⁷. И это несмотря на отталкивающую внешность, грубость, косноязычие, весьма умеренные политические взгляды и множившиеся год от года обвинения в провокации⁸, лишь одного из которых для любого другого члена партии было бы достаточно, чтобы оказаться отстраненным от партийной работы и подвергнуться специальному разбирательству.

Последовавшее в конце 1908 г. разоблачение двойной игры Азефа явилось тягчайшим ударом и для правительства, и для эсеров. На официальный Петербург посыпались обвинения в потворстве провокатору, организатору политических убийств. Руководители ПСР заявили о своей готовности уйти в отставку. Политические противники эсеров объявили о крахе самой ПСР. В начале 1909 г. Ю. О. Мартов писал, что опубликованные эсеровским ЦК материалы по делу Азефа «уничтожают в корне всю с.-р.-щину»; столыпинский официоз газета «Россия» сообщала о «провале всей социал-разбойничьей банды»⁹. Хотя разоблачение Азефа не привело партию эсеров к гибели, оно нанесло ей чувствительный удар, особенно болезненный на фоне переживавшегося ею организационного кризиса. 1909 год стал «черным годом» для ПСР¹⁰.

Нашлись люди, не поверившие до конца в двойное предательство Азефа. «Партия не хотела верить, что он агент, а правительство — что он революционер. И та, и другая сторона верили ему, как своему, и не хотели с ним расстаться»¹¹. Отвечая на думский запрос в феврале 1909 г., Столыпин оспаривал революционные заслуги Азефа и называл его «сотрудником полиции»¹². В свою очередь, среди эсеровских лидеров были не вполне уверенные в справедливости подобных утверждений (М. А. Натансон) или даже продолжавшие видеть в Азефе товарища по террористическому «братству», ставшего жертвой оговора (П. В. Карпович, Б. В. Савинков)¹³. Разоблачение Азефа имело серьезные последствия и для его семьи. Осенью 1912 г., спасаясь от позора, его жена Л. Г. Азеф с малолетним сыном уехала в США и, по сведениям заграничного агента Департамента полиции, намеревалась переменить фамилию¹⁴.

Официальное объявление эсерами Азефа провокатором, его бегство из Парижа в январе 1909 г. и последовавшие события явились толчком к появлению огромной литературы. С 1909 по 1914 г. имя Азефа не сходило со страниц русских и зарубежных газет. Они «посвящали ему обширнейшие статьи, в которых была обильно подправлена всякими небылицами»; «вокруг имени Азефа создавалась масса небылиц»: объявленный чуть ли не главным действующим лицом русской революции, Азеф обвинялся в смерти тысяч террористов. Неоднократно «убитый» газетчиками, причем при романтических обстоятельствах (например, в Монте-Карло в сентябре 1909 г. группой «террористов в косоворотках»), он вскоре воскресал и появлялся то в России, то в Японии, то в Уругвае¹⁵. Впрочем, поисками Азефа в то время были озабочены не только редакции газет, но и другие учреждения.

С 1910 по 1913 г. из Департамента полиции вышло три секретных циркуляра, предписывавших жандармским властям установить за Азефом самое тщательное наблюдение, а в последнем из них высказывалось опасение в возможности совершения им «в целях реабилитации террористического акта первостепенной важности»¹⁶. К тому времени Азеф осел в Германии как купец Александр Неймайер и ни о каких террористических актах не помышлял. Имя Азефа надолго оказалось притягательным для писателей, публицистов, мемуаристов, историков. Ему посвящались романы и пьесы, публицистические произведения и воспоминания, документальные публикации и серьезные исторические работы. В последние годы наблюдается новый всплеск интереса к «великому провокатору»¹⁷.

Публикуемые документы охватывают период активной политической деятельности Азефа с 1893 по 1908 г., а также время его полулегальной жизни и последующего тюремного заключения в Германии. Из всего корпуса его писем для публикации здесь отобраны лишь те, которые представляют интерес для характеристики взглядов, образа жизни и методов революционной или «охранной» деятельности их автора. Документы расположены в хронологической последовательности, нумерация их дана редакцией. Поскольку публикаторы получили возможность обратиться к оригиналам (изредка — к авторизованным копиям), ими исправлены ошибки в более ранних публикациях либо копиях архивного хранения. Последнее важно потому, что западные исследователи широко используют именно копии с донесений Азефа в Департамент полиции. Эти копии, выполненные в 1918 г. В. К. Агафоновым, позднее были переданы Б. И. Николаевским в архив Гуверовского института войны, революции и мира (США). Они тоже учтены нами.

Письма Азефа сохранились не в полном объеме. Что касается его донесений в охранку, то наименее полно здесь представлены документы периода его сотрудничества с Герасимовым в 1906—1908 гг., поскольку в 1908 г. по просьбе своего подопечного последний извлек из департаментского архива ряд документов, компрометировавших Азефа в глазах революционеров, и уничтожил их. Рачковский также уничтожил свою переписку с провокатором. Но этой чистки удалось избежать комплексу донесений Азефа с 1903 по 1905 гг., ибо в департаментский архив их передал Ратаев через бывшего директора Департамента М. И. Трусевича в январе 1909 года¹⁸. Сохранилась и основная часть донесений Азефа за первые 10 лет его «охранной» деятельности. Его письма из Моабитской тюрьмы, куда он попал в июне 1915 г. как террорист, образовали двухтомное дело берлинского полицейско-президиума. После второй мировой войны оно до середины 50-х годов хранилось в ЦГИА СССР, а затем было передано в ЦГАОР СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ).

В целом письма Азефа отражают важнейшие события жизни провокатора и являются ценным источником истории революционного движения конца XIX — начала XX века. Много интересного для себя найдут здесь и специалисты по истории внутренней политики царизма. Эти документы, не охватывая всей деятельности Азефа как агента (часть ему известного он докладывал полицейским чиновникам лично, а часть утаивал, дозируя информацию), ставят под сомнение ряд представлений, бытующих в литературе. Это касается даты поступления Азефа на службу в охранку (вместо 1893 г. порой называется 1892), оценок первых лет его «охранной» деятельности как якобы «малопродуктивной», попыток опровергнуть характеристику Азефа как провокатора в юридическом значении слова или как двойного агента (такую попытку недавно предприняла американская исследовательница А. Гейфман, а также некоторые отечественные авторы¹⁹).

Орфография подлинника сохранена; резолюции руководителей Департамента полиции, а также делопроизводственные пометки опущены.

Публикация писем и примечания к ним подготовлены Д. Б. ПАВЛОВЫМ и З. И. ПЕРЕГУДОВОЙ. Перевод на русский язык писем, написанных по-немецки, осуществлен З. В. ДУБРОВИНСКОЙ.

Редакция выражает искреннюю признательность руководству Гуверовского института войны, революции и мира за любезное предоставление материалов об Азефе из коллекции Б. И. Николаевского.

Примечания

1. Падение царского режима. Т. 1. М.-Л. 1926; с. 117.
2. ГАРФ, Ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, л. 168.
3. ГЕРАСИМОВ А. В. На лезвии с террористами. Париж. 1985, с. 73, 84, 143.
4. В 1907 г. содержание каждого из трех товарищей министра внутренних дел обходилось казне ежегодно в 12—15 тыс., а директора Департамента полиции — в 10 тыс. руб. (Список лиц, служащих по ведомству Министерства внутренних дел 1907 года. Ч. I. СПб. 1907, с. 5, 145). Щедрость казны плюс регулярные заимствования из партийной кассы (125 руб. в месяц) позволили Азефу сколотить капитал в 200—250 тыс. немецких марок, которым он и воспользовался, выйдя из игры.
5. ЧЕРНОВ В. М. Перед бурей. Нью-Йорк. 1953, с. 180.
6. Там же, с. 176, 177.
7. ЛЕВИН М. О. Мои воспоминания об Азефе. Рукопись.— Hoover Institution, В. I. Nikolaevsky Collection; РУСАНОВ Н. С. В эмиграции. М. 1929, с. 260.
8. ЧЕРНОВ В. М. Ук. соч., с. 177; ГЕРАСИМОВ А. В. Ук. соч., с. 144. Только с 1902 по 1908 г. в ЦК ПСР поступило не менее девяти обвинений Азефа в провокаторской деятельности (ЛУЧИНСКАЯ А. В. Великий провокатор Евно Азеф. Пг.— М. 1923, с. 94—101), хотя первые такие обвинения имели место еще в 1890-е годы.
9. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1909 г., д. 155, т. 3, л. 52; Россия, 14(27). V. 1909.
10. ЧЕРНОВ В. М. Ук. соч., с. 280.
11. ЛУЧИНСКАЯ А. В. Ук. соч., с. 115.
12. СТОЛЫПИН П. А. Речи: 1906—1911. Нью-Йорк. 1990, с. 159.

Павлов Дмитрий Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем; Перегудова Зинаида Ивановна — кандидат исторических наук, заведующая отделом ГАРФ.

13. ТЮТЧЕВ Н. С. В ссылке и другие воспоминания. Кн. III, ч. II. М. 1925, с. 127.
14. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1912 г., д. 9, ч. 1, п. А, л. 23.
15. Речь, 9.VIII.1909; ГЕРАСИМОВ А. В. Ук. соч., с. 136; БАКАЙ М. Е. О разоблачителях и разоблачительстве. Нью-Йорк. 1912, с. 54; Новый день, 12.X.1909; Hamburger Nachrichten, 5.II.1909; Vossische Zeitung, 3.I.1909; Petite République Socialiste, 9.II.1909.
16. ГАРФ, ф. 102, ДП ОО, 1909 г., д. 155, ч. 3, прод. 3, л. 80.
17. МЯКОТИН В. наброски современности.— Русское богатство, СПб, 1909, № 3; ЛИПИН А. (Я. Л. Юделевский). Суд над азефщиной. Париж. 1911; Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б. м. 1911; Донесения Евно Азефа (переписка Азефа с Ратаевым в 1903—1905 гг.).— Былое, 1917, № 1; ТОЛСТОЙ А., ЩЕГОЛЕВ П. Азеф (Орел или решка). [М]. 1926; САВИНКОВ Б. В. Воспоминания террориста. Харьков. 1926 (переизд.— М. 1990); НИКОЛАЕВСКИЙ Б. Конец Азефа. Л. 1926; е г о ж е. История одного предателя. Берлин. 1932; е г о ж е. История одного предателя: террористы и политическая полиция. М. 1991; ИВАНОВСКАЯ П. С. В боевой организации. Воспоминания. М. 1928; Провокатор: воспоминания и документы о разоблачении Азефа. Л. 1929; ГУЛЬ Р. Б. Генерал БО. Берлин. 1929; е г о ж е. Азеф: исторический роман. Нью-Йорк. 1959. (переизд.— М. 1991); ГУЛЬ Р., ТРИВАС В. Товарищ Иван.— Новый журнал, Нью-Йорк, т. 92; ШНЕЕРОВ М. И. Воспоминания об Азефе.— Там же, т. 46; DEUTSCH L. Der Lockspitzel Azew und die terroristische Taktik. Frankfurt a.M. 1909; GERASSIMOFF A. Der Kampf gegen die erste russische Revolution. Leipzig. 1934 (переизд. на русск. яз.— Париж. 1985); NIKOLAEVSKY B. Azeff the Spy: Russian Terrorist and Police Stool. N. Y. 1934; PEVSNER G. La doppia vita di Evno Azev. Milano. 1936; SCHLEIFMAN N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: the SR Party, 1902—1914. Oxford. 1988.
18. ГЕРАСИМОВ А. В. Ук. соч., с. 137—138; Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии правительствующего Сената. Стеногр. отч. СПб. 1910, с. 61; Провокатор, с. 146.
19. ГЕЙФМАН А. Три легенды вокруг «дела Азефа». В кн.: НИКОЛАЕВСКИЙ Б. Ук. соч., 1991, с. 330—361; ОДЕССКИЙ М., ФЕЛЬДМАН Д. Самый верный предатель.— Независимая газета, 19.IX.1992.

№ 1

Карлсруэ, 6.IV.1893.

В жандармское управление г. Ростова н/Д.

Заявление

Сим имею честь довести до сведения Жандармского управления, что в Ростове на Дону имеется кружок рабочих-социалистов, предводительствуемый некоторыми интеллигентными лицами, из которых гг. Фридман Дмитрий, Алабышев Василий состоят в переписке с здешним карлсруйским кружком революционеров, задающих целью организовать революционные силы как за границей, так и в России, для таковой цели отсюда посылается в Ростов на Дону перевод сочинения Кауцкого «Программа социал-демократической партии». Переписка ведется не непосредственно с лицами Мееровичем, Самойловичем и Козиним¹.

Если мои сведения окажутся Вам необходимыми в дальнейшем, то я не откажусь их сообщать. Готовый к услугам покорный слуга *W.Sch. (poste restante)*.
Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 13—13об.

№ 2

Карлсруэ, 25.V.1893.

Милостивый государь! В ответ на Ваше письмо² от 3 мая имею честь сообщить, что я со временем сумею доставлять Вам достоверные сведения о транспорте в Россию изданий нелегальных, так как кружок здешний задается целями завязать сношения с революционерами в России, для чего необходимо: объединить всех живущих по различным городам за границей русских, создать новую серию изданий рабочей литературы (первый выпуск выйдет в непродолжительном времени), препровождать эти издания в те места России, где имеются рабочие революционные кружки, и получать для всей этой деятельности материальные средства из России. Об этих целях кружка я сообщаю Вам потому, что, я полагаю, вряд ли Вам знакомы именно эти цели, несмотря на то, что Вам знакома деятельность кружка. Эту задачу поставил себе кружок сравнительно недавно. По моему мнению, сведения о том, как завязываются

кружком сношения, с кем, посредством кого, в каких местах, кто из России сюда приезжает, кто отсюда едет в Россию для завязывания сношений и добываний средств, как эти средства доставляются, какая литература печатается, кто занимается этим делом и где в России есть революционные кружки,— все эти сведения, по-моему, гораздо важнее, чем достоверные и точные сведения о транспортах, которые бывают очень редки; обнаруживание одного транспорта прекращает на долгое время транспортирование, а печатный материал отдельными экземплярами перевозится единичн. лицами.

Все вышеперечисленные сведения, весьма точные, не исключая и транспорта литературы (которого еще из Карлсруэ, по крайней мере за мое пребывание, не было, но в котором карлсруйцы будут участвовать, так как это главным образом и ставится целью деятельности кружка), я могу и желаю Вам сообщать под следующими условиями. 1) Чтобы мое имя было только известно лицу, ведущему со мною переписку. В противном случае может стать известным и здесь, а это помешает делу и 2) Чтобы я получал ежемесячное вознаграждение в размере не меньше 50 рублей.

Ваше заявление о неведении сношений с лицами, Вам не известными, я принимаю во внимание и пока, не называя себя по имени, указываю на то, что я студент здешнего политехникума. Своего же имени не сообщаю по двум причинам: 1) я не уверен в том, пишет ли мне лицо из Департамента полиции или кто-нибудь другой, который хочет узнать мое имя и сообщить сюда, дабы предостеречь тех, которые мне доверяют и 2) не знаю, примете ли мои условия, а в этом случае знать мое имя Вам бесполезно. Если мои условия Вами будут приняты, я сообщу свое имя, и тогда подтвердится, что я студент, так как мы все, студенты, недавно по требованию Департамента полиции отправили к консулу сведения об имени и т. д. ³. Дабы устранить мою неуверенность в личности пишущего, благоволите вложить в письмо отрывок с моего первого письма. Пока прошу ответить по адресу: N. S. № 123 poste restante, только не заказным, в простом письмом. Готовый к услугам N.S.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 6—7 об.

№ 3

26.VII.1893.

Из ниже помещаемой копии письма, полученного кружком из Мюнхена, Вы можете видеть, что кружок здешний предложил мюнхенскому заняться совместно изданием брошюр для рабочих, и для более удобной выработки программы деятельности предполагается съезд. Теперь это решено устроить в Швейцарии, так как на предстоящем конгрессе рабочих в Цюрихе приедут много русских социалистов. Связи здешнего кружка следующие: Мюнхен, Вена, Цюрих, Берн. Со всех этих мест приедут в Цюрих. Отсюда едет Баранов. Съезд, вероятно, будет не в самом Цюрихе, а в какой-нибудь деревне, для того чтобы не обратить на себя внимание. Из всего этого, известного мне, я, не получив от Вас ответа на мое письмо от 8 июля с. г., самостоятельно решил, что мое присутствие в Швейцарии будет бесполезно, тем более, что для этого расходы понадобятся всего 25 — 30 рублей. По получении моего письма прошу выслать мне за август 50 рублей, так как мне это время понадобится прожить в Швейцарии и на расходы, если считаете, что мое решение поехать благоразумно и необходимо. Деньги на мое имя — через банк, а письмо — Цюрих, post restante, на мое имя. Прошу ответить по возможности скорее, так как конгресс кончается 12 августа нов. ст., и, вероятно, мне вместе с членами кружка придется уехать туда, где будет назначен съезд, с результатами которого, я полагаю, что буду знаком.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 28—28 об.

№ 4

Карлсруэ, 22.VIII.1893.

Ваше письмо с чеком получено. В Цюрихе между 8—11 августа были заседания представителей разных кружков заграничных городов. Из Цюриха — Теплов, Курнатовский, Коган, m-elle Слепян, Шмулевич, Полинковский; из Карлсруэ — Петерс, Баранов и Юшлевич; из Парижа — Гурвич; из Мюнхена — Яновский, Бланков. Основан «Новый социал-демократический союз». Редакция брошюр для рабочих передана Плеханову. Переправка в Россию пока поручается Волховскому, с которым г-н Теплов 14 августа по сему предмету имел переговоры от имени союза. Связи мне известны со следующими местами — С.Петербург, Екатеринослав, Нижний Новгород, Харьков и Одесса. Переписка шифрованная. Могу указать адреса: Нижне-

Новгородский: Александр Африканович Кузнецов; Екатеринославский: г-ну Тетельбауму; в Цюрих: Frau Negerle (заграничная корреспонденция); г-ну Петрасевичу (из России) в Карлсруэ: Herrn Töpfer (Ritterstraße). Из Карлсруэ, помимо вышеназванных лиц, приезжали на конгресс: Козин и Шпиро ⁴. *Ваш Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 34—34 об.

Машинописная копия. Hoover Institution. (Далее ссылка на архив Института Гувера будет обозначена снежинкой).

№ 5

Карлсруэ, 2.XII.1893.

Многоуважаемый Николай Петрович! Из вновь приехавших принят в кружок Врублевский (учился в Ковно). До приезда в Карлсруэ побывал в Париже, познакомился там с Полонской и Тарасовым и в Цюрихе ведет Врублевский переписку с Владимиром Бурцевым ⁵, который проживает теперь в Цюрихе. Кроме того, ведет переписку и получает книги от Лондонской группы. Врублевский имеет знакомство среди петербургских студентов, с которыми переписывается. В Петербурге он проживал перед приездом за границу. Г-н Петерс переехал в Дармштадт. Отсюда посылаются в Дармштадт нелегальные книги для прочтения. Русских там несколько человек. Меерович на днях в кружке прочел реферат приблизительно следующего содержания. Русские за границей увлекаются социал-демократизмом. Эта форма революционного движения, насколько ему известно, не имеет в России значительного количества последователей. Обыкновенно социал-демократы в России — это люди, дорожащие своей шкурой; искренний социалист всегда сумеет поставить на карту свою личную жизнь для того, чтобы содействовать устранению того, что препятствует развитию нашего народа и переходу к более справедливому строю. А потому он просит принять программу народовольческой партии, которая поставила себе задачей устранить и т. д. Реферат, насколько можно внешне судить, произвел на слушателей сильное впечатление. Произошла ли перемена во взглядах — в этом я еще не успел убедиться. С почтением, готовый к услугам *Е. Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 52—53.*

№ 6

Карлсруэ, 13.I.1894.

В Ростове на Дону теперь живет Рысс Борис, который жил несколько лет за границей: в Мюнхене, Лейпциге и Швейцарии. Он служит теперь посредником между Мюнхенским кружком и Ростовским (с Фридманом). Сегодня Меерович получил из Мюнхена письмо, в котором ему сообщается желание Фридмана о том важном деле писать в Мюнхен, а потом уже оттуда будет через Рысса передано ему. Гронковский, о котором я Вам писал, что он в России проживает по паспорту Ицко Спивак, теперь в Лемберге. В Швейцарии народovolьцами затевается новая газета для рабочих. Я, вероятно, буду иметь об этом более сведений. Готовый к услугам *Азеф.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, л. 64.*

№ 7

Карлсруэ, 4.II.1894.

На днях г-н Врублевский приехал из Гейдельберга, куда он ездил, чтобы устроить агентуру изданий фонда Вольной русской прессы и сборы для нелегальной литературы. Из русских там взялись за это дело г-да Гутман из Казани и Иван Сотников ⁶, бывший студент Московского университета. Издания вышеупомянутого фонда будут продаваться в одном из книжных магазинов на главной улице. С совершенным почтением *Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, л. 66.*

№ 8

Карлсруэ, 12.III.1894.

Здесь 8 марта состоялось собрание русской колонии в русской читальне. Г-н Гольдштейн предложил, чтобы нелегальная библиотека перешла в общую читальню, так как этим получится выгодное положение для революционного дела: все будут читать нелегальные книги, а при

теперешнем порядке многие не знают про их существование, так как невозможно с самого начала всякого посвящать в существование отдельного кружка. Меерович в очень длинной речи говорил против этого предложения, главным образом он против потому, что в этом он видит не пользу для революционного дела, а скорее вред, так как большинство платят в кружок деньги только потому, что пользуются книгами; в революционные дела, которыми занимается кружок, они не посвящены, с отходом же библиотечки в общую читальню кружок лишается возможности собирать деньги, которые идут главным образом на революционные дела непосредственно, а не на покупку книг. Мееровича поддерживали Баранов и Розенцвейг. Большинство собрания высказалось в пользу Мееровича; библиотека была оставлена в кружке. В заключение г-н Меерович обратился к тем, которые не знали о библиотеке, чтобы они пользовались книгами. Библиотекарь — г-н Баранов. Не знаю, насколько Вам интересны лица, читающие из нелегальной библиотеки и платящие ежемесячные сборы, но я перечислю самых ревностных: Керкис, Шпиро, Ладыженский, Бобровский, Спивак, Цимберг, Фалькнер, Подражанский и еще многие. Перечисленные платят аккуратно взносы и стараются по возможности пропагандировать. Относительно Сементковского ⁷ еще ничего интересного сообщить не могу. Готовый к услугам *Е. А.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 71—72.*

№ 9

Карлсруэ, 23.III.1894.

В высшей технической школе записан: Мартын Малиньяк. Настоящее имя Мендель, фамилия Малиньяк, из города Варшавы, еврейского происхождения, принадлежит к польской, а не русской, колонии, а потому в русском революционном кружке членом не состоит и никакого отношения к русским не имеет. М. Малиньяка сейчас в Карлсруэ нет ввиду наступивших каникул, а потому я не могу сейчас узнать его отчество, это будет легко сделать с его приездом к новому семестру в конце апреля нов. ст., когда будет записываться в политехникум, где эти сведения требуются. В польской читальне висит объявление г-на Вроблевского о продаже им нелегальных книг. Среди поляков существуют здесь две партии — 1) националистов, общество которых носит название «Зничь» («ничего» в переводе) и 2) социалистов. Вожаки второй — это Килбасинский, Дилвон, Сементковский и Мордкович ⁸. Существует у них особый кружок, число членов и имена за исключением перечисленных еще не известно мне. Готовый к услугам *Е. Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 70—70 об.*

№ 10

Карлсруэ, 9.VI.1894.

Ваше почтенное письмо от 18 мая с чеком мною получено. Ваше желание относительно «племянника» будет мною исполнено с готовностью. «Племянник» записан только студентом в здешний политехникум; лекций он не посещает: все время проводит в чтении революционных социалистических книг. До приезда в Карлсруэ он жил в Лемберге (Львове) некоторое время, где находился под влиянием вожака тамошней рабочей партии Дашинского. После Львова он жил в Цюрихе, где подпал под влияние Владимира Бурцева, с которым он состоит в переписке, и теперь благодаря Бурцеву «племянник» сделался агентом Фонда вольной русской прессы в Лондоне по продаже брошюр нелегальных и сбора денег в пользу названного фонда. Здесь, в Карлсруэ, он состоит членом революционного польского кружка вместе с П. Сементковским, Крипивицким, Мордковичем, Мутермильхом и Ротвондом. О существовании этого кружка я знаю со слов «племянника». «Племянник» очень молод, и потому он очень много говорит, что заставляя русский кружок Мееровича — Баранова остерегаться его. Благодаря своей молодости, притом еще большой нервности и впечатлительности, он легко поддается разного рода течениям и увлекается очень сильно. Так что если Ваш приятель мог бы задержать его дома, то было бы полезнее, так как здешняя жизнь на него повлияет скверно. «Племянник» говорит, что у него в России, в Петербурге, есть много знакомых революционеров, с которыми он ведет сношения. К последнему я отношусь не с большим доверием, мне кажется, что «племянник» в данном случае преувеличивает с целью заслужить больше уважения. Я полагаю, что эти сведения Вам не бесполезны.

Из Вены недавно уехала в Россию — Ригу — девица Хая Берлин ⁹, которая находилась под влиянием Владимира Перазича и немецких социалистов. Перазич скоро собирается

поехать в Россию под чужими бумагами. Я думаю, что буду знать, тогда сообщу. Козин, которого выслали из Берлина, из Дрездена переехал в Вену. *Ваш Е. А.*
Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 84—85 об.*

№ 11

Карлсруэ, 3.IX.1894.

«Племянник» живет теперь в Вегиссе около Люцерна. Из Карлсруэ там же живут: Мутермильх, Казимир из Варшавы и Шпиро. «Племянник» пишет сюда Мееровичу, что проживающие в Вегиссе г-н Кричевский и m-elle Люксенбург эмигранты. Люксенбург — редактор польской социалистической газеты. Кричевский — автор появившихся недавно социалистических брошюр «Первое мая еврейских рабочих — четыре речи», «Чартистское движение», предлагают по указанным Мееровичем адресам отправлять в Россию издания ¹⁰. Меерович обещал воспользоваться этим предложением. Лихтенштейн Исаак, о котором я писал последний раз, теперь уже в Нью-Йорке. *Е. Азеф.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, л. 94.*

№ 12

Карлсруэ, 9.V.1895.

Письмо с чеком на апрель и май я получил на днях, тоже и Ваше письмо от 20 апреля. Я также убедился, что моя фамилия была ясно написана на конверте. В берлинской социал-демократической газете «Vorwärts» в последнее время очень часто печатаются корреспонденции из России. Как мне хорошо известно, все эти заметки и корреспонденции пишутся живущим в Берлине русским — Григорием Александровичем Гроссманом ¹¹. Гроссман из Самары, учился в С.Петербургском университете; в 1886 или 87 году был арестован и сослан в Средне-Колымск на три года. По возвращении оттуда он уехал за границу без заграничного паспорта, проживал раньше в Берне, числясь студентом университета (в июне 93 года был президентом праздника, устроенного в честь семидесятилетия П. Лаврова). С конца 93 года проживает в Берлине под чужой фамилией за неимением паспорта на имя болгарина Конофф. Гроссман пишет и в «Рус[ском] Бог[атстве]» статьи под заглавием «Из Германии», подписываясь А. К. Готовый к услугам *Е. Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., лл. 115—116.*

№ 13

Карлсруэ, 7.VI.1896.

Письмо с чеком мною получено. На днях поехали из Женевы в Россию г-жа Каролина Эстрин и Екатерина Чувашова. Они поехали в Россию, чтобы заняться пропагандой между рабочими. Г-жа Эстрин уже и раньше занималась этой работой в Екатеринославе в 1894 и 1895 годах, куда она и пока поехала, а оттуда поедет в С.-Петербург. Г-жа Чувашова сибирячка, из Иркутска поехала в С.-Петербург, где она уже жила в 1895 году, занимаясь революционной деятельностью. В бытность свою в Женеве Эстрин и Чувашова были в сношениях с Плехановым и Блюменфельдом ¹² — заведующим типографией и книжным складом социал-демократов. По инициативе Эстрин и Чувашовой г-н Плеханов читал кружку лекции об истории русского революционного движения. Теперь послан в Россию вновь вышедший в Женеве социал-демократический сборник под названием «Работник». Готовый к услугам *Е. А.*

Подлинник, ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 142—142 об.

№ 14

Карлсруэ, 10.X.1896.

Письмо с чеком мною получено. Уехавшая в мае из Женевы Августа Чувашова, бывшая студентка Бестужевских курсов, проживает теперь в С.-Петербурге. Г-жа Чувашова состоит в деятельной связи с петербургскими революционерами, ведет тайную агитацию среди рабочих. В свою бытность в Женеве Чувашова работала в социал-демократической типографии на Шмен де Питон, № 9. Этой типографией заведует Иосиф Блюменфельд, бежавший в 1886 году из Одессы за границу. Чувашова находилась в постоянных сношениях с гг. Плехановым и Блюменфельдом. Эти сношения продолжаются и теперь. Чувашова посылает из Петербурга

всякие сведения о подпольной деятельности Петербурга. О стачке рабочих Чувашова прислала в Женеву массу сведений, адресуя последние не прямо Плеханову или Блюменфельду, а женевским студенткам, бывшим прежде в Петербурге: Шлепяновой из Чернигова, бульвар де ла Тур, № 12, или Катерине Трапезонцевой, Гостц Монин, № 18. Трапезонцева — армянка из Нахичевани на Дону.

В последнее время Чувашова прислала на имя Трапезонцевой написанную в России и подписанную «группа народovolьцев» прокламацию — воззвание к обществу — для того, чтобы она была в Женеве отпечатана в 2000 экз. и отослана в Петербург. Воззвание следующего содержания: ввиду последних событий революционеры понесли большие поражения, но это только подкрепит движение, все честные люди должны всячески помогать партии, работающей для блага всего народа.

Путь, каким из Женевы транспорты революционной литературы препровождаются в Россию, следующий (это относится преимущественно к социал-демократической группе, самой сильной и деятельной теперь революционной группе, которая имеет представителей в легальной печати). Посылается обыкновенно в какой-нибудь германский город посылкой, не в прусский, отсюда в Берлин, где при помощи немецких социал-демократов транспорт доставляется на границу и в Россию. Мне известно, что из Женевы посылаются в Карлсруэ на имя Лурье. При переходе границы удобнее, когда транспорт получается на имя русского, так как если адресованно немцу, то таможня пристаёт — зачем вам книги на русском языке, тогда как русскому студенту этого вопроса не задают. В Берлине же немцу посылается как внутренняя посылка. В Мюнхен посылается на имя Галецкого, кажется, из Вильно. Галецкий играет довольно видную роль среди революционеров.

В Витебске теперь проживает Ривлин¹³, который прожил несколько лет за границей и занимался исключительно революционной деятельностью. Здесь, в Карлсруэ, после отъезда Мееровича более или менее затишье. Лурье скоро поедет в Россию. Летние месяцы (каникулы) я прожил в Женеве, где мне удалось войти в доверие некоторых близко стоящих к революционной деятельности, так что мои сведения будут более интересны. Я прошу ответить на это письмо немедленно, чтобы я был уверен, что мои письма все получают; также мне кажется, иногда можно дать знать какому-нибудь консулу, чтобы шло скорее, а то, когда узнаешь, уже в Петерб[урге] писать поздно, но для этого я должен знать, куда можно дать знать. Готовый к услугам *Е. А.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 147—148 об.*

№ 15

Карлсруэ, 22.II.1897.

Согласно Вашему желанию, посылаю Вам свой паспорт (заграничный). Документы, на основании которых я получил этот паспорт, остались в канцелярии гродненского губернатора: я получил только заграничный паспорт. Прошу мне по возможности скорее прислать новый, так как без паспорта неудобно. Мне из достоверных источников стало известно, что студент Александринского института — Никонов по фамилии — приезжал в январе месяце в Швейцарию, чтобы завязать сношения с эмигрантами-революционерами. Г-н Никонов был в Монтрэ, где проживает эмигрант Лазарев, член Фонда вольной русской прессы в Лондоне. Г-н В. Бурцев специально приезжал в Швейцарию для установления сношений с Никоновым — свидание было в Монтрэ. Между прочим, г-н Никонов передал деньги, привезенные из России г-ну Никонову для печатания нового издания В. Бурцева «История революционного движения в России». Г-н Никонов был в Лозанне, Женеве, где он вращался среди эмигрантов-социалистов. В Берне г-н Никонов остановился у эмигранта Житловского. 23 января ст. ст. был в Берне на вечеринке, доход с которой назначался в пользу революционной литературы. Из Берна г-н Никонов уехал 26 января в Цюрих, оттуда в Вену, где он должен остановиться у г-на Теплова, проживавшего раньше в Цюрихе. Из Вены г-н Никонов должен был отправиться прямо в Александ., где он намеревается в марте или апреле сдать последний экзамен. Изучает он агрономию. Также мне сообщают, что г-жа Чувашова снова живет на свободе в Петербурге и, как она сама пишет в Женеву, занимается рев. делом и сообщает г-ну Блюменфельду различные сведения о рев. делах Петербурга. Чувашова учится на Бест. курсах¹⁴. Готовый к услугам *Е. Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 160—161 об.*

В очень непродолжительном времени должна появиться в Швейцарии новая социал-демократическая газета под названием «Социал-демократ». Эта газетка затеяна проживающим в Мюнхене Вулихом из Одессы, бежавшим оттуда без заграничного паспорта, Галецким из Вильно и проживающими в Берне Давидом Койгеном из Одессы и Давидом Холоденко¹⁵ из Бердичева, но до своего отъезда за границу жившим в Одессе. Принимают ли участие в этой затее другие лица, мне неизвестно. Газета будет задаваться целью преимущественно пропагандировать политическую борьбу, осуждая доселешнюю тактику социал-демократического движения в России. Группа эта имеет связи с Россией, преимущественно в Одессе и Киеве. По выходе из этой газеты она будет транспортирована в Россию, о чем мне будет известно и своевременно извещено. Также и о транспорте группы социал-революционеров будет сообщено, который должен состояться недель через 6-7. Эмигрант Гроссман, которого уже раз выслали из Берлина, недавно туда снова поехал по паспорту своего двоюродного брата, тоже Гроссмана, живущего теперь в Цюрихе. Готовый к услугам *Е. Аз.*

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 167—167 об.*

№ 17

Агентурные сведения из Москвы от 21.XII.1899.

Коснусь теперь деятельности нового Приятеля. Помимо Немчиновой, Соломона, Артура Адамова Блюма (студ.), он познакомился со стародавними нашими знакомыми по Иогансону, Покровскими, крестником Особого Отдела Левенсоном (фармацевтом); проник в общество вспомоществ. лицам интел. профессий (Вы уже знаете, что весь радик. цвет стоит в его рядах, как, напр., Луначарские, Чепик, Аргунов, Блинов и пр.); принят в сотрудники затеваемого Немчиновой «Общедоступного Техника», переобразуемого из провалившегося «Техника» некоего Приорова, причем дело это, при содействии какого-то С.-Петербургского цензора, идет ладно (на наше счастье), и, наконец, зачислен в издательскую Немчиновскую группу, которая образовалась после получения Немчиновыми громадного наследства и будет вести издание в духе Муриновых. Словом, перспектива рисуется у него прекрасная, только бы удались его выпускные экзамены в Электротехнич. институте¹⁶.

Машинопис. оригинал без подписи. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, лл. 1—1 об.*

№ 18

Письмо сотрудника Е. Ф. Виноградова, 6[18].II.1900.

Многоуважаемый Леонид Александрович! Ваше письмо № 27 я только что получил, спешу Вам ответить. Я уже вчера получил известие от нашего знакомого, что он получил для меня деньги; я же их еще не получил, так как мне нужно сегодня же уехать на некоторое время, и по некоторым другим обстоятельствам я не сумею его увидеть раньше, чем дней через восемь — девять. Удивляюсь, что Вы вычитали в моем письме? Ничего особенного между нами не произошло; когда писал, я имел в виду только то, что я с ним не увижусь около двух недель, а мне деньги нужны были. Но теперь я обойдусь. Не знаю, как мне понять Ваше сообщение относительно того, что известная Особа обещала сделать все возможное, «идущее не в разрез с формальными правилами учреждения». По-моему, это равносильно тому, что ничего не сделать, так как на основании формальных правил мне было отказано Директором учреждения. Во всяком случае, Леонид Александрович, я бы Вас покорнейше просил сообщить мне, когда я мог бы рассчитывать на то или другое решение вопроса¹⁷. Жму Вашу руку. *Ваш Виноградов.*

P. S. Между прочим, я не получил посланное Вами письмо № 20 от 9[21] июня 1899 г. в Карлсруэ. Похлопочите, пожалуйста, на почтамте об этом.

Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, лл. 5—5 об.*

№ 19

Агентурные сведения из Москвы от 19.VII.1900.

Новый Приятель видел на днях (на даче) Аргунова и у последнего в это же время был Чепик. Получил от них для прочтения «Наши задачи» и минскую брошюру «О свободе». Говорят, что где-то ими ставится типография, так как намерены выпускать ежемесячно орган.

Узнав об отъезде Приятеля за границу, высказали желание дать ему поручение к Житловскому, а равно обеспечить их заграничными корреспондентами. К 24-му, к понедельнику, Приятелю желательно иметь заграничный паспорт, о котором я Вам писал. Телеграфируйте, сделаете ли? Не нужно ли Вам чего узнать за границей? Приятель будет в Берлине, Берне и Париже. Пробудет три недели. Аргунов в целях задумываемого предприятия намерен объехать Поволжье. В Цюрих (к Лукашевич) едет Анна Ильинична Елизарова¹⁸. Нельзя ли там за нею понюхать? Итак, жду известий о паспорте. В понедельник, 24-го, с новым Приятелем увижусь.

Машинопись без подписи. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, л. 10.

№ 20

Москва, 27.XII.[1900].

Около трех недель тому назад я сообщил Вам, согласно Вашей просьбе, о результате своей поездки за границу и просил Вас о возмещении мне 150 рублей, которые мне пришлось там истратить специально для того, чтобы выполнить поручения, переданные мне нашим здешним знакомым как от себя лично, так и от Вашего имени. Судя по словам нашего общего знакомого, Вы моего письма не получили — письмо было отправлено Вам, к сожалению, незаказным, и притом ввиду того, что я перепутал № Вашей квартиры с № дома, письмо, вероятно, завалилось на почте, а потому я прошу Вас очень узнать, нет ли на почте на Ваше имя письма, отправленного из Москвы 6 или 7 декабря. Если же это письмо попало куда не следует, то эта штука очень неприятная.

В кратких словах я передам Вам вторично результаты моей заграничной поездки. В настоящее время, вероятно, не все будет представлять для Вас интерес ввиду того, что, вероятно, о многом уже сообщил Вам наш общий знакомый, которому я по приезде передал важнейшие новости и пункты, интересные для Вас. Розенбаума я видел в Берне. По его рассказам ему удалось убедить Вас в том, что если его выпустят, он не воспользуется этим для бегства за границу. Из Чернигова он уехал по настоянию и на средства черниговских социалистов-революционеров, которых там имеется довольно значительное количество. У Розенбаума в Берне нет брата, с которым он, как успел Вас убедить, переписывается; переписывался же он все время с Житловским. Планы его на будущее следующие: после нескольких месяцев начать снова приезжать в Россию с транспортом литературы. Об этих приездах я, по всей вероятности, буду знать.

Из приезжих вновь в Париж социалистов-революционеров обращают на себя особое внимание некто Поль и Юделевский. Оба — вернувшиеся из Сибири. Вообще социалистов-революционеров очень много. До последнего времени там жил Виктор Чернов из Тамбова, один из основателей Аграрной Лиги. Теперь В. Чернов живет в Берне. Издания Лиги Аграрной поставлены довольно прочно в материальном отношении. До сих пор появилось уже пять выпусков этой группы, которая совершенно тождественна с группой социалистов-революционеров. Чернов представляет собою довольно крупную литературную силу. Тоже в руках социалистов-революционеров находится теперь орган «Накануне», издаваемый Серебряковым. Из берлинских социалистов-революционеров следует особое внимание обратить Вам на г-на Карповича, из Дерпта, жившего раньше в Москве.

Социалисты-революционеры так или иначе распространяются и распространяются как за границей, так и в России. Вам известно недавнее появление манифеста партии социалистов-революционеров как результат съезда объединенных групп. Кроме этой типографии работает еще другая, которая находится под ведением московских социалистов-революционеров Аргунова, Селюк, Челика и др. Эта типография уже почти в наших руках. Все необходимые сведения собирались мною в течение нескольких месяцев, о чем я сообщал нашему здешнему знакомому. Дело теперь обстоит так, что хлопать (арестовывать. — *Сост.*) нельзя сейчас из-за моих отношений к этому делу и вследствие того обстоятельства, чтобы более подробно выяснить отношения к другим группам и лицам, в особенности к молодежи здешней.

Киев через Дижур ведет сношения с Москвой. Дижур также служит посредником в сношениях между Киевом и Черниговом. В Петербурге тоже достаточное количество социалистов-революционеров, стоящих в самой тесной связи с Москвой: Буду Вам сообщать теперь всегда, когда москвичи отправятся в Питер. Теперь там должна была быть Селюк, которая поехала на несколько дней. Успех, замечаемый у социалистов-революционеров, объясняется тем расколом, который произошел среди социал-демократов, о чем Вы, вероятно, хорошо знаете из разных сообщений.

Копельзон, стоящий во главе молодых социал-демократов, проживает теперь в Париже. Если бы Вам удалось проникнуть в его переписку с Трахтенберг, живущей в Ковно, то почерпнули бы много важного и для Вас интересного. Сообщите, пожалуйста, немедленно нашему общему знакомому о том, получили ли Вы мое письмо от 7 декабря, и пришлите для меня истраченные мною за границей 150 рублей¹⁹. Тоже мне бы хотелось Вас повидать, когда Вы будете в Москве. Сообщите. Всего хорошего. *Ваш Виноградов.*

Р. С. В моем письме от 7 [го декабря] Вы найдете еще много сведений. Надеюсь, Вы раздобудете это письмо, лень вторично обо всем писать. Это письмо посылаю заказным. Подлинник. ГАРФ, ф. 102, ДП, ОО, 1898 г., д. 2, ч. 8, лл. 18—21 об.*

(Продолжение следует)

Примечания

1. Возможно, *Фридман М. Я.*, бухгалтер Азовского банка, известный жандармским властям связями с революционерами. *Меерович Ф. И.* (р. 1866) — екатеринодарский мещанин, участвовал в революционном движении в 1886—1895 годах. *Самойлович Я. И.* (1864 — сер. 1920-х годов) — азовский мещанин, участник революционного движения в 1883—1890 годах. *Козин Р. И.* (р. 1866) — ростовский мещанин, участвовал в революционном движении в 1894 г., на имя его брата Ивана посылалась из-за границы нелегальная литература.
2. В этом письме (черновик. ГАРФ, ф. 102, ДП, 3-е д-во, 1893 г., д. 420, лл. 4—5) указывалось, что Департаменту известно о существовании революционного кружка в Карлсруэ, но что его больше интересует информация о переправке в Россию транспортов революционной литературы.
3. Эти условия и сформулированную здесь «программу» деятельности в Департаменте одобрили. Но в Петербурге уже знали настоящее имя анонима, о чем он был извещен 31 мая 1893 года.
4. *Теплов П. Ф.* (р. 1867) — сын крестьянина, в 1890 г. за участие в студенческих беспорядках исключен из Ново-Александровского сельскохозяйственного института и в 1891 г. эмигрировал, учился на философском факультете Цюрихского университета, социал-демократ. *Курнатовский В. К.* (1868—1912) — сын статского советника, участник революционного движения с середины 80-х годов, входил в народовольческий кружок, в 1893 г. вошел в группу «Освобождение труда», в 1897 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь, с 1900 г. вновь в эмиграции. *Коган А. А.* — из мещан, участник революционного движения с середины 80-х годов, в 1893 г. приезжал в Цюрих на конгресс II Интернационала. *Шмулевич К. И.* — с 1888 г. разыскивался полицией, жил в Цюрихе. *Поликовский И. М.* — сын купца, участник революционного движения с 80-х годов, в 1889 г. эмигрировал в Швейцарию, социал-демократ. *Гурвич Р. Е.* (р. ок. 1864) — сын купца и банкира, арестовывался по связям с народовольцами, в 1889—1897 гг. жил в эмиграции, социал-демократ, в 1898—1899 гг. жил в Одессе, затем снова уехал в Западную Европу. *Бланков* — вероятно, *Бланк Р. М.* (р. 1866) — сын купца, в 1884 г. арестован в Кишиневе и сослан в Астраханскую губ. на три года, в 1889 г. эмигрировал, в Берлине входил в совет революционного кружка «Взаимопомощь», затем переехал в Мюнхен, социал-демократ. *Волховский Ф. В.* (1846—1914) — из дворян, участник революционного движения с 60-х годов, с 1889 г. в эмиграции, в Лондоне издавал газету «Free Russia» и заведовал изданием «Летучих листков», впоследствии эсер. *Тёнфер* — был известен немецкой полиции как «социал-демократический агитатор», однако в связях с русскими студентами не замечен. *Шпиро* — вероятно, *Д. Э. Шпиро*, мещанин, находившийся под негласным надзором полиции и в 1892 г. выехавший за границу, в 1905 г. состоял секретным сотрудником заведующего заграничной агентурой Л. А. Ратаева.
5. *Врублевский А. Е.* (р. ок. 1866) — дворянин, учился в Рижском политехникуме, в 1891 г. подвергнут полугодовому тюремному заключению по политическому делу, затем эмигрировал. *Бурцев В. Л.* (1862—1942) — сын офицера, в 1882 г., будучи петербургским студентом, арестован за участие в беспорядках, в 1884 г. перешел в Казанский университет, вновь арестован и в 1886 г. выслан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на восемь лет, в 1888 г. бежал из ссылки в Швейцарию, в 1889 г. издавал газету-журнал «Свободная Россия», в дальнейшем выступал как историк революционного движения и публицист, составил в 1896—1897 гг. сборник «За сто лет», в 1897 и в 1903 гг. издавал журналы «Народоволец», в 1900-е годы — журнал «Былое», «Будущее» и др., в 1898 г. за проповедь терроризма арестован в Лондоне и подвергнут 16-месячному заключению, в 1903 г. выслан из Швейцарии, с 1906 г. приобрел известность как разоблачитель провокаторов, выступил

- инициатором расследования дела Азефа, за что осенью 1908 г. был привлечен к суду ПСР по обвинению в распространении позорящих ПСР слухов. Эти обвинения были третейским судом отведены, а провокаторство Азефа получило подтверждение.
6. *Гутман С. М.* — сын солдата, с 1893 г. эмигрант, с 1894 г. студент Гейдельбергского университета, в 1901 г. вернулся в Россию. *Сотников И. В.* (ок. 1864—1913) — сын купца, в середине 80-х годов участвовал в народовольческом кружке, в 1886 г. выслан в Вятскую губ. под гласный надзор полиции на три года, с 1892 г. учился в Гейдельбергском университете, в 1898 г. вернулся в Россию.
 7. *Сементковский Ф. В.* (р. 1866) — из дворян, с 1892 г. студент в Карлсруэ, член СДКПиЛ, в 1901 г. обратился с прошением к министру внутренних дел, раскаяваясь в прошлой деятельности. *Керкис Е. Г.* (р. 1869) — из мещан, в 1890—1891 гг. служил вольноопределяющимся, с 1892 г. в эмиграции, в 1897 г. вернулся в Киев, от политической деятельности отошел. *Фалькнер П. Н.* (р. 1871) — сын купца, в 1887 г. входил в революционный кружок, в 1890 г. поступил в Харьковский университет, в 1892 г. выехал в Германию.
 8. *Малышьяк М. М.* (р. 1871) — с начала 90-х годов студент в Карлсруэ, потом вернулся в Варшаву, находился под негласным надзором полиции. *Килбасинский А. С.* (р. 1870) — из мещан, в 1895 г. окончил Венский политехникум, вернувшись в Россию, привлекался в 1898 г. к дознанию по делу о ППС.
 9. В письме Азефу от 18 мая 1894 г. Департамент полиции запрашивал его относительно «племянника» — В. Л. Вроблевского, члена местного социалистического кружка, тесно сотрудничавшего с Фондом вольной русской прессы в Лондоне. *Дашинский И. Ф.* (1866—1936) — в 1892—1919 гг. был главой галицийской социал-демократической рабочей партии, с 1897 г. депутат австрийского рейхстага, участник международных социалистических конгрессов, публицист. *Мутермильх К.* — варшавянин, студент в Карлсруэ, член польского революционного кружка. *Берлин Х. Л.* (К. Лейтнер) — член РСДРП, входила в Рижский комитет партии, занималась пропагандой среди солдат.
 10. *Кричевский Б. Н.* (1866—1919) — социал-демократ, с середины 90-х годов в эмиграции, примыкал к группе «Освобождение труда», один из руководителей Союза русских социал-демократов за границей, редактор журнала «Рабочее дело». *Люксембург Р.* (1871—1919) — одна из руководителей и теоретиков польской и германской социал-демократии и II Интернационала, в ту пору редактор газеты «*Sprawa Robotnicza*».
 11. *Гроссман Г. А.* (1863 — после 1934) — в 1887 г. арестован и сослан в Средне-Колымск под гласный надзор полиции на три года, в 1891 г. эмигрировал, учился в Бернском и Берлинском университетах, являлся заграничным корреспондентом ряда русских периодических изданий.
 12. *Эстриш* (в замужестве Коган) *К. А.* (р. 1875) — учительница, в 1900 г. привлекалась в Одессе к дознанию по делу Киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. *Тевяшева А.* (Чувашова Е.) — сибирячка, в 90-е годы в эмиграции, с 1897 г. слушательница Высших женских курсов в Петербурге, входила в сибирское студенческое землячество. *Блюменфельд И. С.* (1865 — после 1931) — румынский подданный, в 1884 г. привлечен к дознанию по делу одесских народовольцев, в 1886 г. выслан за границу, в 1891 г. в Женеве примкнул к группе «Освобождение труда», работал в ее типографии, в 1896 г. вошел в Союз русских социал-демократов за границей, один из организаторов группы «Социал-демократ» (Женева, 1900 г.), впоследствии искровец, с 1903 г. «примиренец».
 13. *Шлепянова А. С.* — дочь купца, с 1895 г. в эмиграции. *Трапезонцева Е. М.* (р. ок. 1875) — дочь купца, слушательница Высших женских курсов в Петербурге, в 1896—1901 гг. студентка Лозаннского университета, по возвращении в Россию работала земским врачом. В то время учились в Германии два брата *Галецких* — Самуил (р. 1874) и Исаак (р. 1884), оба примыкали к Бунду; кого из них имел в виду Азеф, неясно.
 14. Заграничный паспорт Азефа был истребован Департаментом полиции письмом «П. Смирнова» (Г. К. Семякина) от 23 января 1897 г. в связи с истечением срока действия. Новый паспорт (зарегистрированный в Петербургском градоначальстве чистый паспортный бланк) выслали Азефу в марте. *Никонов* — вероятно, *С. А.* (р. 1864) — сын адмирала, народоволец, участник подготовки покушения на Александра III, арестован в 1887 г. и сослан под гласный надзор полиции в Енисейскую губ. на четыре года, затем жил в Париже, в 1898 г. вернулся в Россию, позднее вступил в ПСР и работал в ее Севастопольском комитете.
 15. *Вулих Б. Г.* (р. 1874) — сын купца, в 1897 г. временно исключен из Киевского университета за участие в студенческих беспорядках и подвергнут негласному надзору полиции, вскоре обратился на имя министра народного просвещения с прошением, в котором говорил о своем раскаянии. *Койген Д. М.* (р. 1877) — из мещан, в 1895 г. привлекался к дознанию о «преступном сообществе» в Одессе, бежал за границу, в 1901 г. окончил Бернский

университет, автор философских работ. *Холоденко Д. И.* — сын фабриканта, участник революционного движения с середины 90-х годов, около 1896 г. скрылся за границу, разыскивался циркуляром Департамента полиции.

16. *Друзья* — Азеф. Письмо написано С. В. Зубатовым. *Немчинова Е. А.* (р. ок. 1876) — дочь надворного советника, учительница, входила в московскую группу РСДРП, арестована в марте 1901 года. *Соломон Г. А.* — социал-демократ, арестован в марте 1901 г., привлечен к дознанию по делу московской группы РСДРП. *Блюм А. А.* — (1877—1931) — сын чиновника, с 1900 г. член московской группы РСДРП, арестован в марте 1901 года. *Покровские*: вероятно, М. К. Покровская (р. 1872) — дочь действительного статского советника, пропагандистка среди московских рабочих; и П. П. Покровский (р. 1874) — помощник присяжного поверенного, привлеченный в 1901 г. к дознанию по делу о заграничной революционной группе, сослан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на пять лет. *С. Г. Левенсон* — аптекарский помощник, член Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий в Москве. *Луначарские*: члены московской группы РСДРП братья П. В. (врач) с женой С. Н. Луначарской и Я. В. (присяжный поверенный). *Ченик А. А.* (р. ок. 1868) — сын чиновника, помощник присяжного поверенного, член московского Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, в 1901 г. привлечен к дознанию по делу о томской типографии ПСР, административно сослан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на четыре года. *Аргунов А. А.* (1866—1939) — сын чиновника, статистик, один из создателей Северного союза социалистов-революционеров (1896 г.), в середине 1890-х годов находился под негласным надзором полиции, в 1901 г. вместе с женой, урожд. Павловой, привлечен к дознанию по делу томской типографии ПСР и сослан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на восемь лет, летом 1905 г. бежал за границу, член ЦК ПСР. Ежемесячный журнал «Общедоступный техник» выходил в Москве в 1897—1900 гг., редактором-издателем был М. К. Приоров. *В. Я. Муринов* (его жена — урожд. Блеклова) — активист оппозиционного Общества помощи в чтении больным и бедным.
17. Выпускные экзамены Азефа в Электротехническом институте давали ему право на жительство в Москве. «*Особа*» — вероятно, кто-то из высших чинов Департамента полиции.
18. «*Наши задачи*» — mimeографированная брошюра, изданная в Москве в 1898 г. Союзом социалистов-революционеров. *Елизарова* (урожд. Ульянова) *А. И.* (1864—1935) — старшая сестра В. И. Ульянова (Ленина).
19. *Поль* (исправлено карандашом на «Паули») — Паули Н. К. (р. 1859) — из мещан, сын военного врача, в 1881 г. уволен из Петербургского университета за участие в беспорядках, в 1899 г. выехал во Францию и примкнул к Аграрно-социалистической лиге, арестован в 1902 г. на русской границе. *Юделевский Я. Л.* (Ю. Делевский, А. И. Комов) (1868—1957) — будучи студентом Петербургского университета арестован в 1892 г. как террорист, после года тюремного заключения сослан под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на пять лет, затем выехал в Западную Европу, где стал одним из организаторов Группы молодых народовольцев (с 1902 г. — Группа народовольцев), близкой ПСР. *Чернов В. М.* (1873—1952) — из дворян, сын чиновника, будущий лидер ПСР, с 1899 г. в эмиграции, входил в Аграрно-социалистическую лигу, затем в редакцию газеты «Революционная Россия». *Серебряков Э. А.* (1854—1921) — сын действительного статского советника, служил на флоте, участник военной организации Народной воли, с 1883 г. в эмиграции, входил в Группу старых народовольцев, в 1899—1902 гг. издавал в Лондоне ежемесячник «Накануне», с 1901 г. член Аграрно-социалистической лиги. *Карнович П. В.* (1874—1917) — из мещан, студент Московского, затем Юрьевского (Дерптского) университетов, откуда исключен за участие в беспорядках, в 1899 г. выехал за границу, а вернувшись в Петербург в 1901 г., смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголепова, за что был приговорен к 20 годам каторги, в 1907 г. бежал за границу и вошел в Боевую организацию ПСР. *Селюк М. Ф.* (р. ок. 1873) — дочь потомственного почетного гражданина, член Северного союза социалистов-революционеров, в сентябре 1901 г. выехала за границу и участвовала в объединении Южной партии социалистов-революционеров с Северным союзом, арестована в декабре 1905 г. в Киеве и привлечена к дознанию по делу съезда работников ПСР Украинской области. *Копельзон Ц. М.* (1869—1933) — из купцов, с 1887 г. входил в марксистский кружок в Вильно, в 1888 г. арестован и привлечен к дознанию по делу виленской Центральной группы, в 1892—1897 гг. участник революционной работы в Вильно, затем в эмиграции, в Берлине являлся официальным заграничным представителем Бунда, с 1898 г. секретарь Союза русских социал-демократов за границей, организовал Заграничный комитет Бунда и вошел в его состав, делегат Парижского (1900 г.) и Амстердамского (1904 г.) конгрессов II Интернационала.

ИСТОРИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Величие и падение Покровского

(Эпизод из истории науки в СССР)

П. Н. Миллюков

Павел Николаевич Миллюков (1859—1953) — лидер кадетской партии, министр иностранных дел Временного правительства, крупный историк, автор многих научных трудов, в том числе «Очерков по истории русской культуры», «Истории второй русской революции». История исторической науки привлекала особое и пристальное его внимание. Ею он интересовался со студенческих лет, в дальнейшем читал спецкурсы в Московском университете. Идеи этих спецкурсов получили затем воплощение в талантливой его книге «Главные течения русской исторической мысли» (1896 г.).

Обращение Миллюкова к вопросу о советской исторической науке и ее руководителе Покровском, занимавшем в 20-х годах почти все ключевые позиции в ней, определялось интересом не только политика, противника советской власти, эмигрировавшего из России по политическим соображениям, но и профессионала-историка и историка науки. С Покровским Миллюков был знаком еще со времени их совместной работы в семинаре П. Г. Виноградова. Миллюков читал труды Покровского, отмечал изменения в его взглядах на историю России, следил за его деятельностью идеолога и организатора советской исторической науки.

Идеологизация науки, подчинение ее задачам политической борьбы, проводимые Покровским, вызвали негативную реакцию со стороны Миллюкова, который и сам, впрочем, не был свободен от политизации в своих научных воззрениях. Советская наука, на службе которой состоял Покровский, на разных этапах, как известно, по-разному оценивала его роль и как лидера науки и как ученого. Диапазон этих оценок колебался от апологии его деятельности до ее полного осуждения. Мнение Миллюкова о нем помогает воссозданию объективной картины развития советской исторической науки в 20-30-е годы.

Статья Миллюкова была напечатана впервые в 1937 г. в т. 65 издаваемых в Париже «Современных записок». Настоящая публикация подготовлена М. Г. ВАНДАЛКОВСКОЙ, ею же написано введение и составлены примечания.

I

Возможен ли социализм в такой стране, как Россия? Под «такой» страной разумелась при этом отсталая земледельческая Россия, не прошедшая через горнило «капитализма» и доступная, по степени своей социально-политической эволюции, самое большее, для какой-нибудь «буржуазной революции» с соответственной «республикой» в результате. Этот вопрос задавали себе деятели коммунистического переворота накануне 25 Октября. Некоторые из них, как Каменев и Зиновьев, отвечали на него отрицательно: нет, социализм в России невозможен. Люди, так

Вандалковская Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

думавшие, теперь расстреляны; но вопрос о том, введен ли в России социализм в результате революции, остается и до сих пор спорным, несмотря на строгий приказ Сталина, раз навсегда решившего: социализм в России введен, и больше об этом говорить не нужно. Это — в порядке практическом.

А в порядке теоретическом, где все-таки приходилось несколько церемониться с логикой фактов, щекотливый вопрос, тревоживший совесть Каменева, давно был заменен другим, менее откровенным: возможно ли ввести социализм в России хотя бы после того, как его введут у себя более прогрессивные страны, поощренные к этому русской революцией? Так ставил вопрос давно уже Троцкий (1905): на необходимости этой отсрочки была основана его теория «перманентной революции». Но после того, как отсрочка, принятая и Лениным — для введения социализма в других странах, — затянулась до бесконечности, а русская революция была все-таки произведена, так сказать, в кредит, возник снова вопрос о том, каков же смысл этой революции.

У Маркса на этот раз нельзя было искать ответа; приходилось рубить с плеча. И Сталин, уже совсем не считаясь ни с фактами, ни с официальной доктриной, просто-напросто декретировал: возможно, значит, и введение социализма в одной стране (т. е. не дожидаясь других). Формула стыдливо умалчивала, что этой «одной» страной была все-таки отсталая Россия, т. е. вопрос возвращался к исходной точке. Но то было время, когда рассуждать вслух о подобных вопросах было уже строго запрещено. Оставалось только заменить осторожное «возможно» циническим «уже существует», и цикл теоретических рассуждений о смысле русской революции можно было объявить официально законченным.

Однако же оставалась инстанция, к которой поневоле приходилось апеллировать: русская история. Нельзя же было объявить русскую историю небывшей и запретить всякое знакомство с нею. Оставался один выход: переделать историю на свой лад в угоду официальной доктрине. Доктрина учила, что в царство социализма переходят через вполне развитый капитализм. Но разве в России не было капитализма? Было, правда, старое течение старых русских народников, которые в наступление социализма верили, а капитализм в России отрицали. По этому учению социализм мог — и даже должен был — водвориться в России и помимо капитализма. Но для нового поколения русских марксистов этот исход был неприемлем. Им нетрудно было доказать — это и не отрицалось исторической наукой, — что капитализм в России все-таки был. Невозможно было доказать, что он дорос до той степени, какая требовалась по Марксу для безболезненного перехода в социализм.

Но вопрос о степени капиталистического развития все же оставался спорным. Русским марксистам представлялась возможность доказывать, что прежняя («буржуазная») наука игнорировала существование капитализма в русском прошлом или, во всяком случае, преуменьшала его значение. Они даже получали поддержку у историков-«западников»: те ведь признавали, что Россия развивается тем же путем, как и европейский Запад, а следовательно, она должна пройти через стадию капитализма. В споре о сходстве или несходстве русского исторического процесса с западным историки-западники стояли на одной стороне с марксистами — против народников и их предшественников-славянофилов, утверждавших, что у России «особенная статья». Конечно, историки-западники все же не хотели, подобно марксистам, выводить политический строй прямо из современного ему состояния производительных сил; не хотели и признавать государственную власть всецело находящейся в руках господствующего в данное время класса. Но, как увидим, и среди самих марксистов не все было благополучно.

Как бы то ни было, марксистам нехватало такого — совсем своего — специалиста-историка, который бы подвел фактическую основу под официальную формулу «диалектического материализма». Надо было доказать, что социализм водворился в России при Сталине не каким-то чудесным, сверхъестественным путем, а по всем правилам исторической закономерности, какой требовало учение Маркса. Задача была нелегкая — в сущности даже невыполнимая. Тем более заслуги были за человеком, который за нее взялся. Это был русский историк М. Н. Покровский: тот самый Покровский, которого его неблагодарные сотоварищи теперь стараются — к счастью, после его смерти, последовавшей до сталинских ссылок и расстрелов, — так же спешно развенчать, как они спешили его канонизировать.

II

М. Н. Покровский — мой младший современник. Он девятью годами моложе меня — по рождению и по окончанию Московского университета (1891). Он, вероятно, слушал мои первые лекции; но ближе мы с ним встретились на семинарии проф. Виноградова по всеобщей

истории, где участники работали серьезно и научались строго научному методу работы. Покровский, один из самых младших участников, обычно угрюмо молчал и всегда имел какой-то вид заранее обиженного и не оцененного по заслугам. Я думаю, здесь было заложено начало той мстительной вражды к товарищам-историкам, которую он потом проявил, очутившись у власти. У нас он считался «подающим надежды», но тогдашних работ его я не знаю. Еще в 1900 г. он просил у меня работы в академическом стиле, и я не без удивления прочел, что «к 1905 г. М. Н. окончательно определился как теоретик-марксист и практик-революционер» и что, «вступив в ряды большевистской партии, он принял активное участие в организации вооруженного восстания в качестве пропагандиста-агитатора и публициста»¹. Очевидно, я опоздал, считая его «кадетом».

В той же биографической справке говорится, что Покровский «после Лондонского съезда 1907 г. перешел на нелегальное положение и эмигрировал за границу. К этому времени относятся его крупнейшие работы «Русская история с древнейших времен» и первая часть «Очерков истории русской культуры». Вернувшись в 1917 г. в Россию, Покровский быстро движется по линии партийных назначений. Он — участник всех партийных съездов и конференций, член Совнаркома и ВЦИК'а, организатор научных учреждений и учебных заведений, руководитель архивных изданий, редактор научных журналов, — и везде и всегда «непримиримый боец за марксистско-ленинскую теорию, за большевистскую партийность в науке против «право»- и «лево»-оппортунистических извращений марксизма-ленинизма, против контрреволюционного троцкизма и буржуазных теорий»². Словом, Покровский становится большим сановником по служебной карьере и строгим блюстителем марксистского правоверия в своей науке. Мог ли он ожидать, что по смерти сам попадет в еретики?

Займемся немного правоверием Покровского. Как таковой он должен был стоять на страже против всяких «буржуазных» пережитков и увлечений в исторической науке; от него должны были ожидать, по его положению, и заполнения того пробела в науке, который мешал ответить на коренной вопрос, поставленный выше: созрела ли Россия для социализма? Тут он должен был проявить некоторое творчество. Вопрос не был научно изучен; материалы для ответа не были подготовлены; недостаточно было знать, что сделано до сих пор; нужно было поработать самому над первоисточниками. Метод работы был Покровскому известен: он все-таки был человеком нашей выучки. Его выводы были для всех нас особенно интересны, так как у нас с ним были общие сходные точки. Мы вместе пережили полосу увлечения «экономическим материализмом», жаждали его применения к русской истории — и не сразу узнали, что Покровский обскакал нас, перейдя от модной теории в ее общем виде к тому специальному употреблению, какое сделано из нее в учении Маркса и Энгельса.

Надо признать, что его шаги в этом направлении были постепенны. Его «четырёхтомник», написанный за границей в 1910—1912 годах («по тому в год», совсем как «История России с древнейших времен» Соловьева, у которой он заимствовал заглавие), держится в рамках «университетской науки», хотя он и относится уже к ней свысока и презрительно. Нового он тут не дает, хотя работы своих предшественников и товарищей хорошо знает — и пользуется ими широко, стараясь, однако, на всяком шагу уязвить их и подчеркнуть свое превосходство. Его «История» идет, конечно, дальше курса Ключевского — на все то расстояние, которое прошло от составления этого курса до появления новых работ нашего поколения, следовавшего за Ключевским.

Главный талисман Покровского, с помощью которого он всех обгоняет, прост: он заключается в том, что к добытым до него знаниям он применяет новую терминологию. Правящий класс у него называется «феодалами», а торговый и промышленный — «буржуазией» — и так на протяжении всей «Истории от древнейших времен». Более самоуверенно, чем все мы в те годы, он развенчивает «героев» в пользу господствующего класса, а этот класс делает автоматом экономических условий и состояния «производства». Никакой, конечно, «великой державы» не было на заре истории. Преимущество киевской «городской» Руси над владими́ро-суздальской «сельской», особенно ярко подчеркнутое Ключевским, уступает место единому «эволюционному процессу», вытягивающему ту и другую главу истории в один, медленно восходящий ряд. Никакого и «юридического» признака договоренности не полагается в древнерусском «феодализме»: «Этот последний гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права»³.

Покровский даже жертвует эффектной ролью «торговли» при возникновении русского государства: «Какое может иметь значение торговля при сплошном господстве натурального хозяйства на протяжении целого ряда веков?» А это даже не «меновая торговля», а «просто разбойничья». «Собирателей» московской Руси автор трактует не менее иронически. «Рассыпаться было нечему; стало быть, нечего и собирать... оставим старым официальным

учебникам подвиги собирателей». На «реформах Грозного», на «публицистике» его времени и на личности самого царя Покровский останавливается соп атоге; но «изображать эти «реформы» как продукт государственной мудрости самого царя и тесного кружка его советников уже давно стало невозможным».

Дело тут, как полагается для «материалиста», в экономике: в переходе к «среднему землевладению, успешно сживавшемуся с условиями нового менового хозяйства» и с подъемом «исстари сильной в Москве буржуазии». И даже «акт династической и личной самообороны царя [опричнина] ... диктовался объективно экономическими условиями». «Во всем перевороте, совершенном Грозным, речь шла об установлении нового классового режима, для которого личная власть царя была лишь орудием». Что и требуется доказать «марксисту». «Воскресение старого политического режима» после Смуты объясняется опять «возрождением старых экономических форм, которые веком раньше казались отжившими». «Новый подъем начался не ранее конца XVII столетия».

Наконец, Петр Великий и «знаменитый вопрос Милюкова» — что сделало неизбежным появление России в кругу европейских государств того времени? «Ученики Соловьева демонстрировали необходимость переворота как необходимость военно-финансовую». Конечно, они ничего не понимали. «Шесть лет после диссертации Милюкова впервые было указано (Туган-Барановским) на торговый капитал как экономическую основу петровской реформы». И глава о петровской реформе сопровождается подзаголовком: «Торговый капитализм XVII века». Правда, это — капитализм европейский, рассматривающий Россию как «колонию». «В России конца XVII века были налицо необходимые условия для развития крупного производства: были капиталы — хотя отчасти и иностранные, — был внутренний рынок, были свободные рабочие руки. Всего этого слишком достаточно, чтобы не сравнивать петровских фабрик с искусственно-выгнанными тепличными растениями» (полемика против меня. — П. М.). Но... «самодержавие Петра и здесь... создать ничего не сумело. История петровских мануфактур в этом отношении дает полную параллель к картине того административного разгрома, которую так хорошо изобразил в своей книге г. Милюков».

Чтобы оправдать экономику, автор готов на этот раз сойтись со мной в применении, хотя бы и отрицательном, «индивидуального метода», обычно им высмеиваемого. Виноват Петр: он неминуемо «пытался учить капитал, загнав его дубиной в промышленность», хотя тот «опять просился в торговлю». Так и не вытанцовался промышленный капитал при Петре; Россия осталась при торговом; да и то: «завоевание России торговым капиталом было временным и непрочным». Но, разумеется, в этой «отсталости» не было ничего своеобразного — никакой «национальной особенности русского народа». Просто произошло запоздание общего повсюду процесса. По существу же, сходство того, что происходило в России начала XVIII века, с тем, что знакомо западноевропейской истории XVI в. — иногда фотографическое. Несколько словесных изворотов, — и теория опять спасена — ценой признания запоздания России на сто лет слишком.

«Набег торгового капитала», как бы то ни было, «не изменил дворянской природы московского государства». Глава о Елизавете так и озаглавлена: «Новый феодализм». «Шляхетство, наконец, добилось своего». «Буржуазные наслоения первых лет XVIII века были смыты теперь основательно, — и старый социальный материк должен был выступить наружу». «Государь-помещик» окончательно превратил свою вотчину в «маленькое государство». «Новый феодализм» принял и «свой политический аспект»: теорию сословной монархии. Это, конечно, должно быть переходом к Екатерине II. Покровский тут возражает против тех исследователей, которые, в пику мне, «перегнули палку в противоположную сторону и стали рисовать екатерининскую Русь чуть не капиталистической страной». Действительно, это противоречило бы всему предыдущему изложению Покровского. При Екатерине социальное принуждение не экономическое, а «внеэкономическое»: это не «так называемое освобождение крестьян», а полный расцвет крепостного права. «Идею освобождения крестьян в XVIII веке убили [высокие] хлебные цены». Итак, запоздание России еще на сто лет, да еще с «внеэкономическим» давлением власти!

Не будем продолжать этих сопоставлений. Повторяю, во всем этом много верного, такого, что в большей или меньшей степени было общего у всех нас. Покровский только в своей жажде самовозвеличения утрировал это общее, доведя местами почти до карикатуры, но не имея еще смелости отойти от наших общих достижений.

И все же — он отстал от событий. Перепечатывая в 1922 году свой «четырёхтомник», он уже должен был извиниться, что курс его «мало удовлетворителен с точки зрения теперешнего марксиста». Но... «нет другого курса русской истории, более марксистского», и «для первоначального ознакомления с тем, как понимают русскую историю историки-материалисты,

приблизительно достаточно и существующего текста»⁴. Покровский не предвидел, что в дальнейшем от извинений ему придется перейти к покаяниям — и притом неоднократным. Но он — за страх или за совесть — старался быть на высоте и не отставать от века. Он избрал для этого легчайший способ — изобличать других в недостатке марксизма или суждениях о русской истории. Сам он начал еще более упрощать свои прежние взгляды в том направлении, которое считал ортодоксальным. Сейчас увидим, как в этом процессе упрощений и приспособлений он запутался, нарвавшись не на безгласных своих последователей и слушателей, а... на самого Троцкого.

III

Пока все шло благополучно. Вернувшись в Россию накануне октябрьского переворота, Покровский показал себя, как мы видели, «непримиримым борцом за марксистско-ленинскую теорию и за большевистскую партийность в науке». Его четырехтомник был перепечатан Госиздатом в 1922 г. и достиг в два года шестого и седьмого издания, тогда как курс Ключевского застрял на втором и третьем. Начался головокружительный партийный взлет Покровского. В качестве носителя ортодоксии в «науке» он стал монополистом и принялся усердно обличать «право-» и «лево-»-оппортунистических извратителей «официальной доктрины». В 1923 г. таким уже проявил себя Троцкий в борьбе против Сталина за власть. Это был достойный объект для нападения. Но я позволю себе привести здесь длинную цитату из Покровского, которая покажет, как он ввязался в эту роковую для него драку.

«Года три тому назад студенчество наших коммунистических университетов было в большом волнении. Оно привыкло читать в марксистских руководствах по русской истории, что социально-политическое развитие России шло таким же путем, как и развитие стран Западной Европы; что русское самодержавие было таким же исполнительным комитетом крупных земельных собственников и крупного коммерческого капитала, как и западноевропейский абсолютизм XVI—XVII вв., что судьбы этого самодержавия определялись в конечном счете развитием русского капитализма и, стало быть, зависели от общественного развития России.

И вот — вышла книжка Троцкого «1905», где студенты увидели написанным черным по белому, что в России абсолютизм существовал «наперекор общественному развитию», что он превратился у нас в «самодовлеющую организацию, стоящую над обществом»; что он возник вовсе не на основе раннего капитализма эпохи «первоначального накопления», а «на примитивной экономической основе» (которая дальше поясняется как натуральное хозяйство «самодовлеющего» характера), и для создания его русское государство «должно было обгонять развитие своих собственных экономических отношений». Словом, все было совсем наоборот тому, что рассказывали русские историки-марксисты. А на естественно возникший у коммунистических студентов вопрос, на чем же выросло самодержавие, если оно не зависело от общественного развития и обгоняло экономические отношения, на первой же странице можно было прочесть ответ: «При слабом сравнительно развитии международной торговли решающую роль играли межгосударственные военные отношения. Социальное влияние Европы в первую очередь сказывалось через посредство военной техники». Не капитализм толкал вперед развитие русского государства, а наоборот, русский абсолютизм ревностно насаждал капитализм для своих военно-политических целей. «Чтобы удержаться против лучше вооруженных врагов, русское государство было вынуждено заводить у себя промышленность и технику».

Словом, первая и основная особенность исторического развития России состояла в том, что всюду в мире экономика командовала над политикой, а у нас наоборот. Согласитесь, что коммунистическим студентам было чему удивляться. Естественно, что они не без гнева (авторитет Троцкого в 1922 г. был еще велик) обратились к своим профессорам истории. «Что же вы нам рассказываете? Почитайте, что пишет Троцкий: дело совсем не так было!»⁵

Положение стало еще серьезнее, когда Троцкий на первую же обличительную статью Покровского⁶ ответил, что его взгляд вовсе не случаен, а сложился у него в тюрьме в 1905—1906 г. и напечатан в «Нашей Революции» в Петербурге в 1907 г. как способ «исторически обосновать и теоретически оправдать лозунг завоевания власти пролетариатом, противопоставленный как лозунгу буржуазно-демократической республики, так и лозунгу демократического правительства пролетариата и крестьянства». Это и была теория «перманентной революции» Троцкого. Без этой теории «нельзя и сейчас понять октябрьскую революцию» (опередившую экономическую эволюцию капитализма.— П. М.). И Троцкий развил свой взгляд в статье «Об особенностях исторического развития России». У нас не было

европейского города, и наш торговый капитализм «объясняется именно чрезвычайной примитивностью и отсталостью русского хозяйства». Пришлось русской государственной власти «стать историческим орудием в деле капитализирования экономических отношений России» «с помощью европейской техники и европейского капитала»⁷.

Не будем входить в специальный спор Покровского с Троцким. Но дело в том, что главным противником Покровского в этом споре оказался не Троцкий, а вся историческая наука предшественников Покровского. Троцкий обошел его, так сказать, с тыла. И спорить ему приходилось не столько с Троцким, сколько с Ключевским и... Милюковым. «Что это такое, как не теория внеклассового государства, которую развивал Милюков?.. Пусть Троцкий отмежевывается от Милюкова. Все же, стоя на своей позиции, он не может сказать о кадетском историке больше, чем что схема того есть «страшное преувеличение». Преувеличение чего? — допрашивал Покровский. Ошибки или правильного в основе понимания русского исторического процесса? Ясно, что последнего...⁸ Но Милюков повторяет Ключевского, а Ключевский Чичерина, и все они стоят на почве «преувеличения» роли государства... Карамзиным. Вот где завяз Троцкий...

Что касается меня, я уже во введении к первому тому нового издания «Очерков» признал долю своего «преувеличения» при попытке синтеза двух противоположных конструкций русской истории: одной, которая строится на «своеобразии», и другой, которая строится на «сходстве» русского исторического процесса с западным. Я всегда признавал неправильным доводить «своеобразие» до «исключительности», а сходство до «тождества»⁹. Да и сам Покровский, пока он стоял еще на почве предыдущих научных работ в своей «Истории», в сущности, не мог бы возражать Троцкому. Мы только что видели, что «отсталость» русского исторического процесса он признавал и причиной его тоже считал запоздалость экономического развития. Следуя строгой доктрине экономического материализма, он должен был бы огнести на счет слабости экономического фундамента и характер политической «надстройки», т. е. другой несомненный факт русского прошлого: политическое господство «государства» над «классами». Чтобы избежать этого вывода, Покровский отрицает самый факт господства государства и, наоборот, старается доказать тезис господства «классов» над «государством».

Но тут начинаются его собственные «преувеличения», стоящие в очевидном противоречии с его же утверждениями относительно хотя бы отрицательного влияния «государства» в лице его представителей на ход экономического развития. Он наблюдает, например, в развитии экономики перерывы «реакций», вызванные «реформами» таких личностей, как Иван Грозный или Петр Великий. Он признает и влияние войн и внешней политики на экономику. Личную историю государей он рассказывает с большим вкусом, продолжая в то же время отрицать их историческую роль. Словом, Покровский подпадал обвинению, которое и было против него позднее выставлено, что он сам «складывался как историк не в рядах большевистской партии, а в среде левых демократических историков»; что он «был демократическим историком, не имеющим понятия о марксизме, а затем примкнул к легальному марксизму».

Не могло быть ничего невыносимее этого обвинения для Покровского, и он принялся очищаться от обвинения в своей зависимости от «буржуазных» историков, трудами которых так широко воспользовался в своей «Истории». Он перебрал, напротив, то же обвинение на Троцкого и занялся розысками, откуда произошла та теория о «внеклассовом государстве» на «примитивной экономической основе», в усвоении которой он обвинил Троцкого. Ряд его полемических статей посвящается с этого времени обличениям русских историков. Мало того, он организовал двухтомное исследование о «Русской исторической литературе в классовом освещении»¹⁰, в котором его ученики представили ряд подробных критических разборов учений тех историков, которых Покровский избрал мишенью своих нападений. Мы сейчас увидим, что он пересолил в этих обличениях, а Троцкий, опираясь на раскритикованных им историков, оказался более сильным противником, нежели он предполагал.

IV

Общая цель русских историков до Покровского, по его мнению, ясна. Находясь на службе у буржуазии, они всячески стараются скрыть ту классовую борьбу, которая на основе того или другого экономического строя ведет к созданию того или другого политического режима. Обличить этот «классовый» трюк и значит — найти ключ к «расшифровке» и пониманию «буржуазных» построений русской истории. Поднадзорные Покровского, повинные в подобных уловках, строятся им в следующий хронологический ряд: Карамзин, Чичерин, Соловьев, Ключевский, Милюков, а из «левых», поддавшихся их тлетворному влиянию, Плеханов

и Рожков. Первые три внесли для маскировки классовой борьбы каждый свою фальшивую идею: Карамзин — голую идею «государства», Чичерин — всемогущую роль этого государства в ходе социального процесса: сперва в «закреплении» созданных государством сословий, а потом в их «раскрепощении» — все время в интересах правящего класса. Соловьев прибавил к этому указания на пружину, двигавшую усилением государства, — «борьбу со степью» и необходимость вооружаться для этой цели европейской техникой. Остальные так или иначе комбинировали эти основные идеи, оставаясь, однако, под гипнозом якобы «внеклассового государства».

О Карамзине, конечно, нечего и говорить: его панегирик государству развенчан уже самими буржуазными историками. Чичерин, тамбовский помещик и гегельянец — другое дело. Это он строит схему закрепощения и раскрепощения, господствовавшую с 1858 г. вплоть до Ключевского и Плеханова. Ключ к ней, конечно, дается предстоящим тогда освобождением крестьян согласно интересам помещиков, продиктованным переходом (только тогда. — П. М.) к товарному хозяйству от натурального. Соловьев — сын столичного протопопа и «самый образованный из русских историков» — пустил в ход идею борьбы с хищниками степи явно в связи с восточными войнами Николая I и Александра II. Его «ключ» — бессознательная работа на пользу расширения внешнего рынка в интересах «промышленного капитализма» (наконец. — П. М.) на смену «торгового». Его слабая сторона — маскировка «борьбой со степью» завоевательной внешней политики самодержавия.

Ключевского классифицировать по этому способу труднее. Он — эклектик, соединивший «прикрепление и раскрепощение сословий» Чичерина с «борьбой со степью» Соловьева и прибавивший от себя национальный момент: Великороссию. Соединение, однако, вышло не «химическое», а только «механическое», замаскированное «гениальной» стилистикой профессора и писателя. Сын дьячка, Ключевский, конечно, «не может считаться выразителем какой-нибудь определенной классовой психологии»; но он «типичный представитель интеллигенции, т. е. того междуклассового строя, который, с одной стороны, связан с капиталом, с другой стороны, эксплуатируется этим капиталом, поэтому он против буржуазии». Милюков — ну, что же говорить о Милюкове. Поскольку он не следует Ключевскому, он, начав с попытки примирить абсолютно непримиримое — «государственную» схему русской истории со Шаповым, идеологом крестьянского класса в 60-е годы, возвращается в наши дни почти к чистой «щاپовщине». Это — «почти замкнутая кривая: домарксистский исторический материализм».

Гораздо важнее, что «теория внеклассового государства, которую развивал Милюков без помощи марксистской терминологии» и которую «почти слово в слово повторил Троцкий», «держит в плену» и такого представителя «технической интеллигенции», как Плеханов, и такого идеолога «дотехнической интеллигенции», как Рожков. Вопреки истинному марксизму Плеханов делает «несомненную попытку сколь возможно эмансипировать политический момент из-под влияния производительных сил: отодвинуть его подальше от них». Став на этот путь, Плеханов «со ступеньки на ступеньку» восстанавливает и соловьевского «кочевника» и чичеринское «закрепощение»...

В своем прокурорском усердии Покровский отнесся с кондачка к замечательному труду Плеханова. Мысль Плеханова гораздо глубже и сложнее «марксистских» упрощений Покровского. Полемизирует Плеханов не со мной, а с Ключевским, ставя на очередь общую нам задачу: найти синтез «сходства» и «своеобразия» русского исторического процесса. Отрицая «полное» своеобразие, Плеханов признает «относительное» и усердно ищет его причин — между прочим, в условиях географической среды. Отрицая приоритет «политического момента» над экономическим, он, однако, намечает приемлемый компромисс. «В действительности, — говорит он, — «политический момент» никогда и нигде не идет впереди экономического; он всегда обуславливается этим последним, что несколько не мешает ему, впрочем, оказывать на него обратное влияние».

Отворачиваясь от этого пути синтеза и сворачивая все дальше на путь квазимарксистского правоверия, Покровский сильно перегнул палку и испортил свое положение. Пока он разъяснял своих «буржуазных» предшественников, он оставался в пределах своей монополии, и дело шло благополучно. Но когда он набросился с обличениями на чуждый ему по идейному развитию лагерь марксистов, хотя бы и «еретиков»¹¹, положение изменилось. Если в начале двадцатых годов студенты обращались к нему с недоуменными вопросами по поводу его полемики с Троцким, то в семинарах 1930—1931 гг. они уже перешли в наступление и сами начали обличать своего профессора в «безграмотностях». Мы имеем признания Покровского, что эти семинары «чрезвычайно помогли» ему в исправлении этих «безграмотностей». Но были между ними и такие, которые исправить было трудно.

Покровский обличал русских историков-«государственников» тогда, когда советское

государство достигло небывалых пределов «политического» вмешательства в «экономический» строй страны и когда оно напрягло экономические силы сверх всякой меры — именно в виду их «отсталости». Оно поступило совершенно так, как поступали его предшественники в московском государстве XVII века, — как поступал и Петр Великий... Покровский доказывал быстроту экономического роста России перед октябрьским переворотом, тогда как деятели этого переворота подчеркивали резкий разрыв с прошлым. Это и вызывало в идейных противниках сомнение в подготовленности к нему русского капитализма. Он, наконец, настаивал на сходстве русского и западноевропейского развития, когда Сталин уже утвердил догмат о национальном происхождении русской революции и переходил к реставрации национального взгляда на «своеобразие» русского прошлого. Наконец, Покровский отрицал роль личности — даже Петра Великого — в истории, когда сравнение с Петром уже становилось ходячим приемом лести «великому, гениальному вождю народов». Словом, ослепленный важностью принятой на себя миссии, Покровский задевал самые деликатные темы и танцевал на чувствительных мозолях. Недовольство накаплилось; должен был последовать и взрыв.

V

По счастью для Покровского, настоящая реакция против его «школы» последовала уже после его смерти¹². Но прежде чем перейти к ней, надо отметить его прижизненные уступки и признания. «Совершенно ясно, — писал он в 1931 г., за год до смерти, — что в ряде отдельных формулировок, иногда очень важных, старые изложения моей концепции звучали весьма не по-ленински, а иногда были попросту теоретически малограмотны. Так, например, безграмотным является выражение «торговый капитализм»; капитализм есть система производства, а торговый капитал ничего не производит»... И он цитирует Маркса: «Самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества... Денежное и товарное обращение может обслуживать сферу производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости»¹³.

Куда же после этого девается объяснение происхождения русского государства из «торгового капитала» или ссылка, по Ключевскому, на хлебную торговлю Москвы и на обилие тамошних лавок товарами в XVII столетии в доказательство сравнительной высоты ее экономического развития? Торговый капитал «не при чем», продолжает Покровский, и в «усилении феодальной эксплуатации крестьян в конце XVI века» (т. е. в происхождении крепостного права). «Наконец (и это главное. — П. М.), не приходится скрывать, что в первых редакциях моей схемы был недостаточно учтен и факт относительной независимости политической надстройки от экономического базиса. Позабыты были слова Энгельса «к чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть бессильна? Сила есть точно так же экономическое могущество». Ничего другого не говорил и Плеханов. «Экономический материализм (уже теперь в смысле осуждения. — П. М.) не был еще мною изжит на все сто процентов, когда я писал и «Русскую историю», и «Очерк истории культуры» и даже «Сжатый очерк!»»

Покровский обещал теперь представить «окончательную схему», которая примет во внимание и Энгельса и Ленина; но при этом он оговаривался: «Свободна ли эта окончательная схема от ошибок? Никак не могу обещать»... Представить эту схему, после приведенного покаяния, Покровскому помешала смерть. Но она же послужила сигналом к окончательному разгрому его приемов и его «школы»; Покровский был даже обвинен в том, что искусственно и злобно задерживал эту реакцию.

В первой половине 1936 года против Покровского выступили такие тузы, как Радек и Бухарин. К этому времени воспоминание о его личных «заслугах» и о его влиянии на молодежь уже настолько успело изгладиться, что оба критика не церемонились с покойником. Радек прямо отчислил его от категории марксистских историков и вернул на принадлежащее ему исторически место. «М. Н. Покровский складывался как историк не в рядах большевиков, а в среде левых демократических историков... Он был демократическим историком, не имеющим понятия о марксизме, а затем примкнул к «легальному марксизму»... Маркса они воспринимали через схему Богданова, а не через диалектику Ленина. Поэтому место диалектического материализма у них занял так наз. экономический материализм».

Это было верно; но верно было и то, что, поскольку Покровский опирался на своих предшественников, на которых опирался и Троцкий, и Плеханов, — он стоял на твердой почве.

Все, в чем его теперь стали обвинять подлинные марксисты, явилось результатом его усилий раскритиковать это свое прошлое и заменить его квазимарксистским подходом с соответствующими упрощениями, которые с течением времени становились все более и более смелыми. Сюда, прежде всего, относится его тезис о зависимости политической надстройки от производственной и экономической базы. Радек приходит в полное негодование от этой измены Энгельсу. Позвольте: как же утверждать, что «политический момент есть второстепенный», когда пролетариат борется за диктатуру, а победители 25 октября разгоняют Учредительное собрание? «Вопрос, в чьих руках власть, оказался отнюдь не второстепенным. И, признав эту ошибку, Покровский впал в другую крайность». Он нашел, что, совершая переворот, большевики «прорвались к социализму сквозь всякие законы, наперекор узко-экономическим законам»¹⁴. То есть, значит, он присоединился к тезису Каменева и Зиновьева о несвоевременности переворота...

Нет, несмотря на «отказ от ряда формулировок», «все исторические работы Покровского пронизаны не марксистскими экономическими понятиями; его работы чужды ленинизму». Бухарин избрал для критики Покровского другой, более практический подход, на который указал отчасти сам Ленин. Получив две первые части «Русской истории в самом сжатом очерке», очевидно, предназначенные служить учебником, Ленин поздравил Покровского с успехом, но осторожно заметил ему, что для того, «чтобы книга была учебником, надо дополнить ее хронологическим указателем... чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты»¹⁵. На самом деле, изложенная на 180 страницах до Александра III включительно, книга была явно неудобоварима для преподавания. Излагались не столько «факты», сколько «схемы», нам уже известные и трудно усваиваемые учащимися средней школы.

Бухарин нашел для этого объяснение — тоже в прошлом Покровского. «В прежней историографии, которая имеет свои корни еще в придворных хрониках царей, эти последние рассматривались как единственные божественные творцы исторического процесса, чудотворные делатели истории, лепившие ее по своему произволу и усмотрению. Этой историографии Покровский противопоставил попытку общедоступного рассмотрения исторического процесса, т. е. рассмотрения общественно-исторических формаций. Но он оторвал общество от его агентов, абстрактное от конкретного, социологию от истории, «законы» от «фактов»... Как потом он ни старался говорить о «конкретном», ничего конкретного не получалось, и многие его воспитанники тонули в схоластических словопрениях и в том «верхоглядстве», которого так опасался Ленин. Вина опять — в отсутствии «диалектики». Диалектика возвращает схемам живые краски и личные образы». Что особенно возмутило Бухарина у Покровского, это применение «классовой точки» зрения к истории пролетарской. Она тоже должна быть классовой, а следовательно, объективной быть не может, учил Покровский. История есть «политика, опрокинутая в прошлое». Бухарин утверждал, конечно, что пролетарская история составляет единственное исключение из этого правила и что, будучи правдивой, она непременно будет не засушенной в «схемы», а красочной, как сама жизнь¹⁶.

Итак, вопрос сводился к плоскости педагогической. Но тут он сразу приобрел иной политический смысл и иную постановку. Для недоучившегося семинариста Сталина теоретические споры и высшие достижения русской историографии были недоступны. Но политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно. И задача вернуть жизнь схемам совпадала с его собственной тенденцией — одеть теоретическую и спорную «генеральную линию» в живой национальный костюм. Сам он был не прочь занять в этой бутафории роль «единственного божественного творца и чудотворца», чье имя жило бы в веках... ну хоть по образцу Петра Великого, с которым Покровский не знал, что делать. Для этого нужно было вернуть школьную историю ко временам гораздо более отдаленным, чем времена непосредственных предшественников и современников Покровского.

VI

Совершить сразу этот переход, однако, оказалось нелегко. Слишком въелась в умы интеллигентская обработка истории. 16 мая 1934 г. Совнарком и ЦК партии «констатировали, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный схематический характер. Вместо преподавания *гражданской* (подчеркнуто) истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей, — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными соци-

логическими схемами». Этими отрицательными указаниями восстанавливался традиционный тип учебника: «доступное наглядное и конкретное» изложение фактов в хронологической последовательности, «с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат».

К июню 1935 г. постановлено было приготовить новые учебники, и для истории СССР назначена комиссия в составе профессоров Грекова, Панкратовой и Пионтковского под руководством проф. Ванага. На первую очередь было поставлено составление элементарных учебников для начальной и неполной средней школы¹⁷. Конспекты были представлены названной группой — и жестоко раскритикованы в «Замечаниях», подписанных 8 августа того же года Сталиным, Кировым и Ждановым¹⁸. Дело в том, что в комиссию попали все те же «ученики Покровского», которые «не поняли задания» и вместо конспекта учебника представили «журнальную статью, где можно болтать обо всем». Вместо «истории народов СССР» они предложили составить «русскую историю», забыв о лозунгах «царизм — тюрьма народов» и «царизм — международный жандарм». Вместо «марксистских научно-обоснованных определений» скопированы «затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков», вроде: «Пугачевщина», «первые шаги царизма в борьбе с революцией» и т. д. Не учтена зависимость «полуколониальной» России от европейского капитала и кризис европейской демократии и парламентаризма, чем ослаблена роль октябрьской революции и «не мотивирована роль советов как носителей пролетарской демократии». «Вообще, конспект не совсем грамотен с точки зрения марксизма»...

Тон этой критики усилился, когда группа проф. Ванага представила самый текст учебника, другие группы Минца и Лозинского — учебник для начальной школы. «Авторы продолжают настаивать на неоднократно вскрытых партией установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского». Ввиду такой оценки Совнарком и ЦК переходят в наступление. Они «подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории, как науки, связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов». «Для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения» эти «вредные взгляды» должны быть преодолены¹⁹. Так «ошибки» уже становились своего рода «государственным преступлением».

Бедный Покровский! Большая часть этих «ошибок» ведь была сделана именно для того, чтобы подладиться под требования «настоящего марксизма». Сколько раз он каялся, отказывался от своих прежних взглядов, осуждал свой «экономический материализм», отрясал прах от своих предшественников, — даже от самой науки, доказывая, что не может быть вообще «объективной» исторической науки, напрасно он отдал свою науку на служение коммунистической партии, признал даже, что «настоящий марксизм допускает очень сильное вмешательство политического момента во всех стадиях развития». Все это было поздно.

А его «школа»? Еще в 1929 году А. Шестаков в «Новом мире» восторгается председательствованием «воинствующего историка» на многолюдном съезде «всесоюзной конференции историков-марксистов»²⁰, в противоположность съезду буржуазных историков в Осло²¹. Здесь наперерыв углубляют грань между «ними» и «нами» и объявляют «борьбу с чуждыми марксизму и классово-враждебными пролетариату идеологиями и их пережитками, в чем бы они ни состояли и кто бы их ни распространял». А немедленно по смерти Покровского становятся жертвами этой широкой формулы сами участники марксистского съезда — «ученики Покровского» вместе со своим учителем. Некий П. Дроздов в «Правде» (27 марта 1937 г.) объявляет их уже прямо «двурушниками, взаимно покрывающими и поддерживающими друг друга и проводившими подлую вредительскую работу, широко пользуясь слепотой, ротозейством и идиотской болезнью — беспечностью некоторых историков-коммунистов».

Забыта и полемика Покровского с Троцким: его ученики, оказывается, «протаскивают» троцкистскую пропаганду!

От этих обличений критика скоро переходит в самую неприличную брань! Эти «участники троцкистско-бандитских шаек, Фридлянд, Зайдель, Ванаг, Невский, Пионтковский, Далин и др.» — суть «подлые враги народа», «мерзавцы». Словом, на них переносится весь ходячий арсенал обвинений, ведущих к «высшей мере» наказания... («Правда», 20 марта)²².

26 января 1936 г. Совнарком и ЦК постановляют организовать комиссию для переделки представленных учебников и для объявления конкурса на составление новых. Задача — нелегкая после всего сказанного — оказывается на этот раз приблизительно достигнутой. «Ряд учебников из числа представленных 46-и, — констатирует жюри, — отошел от прежнего типа». «Вместо отвлеченных социологических схем в этих учебниках, при всех их недостатках, соблюдается историко-хронологическая последовательность, дается описание важнейших исторических явлений, перечень основных хронологических дат и характеристика исторических

деятели». К числу недостатков относятся: «идеализация дохристианского язычества», «игнорирование прогрессивной роли монастырей»; авторы рассматривают переход Украины и Грузии под власть России «как абсолютное зло», «преувеличивают организованность и сознательность крестьянских волнений до XX столетия («вне руководства рабочего класса»), «идеализируют стрелецкий мятеж, не оценивают победы Александра Невского на Чудском озере» и т. д.

Очевидно, «патриотические» указания Сталина все еще не приняты целиком во внимание. Поэтому первой премии не получает никто. Вторая выдается учебнику под редакцией А. В. Шестакова ²³ (того самого). 24 августа «Известия» празднуют этот великий успех, как «событие огромного государственного значения» ²⁴. «Социалистическая культура обогатилась еще одним большим достижением». «Советских школьников можно поздравить с замечательным подарком Сталина»...

VII

Перед нами этот пресловутый учебник для начальной школы, возведенный на степень «огромного государственного события». Как низко должна была пасть «советская культура», чтобы прийти в восторг от подобного «достижения», якобы освобожденного, наконец, от всех следов влияния «буржуазной науки». Подумать только: наконец появился на свет элементарный учебник с самой настоящей хронологией, «фактами» и «характеристиками деятелей»! До водворения сталинского «социализма» в России, очевидно, ничего подобного не было: ни дат, ни фактов, ни деятелей. Присмотримся, в каком виде все это, хорошо забытое, вводится вновь в советскую школу.

Конечно, никаких «завиральных идей» — и вообще никаких идей — в учебнике не имеется. Опасные слова «феодализм», «торговый капитал», «промышленный капитал» и всякие там «формации» совершенно выведены из употребления. Никаких «отвлеченных схем». Все распоряжения Сталина, разумеется, приняты во внимание. Из 217 страниц учебника половина посвящена революционному периоду, начиная с Николая II, и из этой половины большая часть (67 страниц) излагает «Великую октябрьскую социалистическую революцию». Этой части мы касаться не будем, а остановимся на первых 117 страницах.

Сталину, вероятно, было приятно узнать на первых же страницах, что он родился на территории «древнейшего» народа Урарту, который (по сведениям автора) создал «государство родоначальников нынешней Грузии». Кстати, этим сразу осуществлялось требование — писать не «русскую историю», а историю «народов СССР». По существу темы и по характеру элементарного учебника это требование, конечно, оставалось номинальным, и автор вспоминал о нем лишь от времени до времени — когда происходило завоевание этих народов. В основе это все-таки была русская история, и Сталина опять мог испытывать удовольствие, вспоминая свой семинарский учебник.

Вместо неудобопонятных «формаций» здесь честно рассказывались милые предания начальной летописи о Рюрике и Олеге, о том, что как древляне разорвали Игоря на части, и как Ольга в отместку послала на их город голубей и воробьев с пучками зажженной пакли на хвостах. Следует где-то подслушанный политический разговор Святослава с матерью: сын не верит, что «греческая вера» может «укрепить власть князей», и отвергает относительный пацифизм Ольги, «считая, что объединить славян и создать сильное государство можно только оружием». Все же он поступал по-рыцарски и, «будучи неустрашимым, предупреждал неприятеля о своем нападении, посылая сказать: «иду на вы» (в скобках пояснено: иду на вас). Но печенег оказались не такими рыцарями: устроили Святославу засаду и его убили. Это вышло очень кстати потому, что он уже «задумал перенести на Дунай свою столицу из Киева». Тогда не было бы ни его сына Владимира на киевском престоле ни, быть может, вообще русского государства. А при Владимире оно, напротив, «усиливалось и крепло». Владимир, наконец, поверил, что «принятие греческой веры укрепит его власть». Он «загнал киевлян в воду, а привезенные из Царьграда попы читали над стоящим в воде народом свои молитвы. Это называлось крещением». Народ, правда, «не раз бунтовал против новой веры», но христианство было в то время шагом вперед в развитии России. Так «распространялась и греческая культура, и образованность», хотя не забывались и «рассказы об удали славянских богатырей».

Я боюсь, однако, что мой рассказ заинтересует читателя более, нежели отрывочные фразы учебника, изложенные корявым языком, точно по скучной обязанности, и лишённые всякой теплоты и патриотического энтузиазма. Предписанное Сталиным «чувство национальной гордости» тут, во всяком случае, не достигается. Дальше идут «стихийные восстания», которые князья подавляли без особых усилий, так как восстания эти были «бессознательными». Автор еще не решается здесь уже прибавить приказанный аргумент: «потому что тогда

еще не было рабочего класса». Но затем он регулярно его повторяет, касается ли дело Болотникова, Разина или Пугачева. Только относительно стрелецкого мятежа против Петра дана обязательная директива: считать это восстание «реакционным». Средневековое вече так же как и земские соборы царя Алексея не вызывают никакого сочувствия автора: все это ведь делали «бояре, помещики и купцы».

Однако и московских князей учебник не решается хвалить за их «собирачество» России. О «царе-самодержце» Иване IV, «уничтожавшем боярские преимущества», говорится тоже очень спокойно. Личность Алексея Михайловича проходит у автора совсем незаметно. С «умным и деятельным» Петром Великим дело обстоит труднее. «Борьба с отсталостью России» уравнивается с «укреплением власти дворян» и «разбогатением купцов и заводчиков». «При Петре Россия значительно продвинулась вперед, но оставалась страной, где все держалось на крепостном угнетении и царском произволе». Так что и тут радоваться нечему: живого образа не выходит. Пожалуй, с большей симпатией автор говорит о Булавине. Екатерина II ступает перед Пугачевым и Радищевым; о ее законодательстве не сказано ничего. Ни одной черты характеристики Александра I, кроме того, что он возглавил реакционный союз, не находим.

Декабристы? Конечно, они «мечтали о культурной жизни у себя на родине»; но «их было немного и они не были связаны с народом». Полстранички о Николае I и о его «царстве жандармов и чиновников» (вся глава озаглавлена как приказано: «Царская Россия — жандарм Европы»), и автор переходит к 48 году, к «великим русским писателям и к Марксу и Энгельсу». Глава о «росте капитализма в России» кончает перелистанныю нами половину учебника. Из реформ Александра II тут говорится только о крестьянском освобождении — со всеми необходимыми оговорками. Зато подробнее рассказывается о Парижской коммуне и о рабочем движении; глава кончается появлением Ленина на рабочих сходках.

Пробелы в изложении внутренних событий обильно восполняются историей войн и приобретений России. Мы уже заметили, что только в связи с покорением народов перечисляются их имена; при этом автор видимо колеблется: хвалить ли народы за их сопротивление или хвалить царское правительство за победы? Как и в других сомнительных случаях, учебник выходит из затруднения, принимая нейтральную позу «объективного» исторического изложения.

VIII

От элементарного учебника истории, конечно, нельзя требовать ответа на спорные построения русского исторического процесса. Высказанные в учебнике оценки «царизма», «купцов и дворян», в общем, не выходят за пределы того, что считалось общими местами в либеральных кругах конца прошлого века. Отделы о революционном периоде, конечно, ставят более специальные, чисто советские требования. Большая часть четвертого тома (с. 140—331) «Истории» Покровского, написанная еще в 1912 г., но тогда не прошедшая через цензуру, явилась очень неполным ответом на эти требования. Обширная часть третья «Краткого очерка»²⁵ (с. 223—527) его же останавливалась на 1906 г., т. е. далеко не доходила до переворота. Учебник Шестакова доводит рассказ до 1937 г., но он чересчур краток. Разбор всех этих частей потребовал бы особого подхода и не дал бы достаточного материала для суждения об общей схеме, которой посвящена эта статья.

«Событием огромного государственного значения» было бы, действительно, если бы учебник для высшей школы поступил так же радикально с приемами советской историографии, как поступил учебник Шестакова, вернувшись к педагогическим приемам времен учебников Иловайского. Но тут травля Покровского поставила сочинителя этого будущего учебника в очень трудное положение. Осуждение «ошибок» Покровского ведь было равносильно возвращению к Плеханову и Троцкому, а через них к Ключевскому и Милюкову, не говоря уже о дальнейшем возвращении к Соловьеву и Чичерину. Пришлось бы, таким образом, строить на основе лучших достижений «буржуазной» исторической науки — и признать слабость идеологии октябрьского переворота как раз в том, в чем большевики принуждены видеть его силу: в его внезапности и несоответствии действительному экономическому развитию России.

Если в своей беспорядочной тактике ликвидации собственного прошлого Сталин дойдет и до этого признания, то, конечно, это будет «событием огромного государственного значения». Но надеяться на такой исход в настоящее время было бы чересчур опрометчиво. Неизбежный вывод из этого — тот, что учебник русской истории для высшей школы или вовсе не будет написан или будет написан... по Покровскому той поры, когда он еще стоял на плечах своих учителей.

Примечания

1. Милюков ссылается на краткую биографию Покровского, предпосланную «Русской истории в самом сжатом очерке» (М. 1932).
2. Там же.
3. Здесь и далее Милюков ссылается на I—III тома 5-го издания (М. 1923) «Истории с древнейших времен» М. Покровского. В приводимых цитатах имеются незначительные неточности (перефразировка, не указаны страницы начала или продолжения цитаты и др.), не меняющие содержания передаваемого текста.
4. См. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 1. Л. 1924, с. 3 (Предисловие к 4-му изданию).
5. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Троцкизм и особенности исторического развития России.— Коммунистический Интернационал, 1925, № 3(40), с. 21—22.
6. Против концепции Троцкого Покровским были опубликованы статьи: «Правда ли, что в России абсолютизм существовал наперекор общественному развитию?» (Красная новь, 1922, кн. 7); «Своеобразие русского исторического процесса и первая буква марксизма (Нечто вроде ответа т. Троцкому)» (Правда, 5, 13.VII.1922); «Троцкизм и особенности исторического развития России».
7. См. ТРОЦКИЙ Л. Об особенностях исторического развития России (Ответ М. Н. Покровскому). В кн.: Троцкий Л. 1905. 4-е изд. М., с. 296.
8. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию?», с. 145—146.
9. Эти положения изложены Милюковым в его «Очерках по истории русской культуры» (Т. 1. Париж. 1937, с. 29).
10. Сборник «Русская историческая литература в классовом освещении» в 2-х тт. вышел с предисловием и под редакцией Покровского (М. 1927—1930). В нем рассматривались взгляды Г. Эверса, А. П. Шапова, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, славянофилов, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, Н. А. Рожкова и др. В предисловии Покровский подчеркивал, что изучать историю можно, только основываясь на «классовом принципе».
11. См. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Борьба классов и русская историческая литература. Лекции, читанные в Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева 3—7 мая 1923 г. Л. 1926 (2-е изд.); ПОКРОВСКИЙ М. Н. Марксизм и особенности исторического развития России. Л. 1925.
12. См. Против исторической концепции Покровского. Сб. Чч. I—II. М.—Л. 1939—1940.
13. Имеется в виду статья Покровского «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России».— Борьба классов, 1931, № 2.
14. Летопись газетных и журнальных статей за 1936 г. не содержит ссылки на указанную статью К. Радека. В «Правде» (27.I.1936) напечатана его статья «Значение истории для пролетариата», в которой осуждается Покровский и его школа.
15. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 52, с. 24.
16. Милюков цитирует статью Н. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского)».— Известия, 27.I.1936.
17. Собрание законов СССР, 1934, № 26, ст. 206.
18. Замечания о конспекте учебника по новой истории 8—9 августа 1934 г. Сталина И., Жданова А. и Кирова С.— Известия, 27.I.1936.
19. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР».— Историк-марксист, 1936, № 1, с. 5—6.
20. ШЕСТАКОВ А. На историческом фланге.— Новый мир, 1929, № 2.
21. На VI Международном конгрессе исторических наук (14—18 августа 1928 г.) в Осло историки СССР впервые приняли участие в качестве официальной делегации в составе 11 человек. Ее возглавлял Покровский.
22. Речь идет о статье И. Федорова «Политическая слепота и беспечность» (Правда, 20.III.1936).
23. «Краткий курс истории СССР» под ред. А. В. Шестакова. М. 1937.
24. ФОМЕНКО Вл. Сталинский подарок советским школьникам.— Известия, 24.VIII.1937.
25. Имеется в виду «Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия)» М. Н. Покровского (Чч. 1—2, М. 1920—1923).

Суворов и оппозиция Павлу I

М. М. Сафонов

Последняя страница жизни А. В. Суворова — предсмертная опала — остается до сих пор не вполне понятной.

1799 год. Итало-швейцарский поход — вершина полководческой деятельности Суворова. Ему рукоплескала вся Европа, но в России не ждал триумф. По пути из Праги Суворов узнал, что торжественной встречи не будет и даже въехать в столицу днем ему запрещено. Не в парадной карете, а в дорожном возке, под покровом сумерек прибыл Суворов в Петербург. Ему запретили посещать Зимний дворец. Имя его исчезло со страниц газет. Напоследок отобрали любимых адъютантов. Заболев в пути, Суворов теперь слег и 6 мая 1800 г. скончался. Но и после смерти его преследовала царская немилость. Хоронили его не как генералиссимуса, а по штату фельдмаршала. За исключением конногвардейцев, гвардию не нарядили на похороны под предлогом усталости после парада. Ни царь, ни двор, ни петербургская знать на погребении не присутствовали. Официальной причиной немилости было то, что во время заграничного похода Суворов вопреки уставу имел при себе дежурного генерала. Вздорность этого повода была ясна.

Историки пытались отыскать «вину» полководца в изменении международных отношений, в тех или иных поступках Суворова как главнокомандующего союзными войсками, в состоянии армии, вернувшейся из итало-швейцарского похода. Получила широкое распространение версия о том, что Суворов подвергся немилости из-за интриг завистников и недоброжелателей. Авторитетный биограф полководца А. Ф. Петрушевский пришел к выводу, что причина опалы «заключается не в поступках Суворова, а в духовной натуре Павла», для выяснения которой требуется исследование не столько историческое, сколько патологическое¹. Другая догадка состояла в том, что царь поверил каким-то «ужасным слухам» о Суворове и увидел в полководце потенциального заговорщика².

Современные биографы видят причину конфликта в том, что Павел I насаждал в армии прусские порядки, основанные на муштре и палочной дисциплине, Суворов же пытался отстаивать национальные принципы военного строительства. Однако конкретные проявления этого конфликта, вызвавшие опалу Суворова, остаются все еще не раскрытыми. При этом биографы по-прежнему ищут разгадки то в духовной натуре Павла I, то в инсинуациях недоброжелателей, то в мнимой угрозе военного переворота³. Однако далее догадок и предположений, не опирающихся на факты, дело пока не пошло⁴.

6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. Водарение Павла I прошло как будто безболезненно для последнего фаворита Екатерины II П. А. Зубова. Вопреки ожиданиям, Павел не подверг его опале и, напротив, демонстрировал уважение и даже заботу. Истинные чувства Павла к любимцам своей матери, однако, проявились в отношении к брату фаворита, В. А. Зубову,

Сафонов Михаил Михайлович — кандидат исторических наук, С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН.

стоявшему во главе русских войск в Персии. (Здесь в Астраханском драгунском полку под начальством генерал-лейтенанта С. С. Апраксина служил подполковник П. Е. Батурин, которому было суждено сыграть определенную роль в судьбе Суворова ⁵.) Воцарившись, Павел отозвал эти войска в Россию. Минуя В. А. Зубова, царь разослал повеления каждому полку выступить в «непременные квартиры», так что сам главнокомандующий со своим штабом и генералитетом чуть было не попал в плен. Но казачий атаман М. И. Платов ослушался императорского повеления и остался охранять Зубова. По возвращении в Россию Платов угодил вначале в костромскую ссылку, а затем в Петропавловскую крепость, Зубов вышел в отставку и поселился в Хорошеве под Москвой, Батурин же попал в дивизию фельдмаршала Суворова в Тульчине.

Образ действий Павла I в Персии, по-видимому, дал первый толчок для образования вокруг В. А. Зубова оппозиции офицеров, служивших ранее под его начальством. Военные преобразования царя, насаждение гатчинских порядков в армии встретили резкое сопротивление в военных кругах. Особенно сильно оно проявилось в ближайшем окружении Суворова. Он не ввел в действие новые уставы, не распустил своего штаба, по-прежнему сам увольнял офицеров в отпуск, посылал их курьерами. Нововведения Павла «воспламенили» Батурина: он захотел видеть источник всех изменений собственными глазами, испросил у Суворова отпуск и 14 января 1797 г. прибыл в Петербург. Павел I, узнав о приезде офицера суворовской дивизии, получившего отпуск в нарушение дисциплины, без высочайшего повеления, приказал тотчас выслать Батурина обратно в Тульчин и сделал Суворову выговор ⁶.

Однако Батурина все же удалось пробыть в Петербурге около 16 часов. Случайно он встретил П. А. Строганова (они были знакомы через Апраксина, приходившегося Строганову родственником) и провел все это время в строгановском доме, в обществе «молодых друзей» наследника престола, великого князя Александра. «Молодые друзья» — П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, А. А. Чарторыский (позже к ним присоединился и В. П. Кочубей) — составляли оппозиционный кружок, который ставил своей конечной целью конституционное преобразование России, занимался же пока приготовлением умов к предстоящим реформам. По словам Строганова, Батурин полностью разделял мнения «молодых друзей» и резко порицал павловские нововведения. Они посоветовали Батурина по дороге назад изучать общественные настроения, чтобы потом воспользоваться ими. Впоследствии «молодые друзья» вынуждены были раскаться и в своей откровенности и в столь неосторожно данном совете ⁷.

Еще при воцарении Павла I в ближайшем окружении Суворова вынашивались планы государственного переворота. Полковник А. М. Каховский, служивший ранее в штабе фельдмаршала, его любимец и в то же время человек, тесно связанный с братьями Зубовыми, обдумывал возможность мятежа. Его мысль состояла в том, чтобы в Новороссии, в военном округе, подчиненном Суворову, распространить среди солдат слухи о том, что Павел I собирается все переделать в России по прусскому образцу и намерен изменить православную религию. Для пущей убедительности Каховский замышлял переодеть какого-нибудь преступника фельдгегерем, якобы присланным императором, повесить этого «царского гонца», поднять дивизию Суворова, присоединить к ней пехотный полк своего дяди В. Л. Давыдова, стоявший в Полтаве, получить подкрепления в Киеве и других городах, двинуть войска на Петербург и свергнуть царя. Каховский не открыл своего плана Суворову, но зондировал его мнение на этот счет. Идеи заговорщиков, видимо, находили отклик в душе Суворова, но затевать гражданскую войну он не хотел. «Молчи, молчи,— ответил он Каховскому,— не могу. Кровь сограждан» ⁸.

О планах Каховского правительство узнало только в январе 1799 г., но, по-видимому, уже в начале 1797 г. до Павла I доходили какие-то сведения о далеко идущих замыслах, обсуждавшихся в окружении Суворова, открыто не подчинявшегося распоряжениям императора. Так, В. Н. Головина прямо говорит о письме М. П. Румянцева Н. В. Репнину, которое было доведено до сведения императора в апреле 1797 г., где сообщалось, что Суворов «волновал умы», и давалось понять, что «готовится бунт» ⁹. Как бы то ни было, но 6 февраля 1797 г. Суворов был отставлен от службы. С 18 преданными офицерами, подавшими в отставку, он переехал в свое имение Кобринский ключ. Но здесь офицеры были арестованы, а сам Суворов под надзором переведен в другое свое имение, Кончанское.

В конце 1796 г. начались преследования и П. А. Зубова. Павел I отрешил его от всех должностей, наложил на него большие денежные взыскания и, наконец, 3 февраля 1797 г., почти одновременно с отставкой Суворова, повелел ему уехать за границу. Совпадение этих двух дат едва ли случайно. Дочь Суворова была замужем за старшим из братьев, Н. А. Зубовым, и эта родственная связь, вовсе не предполагавшая единства замыслов ¹⁰, в глазах царя, конечно, казалась опасной.

Летом 1798 г. в руки Павла I попали сведения о существовании в армии оппозиции его режиму, которая, с одной стороны, была связана с братьями Зубовыми, а с другой — ориентировалась на наследника престола.

В Петербургском драгунском полку, расквартированном в Смоленской губернии, весной 1798 г. произошел конфликт между шефом полка В. П. Мещерским и его офицерами, так же недовольными гатчинской муштрой, как и в дивизии Суворова. Желая пресечь такие настроения, Мещерский издал приказ, запрещающий офицерам полка критиковать новую форму, судить об образе службы, обсуждать повеления начальства. Командир полка П. В. Киндяков потребовал, чтобы шеф персонально указал, кого именно он имел в виду, издавая приказ. Мещерский отказался и вскоре донес инспектору кавалерии Ф. И. Линденеру, что в доме полкового командира собираются «молодые легкомыслящие офицеры». 25 июля была создана следственная комиссия во главе с Линденером, любимцем Павла I.

В ходе расследования выяснилось, что более двух лет в Смоленской губернии действовал антиправительственный кружок, состоявший из офицеров Петербургского драгунского, Московского гренадерского, 4-го артиллерийского полков, чиновников местной администрации, отставных военных и гражданских лиц. Ядро кружка — «канальский цех» — составляли 8—10 человек, носивших конспиративные клички. Связанных же с кружком лиц насчитывалось около трех десятков. Главными действующими лицами здесь были Каховский и исключенный из службы бывший командир Петербургского полка полковник П. С. Дехтерев. В кружок входили сменивший его на этом посту полковник Киндяков, офицер того же полка полковник И. Бухаров, подполковник А. П. Ермолов, командовавший ротой 2-го артиллерийского батальона, капитан В. С. Кряжев, адъютант и управляющий канцелярией смоленского военного губернатора. Им покровительствовали шефы Петербургского полка генерал-лейтенант П. И. Боборыкин и генерал-майор Д. Тараканов.

С кружком были связаны чины губернской администрации: предводители дворянства (губернский Н. Б. Потемкин и уездный М. О. Сомов), чиновники канцелярии военного и гражданского губернатора С. Тучков, А. Потапов, Т. Тутолмин. Возможно, знал о существовании кружка и сам губернатор М. М. Философов, в прошлом участник оппозиционного кружка братьев Паниных; он оказывал покровительство Дехтереву и Каховскому, а также опальному генералу П. Б. Пассеку и сыну его, будущему декабристу П. П. Пассеку¹¹.

Заговорщики имели связи в Москве, Петербурге, Орле, Дорогобуже, Несвиже, Калуге, Киеве. Они стремились установить тесные контакты с лицами, замешанными в каких-либо антиправительственных поступках, старались поддерживать таких лиц. Члены «канальского цеха» стремились всеми доступными средствами усилить недовольство режимом среди населения, содействовали распространению сведений и слухов, дискредитирующих правительство, вели пропаганду. Собрания кружка происходили в имении Каховского Смолянички, в с. Котлин, принадлежавшем полковничьей вдове М. И. Розенберг (видимо, родственница шефа Московского гренадерского полка А. Г. Розенберга), в доме Петра Киндякова. Здесь читались произведения энциклопедистов, а также книги, в которых восхвалялись Французская республика, «ее правление и вольности», произносились «вольные и дерзкие рассуждения... о военной строгости и об образе правления». Обсуждался вопрос об убийстве Павла I¹².

В ходе расследования выяснилось, что руководители кружка дружественными и служебными узами тесно связаны с зубовским семейством. Согласно показаниям Кряжева, «Каховский и Дехтерев, будучи подкрепляемы, почитали себе протекторами кн. Платона и Валериана Зубовых». По заключению Линденера, Зубовых Дехтерев «почитал более всего и, конечно, во всем ими подкрепляем был». По словам Мещерского, Дехтерев был «любимцем» и «протезе» В. А. Зубова, его «творением» и «по нем вышел из ничего в полковники». Павел Киндяков также был «привязан» к брату фаворита и считался у него «приближенным»¹³. Среди членов кружка были офицеры, участвовавшие в персидском походе Зубова. Ермолов, брат Каховского по матери, в 1794 г. находился в Польше, а в 1796 г. — в Закавказье под командованием Зубова. Отец Ермолова служил под начальством генерал-фельдцейхмейстера П. А. Зубова и был «правой рукой» екатерининского фаворита. В молодости Ермолов был близок к П. А. Зубову и очень высоко ценил его. Жена командира Московского драгунского полка М. И. Зыбина приходилась Ермолову родной теткой.

В имении Каховского жил, согласно доносу, «неординарного ума капитан», находившийся ранее при Платове, уже доказавшем свою преданность зубовскому семейству. При обыске в платье Дехтерева были найдены две золотые табакерки с портретами П. и В. Зубовых, а также и Каховского. Наконец, когда следствие уже было завершено, Петр Дехтерев из места своей ссылки (Томск) прислал брату Владимиру письмо с просьбой получить у В. А. Зубова 10 тыс. руб., которые тот ему был должен. В. С. Дехтерев переслал это письмо по почте В. А.

Зубову. Оно попало в руки правительства, и брат екатерининского фаворита был окончательно скомпрометирован¹⁴.

Следователи не без основания, хотя и односторонне считали «смоленский заговор» делом рук братьев Зубовых. Ясно, что Зубовы оказывали кружку поддержку, возможно, даже и материальную, и стремились использовать его в своих целях. Но, конечно, деятельность кружка выходила за рамки тех целей, которые ставил перед собой клан екатерининского фаворита, потерявший со смертью императрицы силу и власть.

Следствие в Смоленской губернии проходило в два этапа. Первый протекал в Дорогобуже, второй — в Смоленске. На первом этапе в июле — августе были арестованы офицеры Петербургского драгунского полка и ряд отставных. Их обвинили в царевубийственных замыслах, лишили чинов и дворянства; троих заточили в крепость, прочих отправили в ссылку, причем пятерых — в Сибирь. На этом дело было прекращено. Однако в ноябре Линденер затеял по этому же делу новое следствие, произвел новые аресты. Он привлек к расследованию офицеров других частей, чиновников местной гражданской и военной администрации. Кроме того, его стараниями выяснилось, что к смоленскому делу в той или иной степени причастны генерал-прокурор А. Б. Куракин, чиновники его канцелярии М. М. Сперанский и Пшеничный, канцлер А. А. Безбородко, его ближайший помощник Д. П. Трошинский, племянник канцлера В. П. Кочубей, генерал-адъютант А. И. Нелидов, двоюродный брат фаворитки царя, жена киевского военного губернатора А. Дашкова, смоленский военный и гражданский губернатор Философов, генерал-лейтенант Боборыкин, генерал-майоры Тараканов, Белуха, шефы Петербургского драгунского полка братья П. А. и В. А. Зубовы.

Это свидетельствовало о том, что речь шла не о группе провинциальных офицеров, а об оппозиции Павлу I в столице. Среди вновь арестованных оказался Кряжев, согласно показаниям которого руководители кружка противопоставляли правления Павла I и Екатерины II, проявляли симпатии к «женскому правлению» и намеревались совершить покушение на жизнь императора, предварительно заручившись поддержкой наследника престола¹⁵. Таким образом, в конце 1798 г. в руках Линденера оказались новые нити, которые вели в Петербург. Однако как ни старался следователь «распутать» все дело, он постоянно встречал противодействие из столицы.

Линденер открыто обвинял чиновника Тайной экспедиции Е. Б. Фукса в пособничестве заговорщикам, намекнул, что следствию препятствует генерал-прокурор П. В. Лопухин и, кажется, не решался назвать великого князя Александра. Лопухин, отец фаворитки царя, влиятельнейший сановник, докладывавший Павлу по смоленскому делу, отменил все обвинения Линденера и передал следователю высочайшее повеление прекратить дальнейшее расследование и уничтожить следственные материалы. Линденер, скрепя сердце, был вынужден подчиниться. Но 9 января 1799 г. он донес в Петербург, что располагает особо важными сведениями, и просил указания, следует ли их уничтожить либо же переслать в Петербург с нарочным — Линденер имел в виду показания Кряжева. Разумеется, эти сведения были немедленно затребованы Павлом I и 4 февраля легли на стол императора.

«Раскрытия» Линденера происходили в такой момент, когда отношения в императорской семье обострились до предела. Павел I узнал о царевубийственных поползновениях смоленских заговорщиков и их симпатиях к «женскому правлению» как раз тогда, когда был крайне раздражен стремлением императрицы Марии Федоровны вмешиваться в дела и подозревал ее в желании повторить роль Екатерины II. Крайне натянутыми были и отношения Павла I с сыном, великим князем Александром, в котором он видел потенциальную угрозу своей власти. Смоленское следствие представило Павлу новые доказательства того, что наследник престола сознательно или невольно становится центром притяжения оппозиционных сил. В этом же контексте воспринималось поведение Суворова, открыто выразившего ранее Павлу I свою оппозиционность. Неудивительно, что в воображении царя все эти разнородные течения сливались в один заговор.

То ли петербургские «протекторы» одолели Линденера, то ли сам Павел I не пожелал продолжать расследование, грозившее вылиться в громкий скандал, но дальнейшего хода дело не получило и публичных разоблачений не последовало. Тем не менее смоленское следствие сильно повлияло на петербургские верхи, повлекло за собой многочисленные перестановки и в конечном счете отразилось на судьбе всех причастных к делу. Поскольку протекцию заговорщикам оказывал Куракин, связанный с императрицей, последовало удаление с политической сцены всех лиц, преданных Марии Федоровне. Пресеклась карьера сына Е. Р. Дашковой Павла (были обнаружены письма его жены Кряжеву). П. М. Дашков впал в немилость как клевет Зубовых и был смещен с должности киевского военного губернатора. Именно в это

время, осенью 1798 г., утратил доверие Павла I Безбородко и его положение при дворе пошатнулось, так что, когда 6 апреля 1799 г. канцлер скончался и Павлу I доложили об этом, царь с подчеркнутым равнодушием бросил ставшую знаменитой фразу: «У меня все безбородки». Потеря кредита канцлером отразилась и на его племяннике Кочубее. Павел I стал обращаться с ним с подчеркнутой холодностью. Наконец, более чем натянутыми стали отношения царя и наследника престола. «Великий князь очень виноват перед своим отцом»¹⁶, — констатировал Ф. В. Ростопчин.

Смоленское следствие не могло не отразиться на положении братьев Зубовых. Летом 1798 г. из подмосковного имения Хорошево В. А. Зубов собирался заехать в Петербург, а потом отправиться в курляндские имения своего брата Платона. Павел I приказал наблюдать за ним, и когда В. А. Зубов заехал в Москву, то император запросил о причинах его приезда. 14 августа 1798 г., когда были уже произведены аресты руководителей кружка, царь приказал Зубову не выезжать из Москвы. Связь зубовского клана со смоленской конспирацией для царя становилась все очевиднее. 16 сентября московский военный губернатор И. П. Салтыков получил приказ «поближе примечать за поведением и связями» В. А. Зубова, «ибо дело Дехтерева подает мне сомнение, — писал Павел, — не было его наущения в оном».

В это же время под подозрение попал шеф Ростовского драгунского полка Л. Л. Беннигсен, ближайший сподвижник Зубовых. Беннигсен служил под начальством В. А. Зубова во время польской кампании, был с ним и в Персии. По возвращении из похода Беннигсен в феврале 1798 г. был произведен в генерал-лейтенанты, а в мае удостоился благоволения Павла I. Но его карьера внезапно оборвалась. 23 сентября Павел I писал Салтыкову, что имеет повод подозревать Беннигсена. Он был, по словам царя, «у нас не весьма усерден и особенно лично ко мне». Павел I приказал военному губернатору собрать об этом необходимые сведения¹⁷. Не прошло и недели, как Беннигсен был уволен со службы по прошению и поселился в Минской губернии, причем губернатору было известно об опале¹⁸. 13 декабря Павел I повелел ни в коем случае не выдавать Беннигсену заграничного паспорта, если он станет его просить¹⁹.

Осенью 1798 г. П. А. Зубову было велено вернуться из-за границы в Россию. Бывший фаворит поселился во владимирском имении. Опасаясь соединения братьев, Павел приказал Валериану в апреле 1799 г. выехать в свои шуйские деревни, не разрешив встретиться с Платоном. Осенью 1798 г. был отставлен и Н. А. Зубов. За братьями был установлен строгий надзор²⁰.

Суворов пристально следил за развитием событий²¹ (осенью 1798 г. он переехал из Кончанского в с. Ровное, в дом О. А. Жеребцовой, сестры Зубовых). Пожалуй, он оставался единственным, кто пока не пострадал, будучи замешанным в смоленском деле²². Именно в момент, когда тучи сгустились над головой Суворова, в Европе складывалась новая антифранцузская коалиция, в которую вошла и Россия. Австрия и Англия потребовали, чтобы во главе союзных войск, предназначенных для действий против Франции, был поставлен знаменитый полководец, так что затевать «дело» против него было невозможно. Поэтому 4 февраля 1799 г., в тот день, когда в Петербурге были получены показания Кряжева, Павел подписал раскрипт о назначении фельдмаршала главнокомандующим армией, действующей в Италии²³.

Это вовсе не означало, что Суворов был полностью «прощен». Отнюдь не случайно, поставив его во главе войск, император не издал указа о зачислении фельдмаршала на действительную службу. Неудачи его на театре военных действий, конечно, усугубили бы его положение, но никакие победы не могли заставить Павла I забыть о том, что Суворов в свое время не донес на Каховского и что боготворимый войсками полководец может стать знаменем оппозиции. Поэтому даже в Итальянском походе Суворов был под постоянным надзором.

В составе корпуса А. Г. Розенберга, уже осенью 1798 г. отправленного в Австрию, находились два участника кружка — Буланин и Ломоносов. 5 января 1799 г. для наблюдения за ними Лопухин отправил в Австрию Фукса. Вскоре он стал управляющим походной канцелярией Суворова и регулярно доносил генерал-прокурору о настроениях в войсках. У Суворова установились хорошие отношения с Фуксом, который впоследствии стал биографом полководца. Донесения Фукса в Петербург были вполне благоприятны для Суворова. Однако сам фельдмаршал вскоре представил в столицу новые доказательства своей политической неблагонадежности.

Хотя Суворову, конечно, была известна судьба Каховского (бывший адъютант Линденера А. Н. Кононов, утративший доверие своего прежнего начальника, стал ординарцем фельдмаршала²⁴), едва ли полководец знал в точности о том, какими сведениями располагал о нем

самом царь. Ведь показания Кряжева были получены в Петербурге уже после отъезда оттуда Фукса. Находясь за границей, Суворов осмелился просить Ростопчина, любимца императора, исходатайствовать прощение Каховскому и прислать его в Италию²⁵. Разумеется, просьба не была удовлетворена. А в разгар Итальянской кампании разыгралось батуриное дело, которое лишний раз убедило царя в том, что Суворов — политически опасная фигура.

Опала Суворова в 1797 г., а затем раскрытие смоленской конспирации поначалу никак не отразились на служебном положении Батурина. 3 февраля 1798 г. он был произведен в полковники, но уже 26 апреля отставлен от службы «за болезнями»²⁶ и поселился в Москве, где чуть ли не ежедневно посещал дом В. А. Зубова. Когда брата фаворита в апреле 1799 г. выслали из Москвы, то вместе с ним Батурина, равно как и Щербачеву с И. А. Митрофановым, «кои были ежедневно в доме» Зубова, приказали «ехать жить по деревням»²⁷. Им было поставлено в вину, что они жили в Москве «праздно». Высланный в деревню, Батурин увозил с собой массу сведений об оппозиционных настроениях в окружении Суворова, а также о закулисных маневрах братьев Зубовых, их связях со смоленской конспирацией. Знал Батурин и о деятельности кружка «молодых друзей», сгруппировавшихся вокруг наследника престола.

Вскоре Батурин решился на шаг, который повлек за собой немаловажные последствия. «Полковник Батурин, — сообщил Кочубей русскому послу в Лондоне С. Р. Воронцову, где находился один из участников кружка «молодых друзей» Н. Н. Новосильцев, — вот уже три месяца как повредился в уме. Его безумие дошло до такой степени, что пришлось уволить его в отставку и отдать на попечение родителям. Он прибыл в их имения и спустя некоторое время отправил губернатору той губернии письмо, в котором сообщил, что такие-то и такие-то лица, коих он наименовал, вынашивают революционные идеи, что эти люди помышляют превратить Сибирь в Вандею и что центр заговора находится в Тобольске²⁸. Среди прочих Батурин назвал Новосильцева. Он замешал его в этот абсурдный заговор, видимо, потому, что ему были известны некоторые знакомства Новосильцева. Как и следовало ожидать, нашли, что это был донос умалишенного, и дело прекращено... Мне было бы крайне прискорбно, если бы из-за этого у Новосильцева произошли бы неприятности по возвращении в Россию... Предупредите его обо всех этих обстоятельствах и посоветуйте ему быть осторожным, когда он вернется»²⁹.

Так Кочубей сумел предупредить Новосильцева о грозящей ему опасности, и тот счел более благоразумным вообще не возвращаться. Конечно, реальное положение дел в письме Кочубея Воронцову несколько искажено: донос выглядел как поступок сумасшедшего. В действительности же Батурин был выслан из Москвы только через год после того, как он вышел в отставку, в апреле 1799 г., и вовсе не потому, что страдал расстройством рассудка, а как клевет Зубовых, за которыми после раскрытия кружка велось неусыпное наблюдение.

Текст батуриного письма губернатору пока не обнаружен. Из слов Кочубея не ясно, упоминался ли в доносе Суворов, но если даже имя его не было упомянуто, то всякие новые сведения о конспиративной деятельности и Зубовых, и «молодых друзей» наследника престола являлись одновременно ударом и по Суворову, так как после признаний Кряжева в конце 1798 г. все эти имена были связаны в один узел. Реакция Павла последовала незамедлительно. Поспешно был расформирован кружок великого князя. 12 августа 1799 г. Чарторыйский назначается посланником при сардинском короле и отправляется в Италию, что, по его словам, было опалой, имевшей вид милости. «Послать как можно быстрее», — повелел император. «Отправить немедленно», — повторил он пять дней спустя. 8 августа Кочубей получил отставку с поста вице-канцлера. В конце 1799 г. Кочубей уехал в свое поместье Диканьку, а в мае следующего года — за границу. 22 августа были конфискованы имения В. А. Зубова.

Пока Суворов командовал за границей союзными войсками, ему Павел оказывал благоволение: 8 августа возвел его в княжеское достоинство, 24 августа приказал отдавать ему военные почести, подобные отдаваемым особе государя, 28 октября присвоил ему звание генералиссимуса, повелел подготовить проект статуи, прославляющей суворовские победы³⁰. Но при этом ни на минуту не забывал о «конспирациях» полководца. Поэтому по возвращении вместо триумфа его ждала опала.

Примечания

1. Подробный разбор высказанных мнений см.: ПЕТРУШЕВСКИЙ А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 3. СПб. 1884, с. 352—363, 365.
2. МАСЛОВСКИЙ С. Суворов А. В. В кн.: Русский биографический словарь. Суворов — Ткачев. СПб. 1912.

3. ОСИПОВ К. Александр Васильевич Суворов. М. 1955, с. 276; РАКОВСКИЙ Л. Генералиссимус Суворов. Л. 1975, с. 516; МЕЕРОВИЧ Г. И., БУДАНОВ Ф. В. Суворов в Петербурге. Л. 1978, с. 273; МИХАЙЛОВ О. Суворов. М. 1980, с. 488; БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. А. В. Суворов. Этапы жизни и деятельности. В кн.: Александр Васильевич Суворов. К 250-летию со дня рождения. М. 1980, с. 132.
4. Невыясненность этого вопроса дала простор для фантазии беллетристов. О. Михайлов, автор книги о Суворове в серии «Жизнь замечательных людей», выпустил в свет еще и исторический роман. В нем полководец представлен жертвой интриг немцев и полунемцев из придворного окружения (Ливена, Палена, Штейнвера, Каннабиха, Линденера), якобы участников заговора против Павла I. По словам Михайлова, Суворов был страшен заговорщикам — один его авторитет, одно присутствие делали невозможным государственный переворот. Поэтому они хитроумно вызвали немилость императора к Суворову и тем самым «сократили дни» полководца. Эта интрига явилась «лишь одним из звеньев в цепи заговора, окончившегося убийством Павла» (МИХАЙЛОВ О. Суворов М. 1984, с. 489—492).
5. STROGANOV P. A. Histoire de mon temps. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1278, оп. 1, № 17, л. 86.
6. А. В. Суворов. Документы. Т. 3. М. 1952, с. 577. Составители неверно полагали, что речь шла о Е. П. Батурине, подполковнике Переяславского конно-егерского полка.
7. «Из дальнейшего будет видно к чему это привело», — многозначительно заметил Строганов, заканчивая рассказ о встрече с Батуриным (РГАДА, ф. 1278, оп. 1, № 17, лл. 85—88). Однако в сохранившейся части строгановских мемуаров этот эпизод, оказавший существенное влияние на дальнейшую судьбу «молодых друзей», к сожалению, не освещен.
8. Цит. по: СНЫТКО Т. Г. Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII в. — Вопросы истории, 1952, № 9, с. 110—112; Российская Государственная библиотека, Отдел рукописей (ОР РГБ), ф. 231/1, к. 15, № 2, л. 420. Д. И. Хвостову Суворов 6 января 1797 г. писал: «Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил» (А. В. Суворов. Письма. М. 1986, с. 318).
9. Souvenir de la comtesse Golovine. P. 1910, pp. 171—172.
10. Об отношениях Суворова с Зубовыми см.: А. В. Суворов. Письма, с. 314. Первоначально Суворов одобрил низвержение зубовского клана, но когда узнал, какой оборот приняло дело, написал в сентябре 1797 г. В. А. Зубову: «Я о тебе, мой друг, двойные слезы лил... Всемогущий бог всем вам да заплатит» (там же, с. 322—323).
11. Среди членов кружка было несколько человек, лично связанных с Суворовым. Кроме руководителя конспирации Каховского в кружок входил отставной майор М. Д. Балк, близкий Суворову человек, по аттестации Линденера, «вольнодумец во всем пространстве», очевидно, родственник А. М. Балка, управляющего новгородскими деревнями Суворова (там же, с. 680). Полковник М. И. Зыбин, командир Московского гренадерского полка, был в числе офицеров, пользовавшихся покровительством Суворова (там же, с. 124, 244). Сын одного из участников панинского кружка, П. Г. Гагарин, секунд-майор Московского гренадерского полка (сочинитель антиправительственных песен и стихов), видимо, тоже был близок Суворову (Русский биографический словарь. Гааг — Гербель. М. 1914, с. 84—85).
12. СНЫТКО Т. Г. Ук. соч., с. 111—112. С легкой руки Снытко, введшего в оборот материалы смоленского следствия, в литературе установился взгляд на кружок Дехтерева — Каховского как на преддекабристскую организацию (РЯБКОВ Г. Т. Ранняя преддекабристская организация (К истории кружка А. М. Каховского). В кн.: Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 5. Смоленск. 1963, с. 146—164; СВЕТЛОВ Л. Б. Ранние предшественники декабристов. — Вопросы истории, 1961, № 1, с. 212—213). Однако оценка идеологии кружка как преддекабристской не представляется убедительной потому, что несмотря на оппозиционность его участников режиму Павла I, их отношение к самодержавию и крепостничеству остается не вполне выясненным. Несмотря на интерес к Французской революции, едва ли члены кружка разделяли ее радикальные идеи. Нет оснований думать, что политические устремления участников конспирации шли дальше возвращения к екатерининскому режиму при известной его либерализации в духе просветительских идей.
13. РГАДА, ф. 7, № 3251, лл. 198, 120, 295.
14. Там же, л. 117 об.; № 3252, лл. 244—267.
15. Там же, ф. 7, № 3251, лл. 198 об., 202. Эти показания не использованы Снытко; они противоречат трактовке заговорщиков как предшественников декабристов; в них же говорится о прежних замыслах руководителя кружка Каховского склонить Суворова к открытому выступлению против Павла I (там же, лл. 199, 173—174).

16. Архив князя Воронцова. Т. 24. М. 1880, с. 277.
17. ШИЛЬДЕР Н. К. Император Александр I. Т. 1. СПб. 1897, с. 304.
18. Русский биографический словарь. Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб. 1910, с. 701—702.
19. Российский государственный исторический архив, ф. 1374, оп. 2, № 1356, лл. 1—7.
20. ЦГАДА, ф. 7, № 3252.
21. А. В. Суворов. Письма, с. 327.
22. После статьи Снытко определенная связь между делом Дехтерева — Каховского и судьбой Суворова была осознана его биографами. Но поскольку там не было точно указано, когда Кряжев дал свои показания (автор ошибочно поставил 1789 г.), то дело представлялось так, что «раскрытия» Линденера повлекли за собой или усугубили первую опалу Суворова (МЕЕРОВИЧ Г. И., БУДАНОВ Ф. В. Ук. соч., с. 241—242; БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Ук. соч., с. 116 - 117; ЛОПАТИН В. С. Суворов в своих письмах. В кн.: А. В. Суворов. Письма, с. 421, 690 - 691, 696).
23. А. В. Суворов. Документы. Т. 3, с. 3.
24. КОНОНОВ А. А. Отрывки из записок.— Русская беседа, 1860, № 1, с. 77.
25. Снытко Т. Г. Ук. соч., с. 111; ОР РГБ, ф. 231/1, к. 15, № 2, л. 420.
26. Копии с высочайших Е. И. В. приказов, отданных в С.-Петербурге 1798 года. СПб. 1798, с. 42, 125.
27. РГАДА, ф. 7, № 3252, лл. 59, 98; № 3382, лл. 1—4.
28. Сюда первоначально были доставлены сосланные в Сибирь члены кружка Дехтерева — Каховского, для Павла Киндякова же Тобольск стал постоянным местом пребывания (РГАДА, ф. 7, № 3251, л. 190).
29. Архив князя Воронцова. Т. 18. М. 1880, с. 161.
30. А. В. Суворов. Документы. Т. 3, с. 21, 26, 27.

Об источниках социалистической мысли в Сербии

Л. Перович

Во второй половине XIX в. социалистические идеи в Сербии не только появляются, но и развиваются, превращаясь в особую концепцию. Это позволяет говорить о том времени как определенном этапе в истории сербской социалистической мысли. В то время Сербия — небольшая (до 1878 г. еще зависимая от турецкого султана) страна, жители которой — крестьяне, ведущие натуральное хозяйство. Основная масса ее населения неграмотна. Поэтому логичным казалось мнение, что в Сербии не было социальной базы для развития социалистической мысли¹. Между тем в стране выходят журналы и газеты, переводные и оригинальные работы, пропагандирующие эти идеи; сербские социалисты поддерживают связи с западноевропейским социалистическим и русским революционным движением. Существующий в Сербии режим видит в этом социальную опасность и преследует сторонников социалистических идей.

Объяснение такого парадокса искали чаще всего в иностранном влиянии. Но это было бы логично, если бы социалистическая мысль была уделом лишь редакций журналов и газет да ученических и студенческих кружков, а не достигла размеров целого движения. Возникает вопрос, как могло чуждое семя прорасти на неподготовленной почве.

Споры о роли иностранного влияния в формировании социалистической мысли в Сербии начались с начала изучения этой темы. Идеи родоначальника этой мысли С. Марковича толковались как результат влияния русского революционного движения 60-х годов XIX в.², пока постепенно не пришли к заключению о марксизме как их главном источнике³. В зависимости от того, какое из иностранных влияний считается доминирующим, идеи первых сербских социалистов оцениваются как утопические, аграрные, народнические, предмарксистские или даже марксистские. В то же время почти общим является мнение, что со смертью Марковича завершается определенный этап истории социалистической мысли в Сербии и что следующий начинается только с появлением социал-демократии.

Чем же объяснить столь резкий и почти 30-летний перерыв? Имеющаяся литература предлагает в основном один ответ на этот вопрос: с созданием радикальной партии (1881 г.) большинство сторонников Марковича эволюционировало в сторону буржуазного радикализма, исключая лишь Д. Ценича. Но при этом не учитываются два факта: Радикальная партия на начальном этапе своей деятельности являлась не буржуазной, а крестьянской; Ценич расходился во взглядах с Марковичем еще при его жизни (в 1872—1873 гг.).

Путь к объяснению появления и развития социалистической мысли в небольшой отсталой крестьянской стране, к выяснению ее характера и истинного влияния в Сербии второй половины XIX в. лежит через сравнительное изучение развития идей социализма во второй половине XIX в. в целом и сопоставление взглядов первых сербских социалистов

Перович Латинка — доктор наук, профессор, сотрудник Института современной истории в Белграде (Югославия), автор книг «Сербские социалисты в XIX веке», «Запланированная революция», и др.

с существовавшими в то время в Сербии общественными реалиями. При знакомстве с литературой об иностранном влиянии на социалистическую мысль Сербии обнаруживаются следующие существенные упущения:

Во-первых, в ней не учитывается влияние французского социализма на первых сербских социалистов, хотя оно имеет приоритетный характер. То же можно сказать и о немецком домарксистском социализме. Работы Луи Блана и Ф. Лассалья входят в число наиболее переводимых сочинений зарубежных авторов, печатавшихся в сербских социалистических газетах и журналах, а их ключевые идеи — об организации труда и народном государстве — оставили глубокий отпечаток в мировоззрении первых сербских социалистов.

Во-вторых, то, что о К. Марксе знали все сербские социалисты и что его труды были переведены уже при появлении социалистической мысли в Сербии, еще не объясняет вклада марксизма в ее развитие. Между тем для одних историков упоминания Маркса в трудах сербских социалистов было уже достаточно, чтобы считать их марксистами⁴, другие полагают, что марксизм в первой фазе развития социалистической мысли в Сербии имел лишь информативное значение⁵. Анализ идей первых сербских социалистов подтверждает специфичность влияния на них Маркса: они приняли его видение западноевропейского общества, а не материалистическую философию истории.

Маркс укрепил их негативное отношение к капитализму и надежду на его неизбежную гибель в наиболее развитых странах. В критике Марксом капитализма первые сербские социалисты находили прежде всего подтверждение центральной идеи своей, по сути глубоко патриархальной, философии — идеи о возможности миновать «чистилище капиталистического производства». Тем самым они отрицали универсальность теории Маркса, а это означает, что для них она имела прежде всего инструментальный характер. «Развитие капиталистического производства,— писал Маркович,— есть действительно фактическая история западного общества, и законы, которые там установлены как законы экономического развития этого общества, действительно точны. Но это не законы человеческого общества вообще. Не обязано всякое общество пройти через все те ступени экономического развития, которыми прошло индустриальное общество, например, в Англии, и которое в основном имел в виду Маркс»⁶.

Непризнание закона исторической как и естественной необходимости, то есть вера в историческое своеобразие,— лежит вне «марксистской философии истории с ее закономерной сменой общественно-экономических формаций»⁷. Это и не позволяет считать марксистами первых сербских социалистов, хотя они были знакомы с элементами учения Маркса. Для них не существует общественных законов, которые бы делали капитализм неизбежной общественно-экономической системой.

Этой позиции придерживаются представители обеих тенденций, выросших из движения Марковича после его смерти — и радикалы и социалисты. Их разделяет не отношение к капитализму, а поиски путей, которыми его можно избежать. Между ними нет разногласий во взглядах на народное государство как основное средство организации производства, свободного от деления на классы и от эксплуатации. Они расходятся по вопросу о том, как прийти к такому государству: путем реформ или революции. Обращение в Сербии в начале 80-х годов XIX в. к Марксу тоже имеет в сущности инструментальный характер. Радикалами оспаривается «богословский», «монашеский» социализм Ценича, где основа — мораль, а не экономика, и который осуществим лишь при одном условии: решимости революционного меньшинства разрушить старые и создать новые отношения.

Конечно, радикалы — не марксисты, но истинными знатоками Маркса в Сербии после смерти Марковича были именно некоторые из них (Л. Пачу⁸, С. Протич). В отличие от социалистов, они отождествляли социализм с марксизмом. В представлениях о национальном социализме и разных путях к социализму они видели выражение внетеоретического мышления и путь к революционному волюнтаризму. По поводу книги В. Пелагича «Социализм или коренное преобразование общества» идеолог радикальной партии Протич писал: «Итак, для Васы Пелагича существует и хорватский, и сербский, и венгерский и румынский и т. д. социализм. Он не знает и не может понять, что социализм есть продукт определенного общества, основанного на частной собственности, и только на известной ступени развития, когда наряду с крупной промышленностью появляется так называемый свободный работник, пролетарий. Не знает он также и не может понять, что современные социалисты именно в дальнейшем развитии этой промышленности видят возможность осуществления своих идеалов»⁹.

Социалистам, прежде всего Ценичу, из всех социалистических учений марксизм, из-за своего экономического детерминизма был наиболее чужд. Как раз потому, что он условием для смены общественных формаций считает уровень развития производительных сил, а это

бесконечно далеко отодвигает возможность социализма в такой стране, как Сербия. Поэтому они за его основу берут мораль, а не экономику.

В-третьих, в оценке роли русского компонента в развитии социалистической мысли в Сербии второй половины XIX в. есть просчеты, которые существенно повлияли на толкование ее содержания и на определение рамок периода, который она охватывает. Наша историография остановилась на влиянии русских революционных мыслителей 60-х годов XIX в. (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев). Вне ее внимания осталась русская революционная мысль пореформенного периода, то есть те тенденции, которые появились в ней в 70—80-е годы XIX в. и охватываются понятием «народничество».

Этот этап развития русской революционной мысли оставался до конца 50-х годов вне поля зрения и советской историографии¹⁰. Однако сейчас уже имеется немало работ советских авторов о воздействии народничества на сербскую социалистическую мысль второй половины XIX века¹¹. Правда, мнения их по этому вопросу различны.

Авторы, которые, изучая данную проблему, останавливаются на 60-х годах XIX в., считают, что народничество не имело в Сербии той судьбы, что в России, из-за «специфичности буржуазного развития» Сербии, а также из-за эволюции большинства сторонников Марковича «в мелкобуржуазный радикализм». Народничество в Сербии, по мнению этих авторов, не получило сколько-нибудь значительного развития¹². Прямо противоположную мысль, что нигде кроме России «влияние народнического социализма не было таким сильным как на Балканах», проводят советские исследователи русской революционной мысли 70—80-х годов XIX века. По их мнению, Балканы в это время стали «одним из самых крупных центров русской революционной эмиграции», и русские народники приняли непосредственное участие «в социалистическом движении Румынии, Болгарии и Сербии, оказывая заметное влияние»¹³. Они внесли в это движение, наряду с идеями родоначальников русского народничества А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, идеи творцов всех трех, его направлений, которые развились в 70-е годы XIX в. — М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова и П. Н. Ткачева. Подтверждением этой точки зрения являются связи сербских социалистов с представителями этих направлений. Их влияние на развитие социалистической мысли в Сербии оказывается и в различиях между сербскими социалистами 1872—1873 и 1881 годов.

В оформлении социалистической мысли в Сербии роль ядра играла идея Чернышевского о возможности миновать целый этап в общественном развитии, опираясь на принцип коллективной собственности, которой сохранился в патриархальном экономическом объединении — общине. Но в литературе обоснованно обращается внимание на влияние, которое оказал на Марковича при выведении им из этой идеи целой системы лидер прогрессистского направления в народничестве Лавров¹⁴. Его ключевая мысль, что изменение порядка в России, которое необходимо для перехода к социализму, «должно быть осуществлено не только в целях народного благосостояния, не только для народа, но и посредством народа»¹⁵, — узнаваема в сочинениях Марковича, как и в основополагающих принципах радикальной партии, в появлении которой один из исследователей видел воплощение народничества¹⁶.

О вкладе русского народничества в развитие социалистической мысли в Сербии свидетельствуют как связи, так и близость идей сербских социалистов круга Ценича и русских яacobинцев и бланкистов, особенно революционной террористической организации «Народная Воля»¹⁷.

Рассматриваемые в совокупности связи сербских социалистов с разными социалистическими учениями показывают, что они брали из них те элементы, которые укладывались в формулу — социализм без предшествующего развитого капитализма и разделения общества на классы. Все они, несмотря на различия в средствах ее достижения, имели общую цель: народное государство, являющееся собственником средств производства, организатором производства и регулятором справедливого распределения, одним словом, государство, которое и есть то же самое, что и общество. Все они имели твердый критерий, определенный тем моментом развития Сербии, когда они поставили социальный вопрос и дали на него свой ответ. Это был период перехода от натуральных к товарно-денежным отношениям, что сопровождалось модернизацией, проникновением иностранного капитала и гибелью старых институтов экономической и политической жизни народа.

Сталкиваясь с этими явлениями, сербский народ должен опереться на те экономические и политические формы, в которых он «собрал свою разрушенную народную жизнь» и благодаря которым «дал отпор туркам»¹⁸. Община и задруга, в которых сохранился принцип коллективной собственности, занимают центральное место в ответе, который сербские социалисты дали на социальный запрос своего народа. На них, писал Маркович, должно основываться «естественное развитие сербской цивилизации», а не идти «в том направлении,

которое называется сегодня буржуазной (чифтинской) цивилизацией»¹⁹. Давлению Запада сербский народ может противостоять, потому что эти институты не только являются остовом, но и «душой славянского мира». В сочинении «Единение сербов и хорватов», которое появилось непосредственно перед созданием радикальной партии, Н. Пашич писал: общественная наука доказала, что община, которая стоит у истоков славянского мира, представляет «последнюю ступень развития европейского общества». «Но,— заключает он,— славянская община, как отправная единица, способна развиваться и дальше, к новым общественным и государственным формам, тогда, как, напротив, община западноевропейского мира означает конец, а по сути будет означать завершение его культуры, явится неизбежно, концом современного западного порядка вещей»²⁰.

К задруге и общине существует почти мистическое отношение. На пороге XX в., в 1894 г., В. Пелагич писал, что их создал «патриархальный гений народа» и что они «соответствуют духу славянства»²¹. Но существует и рациональная причина, по которой первые сербские социалисты судорожно держатся за задругу и общину. Это страх, что небольшой, экономически отсталый и политически разобщенный народ потеряет и экономическую и политическую самостоятельность. В упомянутом сочинении Пашич писал, что «капиталистическое общество не слишком-то человечно по отношению к своим собственным гражданам, а еще реже по отношению к народам других стран»²². А Ценич, которого наша историография считала воплощенной противоположностью радикалам, полагал, что иностранное влияние «экономически и политически» уничтожит сербский народ и на его место «придет другой экономически более развитый». «Экономическая борьба Сербии против иностранного нашествия,— писал он,— должна быть борьбой против буржуазного (чифтинского) порядка, против капитализма (чифтинства), а поскольку этот капитализм (чифтинство) привносится к нам чужим влиянием, то национальная борьба сербского народа против иностранщины соответствует основным требованиям социализма»²³.

Эту же точку зрения выразил в формуле «сербизм — социализме» и западноевропейский выученик Д. Станоевич. Он считал, что сербский народ в 80-е годы XIX в., то есть после Берлинского конгресса и попыток экономической и общественной модернизации, оказался лишь на драматичном перекрестке: «или станет пролетарием, или решится пойти по стопам западных народов или путем, на который его направляет его народный институт — задруга»²⁴. За этот другой путь, что означает поднять принцип задруги на государственный уровень, должны быть, по Станоевичу, не только социалисты, но и патриоты.

Первые сербские социалисты были детьми и своей эпохи и своего народа. Они были откликом на современное им явление — идею социализма; но и порождением своего патриархального общества. В этом смысле нет парадокса в появлении социалистической мысли в Сербии во второй половине XIX века. Ее содержание определила общественная основа, на которой она выросла. В этом тайна ее широкого влияния и на современников, и на последующее развитие общественной мысли в Сербии.

В одном из самых новых больших трудов о Марковиче, автор признает, что анализ оставил его в недоумении, «социалистические ли идеи повлияли на него (Марковича.— Л. П.), когда он в общине и задруге видел остов сербского народа, или же эти мысли только следствие его непреодолимой эмоциональной привязанности к этим институтам»²⁵. Речь не идет ни о восприятии иностранного влияния, ни об эмоциональной привязанности первых сербских социалистов к патриархальным институтам, но о разных моделях всегда болезненного движения к современному обществу, когда то, что хотелось миновать, часто приходится с опозданием дополнительно проходить.

Примечания

1. См. LUKIĆ R. Društvena osnova razvoja socijalističke misli u Srbiji XIX veka. Glas SANU. 1973; kn. 16.
2. О преимущественно русском влиянии идет речь почти во всех работах о Марковиче, вышедших до второй мировой войны; об исключительно русском влиянии писали все авторы, выступавшие после празднования столетия со дня его рождения (1946 г.) и до столетней годовщины его смерти (1975 г.); затем в литературе начинается подчеркивание решающего влияния на него марксизма.
3. Это мнение первым сформулировал Д. Неделькович в работах: «Lik Svetozara Markovića, revolucionara, mislioca i njegova tri izvora i tri sastavna dela» (Glasnik SANU, Beograd, 1951, kn. III, sv. 2); см. также: STOJKOVIĆ A. Da li je Svetozar Marković marksist.— Dijalektika, Beograd, 1977, № 3.

4. См. PISAREK H. Filozofija Svetozara Markovića (1846—1875), Novi Sad, 1974.
5. DIMITRIJEVIĆ S. Razvitak marksizma u Srbiji do 1919. — Glas SANU, 1973, kn. 16.
6. MARKOVIĆ S. Načela narodne ekonomije ili nauka o narodnom blagostanju, — Sabrani spisi, Beograd, 1965, kn. IV, str. 144.
7. Kovačević M. Svetozarov kolovrat (III), — Književnost, Beograd, 1986, № 3, str. 440.
8. См. Paču L. Građansko društvo i njegove društveno-političke partije. Beograd, 1881.
9. S.M.P. Socijalizam ili osnovni preporodjaj društva. Napisao Vasa Pelagić. — Delo, 1894, Četvrta kn., str. 159.
10. О причинах этого см.: Petrović L. Planirana revolucija. Beograd, 1988; ТВАРДОВСКАЯ В. А., ИТЕНБЕРГ В. С. Путь ученого. К столетию со дня рождения Бориса Павловича Козьмина (1888—1988), — История СССР, 1989, № 1.
11. Авторами этих работ являются Е. Н. Кушева, С. А. Никитин, Н. И. Хитрова, И. Д. Очак, В. М. Хевролина, В. Г. Карасев, П. А. Поглубко, Е. К. Жигунов и В. Я. Гросул.
12. КАРАСЕВ В. Г. Революционная демократия и социализм. — Новая и новейшая история, 1988, № 3, с. 84.
13. ГРОСУЛ В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883—1895 гг. М. 1988, с. 10, 11.
14. ŠKORIĆ S. The Populisme of Nikola Pašić; the Zurich Period. — East European Quarterly, 1980, vol. XIV, № 4.
15. «Вперед!», 1873, № 1, с. 12.
16. ŠKORIĆ S. Op. cit., str. 483.
17. PEPOVIĆ L. Dimitrije Mita Cenić. In: Dimitrije Mita Cenić. Izabrani spisi, I. Beograd, 1988.
18. Marković S. Srbija na Istoku. Sabrani spisi, III. Beograd, 1960, str. 143.
19. Ibid., str. 208—209.
20. PAŠIĆ N, Sloga Srbo-Hrvata, Arhiv SANU, sign. 11857.
21. PELAGIĆ V. Socijalizam iji osnovni preporodjaj društva. Izabrana djela, I. Sarajevo, 1971, str. 310.
22. PAŠIĆ N. Op. cit.,
23. CENIĆ D. Hoćeli imati udela i mladji brat? — Novi Beogradski dnevnik, № 89, 25 april 1887.
24. STANOJEVIĆ D. Narod i njegov boljičak. Izabrani spisi. Novi Sad, 1957, str. 389.
25. KOVAČEVIĆ M. Op. cit.— Književnost, Beograd, 1986, № 5, str. 836.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

Ташев хаджи

А. Б. Закс

В горной Чечне близ селения Саясань есть место, которое чеченцы считают святым: могила одного из вождей освободительного движения народов Северо-Восточного Кавказа в XIX в. Ташева хаджи. Над могилой высится небольшой мавзолей. В 1830 — начале 1840-х годов это имя пестрело в донесениях Кавказского командования российской армии с левого фланга Кавказской линии¹. Неоднократно Ташев хаджи сопоставлялся с Шамилем. «Он не одарен такими способностями, он даже менее храбр, чем Шамиль»², — писал штабс-капитан Пружановский, собиравший разведывательные материалы о горцах. «Ташев хаджи превосходит Шамиля в предприимчивости и твердости характера»³, — отмечал И. Гржегоржевский, имевший доступ к архивам левого фланга Кавказской линии. Сам факт сравнения Ташева хаджи с общепризнанным вождем горцев свидетельствует о значимости его фигуры.

Между тем его имя до сих пор почти не упоминалось в литературе, хотя история его жизни и деятельности не только рисует образ народного вождя, «покинувшего красу сего мира, свою семью и близких ради Аллаха и его благословения»⁴, но и раскрывает его весьма сложные взаимоотношения с Шамилем. Ташев хаджи был его единомышленником в религиозных вопросах и опорой в ходе освободительной борьбы, но вместе с тем и оппонентом при решении политических и экономических проблем, не раз заставлявшим Шамиля корректировать некоторые непопулярные в народе мероприятия.

Сын Мухаммеда Тахира ал-Карахи, одного из сподвижников Шамиля и автора хроники дагестанских войн, пишет в примечании к работе отца: «Ташев хаджи был родом из Эндери (крепость Андреева, Дагестан.— А. З.)»⁵. Есть и другие мнения о происхождении Ташева хаджи. Имеются указания на то, что он родился в селении Мичик (Чечня) или действительно в Эндери, но в районе, населенном чеченцами. Факт, что начало его бурной деятельности было связано именно с Эндери, а затем вплоть до смерти он оставался вождем чеченцев.

В Эндери, оживленном торговом центре Кумыкской земли, где Ташев был в течение нескольких лет муллой, прошли его детство и юность. Прежде чем стать муллой, ему предстояло пройти обучение всем тонкостям ислама. Учащиеся усваивали арабскую грамматику, стихи, знакомились с разными вариантами Корана, участвовали в религиозных спорах. По окончании учения Ташев осуществил мечту каждого мусульманина, совершив паломничество (хадж) в Мекку, после чего и обрел титул «хаджи». Как андреевский мулла он обслуживал не только население Кумыкской земли. К нему приходили горцы из разных районов разрешить спорные

Закс Анна Борисовна — кандидат исторических наук.

вопросы. Тесные связи поддерживала Андреева с чеченцами, которые в зимнее время пасли свой стада на Кумыкской равнине. Вероятно, именно там было положено начало связям Ташева с Чечней.

Жизнь в Андреевой 20—30-х годов XIX в. была беспокойной. Местное население неоднократно выступало против своих князей-землевладельцев и поддерживавшей их царской администрации. Из основанной генералом А. П. Ермоловым крепости Внезапной, расположенной напротив Андреевой, постоянно исходила угроза. Именно в этой взрывоопасной среде распространился мюридизм — религиозное учение, которое требовало от каждого мюрита борьбы за повсеместное установление шариата (мусульманского права, источником которого служит Коран) и активного участия в борьбе с «неверными».

Лозунги мюридизма стали религиозной оболочкой освободительной борьбы горцев. Местные князьки пытались использовать идеи шариата для сохранения своей власти. Однако простой народ толковал их по-своему. Во время пребывания Ташева хаджи в Андреевой на собрании, созванном местным приставом, большинство потребовало, «чтобы пристав, если следует шариату, не освобождает бы от повинностей людей богатых, а если по шариату этих повинностей отбывать не следует, избавил бы от них всех остальных». На другом собрании народ, толкуя о шариате, потребовал «беспрепятственного пользования выгодами земли»⁶. Призыв к газавату (священной войне с «неверными») приобретал в этой связи социальное значение, как только в ряды «неверных» включалась феодальная верхушка, шедшая против «требований Аллаха».

Лозунги воинствующего мюридизма в подобной трактовке привлекали к себе народные массы и помогали объединению разрозненных группировок. Под этими лозунгами выступал уже первый имам на Северном Кавказе Гази-Мухаммед (Казимулла). Летом 1830 г. после неудачной осады Внезапной, приведшей к уходу имама из Кумыкской земли, жители Андреевой бежали к нему в горы. Ташев хаджи находился в войске имама. Как и многие жители Андреевой, он поселился на границе Чечни и выполнял все указания имама, а после гибели Гази-Мухаммеда считал себя продолжателем его дела, и ему было передано знамя имама.

Однако имамом стал ставленник ханского дома Хамзат-бек. После некоторых колебаний, в середине 1834 г. Ташев хаджи «явно перешел на сторону Хамзат-бека» и, получив свободу действий в Чечне, «приглашал чеченцев к общему против нас восстанию»⁷. Смерть Хамзат-бека открыла перед Ташевым хаджи возможность стать претендентом на звание имама. Состоялись выборы. По мнению Кавказского командования, хотя «многие желали места имама, но выше всех были два соперника — Шамиль и Ташев хаджи. Вначале перевес был на стороне последнего»⁸.

Действительно, Ташев как сподвижник двух первых имамов, совершивший хадж, пользовался большим авторитетом на Кумыкской земле и в Чечне. Развернулась предвыборная борьба. Ташев хаджи обратился к народу с воззванием⁹, которое являлось тогда прерогативой высшей местной власти. Примечательно, что он обращался не только к признающим «единого Аллаха, шариат пророка Мухаммеда», но и к тем, кто «противится шариату и противодействует пути праведных», призвав к единению людей разных воззрений. Вот основные пункты его программы: во-первых, осуждение местных адатов (обычное право), а главное — кровной мести, приносившей громадный ущерб и мешавшей сплочению общин: «Поручите все без исключения дела шариату Мухаммеда, даже убийства, ранения, все правовые вопросы». Во-вторых, призыв к нравственному совершенствованию: «Остерегайтесь мерзостных языческих обычаев, не одобряемых Кораном поступков — пьянства, курения табака и ослушания [Корана] вместе с огрублением сердец и слепотой ваших глаз [в отношении] пути истины и правды».

Ради привлечения сторонников Ташев хаджи сообщал о своих успехах в сражениях с «неверными»: «Мы разбили их войска, пленили их людей, забрали их одежды и ружья,.. взяли добычу и имущество. И были довольны Аллахом за его помощь против наших врагов». Что касается «отступников» — нарушителей шариата, то «мы придем... с войсками вооруженными... с армиями противодействующими, против которых нет сил устоять». В воззвании Ташева хаджи далее говорилось: «Сейчас наступило время возвратиться нам во владения имама Хамзата и совершить молитву на его могиле». Это был намек на то, что Ташев хаджи намерен стать преемником второго имама.

Такая ситуация беспокоила Шамиля, имевшего все данные для того, чтобы стать имамом. По тактическим соображениям он выдвинул в противовес Ташеву хаджи на всякий случай и своих кандидатов, пользовавшихся влиянием в Чечне и Дагестане. Однако дело все же закончилось избранием представителя дагестанских узденей аварца Шамиля. Ташев хаджи, признав его, сосредоточил свою деятельность в Чечне. По уровню развития она отставала от Дагестана с его сформировавшимися уже классовыми отношениями, хотя социальное расслоение наметилось и в Чечне. Даже в горных районах внутри тейп — кровнородственных общин — выделялись крупные владельцы скота, имевшие рабов и торговавшие ими. Правда, родовые связи оставались крепкими, особенно в горах. Местные адаты способствовали обособленности тейп и мешали объединению чеченцев.

Важную роль в развитии Чечни играли связи с Россией, шедшие в основном через казачьи поселения и города Кавказской линии. Эти контакты упрочились с начала XIX века. Из Чечни вывозили продукцию сельского хозяйства и ремесленные изделия, сплавляли лес. А русские разноцветные холсты и плуги были весьма популярными у чеченцев. В Кизляре находили работу отходники из Чечни. Русский мог поделиться с горцем знанием грамоты или даже взять на воспитание его сына. В то же время нередкие набеги горцев на казачьи станицы оставались характерным способом добывания ими средств к существованию. Кавказское командование пыталось опереться на верхушку местного населения, награждая ее представителей подарками, чинами, орденами и давая разрешения торговать на Кавказской линии. В результате чеченцы нелегко поддавались призывам к газавату.

Мирные связи с Россией были нарушены, когда Кавказское командование перешло от охраны границы к завоеванию Чечни. Противостоять ему могло лишь объединение разрозненных чеченских общин. Именно к этому стремился Ташев хаджи, чья деятельность развертывалась в трех направлениях: пропаганда шариата, организация местного управления, создание народного ополчения. Разъезжая по селениям, он выступал на собраниях, обращался с воззваниями, уговаривал, требовал принятия шариата, угрожал оружием. Он направил в Большую Чечню и Ичкеррию двух бывших претендентов на имамство — лиц, уважаемых чеченцами. Так возникал прототип будущих наибов — представителей имама. По отношению к глубинным горным районам Ташев хаджи держался осторожно, стремясь не нарушить старинных обычаев. А в стихийные набеги на Кавказскую линию он пытался внести организованность. Каждый дом должен был дать в ополчение по человеку. В каждом районе, перешедшем на сторону Ташева хаджи, создавалось укрепление, служившее центром сбора ополченцев. При себе Ташев хаджи постоянно держал отряд преданных ему мюридов.

Несмотря на успехи в Чечне, Ташев хаджи понимал необходимость объединения с Дагестаном и с действиями Шамиля, которые считал даже недостаточно активными. В начале 1836 г. он обратился к Шамилю и жителям Дагестана с воззванием, потребовав безотлагательного начала газавата и угрожая в противном случае «ударом меча» и «истреблением». Соблюдая этикет, он хотя и осторожно, но достаточно язвительно укорял Шамиля: «Мы удерживаемся от этого только потому, что Шамиль сему препятствует, ибо... не желает привести в действие право первенства, богом ему определенное». Воззвание заканчивалось обращением лично к Шамилю: «Совершите волю пророка. Если замедлите в этом, то получите от бога наказание... и навлечете злобу нашу»¹⁰.

Поселившись в центре присоединившейся к освободительному движению Ауховской земли, в селении Зандак, он вступил в переговоры с имамом, после чего их встреча произошла в дагестанском селении Чиркат. Автор вышеупомянутой «Хроники» отмечал: «От чеченцев пришел хаджи Ташев примерно с 40 товарищами»¹¹. Результатом стала договоренность о совместных походах ради присоединения всего Дагестана к освободительному движению. Тем не менее Ташев хаджи не спешил. И лишь после того как верхушка чеченцев-ауховцев изменила ему и помогла Пулло разгромить аул Зандак, он начал действовать в контакте с Шамилем: участвовал в попытках овладеть центром Аварского ханства Хунзахом и в боях за крепость Ашильту.

Вместе с Шамилем Ташев хаджи выдержал осаду крепости Тилитль. Впервые Ташеву хаджи пришлось вести бои, находясь в осажденной крепости среди выжженных солнцем неприступных скал, и ждать, пока силы врага истощатся. Ташеву

хаджи, привыкшему маневрировать в лесистых горах, стало невыносимым «тилитльское сиденье».

Об отношениях его с имамом говорит характерный эпизод: Ташев предложил, пробив вражеское кольцо, уйти из Тилитля, «а женщин и детей держать посредине, пока мы не выйдем из осады врагов и не уйдем от их вреда». Если Шамиль не согласится на такой шаг, Ташев хаджи предполагал вырваться из крепости в одиночку, «сломив палку повиновения». В свою очередь Шамиль угрожал «пустить пулю в середину его спины» и предложил «терпеть и полагаться на волю Аллаха», на что Ташев хаджи ответил: «Я полагаюсь, но упование мое есть вынужденное»¹².

Осада Тилитля длилась 40 дней. Шамиль оказался прав: положение осаждавших было не лучше, чем у осажденных. Потери в русском отряде были велики, его артиллерия наполовину погибла, не хватало продовольствия. Порой солдаты выменивали у чеченцев свои сапоги, пуговицы и патроны на чуреки. К тому же русский отряд был блокирован нападавшими со всех сторон горцами. Поэтому командовавший им генерал К. К. Фези согласился на перемирие, и горцы благополучно покинули Тилитль.

1836—1839 годы были временем обоюдного накопления сил. Шамиль и Ташев хаджи разработали план совместных действий. Для его выполнения Ташев хаджи построил укрепление в урочище Ахмет-тала недалеко от селения Саясань. Оттуда можно было бросить силы на Сунженский отрезок Кавказской линии и на Кумыкскую землю, а также поддерживать связь с горной Чечней. Отсюда посылались распоряжения, вокруг него собиралось чеченское ополчение. Это укрепление казалось неприступным. К нему вела лишь тайная лесная тропа, вокруг был вырублен весь лес, по краю порубки шли завалы из огромных бревен. Здесь же были возведены башни, центральная башня служила одновременно жильем для нескольких десятков мюридов — дружины Ташева хаджи.

Однако нашлись изменники, которые указали путь к Саясани передовому отряду генерала П. Х. Граббе. Мюридам пришлось спасаться бегством. Солдаты завладели их оружием, одеждой и священной реликвией — знаменем Гази-Мухаммеда. Пальба и столб дыма от подожженного укрепления послужили сигналом для сбора чеченского ополчения. Русские находились на открытой поляне, а горцы собрались в лесу. Они «пели песни из Корана, выбегали с шашками и бросались стремительно на русских стрелков»¹³. Второе укрепление, куда перебрался Ташев хаджи со своими мюридами, тоже было сожжено. Мюриды скрылись в лесах. Когда русские возвращались на линию, путь их оказался очень трудным: развернулась «малая война», в ходе которой они понесли большие потери. Однако дальнейшую борьбу Ташев хаджи решил прекратить, распустив ополчение, и не пошел на помощь Шамилю, засевшему в крепости Ахульго.

Ташев хаджи поселился теперь в центре горной Чечни, Ичкерии, в селении Беной. Для подрыва его авторитета генерал Граббе обратился к ичкерийцам с воззванием: «Я узнал, что недостойный и подлый мюрид Шамиля, старый товарищ Кази-муллы, имеет среди ичкерийцев много друзей. Негодный андреевский мулла, изменник Ташев хаджи обманывает вас, старается вас возбудить против русского правительства... и вместе с Шамилем убеждает всех принять шариат. Поэтому я прибыл сам в Чечню с отрядом, с тем чтобы восстановить там спокойствие и законный порядок, уничтожить козни Ташева хаджи... Я объявляю прощение всем аулам, которые изгонят Ташева хаджи и всех мюридов... Те же аулы, которые дадут убежище Ташеву хаджи, будут истреблены до основания»¹⁴.

В августе 1839 г. крепость Ахульго была взята, и Дагестан для Шамиля оказался потерянным. Имам бежал в Чечню. В Беное он «был ласково принят Ташевым хаджи»¹⁵, который препроводил его в глухое селение Уруш-Керт. Вместе с мюридом Шуайб-муллой Ташев хаджи установил связи с жителями равнинной Чечни. Переходу их на сторону Ташева хаджи содействовала политика Кавказского командования. Направив туда полковника Пулло, оно дало ему неограниченные полномочия. Он снаряжал бесконечные карательные экспедиции против как непокорных, так и мирных селений, у их обитателей отбирали скот, оружие, домашнюю посуду, даже женское платье. На поведение Пулло как повод к массовому восстанию чеченцев указывают и русские генералы, и летописцы войны, включая Мухаммеда Тахира.

Ташев хаджи, хорошо владевший тактикой партизанской войны, стал одним из главных ее организаторов. Он казался вездесущим и неуловимым. То его всадники

появлялись неподалеку от крепости Грозной, то он налетал на Внезапную, смелыми рейдами сводя к нулю итоги многочисленных карательных экспедиций. Наконец, в июне 1840 г. жители равнинной Чечни, ранее колебавшиеся, оставили дома и бежали в горы, пополнив ополчение Ташева хаджи. Большую роль в восстании чеченцев сыграл и Шамиль, а также его последователи Ахверды Магома, Шуаиб-мулла, Джевад-хан.

Установив в Чечне свою власть, мюриды во главе с Шамилем и чеченское ополчение Ташева хаджи летом 1840 г. двинулись в Дагестан. Наступление было успешным, но внезапно Шамиль распустил свое войско и вернулся в Чечню, чем привел в недоумение Кавказское командование, усмотревшее в этом «особенный дар провидения»¹⁶. В одном из донесений случившееся объяснялось ссорой Ташева хаджи с Шамилем. На трения между двумя вождями указывает и современная литература¹⁷. Причину этих трений составляли противоположные взгляды на решение основных проблем в условиях борьбы за независимость.

Шамиль хотел создать сильное централизованное государство, глава которого имам сосредоточивает в своих руках духовную и светскую власть; в имамат включается не только Дагестан, но и Чечня как житница и поставщик военной силы. Создавая в Дагестане регулярную армию, Шамиль требовал того же от Чечни, военную же добычу в основном передавал в государственную казну. Он устанавливал свою власть в Чечне, не считаясь с особенностями ее устройства и уровнем развития общин, нередко путем военно-карательных экспедиций.

Разделив Чечню на наибства, в качестве наибов Шамиль назначил мухаджиров — лиц нечеченского происхождения, считая, что они, не обладая там родственными связями, будут проводить более жесткую политику и не считаться с местными обычаями. Переселявшимся в Чечню дагестанцам Шамиль выделял участки из общинных владений, разрешал им также покупать и арендовать землю. Значительные угодья он отводил под базу, обеспечивавшую снабжение войск. В дальнейшем треть чеченских земель была им передана мухаджирам. Чеченцы были против такой политики. В ответ зачинщики подвергались смертной казни, а жители непокорных деревень расселялись по другим общинам.

Ташев хаджи, не менее активно ведя борьбу с царскими войсками, отстаивал интересы прежде всего Чечни, отодвигая на второй план требования имамата в целом. Собирая ополчение, он часто распускал его затем на сельскохозяйственные работы, основную часть добычи раздавал участникам военных действий, управление центральными районами Чечни поручал людям, связанным с нею происхождением или своей деятельностью, пытался пресечь наполнение Чечни мухаджирами, возражал против раздачи им земель и нарушения прав общинно-родовой собственности. В лице Ташева хаджи Шамиль имел постоянного оппонента, проводившего самостоятельную политику. Не случайно Мухаммед Тахир называл его «прямоидущим». Шамиль не раз смеялся Ташева хаджи с поста наиба.

Другие наибы также были настроены против Ташева хаджи, который выделялся из их среды: выпускал от своего имени воззвания к народу; будучи наибом одного из районов Чечни, фактически являлся ее имамом. Имели место случаи активной борьбы наибов с Ташевым хаджи. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо Шамилю примерно от 1840 года. Соблюдая ритуальное восхваление Шамиля как «величайшего из имамов по благочестию и познаниям», «совершеннейшего по разумению и пониманию», он в то же время упоминал «изменение слову и переменчивость», что «не свойственно людям почтенным», и настаивал на возвращении себе наибства, напоминая о своей помощи имаму в трудное время. Ташев хаджи просил также «наказать тех, кто оскорблял меня побоями и отобрал имущество»¹⁸.

Не известно, что ответил на это письмо Шамиль. Однако, оказавшись в затруднительном положении в связи с наступлением царских войск и отказом ряда чеченских районов участвовать в военных действиях, он вновь обратился к Ташеву хаджи и возвратил ему наибство в Малой Чечне, а затем дал ему поручение уговорить жителей глухого горного района Чаберлоя принять шариат и присоединиться к имамату. После этого имя Ташева хаджи надолго исчезает из «Обзоров военных действий» Кавказского командования. Возможно, это связано с неудачными действиями Ташева хаджи в Чаберлое. Обстановка там была сложной, и посланный туда позднее Хаджи Мурат не рискнул поехать в этот район, а ограничился письмом.

Вновь упоминания о Ташеве хаджи как наибе Шамиля и участнике боевых действий в Дагестане появляются в донесениях Кавказского командования в мае 1843 г., а затем вообще исчезают. Можно думать, что Ташев хаджи в тот год умер или погиб. Устное предание гласит, что он умер «своей смертью».

Примечания

1. Кавказская линия — укрепления, построенные Кавказским командованием российской армии как опорные пункты наступления на горцев и защиты от их набегов.
2. Кавказский сборник (далее — КС). Т. XXIII, с. 38.
3. ГРЖЕГОРЖЕВСКИЙ И. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клюгенау: очерк военных действий и событий на Кавказе.— Русская старина, 1876, т. 1, с. 147.
4. Государственный исторический музей, Отдел письменных источников, № 41, Материалы Северо-Кавказской экспедиции Государственного исторического музея, 1936—1937 гг., Воззвание Ташева хаджи, 1834 год.
5. МУХАММЕД-ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ. Хроника: о Дагестанских войнах в период Шамиля.— Труды НИИ востоковедения АН СССР, т. XXXV, М.-Л. 1941 (далее — Хроника), с. 82.
6. КС. Т. XXII, с. 20, 24.
7. Там же, с. 193.
8. КС. Т. XXIII, с. 38.
9. Воззвание Ташева хаджи.
10. КС. Т. XXXII, с. 251.
11. Хроника, с. 82. Ташев хаджи еще в 1835 г. участвовал в совещании, созванном Шамилем, однако оно не привело к объединению.
12. Хроника, с. 87—88.
13. МИЛЮТИН, полковник. Описание военных действий 1839 г. в Северном Дагестане. СПб. 1850, с. 32.
14. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее — Акты). Т. IX. Тифлис. 1884, с. 422.
15. Орбельяни И. Рассказ офицера, бывшего в плену у Шамиля в 1842 г.— Газета «Кавказ», 1846, №№ 1—5.
16. Акты. Т. IX, с. 340.
17. Там же, с. 340—341; ШАРАФУДИНОВА Р. Ш. Письмо наиба Ташева хаджи Шамилю.— Письменные памятники Востока, историко-филологические исследования. М. 1972, с. 86.
18. ШАРАФУДИНОВА Р. Ш. Ук. соч., с. 88—89.

«Странный губернатор»

И. П. Лейберов

«Странный губернатор» — Владимир Александрович Старосельский — родился 3 ноября 1860 г. в Чернигове в семье мирового судьи. Его дед, владелец имения в Черниговской губернии и поручик Вятского пехотного полка, служил под командованием П. И. Пестеля, входил в Южное общество и был членом Тульчинской управы декабристов. Он находился под следствием по делу декабристов, сидел в тюрьме и скончался на второй день после освобождения¹. После него осталось двое сыновей — Дмитрий и Александр. Александр был военнослужащим, затем чиновником судебных органов и мировым судьей в Чернигове, Тифлисе, Майкопе, женился на Камилле Домбровской, дальней родственнице видного деятеля польского национально-освободительного движения и Парижской коммуны Ярослава Домбровского, и скончался, когда его сыну Владимиру было 14 лет. Семья переехала в Ставрополь, где Владимир учился в мужской гимназии. Там он организовал кружок самообразования.

Старосельские жили в стесненных материальных условиях, и Владимир зарабатывал уроками. Помощь им оказывал дядя Дмитрий, боевой офицер (брал в плен Шамиля), администратор Кавказского наместничества, позднее — генерал-лейтенант, заместитель Кавказского наместника и сенатор. Владимир жил в его доме в Баку и Тифлисе, там познакомился с грузинской культурой и литературой, стал изучать грузинский язык. В этом ему помогало и то, что дядя был женат на Екатерине Гурамишвили, свояченице выдающегося деятеля национально-освободительного движения Грузии, поэта и писателя И. Г. Чавчавадзе. Дачи Чавчавадзе и Д. С. Старосельского располагались рядом, неподалеку от Тифлиса. В их домах читали свои произведения писатели, публицисты и ученые — Акакий Церетели, Важа Пшавела, Нико Николадзе, Николай Воронов, Петр Услар, — другие представители местной и русской интеллигенции.

В 1881 г. Владимир был зачислен своекоштным студентом в Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве, затем его перевели на положение стипендиата от Кавказского наместничества. Оно же затем направило его на работу по специальности. Академию Владимир кончал по двум отделениям — сельскохозяйственному и лесному. Ему повезло на опытных преподавателей. Поскольку в ту пору умами передовой молодежи владели народнические идеи, он примкнул к народникам, но после двухлетнего общения с ними пришел к выводу об ошибочности тактики индивидуального террора и начал склоняться к мировоззрению чернопере-

Лейберов Игорь Павлович — доктор исторических наук, профессор Гуманитарного университета профсоюзов, Санкт-Петербург.

дельцев. В 1883 г. он познакомился с работами К. Маркса и Ф. Энгельса², однако марксизм не принял и марксистом не стал, хотя в начале XX в. неоднократно помогал деятельности РСДРП и сам участвовал в ней.

В сентябре 1885 г. Владимир закончил академию с присвоением ему звания действительного студента лесоводства и предоставлением прав и преимуществ действительных студентов российских университетов. В Москве он женился на дочери военного врача, курсистке петербургских Бестужевских курсов Н. К. Захаровой. Она стала ему верным другом. Несколько лет Владимир Александрович проработал младшим агрономом при начальнике Черноморского округа, агрономом-виноградарем в штате Министерства государственных имуществ на Кавказе³ и осенью 1888 г. переехал с семьей в Тифлис.

В то время тысячи грузинских крестьянских хозяйств оказались на грани разорения: их виноградники были поражены филлоксерой. Приходилось выкорчевывать и сжигать лозу, так как чиновники и специалисты считали, что излечить ее невозможно, а на ее месте целесообразнее разводить другие культуры. Старосельский организовал работу по спасению виноградников. Базой для своих изысканий он избрал Кутаисский и Шорапанский уезды Кутаисской губ., где начал прививать местные сорта винограда на подвой американской лозы, устойчивой к филлоксере. В 1889—1890 гг. он заложил в местечке Сакары (близ Кутаиса) опытную станцию, организовал там химическую лабораторию, микологический кабинет, метеостанцию и питомник американской лозы, в построенном на свои и младшего брата средствах доме (сохранился по сей день) развернул лабораторию. На втором его этаже жили семьи братьев Старосельских и их сотрудники. По его инициативе были созданы еще шесть питомников и около двух десятков опытных участков в Кутаисской и Тифлисской губерниях. В специальной школе и на курсах при Сакарской станции обучались прививке новой лозы свыше 600 крестьян. Им продавали посадочные материалы⁴.

В этой работе Старосельскому приходилось преодолевать огромные трудности: чиновный бюрократизм, недоверие неграмотного крестьянства, нехватку средств. Реальную помощь оказывал ему Кавказский комитет борьбы с филлоксерой, в который входили наряду с другими Чавчавадзе, Николадзе, Церетели, М. Цхакая, Ф. Махарадзе. В результате усилий Старосельского и его соратников филлоксера была побеждена. Блестящие результаты работ в Сакарском питомнике стали известны и в Петербурге, ибо Грузия поставляла к царскому столу коньяки и редкие вина.

Осенью 1898 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна в сопровождении графа И. И. Воронцова-Дашкова (министр императорского двора и уделов) приехала в Сакарский питомник. Для официальной ее встречи с трудом нашли на двухметровую фигуру Владимира Александровича парадный черный фрак, а его брату Юлиану запретили находиться в Сакарах, ибо ранее он примыкал к народникам, сидел в тюрьмах и был выслан на Кавказ под надзор полиции. Дегустация вин произвела самое благоприятное впечатление на высокопоставленных приезжих. Старосельского ожидала «высочайшая милость»: продвижение по службе от младшего агронома к старшему и от коллежского секретаря к коллежскому советнику, ему был вручен орден Владимира 3-й степени⁵.

Однако не только агрономия занимала Старосельского. На основе проведенных исследований в хозяйствах Кутаисской губ. он опубликовал ряд научных трудов, в которых показал разорение широкой массы крестьян, сделал вывод «о полной необеспеченности землею крестьян всех разрядов»⁶ и пришел к убеждению о необходимости ликвидации помещичьего землевладения.

С начала 1905 г. Кутаисская губерния стала одним из центров массового крестьянского движения. Когда в Гурии власть на местах фактически перешла в руки крестьянских комитетов, во главе Кавказского наместничества был поставлен Воронцов-Дашков. Он направил в Гурию комиссию, которая побывала в Горийском и Душетском уездах, однако не сумела успокоить местное население. Тогда в кругах кавказской администрации возникла идея поставить во главе Кутаисской губернии Старосельского. Воронцов-Дашков поддержал эту кандидатуру, полагая, что тому легче удастся нормализовать положение. Сначала Старосельский отказался занять губернаторское кресло. Прошло почти три месяца, дважды его вызывали в Тифлис, где с ним беседовал Воронцов-Дашков, и в результате длительных переговоров

ученый решил принять предложение наместника, но с условием, что будет одобрена разработанная им программа: отмена военного положения в Кутаисской губ., освобождение из тюрем политзаключенных, возобновление деятельности выборных органов власти в сельской местности, ограничение действий полиции и жандармерии, признание национального самоуправления, ликвидация помещичьего землевладения с раздачей земель крестьянам. Наместник согласился с этой программой, но о ее содержании в Петербург из осторожности не сообщил, и 9 июля 1905 г. Николай II подписал указ, в котором «всемилоостивейше повелевал» старшему агроному и коллежскому советнику В. А. Старосельскому «быть исполняющим должность Кутаисского губернатора»⁷.

После этого Старосельские покинули Сакарский питомник и переехали в Кутаис, где заняли часть комнат в губернаторском особняке, принадлежавшем принцу А. П. Ольденбургскому. Другие помещения дворца использовались под народную читальню и библиотеку. Там же разместились нелегальные явки Кавказского союзного комитета, Кутаисского и Имеретинско-Мингрельского комитетов РСДРП, правлений профсоюзов табачников, угольщиков, приказчиков и учителей, склад запрещенной литературы и оружия, а в подвальном помещении находилась типография РСДРП.

Новый губернатор не пользовался каретой, отказался от военной охраны и прислуги, здоровался с простолюдинами за руку и разговаривал с ними на их родном языке, часто выступал на митингах и перед народом с балкона губернаторского особняка и стал у кутаисцев любимым оратором. За полгода губернаторства Старосельского в регионе были осуществлены демократические преобразования, прежние органы власти заменены губернским и уездными комитетами, узаконены были также крестьянские комитеты в Кутаисском, Озургетском, Шорапанском, Гурийском, других уездах. Начальник полиции на Кавказе доносил наместнику: «В Кутаисской губернии политическое состояние приняло характер не просто «анархии», а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасавшихся оружием для открытого восстания... Происходящие в Кутаисской губернии события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами русской государственности»⁸.

В Кутаисе по распоряжению «странного губернатора» был установлен местный контроль над почтамтом, телеграфом, банком и железной дорогой, из тюрем выпустили политических заключенных, городские и сельские комитеты перестали выплачивать налоги, осуществляли свое правосудие, отменили мобилизацию грузин в царскую армию. На улицах Кутаиса не было видно ни полицейских, ни казачьих разъездов. Преподавание в школах велось на грузинском и армянском языках, но не забывали и русского. Милиционеры при встрече отдавали губернатору честь повоенному, а потом кричали «гамарджоба, Ладо!» и здоровались с ним за руку. О «странном губернаторе» тех дней сохранились воспоминания Л. Н. Вороновой. Она, в частности, писала: «Все мы преклонялись перед умом, гуманизмом и честностью В. А. Старосельского. Он воплощал в себе лучше черты великорусского интеллигента... Для Владимира Александровича ничего не было выше интересов народа»⁹.

Когда наместник двинул в Кутаис 1-й Хоперский казачий полк с артиллерией и развернулись схватки между казаками и грузинскими боевыми сотнями, Старосельский 30 ноября 1905 г. направил протест наместнику, требуя вывода Хоперского полка из города¹⁰, и спустя несколько дней выехал в Тифлис, где убедил Воронцова-Дашкова отменить военное положение в Кутаисе и Гурии и вывести казаков из губернии. На обратном пути губернатора встречали с флагами и музыкой, песнями и цветами. А 24 декабря 1905 г. поступила такая полицейская телеграмма в Петербург: «Кутаисская губерния в особом положении: властей, кроме губернатора, не признают, жандармов обезоружили... Положение там невозможное»¹¹.

Вскоре царские власти восстановили военное положение в Кутаисской губ. и Гурии, и двинули туда отряды солдат во главе с генералом М. Алихановым-Аварским. Нависла угроза и над «странным губернатором». В январе 1906 г. царь известил Воронцова-Дашкова: «О ком я считаю нужным сказать крепкое слово — это о кутаисском губернаторе Старосельском. По всем получаемым мною сведени-

ям, он настоящий революционер, поддерживающий с тою партией открытые сношения. Поистине место его... на хорошей иве! Пример был бы благодатный для многих. Пора кончать». 15 января высочайшим распоряжением он был уволен от службы¹².

Пробыв недели полторы под домашним арестом в Тифлисе, Старосельский переехал с дозволения Воронцова-Дашкова в Анапу, а в феврале 1906 г. перебрался в Петербург, где проживал в студенческих квартирах и дешевых меблированных комнатах. В интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей» он говорил: «Грузины народ очень культурный и с весьма развитым правосознанием. Народная борьба у них вполне сознательна... Движение в Грузии будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать общерусское движение. С ним вместе оно началось, с ним оно и прекратится»¹³.

Черносотенцы охотились за бывшим губернатором, ему приходилось часто менять гостиницы и квартиры. Охраняли его члены Кавказского землячества, сопровождая в поездках по городу и бывая с ним в редакциях газет. Старосельский написал ряд статей для журнала «Былое» и для грузинских изданий о событиях в Кутаисской губернии 1902—1905 гг., одновременно работал над книгой «Кавказская драма», собирал фактический материал о положении грузинских крестьян. Когда рукопись была готова, Старосельский передал ее владельцу издательства «Амиран» А. Д. Арабидзе. На издание книги пошли остатки «губернаторских накоплений», небольшую сумму выделило кавказское землячество, часть средств пожертвовал Н. Я. Николадзе, значительные средства поступили от владельцев ресторана «Гурия» на Гороховой улице¹⁴.

В марте 1906 г. Старосельский написал обращение «К русским гражданам». Петербургская пресса отказалась его напечатать. Владимир Александрович переслал обращение в Тифлис, и там оно было опубликовано 2 апреля 1906 г. в газете «Воля». В нем содержались такие строки: «Вы слышите, русские граждане, вопли жертв, вопли их мужей, отцов, братьев! Вы знаете, за что постигла несчастных дикая кара? За то, что грузины, сознательно и неуклонно, не шадя себя, шли по пути к осуществлению свободы, за то, что, чуждые сепаратизма, они требовали свободы для всей России. Откликнитесь, русские граждане! Ваши братья-грузины ждут по праву вашего сочувствия».

Через четыре месяца Старосельский выехал к семье в Анапу, а в конце 1906 г. они перебрались в Екатеринодар. Там Владимир Александрович учительствовал и давал частные уроки. Надежда Константиновна вела хозяйство и давала уроки музыки. В марте 1907 г. Владимир Александрович как представитель Екатеринодарской организации принимал участие в совещаниях членов РСДРП в Петербурге, Куоккале и Териоках, а май 1907 г. провел в Лондоне, где присутствовал на V съезде РСДРП под фамилией Старов¹⁵. В начале 1908 г. он стал членом Центрального бюро профессиональных союзов Северного Кавказа.

Следующие восемь лет он прожил в Париже, выступал с докладами перед эмигрантами и французскими рабочими, писал историю Грузии. В последние годы жизни Владимир Александрович очень нуждался, часто болел. Работал учителем, фотографом и гравером, все время находился под надзором российской заграничной агентуры и французской полиции. Умер он 26 августа 1916 г. в Париже и похоронен на кладбище Пер-Лашез. Его провожали в последний путь российская эмигрантская колония и рабочие Парижа. Пресса России, Франции, Англии, США опубликовала некрологи, освещая его нестандартную жизнь.

Примечания

1. СТАРОСЕЛЬСКИЙ В. А. Крестьянское движение в Кутаисской губернии. Тбилиси. 1928 (на груз. яз.); Восстание декабристов. Т. VIII. Л. 1925, с. 179—180.
2. МАГЛАКЕЛИДЗЕ С. В. Владимир Александрович Старосельский. Тбилиси. 1969, с. 63.
3. Там же, с. 64, 65.
4. Там же, с. 66—73.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 46, 1905 г., д. 93, л. 12.

6. МАГЛАКЕЛИДЗЕ С. В. Ук. соч., с. 76—90.
7. РГИА, ф. 1284, оп. 46, 1905 г., д. 93, л. 12.
8. ГИА Грузии, ф. 13, оп. 29, д. 64, л. 105.
9. МАГЛАКЕЛИДЗЕ С. В. Ук. соч., с. 98—138; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 2162, л. 8об.; Центральный государственный исторический архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГИА ИПД СПб), ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2.
10. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. Сб. док. Тбилиси. 1955, с. 465—468.
11. ГАРФ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 2162, лл. 11, 34—37, 45—46, 64.
12. Цит. по: Новый мир, 1966, № 2, с. 225.
13. Цит. по: Черноморский вестник, 1906, № 32.
14. ЦГИА ИПД СПб, ф. 4000, оп. 18, д. 76, ч. 2; ГАРФ, ф. ДП, 7-е д-во, 1904 г., д. 2442; ф. Министерства юстиции, оп. 49, 1911 г., д. 311; ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 145, лл. 64, 64об.
15. НАКОРЯКОВ Н. Н. Из воспоминаний о В. А. Старосельском.— Новый мир, 1966, № 2, с. 227.

Смоленская крепость

Л. С. Журавлева

Как расколотое надвое яблоко, лежит Смоленск по обе стороны Днепра. С одного из его холмов возле Успенского собора хорошо просматривается сохранившаяся часть городской крепости, живописно проходящая по высоким гребням оврагов и ровной лентой идущая вдоль Днепра. Здесь, на западной границе России, были крепки пороховые склады, богаты склады оружием, тут ковали, лили и чеканили металл. До наших дней сохранились цеховые знамена смоленских ремесленников 1839 года...

Через Днепровские ворота города в 1595 г. въехал в Смоленск государев мастер Федор Конь. По его плану руками тысяч строителей была возведена крепостная стена длиной 6 км 380 м с 38 башнями всего за несколько лет. Такого размаха строительных работ не знал прежде ни один город России. Даже сейчас не сохранившаяся полностью крепостная стена весьма внушительна. Воистину, сделана она была «с великим радением»¹.

Нынешнее состояние крепости не может дать о ней полного представления. Сохранились лишь отдельные ее участки и 17 башен: Пятницкая, Волкова (Стрелка), Костыревская (Красная), Веселуха, Позднякова, Орел, Авраамиевская, Заалтарная (Белуха), Вороница, Долмачевская (Шембелева), Зямбулка, Никольская (Еленевская), Маховая, Донец, Громовая, Бублейка и Копытеньская. Правда, прежде «всякий раз, когда разбивали в каком-либо месте стену или башню, пролом заделывали, стараясь возможно скорее восстановить непрерывное сношение по всей стене»². Но это в военное время. А в мирное судьба крепости была сложнее.

В 1692 г. московский мастер Гур Вахромеев приехал в Смоленск специально для реставрации стены. В 1698 г. Петр I, прибыв в город, обратил внимание на нее и повелел усилить ее реставрацию. Когда стена, перенеся лихолетье Отечественной войны 1812 г., обветшала, на докладе о ее состоянии Александр I написал: «Было бы желательно более внимательное охранение древних памятников, имевших подобно Смоленской стене особое историческое значение»³. Сегодня она занесена в реестр памятников истории и архитектуры.

Воздвигнутый в сложный момент истории России, смоленский Кремль (как нередко называют эту стену) явился свидетельством твердой воли народа к защите отечества. Прибывшие для его возведения мастера оставили яркий след в развитии художественных и бытовых ремесел города. Позднее стена послужила памятником, который вдохновил многих художников на создание картин и гравюр, начиная с небезызвестной келлеровской гравюры 1610 г., которая являлась лишь плодом вымысла, и кончая этюдами Н. К. Рериха и реалистической картиной 1896 г. работы Н. А. Андреева. Многие из таких зарисовок оставили очень убедительное изображение облика Кремля.

Один из древнейших русских городов на Днепре, Смоленск издавна вел оживленную торговлю и строительство. Австрийский посол И. Кобенцль, видевший его в 1575 г., заметил,

Журавлева Лариса Сергеевна — искусствовед, сотрудник Смоленского музея-заповедника, член Союза художников России.

что Смоленск «так же велик, как Рим»; другой посланник назвал его самым «знаменитым пограничным городом» в России⁴. С 1590 г. польские и литовские купцы должны были продавать свой товар на границе, причем только смоленским купцам. Это усиливало роль Смоленска в экономике Русского государства. Жители города, однако, готовы были пожертвовать им и своим состоянием, когда речь заходила о судьбе родины. В сентябре 1609 г., при появлении армии польского короля Сигизмунда III под городом, смоляне подожгли посады, в которых были сосредоточены торговля и ремесленное производство. Тогда сгорело от 6 до 8 тыс. домов. Воевода М. Б. Шеин в отписке царю 9 октября сообщал: «И мы, холопы твои, поговоря с дворяны и с посадскими людьми, посад Смоленский и слободы, для королевского приступа, пожгли и сели со всеми людьми в городе в осаде»⁵.

Смоленск смог выдержать длительную осаду благодаря своим укреплениям, строительство которых началось в конце XVI века. 15 декабря 1595 г. «Государь Царь и Великий Князь Федор Иванович всеа Руси велели князю Василию Андреевичу Звенигородскому да Семену Владимировичу Безобразову да дьяком Поснику Шипилову да Нечаю Перфирьеву да городо-вому мастеру Федору Савельеву Коню ехать в Смоленск»⁶. Намечалось возведение там новой крепости. 25 декабря посланцы Москвы прибыли в город. Вскоре жизнь его круто изменилась. Мастер Конь набросал план стены, началось пополнение «городских запасов», охочие люди стали заготавливать материалы. Устраивались склады, ремонтировались сараи. Подготовительные работы были закончены к весне 1596 года. А летом началось возведение стены. Годом раньше туда прибыл боярин Борис Годунов, который «объеха место, како быти граду». Предание приписывает ему слова: «Смоленская стена станет теперь ожерельем всей Руси православной на зависть врагов и на гордость Московского государства»⁷.

К строительству Кремля было привлечено огромное число работных людей. Несколько лет трудилась эта армия поставщиков и строителей. Была сделана опись кирпичных заводов, принадлежавших частным владельцам и монастырям, затем построены новые. Остатки одного из таких заводов в бывшей Офицерской слободе сохранялись еще в 1897 году. Определили места заготовки извести, камня и леса. Известь возили из Верховья, белый камень — из Старицы и Рузы. На строительство ушли сотни тысяч свай и десятки миллионов штук кирпича, десятки тысяч бочек извести, масса бутового и белого камня, песка, железа, гвоздей, бревен.

Прежде всего в возведении стены участвовали сами смоляне. Был издан также царский указ о присылке из других городов «дворян честных» «имати каменщиков и кирпичников, да и не только каменщиков, ино повеле горшечников поимати»⁸. Согласно другому указу, запрещалось под страхом смертной казни ведение на Руси каких-либо строительных работ из камня во время сооружения смоленского Кремля, ибо его стена строилась «всеми городами Московского государства». Непосредственно на возведении стены трудились 6 тыс. человек. Прочность поставляемого кирпича была такова, «что подобной доброты, при многих опытах, сделать было невозможно»⁹.

Из-за тяжелых условий труда в 1599 г. на стройке вспыхнул бунт. Добавились неблагоприятные погодные условия: холодные дожди, ранние морозы, голод, болезни. В 1600 г. кладку стен в восточной части вели даже глубокой осенью, чего ранее не делали. Этот участок оказался потом самым слабым, что помогло армии Сигизмунда III, но все же, вероятно, лишь вследствие предательства боярского сына Андрея Дедегвина, указавшего врагу на слабые места в кладке с восточной стороны¹⁰. Там поляки поставили пушки, пробиты брешь и ворвались в город. В целом же стена выдержала испытание.

Биография мастера Коня плохо известна (возможно, Конь — прозвище), хотя есть твердые данные, что он же строил Белый город в Москве. Кроме того, ему приписывают сооружение крепостей московского Симонова и боровского Пафнутьева монастырей, а также Можайского форпоста Борисов Городок. На смоленской стене, отступая от традиций, он увеличил количество башен и предусмотрел трехъярусное ведение боя. На месте постановки стены были открыты котлованы, в которые забивались дубовые сваи, промежутки засыпались землей, затем клали поперечные и продольные бревна. Фундамент обкладывали уступными блоками из белого камня, а стену возводили из кирпича в полубутовой технике. Ширина и высота стены в разных местах не одинаковы, что объясняется наличием глубоких оврагов.

Снаружи гладкую стену отделявали у цоколя белокаменным валиком. В цоколе устроили трубы для стока воды, отверстия заделали решетками. С тыльной стороны стена оформлена арками, как глухими, так и с боевыми камерами. Арочные отверстия бойниц подошвенного боя извне оформлены рамкой. Второй ярус боя расположен в центре. Тут рамы имеют треугольные фронтоны. Верхняя площадка достигает в ширину до 4,5 метров. Вытянутые зубцы завершаются ласточкиным хвостом, но встречаются и ровные зубцы.

Среди башен особое место занимала северная, Фроловская. Она не сохранилась, но

представление о ней дают иллюстративные материалы. Звон ее набатного колокола оповещал смолян о важных событиях. С юга проезжих встречали величественные Молоховские ворота. Существовало еще 7 воротных башен, остальные были глухими. В целом же по количеству башен, их монументальности, богатству декоративной обработки и плотности расстановки крепость едва ли знала подобных себе в отечественной архитектуре.

При вступлении на престол Борис Годунов усилил внимание к Смоленску и в 1600 г. прислал туда 200 тыс. рублей, увеличил плату рабочим, на стройку стали принимать всех желающих. Это позволило успешно закончить стену в 1602 г., что оказалось крайне своевременным, ибо уже осенью 1609 г. Сигизмунд III с 22-тысячным войском (поляки, венгерская наемная пехота, запорожцы) стоял под городом, который защищало около 5 тыс. человек при 200 орудиях. Они продержались 20 месяцев! Оборону возглавлял смоленский воевода М. Б. Шеин. По башням он разместил бояр и детей боярских. В его «Росписи» помечены также 2500 посадских людей, 500 стрельцов и пушкарей, 1500 людей «смоленского яма». На защите стены, среди других, сложили головы пушкари Сенька-кузнец, Кондрашка-сапожник, Олфимка-мясник и многие иные, чьи имена неизвестны. На время осады в городе был создан орган управления, опиравшийся на посадских людей, окрестных крестьян и часть дворян, что явилось неожиданностью не только для интервентов, но и для присланного в Смоленск московского посольства.

19 (29) сентября 1609 г. Сигизмунд III предложил смолянам сдаться, открыть въезд в город и встретить его хлебом-солью. Последовал ответ: «Всемере, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться»¹¹. 29 сентября (9 октября) город пытались взять приступом, с ночным штурмом Копытенских и Авраамиевских ворот. Они были взорваны, поляки ворвались в город, но через некоторое время были выбиты оттуда. На следующий день прорыв осуществлялся через Пятницкие ворота, но тоже безуспешно. После ряда штурмов врагам стало ясно, что приступом город не взять. Началась осада. Если первоначально оборону возглавляли бояре и дети боярские, то вскоре ее укрепили посадские люди, что оказалось обоснованным, ибо в среде феодалов появились изменники. В 1610 г. «голова» Фроловской башни был посажен за это в тюрьму. У посадских особую роль играл А. С. Белянинов, отстаивавший с 47 воинами Бублейку. Всей обороной города руководил совет¹².

Поляки устраивали подкопы, ведя подземную войну. Когда смоляне обнаруживали их, то взрывали там заряды, начиненные селитрой, порохом, серой и водкой. Королю не помогли ни ночные приступы, ни обстрел крепости раскаленными ядрами, ни уговоры, ни «высокие грамоты», ни обещание наград и подарков, ни организация заговоров, ни подрывы складов, ни его «доброхоты» в городе. С 1610 г. смоляне начали умирать от голода и цинги. Иссякли боеприпасы. Дворяне часто нарушали приказы Шеина о явке на караульную службу, нанимая взамен себя ремесленников или крестьян. Начался падеж скота, нехватало дров и воды, использование ручьев внутри города привело к массовым заболеваниям. Пришлые ютились в сырых холодных землянках. Зимой 1609—1610 гг. ежедневно хоронили по 40 человек, весной 1610 г. — уже до 150. К лету горожане съели всю траву. Между тем монахи гнали из хлебных запасов самогон и по большой цене продавали его защитникам крепости. Тем не менее на любые новые предложения Сигизмунда III горожане отвечали отказом. «Напрасно говорить с этим медвежьим народом», — жаловался король¹³.

Смоляне надеялись на помощь Москвы. Но в июне 1610 г. под Клушином были разбиты войска, шедшие на выручку Смоленску. Теперь городские бояре и дворяне начали выступать за сдачу крепости. Более стойкими оставались посадские люди и крестьяне. Некоторые из них, уйдя из города, организовали партизанские отряды. Некий Треска собрал 3 тыс. вооруженных крестьян, с которыми нападал на польскую армию¹⁴. Оборонявшие же крепость продолжали боевые вылазки. Однажды среди бела дня шесть воинов приплыли внезапно по Днепру к стану литовского маршала, схватили его знамя и возвратились в крепость¹⁵.

В 1610 г. московская семибоярщина направила в Смоленск посольство с требованием к смолянам присягнуть польскому королевичу Владиславу и сдать город. Но Смоленск не открыл своих ворот врагу и готовился ко второй зимней обороне. В Москве появилось даже подметное письмо от имени смолян с призывом к борьбе. Только 3(13) июня 1611 г. состоялся последний, пятый штурм стены. Он велся с трех сторон: у Королевского проема, Пятницких и Крылошевских ворот. Шеин сражался у Коломенской башни, где и попал в плен тяжелораненым. Смоляне долго бились с интервентами на стенах Кремля и на улицах, потом оставшиеся в живых взорвали себя в Успенском соборе. Когда Смоленск пал, на месте, где войска короля ворвались в город, ими была построена земляная цитадель, названная Королевской.

Первая попытка вернуть Смоленск России была предпринята в 1613 г. князем Д. М. Черкасским, а решающее сражение состоялось во время русско-польской войны 1632—

1634 г., когда армия во главе с тем же Шейным двинулась к Смоленску. Развернулась его осада. Затем польская армия Владислава IV окружила и блокировала отряды Шейна. Он вынужден был подписать капитуляцию, за что и казнен позднее как изменник. Освобожден же Смоленск был во время очередной русско-польской войны в 1654 г., когда после отчаянного по смелости штурма 23 сентября город был сдан захватчиками «во службу царя Московского»¹⁶.

Переход Смоленска к России был закреплен Андрусовским миром 1667 года. К той поре из 34 башен исправными были 10, а трещины в стене были столь велики, что в них мог пролезть человек. Потом их забили глиной и забелили. В 1692 г. Вахрамеев приступил к реставрации Кремля. Но работы велись крайне медленно. В августе 1697 г. над городом пронеслась буря. Она разметала кровлю на башнях, строила и даже выломала некоторые зубцы. Спустя год Петр I осмотрел город и стены, а в марте 1706 г. приказал под семью башнями, что над Днепром, устроить пороховые погреба. В октябре 1708 г. в честь первых побед над шведами с городской стены палили пушки.

Но Кремль медленно умирал. К Отечественной войне 1812 г. восемь его башен были утрачены. Правда, стены были еще пригодны для обороны, что и использовала русская армия. М. Б. Барклай-де-Толли назвал тогда смолян храбрыми людьми, твердыми в вере. А французы, войдя в город, нашли там «только болотную воду, голод и бивуак па пепле»¹⁷. Обороняли Смоленск с 4(16) августа сначала корпус генерала Н. Н. Раевского, затем корпус Д. С. Дохтурова и дивизия П. П. Коновницына. Французы захватили предместье, но окружить защитников крепости не сумели. Началась ее бомбардировка, вспыхнули пожары. Спустя двое суток войска и горожане покинули Смоленск. Противнику достались развалины¹⁸. При отступлении наполеоновской армии, вновь прошедшей через Смоленск, ею были подложены заряды под 9 городских башен.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны древняя крепость стала свидетелем грандиозного Смоленского оборонительного сражения. Обороняли город 16-я армия генерала М. Ф. Лукина, 19-я И. С. Конева и 20-я П. А. Курочкина. В дни оккупации фашисты сняли кровлю с 9 башен, сожгли Днепровские ворота, разобрали междуэтажные перекрытия в Бублейке, в Гуркиной башне разместили склад взрывчатки, в стене проделали ряд проломов. Смоленск наши войска освободили 25 сентября 1943 года. Смоляне, восстанавливая город, отчасти реставрировали и его стены¹⁹. У стен смоленского Кремля находятся могилы советских солдат и горит Вечный огонь.

Применения

1. Подробнее см.: САПОЖНИКОВ Н. В. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596 -1602 гг.). В кн.: Смоленск и Гнездово. М. 1991.
2. ПИСАРЕВ С. П. Памятная книга г. Смоленска. Смоленск. 1898, с. 143.
3. Там же, с. 146.
4. КОСТОЧКИН В. В. Государев мастер Федор Конь. М. 1964, с. 72.
5. Смоленская старина. Вып. I, ч. I. Смоленск. 1909, с. 241.
6. Там же, с. 23.
7. ОРЛОВСКИЙ И. И. Смоленск и его стены. Смоленск. 1902, с. 17 - 18.
8. КОСТОЧКИН В. В. Ук. соч., с. 77.
9. Там же, с. 86.
10. МАКОВСКИЙ Д. П. Героическое прошлое Смоленщины. Смоленск. 1946, с. 69.
11. МАЛЬЦЕВ В. Историческое значение обороны Смоленска в 1609 -1611 годах. В кн.: Смоленская оборона. Смоленск. 1939, с. 10, 12.
12. ГРАЧЕВ В. И. Осада города Смоленска Сигизмундом III. Смоленск. 1909.
13. Смоленская оборона, с. 100.
14. БУДАЕВ Д. И., СМИРНОВ П. С. Смоленск --- 1100 лет. В кн.: Смоленску 1100 лет. Смоленск. 1967, с. 5 - 6.
15. Исторический очерк Смоленска. СПб. 1894, с. 21.
16. ДОВГЯЛЛО Д. И. Смоленск в 1654 г. Вильна. 1905, с. 30; СТАШЕВСКИЙ Е. Смоленская война 1632--1634 гг. Киев. 1919.
17. ВОРОНОВСКИЙ В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912, с. 17, 109.
18. СМОРНОВ И. А. Смоленск --- город русской славы. М. 1982, с. 71.
19. Смоленское сражение. Смоленск. 1966; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941--1945. Т. 2. М. 1963.

Новое о семье, в которой рос Г. В. Плеханов

А. С. Бережанский

В архиве Тамбовской области хранится «Дело Тамбовского дворянского депутатского собрания о дворянстве рода майора Петра Семенова Плеханова»¹, содержащее данные об отце и деде Г. В. Плеханова. Ранее уже было известно, что он происходил из семейства, мужское поколение которого посвящало себя почти исключительно военной службе. Его племянник, сын сестры Марии Валентиновны, Н. А. Семашко, отмечал преобладание в семье «офицерско-военного духа»².

Дед Георгия Валентиновича, Петр Семенович, большую часть своей жизни провел в армии. Родился он около 1777 года. Военную службу начал (как тогда было принято среди дворян, мальчиком 12—13 лет) 1 января 1790 г. сержантом в Тульском мушкетерском полку. В мае 1793 г. был переведен в Каргопольский карабинерский полк и там же произведен в кадеты (1794 г.), фанен-юнкеры (1797 г.) и прапорщики (1798 г.). В августе 1798 г. П. С. Плеханов переводится в Драгунский (бывший Глазенапа) полк, где получил чин подпоручика (1799 г.). В марте 1800 г. он поступил в Иркутский драгунский полк, стал поручиком (декабрь 1800 г.), а потом штабс-капитаном (1806 г.). В ноябре 1806 г. П. С. Плеханов был переведен в Арзамасский драгунский полк, в составе которого принял участие в войне с Наполеоном: с 27 апреля по 16 июня 1807 г. был в походе «до прусских границ», а затем — до «заключения с французами мира в Пруссии; в штрафах не бывал, к повышению аттестовался достойным»; получил звание капитана. Спустя некоторое время Петр Семенович по болезни уходит в отставку «майором и с мундиром»³. Прожил он недолго и умер не ранее последних месяцев 1813 и не позднее начала 1815 г. (дата смерти неизвестна).

Семейное предание о длительной службе в армии отца Г. В. Плеханова Валентина Петровича архивными данными не подтверждается, оставил он ее «по домашним обстоятельствам»⁴. Валентин Петрович родился 30 марта 1810 г. (крещен в с. Студенки близ Липецка) и был не младшим, как следовало из материалов архива Дома Плеханова в С.-Петербурге⁵, а старшим сыном П. С. Плеханова, ко времени рождения первого сына уже имевшего дочь Александру. Службу начал юнкером в Драгунском полку герцога Александра Вюртембергского 15 ноября 1827 г., в мае 1830 г. был произведен в прапорщики. С января по апрель 1831 г. принимал участие в подавлении польского восстания (эпизод, который биографы относили к событиям 1863 г.). С 4 по 7 апреля отличился в сражении, за что был произведен в поручики. В семье было известно, что в одном из сражений Валентин Петрович попал в плен, но смог освободиться. Действительно, в сражении при местечке Каменка 27 апреля он «взят был в плен, из коего на другой день возвратился к полку»⁶.

19 февраля 1834 г. В. П. Плеханов вышел в отставку с присвоением звания штабс-капитана. Указаний на ранения или болезни в его послужном списке нет, хотя в разделе об отпусках имеется запись о выезде «1833 года июня с 12 к Липецким минеральным водам для

Бережанский Александр Самуилович — заведующий Домом-музеем Г. В. Плеханова (Липецк).

излечения болезни на 4 месяца»⁷. Видимо, желание обзавестись семьей было главной причиной выхода в отставку. По воспоминаниям близких, Валентин Петрович увез свою невесту, Веру Ивановну Познякову, из родительского дома и тайно с ней обвенчался. Она происходила из семьи, получившей дворянство при царе Михаиле Федоровиче. От этого брака родилось 5 сыновей (Александр, Петр — умер в детстве, Митрофан, Николай и Григорий) и 3 дочери (Любовь, Софья и Мария).

С апреля 1838 г. начинается гражданская служба В. П. Плеханова, длившаяся с перерывами до 1849 года. Он занял должность пристава 1-го стана Липецкого уезда, но через несколько месяцев был уволен от должности «за болезнью». В сентябре 1841 г. Валентин Петрович становится помощником Острогожского окружного начальника Воронежской губернии, потом перемещается на ту же должность в Новохоперский округ; уволен от этой должности по прошению и «за болезнью» 10 марта 1844 года. 21 октября 1846 г. он «по выбору дворянства с утверждения г-на Тамбовского гражданского губернатора вступил в должность старшего заседателя от дворян» Липецкого уездного суда; прослужив в суде 2 года, подает прошение об отставке и «приказом, отданным по гражданскому ведомству», увольняется от службы 22 февраля 1849 года⁸. Семашко полагал, что дед обладал «хроническим чувством неудовлетворенности своей жизнью»⁹. Известно также, что он был прямым и довольно резким в обращении, но справедливым человеком, при ссорах говорил правду в глаза, не считаясь с чинами и званиями, что не могло не отразиться на его карьере.

Овдовев, Валентин Петрович женится вторично — на Марии Федоровне Бельнской. По семейному преданию, познакомились они в Липецке, где она служила гувернанткой, но можно предположить, что ее семью Плеханов знал до встречи с Марией Федоровной. Ее брат Александр Федорович был коллежским регистратором и служил в Тамбове в канцелярии, куда неоднократно приходилось обращаться Валентину Петровичу. Происходила Мария Федоровна из семьи служилых дворян. Ее дед, Дмитрий Павлович Бельнский (родился около 1758 г.), был «из обер-офицерских детей». Военную службу начал в 1778 г., в Фанагорийском гренадерском полку, участвовал «в походе на Кубань» и «за беспорочную службу» 28 июня 1787 г. был произведен в подпоручики, а 30 ноября 1789 г. «за болезнью... отставлен». После этого жил с семьей в г. Усмани Тамбовской губернии. Ни деревни, ни ревизских душ за ним не числилось. Прожил Дмитрий Павлович, по-видимому, до начала 1820-х годов. В Усмани 4 августа 1802 г. родился отец Марии Федоровны — Федор Дмитриевич Бельнский¹⁰. Служба его прошла в канцелярии Усманского уездного суда. Мария родилась 19 июня 1832 г. и была третьим ребенком в семье¹¹. В конце 1855 г. Мария Федоровна выходит замуж на Валентина Петровича. У них, кроме Георгия, было три сына (Федор, Владимир и Евгений — двое последних умерли в детстве) и три дочери (Александра, Варвара и Клавдия).

Семейство Плехановых принадлежало к потомственным, но небогатым дворянам. В середине XIX в. это была типичная мелкопоместная семья, которой с трудом удавалось сводить концы с концами. Родные отмечали, что Петр Семенович, имевший около 200 десятин земли, перед смертью разделил ее между сыновьями Валентином и Михаилом. Валентин Петрович в результате первой женитьбы получил в приданое дер. Афанасьевку Козловского уезда со 100 десятинами земли. После смерти Веры Ивановны эта земля была закреплена за ее детьми, но фактически заложена и пошла на покрытие долгов Валентина Петровича. В послужных списках Александра и Григория сказано, что земли они не имеют¹². Земля Михаила Петровича за отсутствием у него детей перешла его родственнику по матери или жене.

Таким образом, второй семье Валентина Петровича осталось около 100 десятин. Цифра 50 десятин, приводимая в свидетельстве Липецкого уездного земства, выданном в Горный институт в 1875 г. для получения Г. В. Плехановым стипендии¹³, занижена, так как в книге доходов по Липецкому земству за 1874 г. и в окладной книге по дворянскому сбору за 1876 г. сказано, что вдова штабс-капитана М. Ф. Плеханова имеет 93 десятины¹⁴.

В архиве имеются некоторые данные о находившихся во владении Плехановых крепостных: по 6-й ревизии (1811 г.) за Петром Семеновичем числится «благоприобретенных Тамбовской губернии Липецкого округа в сельце Ильино 19 душ»; его мать (прабабка Георгия Валентиновича) была из Лубенского уезда Киевской губернии, где за ней значилось «крестьян мужеска пола 30 душ». В аттестате, выданном Валентину Петровичу из Липецкого уездного суда 9 марта 1849 г., сказано, что он владеет родовым имением в Липецком уезде с 24 ревизскими душами мужского пола и землею, а за женой его Верой Ивановной числится в Козловском уезде 22 души с землею¹⁵.

Пребыванию Г. В. Плеханова в Воронеже с 1868 по 1873 г., где он был приходящим воспитанником Михайловской военной гимназии, посвящена статья И. Д. Смирнова, основанная на материалах, утраченных во время Великой Отечественной войны¹⁶. Спустя более 40 лет

появилась статья В. И. Чеснокова, созданная на той же документальной основе¹⁷. В ней сообщается, что в 1920 г. по запросу Главного управления архивным делом выявлением материалов о Плеханове занималась С. Н. Шестова, которой удалось ознакомиться с пятью рукописными книгами «Приказов по военной гимназии» за 1868—1872 годы. Выписки Шестовой Чесноков приводит полностью, но без комментариев. Между тем в выписках не все понятно, поэтому ниже дается комментарий к ним.

Известно, что первые годы Георгий Плеханов отлично учился и переходил из класса в класс с наградами. Выписки Шестовой подтверждают это. Последние два года пребывания Г. В. Плеханова в гимназии отмечены снижением успеваемости. Это также известно. Но то, что положение с успеваемостью в гимназии в целом было «столь безотрадным», выясняется из выписок Шестовой впервые. Так оно характеризуется в дополнении к приказу от марта 1871 г., в котором говорится, что в 5-м классе понизился общий уровень успеваемости и половина всех воспитанников аттестована неудовлетворительно, причем более трети — по двум и более предметам. Меры, принятые воспитательным комитетом, подействовали, и успеваемость класса в 1872 г. повысилась¹⁸. Но Чесноков ошибается, когда вслед за Шестовой утверждает, что в приказе речь идет о классе, в котором учился Г. В. Плеханов: в марте 1871 г. он был воспитанником 4-го, а не 5-го класса.

Известно было, что в Воронежском кадетском корпусе, а потом в гимназии учились все старшие братья Георгия Валентиновича, но в какое время? Учился ли там младший брат Федор? По воспоминаниям сестер, он часто болел, жил при матери и умер весной 1880 г. около 19 лет от роду¹⁹. Выписки Шестовой позволяют установить годы учебы Николая, Григория и Федора. Николай оканчивает Воронежскую военную гимназию в год поступления в нее Георгия, следовательно, учился он в кадетском корпусе, а потом в гимназии с 1862 по 1868 год. В отличие от братьев он был направлен не в военное училище, а в армию. В гимназии в то время продолжал учиться Григорий, поэтому в списках воспитанников Георгий значится как «Плеханов 2-й».

В 1871 г. оканчивает гимназию Григорий (следовательно он учился в ней с 1865 г.), а в подготовительное отделение на средства тамбовского дворянства поступает Федор. Приказом от 30 сентября 1871 г. Георгию присваивается номер 1-й, а Федор в списках значится как «Плеханов 2-й». Однако, проучившись в гимназии около двух месяцев, Федор был уволен «для поправления здоровья в загородный отпуск». Оставленный в следующем учебном году на повторный курс, он не приступил к занятиям и 23 сентября 1872 г. был «уволен из заведения по просьбе родителей»²⁰.

Две записи в книге приказов требуют объяснения: 1) в приказе от 2 августа 1871 г. Плеханов (упомянута только фамилия) значится в списках 6-го класса и 2) 17 декабря 1871 г. и 14 апреля 1872 г. Григорий Плеханов получал присланные ему деньги. Первую запись можно объяснить тем, что 2 августа 1871 г. воспитанник 6-го класса Григорий Плеханов еще не был направлен в юнкерское училище и оставался в списках гимназии. Тогда выписка Шестовой относится не к Георгию, а к Григорию. Вторую запись можно рассматривать как ошибку переписчика или делопроизводителя. В 1871/72 учебном году Григорий не мог быть в Воронеже, так как «воспитывался в Московском пехотном юнкерском училище, в службу вступил унтер-офицером в 69 пехотный Рязанский полк» 7 мая 1872 г.²¹, по-видимому, не окончив училища. Кроме того, непонятной становится запись от 30 сентября 1871 г. о присвоении Георгию Плеханову номера 1-го. Логично предположить, что в указанные дни деньги получал не Григорий, а Георгий.

В монографии П. С. Ткаченко упоминается фамилия Плеханова без инициалов в связи с делом юнкера Второго Константиновского училища в Петербурге П. А. Лукашевича²². Ознакомление с этим делом убеждает, что речь в нем идет о брате Георгия Валентиновича — Митрофане. Он окончил Воронежскую военную гимназию в 1866 г. и, следовательно, поступил в нее (тогда — кадетский корпус) в 1861 году. По окончании гимназии Митрофан был направлен в военное училище в Петербурге. В списке юнкеров Второго Константиновского училища за 1867/68 учебный год он значится в 3-м отделении 6-й очереди старшего курса²³.

В послужном списке Александра Валентиновича сказано, что он вступил в службу 20 июня 1863 г. юнкером Михайловского артиллерийского училища в Петербурге²⁴. Значит, к тому времени он окончил Воронежский кадетский корпус, то есть учился в нем с 1858 по 1863 год.

Детство Г. В. Плеханова прошло в родовом имении отца — дер. Гудаловке, Липецкого уезда, Тамбовской губернии²⁵, где он родился 29 ноября (11 декабря) 1856 г. и прожил до поступления в Воронежскую военную гимназию. Отец, воспитанный в крепостнических традициях, был человеком твердой воли и крутого нрава; мать же была прямой противоположностью: мягкая в обращении с людьми, в том числе и с крепостными, добрая, чуткая

и внимательная. В столкновениях Валентина Петровича с крепостными Мария Федоровна старалась, чем могла, помочь им. «Г. В. Плеханов с первых лет почувствовал эту борьбу двух начал, — писала его жена, Р. М. Плеханова, — деспотизма, с одной стороны, и обиженных, с другой. Он стал на сторону последних. Мягкость и чувствительность матери соединялись в нем с силой характера и требовательностью к себе и другим отца»²⁶.

Только трех младших сыновей Валентина Петровича от первого брака — Митрофана, Николая и Григория — Г. В. Плеханов хорошо помнил. До поступления в военную гимназию они жили в доме отца, воспитывались и подготавливались к приемным экзаменам Марией Федоровной. Старшая дочь, Любовь (по мужу Граникова), была почти ровесницей второй жены отца и к тому времени жила самостоятельно. Старший сын Александр вскоре поступил в Воронежский кадетский корпус. Младшие дочери Софья и Мария 9—10-летними были отданы в Тамбовский Александринский институт благородных девиц.

Софья воспитывалась в нем с 1855 по 1861 г.²⁷, когда институт был закрытым учебным заведением; воспитанниц домой не отпускали. Через два года после его окончания она вышла замуж за подпоручика Белевского полка М. П. Вечеслова. Жила в Тамбове, где служил ее муж. Проезжая через Тамбов, Г. В. Плеханов навещал ее. Когда осенью 1878 г. Мария Федоровна с младшими детьми переехала в Тамбов, письма от него, изредка до нее доходившие, шли через Софью. Известно также, что когда Плеханова после провала первой типографии «Черного передела» в январе 1880 г. разыскивали на его родине, квартира Софьи находилась под наблюдением полиции. В одном из донесений из Тамбова в Департамент полиции говорилось, что ее муж (который был к тому времени майором) «как человек и офицер пользуется хорошей репутацией... но находится под сильным влиянием своей жены, сестры Георга, Софии»²⁸.

Митрофан родился 19 октября 1848 г. в Липецке. После окончания военной гимназии и военного училища он учился в Академии Генерального штаба. Братья особенно были близки осенью 1873 г., когда оба жили в Петербурге: Георгий учился во Втором Константиновском военном училище, а Митрофан — в Академии. И хотя Митрофан не одобрял революционных взглядов, к которым начинал склоняться Георгий, у них было много общего: оба увлекались эволюционной теорией Дарвина, вместе проводили досуг. «Большой скептик с сильной печоринской складкой, — писала о Митрофане Р. М. Плеханова, — он любовно и снисходительно наблюдал, когда юнкер Георгий обращался с революционной проповедью в кругу его товарищей по Академии Генерального штаба»²⁹. В середине лета 1876 г., вскоре после окончания Митрофаном Академии, из Киева, куда он был направлен на службу, Мария Федоровна получила официальное извещение о его гибели. Ездившему на похороны Николаю сообщили, что Митрофан был найден мертвым с простреленным виском у подножия памятника князю Владимиру. Предполагали, что он либо погиб на тайной дуэли, либо покончил жизнь самоубийством на любовной почве. О смерти любимого брата Г. В. Плеханов узнал в Липецке, куда в конце лета того же года последний раз приезжал на каникулы из Горного института.

Александра родилась 11 февраля 1860 года. Окончив Елизаветинский институт в Петербурге, она с декабря 1876 г. жила в Тамбове и служила гувернанткой в купеческих домах. В 1882 г. ей удалось уехать за границу к Г. В. Плеханову. Там она вышла замуж за серба С. З. Якича; в 1883 г. возвратилась в Россию и поселилась в Киеве, где муж стал студентом университета. За близость к местным революционным кружкам, в частности к окружению С. Росси, который позже обвинялся по делу об убийстве жандармского подполковника Судейкина, она была арестована и в ноябре 1883 г. выслана «безвозвратно» за границу как сербская подданная³⁰ (в России ее ждало тюремное заключение или ссылка в Сибирь). В 1885 г. сестры получили от нее последнее письмо. В конце 1880-х годов она бесследно исчезла. Полагали, что она покончила жизнь самоубийством, бросившись в волны Женевского озера. Александра идейно была ближе других сестер к Г. В. Плеханову. Трудно, однако, с полной определенностью говорить о ее революционных взглядах. Поэтому преувеличением кажется утверждение В. Я. Гросула, что «она способствовала укреплению связей брата и его товарищей по группе с сербской радикальной молодежью»³¹. К тому же приезжала она к брату в Божии над Клараном до своего знакомства с Якичем.

Итак, семья, из которой Плеханов вышел, не была революционной. «Чем объяснить, что из семьи Валентина Петровича, из двенадцати детей, вырос только один печальник страдания народного — Г. В. Плеханов?» — спрашивала Р. М. Плеханова и отвечала: «Здесь, по-моему, сыграла роль чувствительность и нервность физической организации от рождения маленького Георгия, на которого воздействовала бесконечная доброта матери, ее чувство сострадания к близким»³². А вот мнения других родственников Плеханова. Сестра Клавдия Валентиновна: «По-моему, во-первых, воспитание матери, которое в совершенстве подготовило его к этой

деятельности, во-вторых, влияние народной (революционной.— А. Б.) литературы»³³. Н. А. Семашко: «Мать..., видимо, первая заронила ему в душу искру ненависти к гнету и эксплуатации, обману и лицемерию»³⁴. Лидия Георгиевна, старшая дочь Г. В. Плеханова, добавляет: «Жизнь в деревне среди крестьян, знакомство с крестьянской жизнью, с их нуждами. С детства он горячо относился к ним, к их заботам»³⁵.

Примечания

1. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО), ф. 161, оп. 3, д. 153.
2. СЕМАШКО Н. Замечания по поводу биографии Г. В. Плеханова, составленной Ю. Арзаевым.— Пролетарская революция, 1922, № 5, с. 303. Семашко Николай Александрович (1874—1949) — врач; в социал-демократическом движении с 1893 г., с 1903 г. большевик. Участник революции 1905—1907 гг. (Нижний Новгород) и Октябрьской революции (Москва). С 1918 г. нарком здравоохранения РСФСР, один из организаторов советского здравоохранения. С 1930 г. на преподавательской и научной работе. Член Президиума ВЦИК.
3. ГАТО, ф. 161, оп. 3, д. 153, л. 3.
4. Там же, л. 20.
5. См. Собеседник. Сб. Воронеж. 1971, с. 79.
6. ГАТО, ф. 161, оп. 3, д. 153, лл. 8, 21.
7. Там же, лл. 20, 21.
8. Там же, л. 20 об.
9. СЕМАШКО Н. А. О детских годах Г. В. Плеханова.— Каторга и ссылка, 1923, № 7, с. 34.
10. ГАТО, ф. 161, оп. 1, д. 2186, лл. 3, 1, 11 об., 4.
11. Там же, ф. 2, оп. 139, д. 96, л. 7.
12. Там же, ф. 161, оп. 3, д. 153, л. 145.
13. См. Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.-Л. 1925, с. 315.
14. Государственный архив Липецкой области, ф. 2, оп. 1, д. 5, л. 90 об.; д. 11, л. 22 об.
15. ГАТО, ф. 161, оп. 3, д. 153, лл. 2, 3 об., 20.
16. СМЕРНОВ И. Д. Г. В. Плеханов в Воронежской военной гимназии.— Каторга и ссылка, 1929, № 12 (61).
17. ЧЕСНОКОВ В. И. Поиски материалов о Г. В. Плеханове в воронежских архивах в 1920 г. В кн.: Из истории Воронежского края. Вып. 4. Воронеж. 1979.
18. См. там же, с. 39.
19. Собеседник, с. 91.
20. ЧЕСНОКОВ В. И. Ук. соч., с. 37, 38.
21. ГАТО, ф. 161, оп. 3, д. 153, л. 175.
22. ТКАЧЕНКО П. С. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х гг. XIX в. М. 1978, с. 187.
23. Государственный архив Российской Федерации, ф. 109, 3-я эксп., 1867 г., д. 129, л. 66.
24. ГАТО, ф. 161, оп. 3, д. 153, л. 122.
25. Не следует путать дер. Гудаловку с находившимся рядом с Семеновкой, которое декретом ЦИК СССР № 228 от 6 июня 1925 г. было переименовано в Плеханово и с которым в настоящее время фактически слилась Гудаловка.
26. Архив Дома Г. В. Плеханова в С.-Петербурге (далее АДП). Реферат, прочитанный Р. М. Плехановой в зале Ленинградской певческой капеллы. Б. г. 21.12.
27. ВЕРЕЩАГИН П. А. Исторический очерк Тамбовского Александринского института благородных девиц. Тамбов. 1893, с. 89.
28. ГАТО, ф. 4, оп. 84, д. 14, л. 178.
29. АДП. Реферат, прочитанный Р. М. Плехановой.
30. Центральный государственный исторический архив Украины, ф. 274, оп. 1, д. 265, л. 148; ф. 442, оп. 835, д. 211, л. 5.
31. ГРОСУЛ В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883—1895 гг. М. 1988, с. 19.
32. АДП. Реферат, прочитанный Р. М. Плехановой.
33. АДП. Воспоминания К. В. Плехановой об отце и матери, относящиеся к 70—80 гг. Б. г. 14.20.
34. Каторга и ссылка, 1923, № 7, с. 34.
35. Из письма Л. Г. Плехановой-Ле-Савуре автору от 7 января 1977 года.

Судьба Виленского музея древностей

Л. В. Алексеев

Если царские чиновники нередко были равнодушны к истории своей страны и ее древностям (как писал М. Е. Салтыков-Щедрин, путали понятие «Отечество» с понятием «Ваше Превосходительство»), то иначе относилась к этому российская интеллигенция. Это касается и бывшего Западно-Русского края, где в XIX в. проживало немало принявших католичество белорусов. На 1830—1870 гг. приходится просветительская деятельность семейства белорусско-польских магнатов К. П. и Е. П. Тышкевичей, отец которых любитель древностей Пий (1758—1858 гг.) не только не притеснял крестьян-белорусов, но даже строил для них церковь¹. Их мать Августа, поклонница наук, создала обширную коллекцию документов, книг, медалей, «разных предметов наук и художеств».

Помимо уникальных рукописей и 200 картин итальянской живописи, в ее коллекции имелось обширное собрание этрусских ваз, предметов из раскопок Помпей и Геркуланума, а библиотека состояла из 3 тыс. польских и французских книг, 500 из которых были древними. В Логойском дворце Тышкевичей хранилось много средневековых предметов вооружения (мечи, копья, шлемы, кольчуги, латы, щиты, бердыши и т. д.)². Не было, однако, предметов, найденных в результате раскопок. За пополнение ими музея взялись сыновья Августы и Пия — Константин (1806—1868 гг.) и Евстафий (1814—1872 гг.) Тышкевичи. Грандиозными раскопками в Логойском графстве в 1830-е годы они заложили практическую основу белорусской национальной археологии.

Важным делом Е. П. Тышкевича явилось создание Виленского музея древностей и при нем Археологической комиссии. Проект этих учреждений был им задуман в 1851 г., то есть задолго до возникновения музея в Новгороде (1860-е годы)³. Генерал-губернатор Западного края И. Г. Бибиков, отнесясь к идее сочувственно, запросил Петербург о разрешении. Двусмысленная резолюция царя («Не вижу препятствия, но с должной разборчивостью»)⁴ позволила местным чиновникам помешать начинанию: в специально составленном протесте помощник попечителя Виленского учебного округа П. Н. Батюшков доказывал, что «Литвы как термина, законом установленного, не существует»; что «утверждение проекта даст возможность составить антирусскую коалицию», и т. д.⁵. В результате проект был отклонен, и осуществления его Е. П. Тышкевич добился лишь после смерти Николая I.

«Положение о музее древностей... в Вильно» 29 апреля 1855 г. утвердил Александр II. Проект рисовал широкие задачи, поставленные перед новым учреждением его основателем⁶. Музей и Археологическая комиссия при нем были созданы в основном на личные средства Тышкевича и лишь частично — с использованием частных пожертвований. Ядро музея составила громадная коллекция древностей, собиравшаяся Е. П. Тышкевичем всю жизнь, а также часть его уникальной библиотеки⁷. Две тысячи предметов представляли самостоятельную археологическую коллекцию, впервые собранную в крае в научных целях.

Алексеев Леонид Васильевич — доктор исторических наук.

Виленский музей древностей был открыт 1 января 1856 г. в здании бывшего Виленского университета ⁸. Согласно «Положению», им управляли председатель, вице-председатель и члены (действительные, почетные, члены-сотрудники) ⁹. Из известных деятелей членами комиссии стали историк Ф. Е. Нарбут, славист П. Н. Кукольник, историк, археолог и издатель А. К. Киркор, археолог К. П. Тышкевич, писатель И. Крашевский.

«Программа действий» комиссии, написанная Е. П. Тышкевичем, предусматривала, что «все предметы древности, отысканные в земле или сохранившиеся другим образом, должны служить верным изображением... жизни древних народов... Комиссия должна начать с обозрения успехов, сделанных в Западном крае до сего времени, и составить подробное руководство... с указанием как для отыскания предметов в курганах вообще в земле находящихся, так равно и сохранения их»; составить указатели всех существующих в западных губерниях курганов, городищ, разных древних земляных укреплений и «по части архитектуры». Задача комиссии состояла в «собрании полных сведений о местах и частных лицах, владеющих памятниками древности». Предполагалось, что комиссия, помимо того, будет выявлять различный актовый и другие материалы ¹⁰.

Деятельность комиссии приходится на 1855—1865 годы. Она объединяла лиц, интересовавшихся краеведением, проводила раскопки и выдавала разрешения на них, собирала и изучала древности. На ее заседаниях, проводившихся (по свидетельству писательницы Э. Ожешко) очень торжественно, читались рефераты, главным образом по краеведению, и решались организационные вопросы. На годичных собраниях зачитывались отчеты о деятельности комиссии, статистическая часть которых позволяет судить о том, как постепенно росла ее популярность и увеличивалось количество ее членов. Комиссия издала несколько томов своих «Записок» и ряд краеведческих публикаций (по истории Вильны, о краеведении) ¹¹.

Заседания проходили, как правило, 11 числа каждого месяца, а информация о них регулярно помещалась в печати, так что можно проследить за ходом занятий комиссии. 11 января 1858 г., например, заслушивался реферат Киркора о Святовиде (копия статуи которого была только что получена музеем); 11 февраля того же года Адамович делал сообщение об открытии в Лидском уезде Виленской губ. лигнита (доказывалось, что как топливо он не годится) и сообщал о новом оригинальном металле алюминии и способах его добывания; 11 марта Комиссия заслушала реферат о деятельности М. А. Коркунова (в связи со смертью этого ученого). Все заседания Комиссии были посвящены сугубо научным темам.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в Литве, Белоруссии и Польше восстанием 1863 г., подавленным, как известно, во многом усилиями М. Н. Муравьева. Наступившая затем реакция обрушилась и на деятелей науки. Дошла очередь и до Виленского музея. С 1864 г. на заседаниях Виленской археологической комиссии внезапно стали появляться официальные лица. 17 февраля там присутствовал гражданский губернатор С. Ф. Панютин ¹², 11 сентября и 12 октября попечитель учебного округа И. П. Корнилов. Музей был объявлен «средоточием полонизма», его надлежало ревизовать особой комиссии в составе И. П. Корнилова, М. В. Глебова-Стрешнева (свойственник М. Н. Муравьева), директора училища реакционера Н. И. Бессонова, архивариуса Н. И. Горбачевского, настоятеля собора А. Пшолко и попечителя музея. Она должна была заседать в присутствии (позднее под председательством) генерал-майора А. Д. Столыпина (отца будущего Председателя Совета Министров).

Первое заседание было открыто И. П. Корниловым 3 марта 1865 года. На нем было зачитано «Предложение» начальника Северо-Западного края М. Н. Муравьева от 27 февраля на имя комиссии. В нем говорилось, что музей, созданный в 1856 г., должен был содействовать «вяшему скреплению уз, соединяющих бывшие литовские губернии с прочими областями России», но большая часть музейной коллекции не отвечает этой задаче, так как относится к «чуждой этому краю польской народности». Муравьев предлагал в первых залах поместить живых свидетелей «искони присущей здешнему краю русской народной жизни», во втором разряде — предметы, относящиеся к «литовскому началу», в третьем же разряде объединить вещи, «составляющие предметы общенаучные»; «что же касается предметов, принадлежащих польской народности... собрать особо и разместить в отдельном зале впредь до дальнейших об оных распоряжений».

Комиссия закрыла музей ¹³. Острые дебаты на ее заседаниях «не сохранили спокойствия, приличного научным рассуждениям» ¹⁴, проходили в такой обстановке, что в ряде случаев Е. П. Тышкевич отказывался на них присутствовать. В конце работы комиссии он подал протест, в котором указывал, что при основании музея имелись в виду «древности и памятники не польские, но местные, т. е. литовско-русские», а собирая предметы, он заботился о том, чтобы они представляли «не только светлые моменты истории», но и «служили точными снимками с прошлого на непреложных началах истории».

В резком ответе Столыпина Тышкевич обвинялся в том, что он не понимает, «в чем состоит дело русское, неразрывное с делом правительственным». Тышкевич в дальнейших заседаниях участвовать отказался и затем снял с себя обязанности попечителя музея. 256 предметов экспозиции было изъято, музей передан в ведение Виленского учебного округа. Среди изъятых вещей оказались даже скульптуры, восхваляющие царизм, но сделанные поляками, и т. п. Так, портрет генерала Коссаковского был изъят из-за польской фамилии, хотя Коссаковский был повешен польскими повстанцами в 1794 г. в Вильне за приверженность Екатерине II¹⁵. Был изъят и знаменитый славянский Збручский идол¹⁶ – языческий памятник X в., сброшенный в воду после принятия христианства и найденный в притоке Днестра в 1848 году.

Разгром музея рьяно поддержал М. Н. Катков, напечатавший по этому поводу большую и восторженную статью¹⁷. После работы комиссии «преобразование» музея продолжила группа «специально подобранных деятелей»¹⁸, которыми руководил Бессонов. Реакционная пресса злобно улюлюкала¹⁹, хотя такие лица, как А. Н. Пыпин, писали прямо противоположное²⁰.

Виленский музей был преобразован в Публичную библиотеку, собрание древностей стало плохо организованным при ней придатком, равно как кабинеты орнитологический, нумизматический и минералогический. Чучела отдали на съедение моли, шинель Мицкевича «сочли ветошью и, кажется, выбросили»²¹. Наступление на бывший музей усилилось при генерал-губернаторе К. П. Кауфмане, сменившем Муравьева.

Русские прогрессивные ученые были возмущены действиями Муравьева. Возвратившись из Москвы, К. П. Тышкевич писал акад. А. А. Котляревскому 21 июня 1867 г.: «Я с радостью рассказываю землякам, что среди москвичей я встретил ту братскую приветливость, которую мы так напрасно ищем у себя»²².

8 июня 1868 г. К. П. Тышкевич продиктовал последнее письмо Котляревскому, где просил напечатать о нем статью, чтобы охарактеризовать его, Тышкевича, как ученого: «Вы не можете понять, любезнейший Александр Александрович, какой это для меня важный документ, с ним в руках я решусь хлопотать в высших сферах администрации, чтобы пощадила меня, как человека, который уже положил заслуги на поприще отечественной науки»²³. В том же году К. П. Тышкевич скончался.

Не лучшим было положение его младшего брата Евстафия, чей сотрудник Киркор писал Котляревскому: «Позвольте принести нашу душевную благодарность... Вам за Ваше сочувствие к графу Евстафию Пиевичу. Он еще жив. Уехав из Вильны, он слег в постель и чуть не умер. Я сейчас написал ему и сообщил выписку из Вашего письма. Для него это большое утешение». Заметим, что и сам Киркор пострадал: он был лишен работы в музее и отстранен от руководства газетой «Виленский вестник». «Продаю вещи, лошадей, экипажи и этим живу»²⁴, сообщал он Котляревскому 10 мая 1866 года.

Примечания

1. ШПИЛЕВСКИЙ П. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Современник, 1854, т. 48, с. 54, 55.
2. Минское слово, 1912, № 1525, с. 2.
3. ПЕРЕДОЛЬСКИЙ В. С. Новгородские древности. Новгород. 1898, с. 4.
4. ТУРЦЕВИЧ А. Краткий исторический очерк Виленской комиссии для разбора и издания древних актов, 1864–1906. Вильна. 1906, с. 67.
5. ГИЛЬДЕБРАНТ П. А. О рукописном отделении Виленской публичной библиотеки. Вильна. 1871, с. 3.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ II). Т. 30. СПб. 1856, с. 304–306, ст. 29267.

7. Записки Виленской археологической комиссии. Т. 1. Вильна. 1856, с. 6.
8. ДАНИЛОВ И. Правительственные распоряжение относительно отечественных древностей.— Вестник археологии и истории, СПб., 1886, т. VI, с. 35.
9. ПСЗ II. Т. 30, с. 304.
10. Записки Виленской археологической комиссии. Т. 1, с. 12—17.
11. Виленский вестник, 1857, №№ 15, 17 и сл., а также 1869, № 30 (информации о заседаниях и деятельности комиссии).
12. Виленский вестник, 1864, № 25.
13. Дневник заседаний Комиссии для разбора и приведения в известность и надлежащий порядок предметов, находящихся в Виленском музее древностей. Вильна. 1865, с. 14.
14. ПЫПИН А. Н. История русской этнографии. Т. IV. СПб. 1892, с. 117.
15. Дневник заседаний, с. 50, 51.
16. Новое время, 1868, № 123.
17. Московские ведомости, 1865, № 188.
18. Виленский вестник, 1865, № 186 (сугубо клеветническое по содержанию письмо, которое вынужден был опубликовать редактор газеты, тогда еще не отстраненный А. К. Киркор).
19. Там же, 1866, № 16; 1868, № 145.
20. См. ПЫПИН А. Н. Ук. соч., с. 114.
21. Новое время, 1858, № 10.
22. ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 386, № 119, лл. 1—2.
23. Там же, лл. 3—4.
24. Там же, лл. 7—8.

Генерал Марсо

А. А. Егоров

В плеяде имен генералов Великой Французской революции имя Франсуа-Северена Марсо (1769—1796) занимает сравнительно скромное место. Все наиболее крупные сражения времен революции, за исключением битвы у Флерюса, прошли без него, участвовать в наполеоновской эпопее ему тоже не пришлось. Тем не менее он вошел в историю тех лет как человек большой честности и геройства.

Марсо родился в семье судейского чиновника и дочери торговца обоями. Старший из шести детей, Франсуа не был любим, ему предпочитали остальных детей, и это сказалось на его первых жизненных впечатлениях. Отданный кормилице, он тяжело переживал безразличие родни. Единственным близким для него человеком стала одна из его сестер, Мария. Франсуа учился в коллеже, и о нем потом говорили, что он «проявил в самом юном возрасте необыкновенные способности к учению»¹. Но больше, чем сиденье над книгами, привлекали его гимнастические упражнения, верховая езда и охота. После обучения он работал клерком при прокуроре, женившись на его сестре. Служба переписчиком деловых бумаг оказалась не для пылкого Франсуа, и он избрал себе военную профессию, поступив 16-ти лет 2 декабря 1785 г. солдатом в 34-й Ангулемский пехотный полк на 200 ливров жалованья.

Первые годы службы прошли для него без происшествий и в безвестности. Полусонная гарнизонная жизнь дала ему досуг для занятий математикой, чтения работ по военной теории и стратегии. Он с увлечением изучал жизнеописание Карла XII, Петра Великого, герцога Морица Саксонского, Фридриха II. Образцовым поведением молодой солдат приобрел уважение начальства, и его произвели в сержанты. Полковник граф де Серан сказал ему: «Сержант Марсо, из таких, как Вы, получают офицеры»². 1789 год сразу многое изменил в его жизни. Очувтившись порученцем в родном Шартре, Франсуа собирал жалобы сограждан о злоупотреблениях старого режима.

Летом 1789 г. Марсо, получив увольнительную, уехал в столицу и 14 июля участвовал во взятии Бастилии, возглавив один из отрядов, готовых противостоять войскам, которые Версальский двор направил в Париж. Марсо вступил в Национальную гвардию, а в октябре вернулся в Шартр. Там осенью 1789 г. тоже начали формироваться отряды Национальной гвардии, и Марсо стал инструктором, а спустя два года — ротным капитаном батальона волонтеров. 1 декабря 1791 г. приказом военного министра он был произведен в майоры. Тогда же Франсуа представил начальству написанное им руководство по воинским маневрам. Оно затем легло в основу новых французских уставов пехотных тактических учений³.

22-летний майор выглядел тогда так: невысокого роста, элегантный, ловкий, с длинными волосами и усами; лицо его носило печать воинского духа, сочетавшегося с меланхолической

Егоров Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель педагогического института (Ростов-на-Дону).

грустью ⁴. Накануне войны с Австрией и Пруссией батальон Марсо был направлен в Арденнскую армию и почти два месяца находился в Шампани. «Мы не знаем,— писал он 13 марта 1792 г. своему другу,— покинем ли мы Отечество». Вскоре выяснилось, что ни о какой наступательной войне для революционной Франции не может быть и речи. Офицерский корпус армии в первые же дни войны чуть ли не в полном составе перешел на сторону врага. По словам будущего наполеоновского маршала Л. Гувьон-Сен-Сира, офицеров во французской армии «недоставало 12 тыс., когда последовал разрыв с Австрией» ⁵.

В мае 1792 г. Марсо со своим батальоном, покинув Реймс, направился к Монмеди. Когда вскоре небезызвестный генерал М.-Ж. Лафайет бежал за границу и многие офицеры хотели последовать его примеру, Марсо горячо удерживал их, уговаривая не показывать спину неприятелю. Перешедшие границу пруссаки были неподалеку. Батальон Марсо попал в крепость Верден, восточный форпост Франции. Военская дисциплина была здесь в плачевном состоянии. Войска герцога Брауншвейгского начали осаду крепости, продлившуюся лишь три дня. Горожане высказались за сдачу Вердена пруссакам, комендант крепости застрелился, а его преемник пошел на капитуляцию.

Марсо был в отчаянии. К тому же ему поручили отправиться в прусский лагерь и согласовать детали сдачи. Марсо подписал ее текст, чуть не плача от унижения. Один из прусских командиров сказал: «Если у французов много таких офицеров, как этот, нам придется туго» ⁶. По новым французским законам, за подписание капитуляции Марсо грозила смертная казнь. Его спас один из членов Конвента, друг его сестры. После этого батальон Марсо был включен в Северную армию Ш.-Ф. Дюмурье. «Нашим авангардом,— писал Марсо,— командует генерал Диллон, добрый патриот и к тому же хороший военачальник». Батальон принял участие в двух жарких делах, где до 9 тыс. французов отразили натиск вдвое сильнеешего противника. Франсуа участвовал в этих боях и энергично преследовал отступавшего врага.

Будучи недоволен положением дел в волонтерских отрядах, он хотел перейти в линейные войска, и в ноябре 1792 г. по его просьбе был переведен в кирасирский полк Германского легиона, направленный на подавление контрреволюционного восстания в Вандее. Так он стал подполковником легких кирасир Западной армии ⁷.

Весной и летом 1793 г. вандейцы наносили силам республиканцев удары один за другим и захватили ряд городов. Крестьяне-фанатики под предводительством священников и дворян-роялистов развернули жестокую и изнурительную, без правил и без пощады партизанскую войну против войск Конвента. Погашенное в одном месте пламя мятежа тут же вспыхивало в других дистриктах ⁸. Комиссары Конвента в армии, наделенные неограниченными полномочиями, не будучи в большинстве своем военными людьми, вмешивались в командование боевыми операциями, изменяли планы кампаний, участвовали в реорганизации командного состава. Кроме того, они спорили между собой, мешали и друг другу и генералам. Из этих столкновений различных лиц, облеченных властью, рождались доносы, взаимные обвинения и непризнание ничьих распоряжений. Приводились в исполнение достаточно велепые планы, города оставались без защиты, а армии приходили в большое расстройство ⁹.

Проведя проверку Германского легиона, комиссары Конвента из Тулузы пришли к выводу, что он представляет собой сброд людей, лишенных чувств патриотизма. Началось выявление подозрительных лиц в офицерской среде легиона. Возмущенный невежеством комиссаров, Марсо не скрывал своего отношения к их деятельности. Его критические замечания оказались для него опаснее, чем встреча с шуанами. Марсо попал в категорию подозрительных, был арестован и предстал перед революционным трибуналом. Однако суд, изумленный простотой и пылкостью его ответов, вернул Франсуа в армию.

10 июня 1793 г. он прибыл под Сомюр в тот момент, когда город атаковали роялисты. В сражении с ними отличился как раз Германский легион. Главнокомандующий республиканскими войсками генерал Кустар отдал приказ захватить вражеские пушки в центре позиции. «Куда вы нас пошлете?» — спросил Кустара командир легиона. «На смерть,— ответил тот,— спасение Республики требует этой жертвы». В пылу сражения Марсо увидел своего личного недруга комиссара П. Бурбота, окруженного вандейцами. Представитель Конвента потерял лошадь, его положение было безвыходным. Франсуа, пробившись к нему, отдал ему своего коня.

Отчаянная храбрость республиканцев оказалась бессильной остановить натиск вандейцев. Войска Конвента были разгромлены. «10 июня,— сообщалось в Париж,— было для нас одним из самых роковых дней, которые нам пришлось испытать». Но подвиг Марсо был все же замечен, и 13 июня Конвент декретировал: «Согласно предложению одного из своих членов, Национальный Конвент постановляет, что гражданин Марсо, офицер Германского легиона, который вырвал из рук мятежников близ Сомюра гражданина Бурбота, представителя наро-

да... заслуживает благодарности Отечества, и он [Конвент] рекомендует военному министру, чтобы тот перевел его [Марсо] на более высокую должность, чем та, которую он занимает»¹⁰.

В августе 1793 г. полк Марсо оказался близ Люсона, атакованного роялистами. Марсо с пехотой и двумя эскадронами кавалерии обошел правый фланг противника, внося значительный вклад в победу над инсургентами. Такого поражения вандейцам еще не приходилось переносить, они лишились всей артиллерии и разбежались, кто куда. Наступившая осень была наполнена новыми стычками. Марсо вновь отличился при Шатонне 5 сентября, где под ним были убиты две лошади, и при Мортаню 14 октября.

Он узнал, что рядом с его полком расположена ставка Ж.-Б. Клебера. Соблазн познакомиться со знаменитым генералом оказался велик, и Франсуа отправился к Клеберу. Но тот отнесся прохладно к неожиданному визитеру: «Вы не должны были покидать ваш пост, возвращайтесь; позже у нас будет время, чтобы познакомиться». Тем не менее несостоявшееся тогда знакомство вскоре переросло в дружбу. В бою 17 октября у Шоле, где, по словам Клебера, «роялисты сражались, как тигры, а наши солдаты — как львы», Марсо действовал блестяще. Роялисты были отброшены с большим уроном в людях и орудиях, а их предводители — смертельно ранены.

За день до этого сражения Марсо становится исполняющим обязанности бригадного генерала, в новом чине его утвердили 5 ноября, а уже 10 ноября он стал дивизионным генералом. 27 ноября (на время отсутствия главнокомандующего) он был назначен главнокомандующим Западной армией, имея от роду 24 года. Впрочем, Л. Дезэ стал дивизионным генералом в 25 лет, Л. Гош — тоже в 25, Н. Бонапарт получил генеральские погоны в 24 года. У революции были юные генералы. «Он молод, полон знаний и смелости, — говорил Клебер о Марсо. — Более хладнокровный, чем он, я нахожусь тут лишь для того, чтобы его сдерживать». Но завидовавший Марсо главнокомандующий Западной армией Ж.-А. Россиньоль отзывался о нем, как об интригане, окруженном шайкой честолюбцев.

Между тем война в Вандее приобретала все большее ожесточение. Роялисты беспощадно расправлялись со взятыми в плен «синими», республиканцы отвечали суровыми репрессиями. В Париже не видели альтернативы. Марсо одним из первых указал на порочность политики грубой силы, проводимой Конвентом в отношении мятежников. Расчет на силу ведет к неизбежным и ненужным жертвам, писал он военному министру. 11 декабря, накануне решительного сражения с инсургентами, Марсо сообщал в Париж: «Все говорит о том, что армия разбойников еще очень сильна, но все свидетельствует и об их близком уничтожении. Да здравствует Республика!»

Действуя вместе с Клебером, 12–13 декабря Марсо разбил вражеские отряды и занял Ле Ман, а затем докладывал военному министру: «10 пушек, множество зарядных ящиков и обмундирования были брошены в оставленном городе... Местечки и дороги были покрыты трупами и ружьями, которые они [вандейцы] побросали во время своего бегства». В бою при Савенэ 23 декабря, где в решающий момент обнаружилась нехватка кавалерии, Марсо сколотил ее из офицеров корпуса и повел в атаку этот импровизированный отряд. Противник был разбит. Клебер затем говорил: «Я никогда не знал ни одного генерала, который, подобно Марсо, может изменить хладнокровно и обдуманно судьбу кампании... в одно мгновение». В тот день Марсо записал: «Вандейская война, наконец, закончилась на правом берегу Луары». Действительно, к концу 1793 г. положение в Вандее стабилизировалось, инсургенты терпели одно поражение за другим.

30 декабря Марсо получил отпуск. Шесть недель он провел в Париже. Шел вантоз II года Республики. Якобинский блок раздирала внутренняя борьба робеспьеристов, эбертистов, умеренных. Гильотина работала без устали, карая и виновных и невинных, террор набирал обороты. Марсо не принимал никакого участия в этих общественных делах. «Я избегаю и комитетов, и бюро», — писал он другу. Человек необычайной храбрости, он терялся перед лицом этой новой, непостижимой для него опасности быть вовлеченным в межпартийную борьбу. К счастью для него, в марте 1794 г. он возглавил дивизию в Арденнской армии и с апреля вновь находился в боевом строю.

Значительным событием его военной биографии стало участие 26 июля в битве под Флерюсом. Личным примером и неустрашимостью Марсо сумел остановить начавшееся отступление. Сражаясь, как простой солдат, он постоянно подвергал себя опасности, под ним были убиты две лошади. Его дивизия выстояла, что решило исход сражения. Затем, во время марша на Монс, Марсо лично взял в плен австрийского офицера. Вскоре в бою при Онозе, будучи внезапно атакован, он сражался, не сходя с места. 16 часов.

Последним событием в 1794 г. для Марсо было занятие Кобленца. Этот город в Трирском архиепископстве являлся гнездом контрреволюционной эмиграции. Австрийцы, защи-

шавшие город, заняли окружавшие его высоты, установили там батареи и соорудили ретраншементы. Именно Марсо было поручено захватить Кобленц, и он сделал это 23 октября, после чего докладывал народному представителю: «Спустя четыре дня чрезвычайно трудного марша через леса и горы я настиг неприятеля в его лагере, в полулье от Кобленца, где по окончании оживленной артиллерийской и ружейной перестрелки принудил его обратиться в бегство. Войска, которыми я командую, проявили удивительное терпение и выказали героическую отвагу. Каждый из солдат хорошо исполнил свой долг».

Вскоре в письме к командующему объединенной Самбро-Маасской армией генералу Ж.-Б. Журдану Марсо сообщал: «Дерево свободы было посажено вчера перед дворцом Электора (дерево свободы — в Кобленце!). Наплыв жителей не был велик, и радость сияла только на лицах наших храбрых солдат... Сей символ свободы воздвигнут на месте резиденции маленького чудовища, который тут находился». Служа на Рейне, Марсо вновь встретился с прежним боевым товарищем, генералом Л.-Н. Даву. Первый раз судьба свела их в Вандее, и уже тогда их связала дружба. Даву хотел даже устроить брак Марсо со своей сестрой¹¹. Но этому не суждено было сбыться.

Первая половина 1795 г. прошла для Марсо в относительном бездействии. С осени соединение Марсо контролировало передвижения противника под Бонном, затем участвовало в осаде Эренбрейштейна, 17 декабря одержало победу над австрийцами у Зальцбаха. При отступлении дивизии генерала Ж.-Б. Бернадота от Нейвида Марсо поручили сжечь за ней мост. Его по оплошности сожгли раньше, подставив Бернадота под удар противника. Марсо пришел в отчаяние и хотел застрелиться. Его спас боевой друг, помешавший ему осуществить это намерение.

1796 г. был отмечен феерическими победами Бонапарта в Италии. Иначе для французов складывалась обстановка в Германии. Рейнская армия генерала Ж.-В. Моро и Самбро-Маасская армия Журдана плохо координировали свои операции и были вынуждены начать отступление. Дивизия Марсо составляла арьергард армии Журдана. В боях под Лимбургом Марсо сумел остановить австрийцев, вновь проявив присущие ему талант военачальника и храбрость. «Противник,— докладывал Марсо Журдану 16 сентября,— трижды пытался выступить из Лимбурга и трижды доблестно был отброшен. Его превосходство не помогло ему против храбрости наших солдат».

При проходе арьергарда сквозь дефиле под Альтенкирхеном Марсо проводил рекогносцировку. 19 сентября, приехав к аванпостам, он был смертельно ранен. На место происшествия тотчас прибыл Бернадот. Марсо успел попросить его: «Товарищ, устройте так, чтобы перед смертью мне не пришлось видеть, что наши войска бегут в беспорядке перед неприятелем. Меня убивает мысль об этом». «Успокойтесь,— отвечал Бернадот,— отступление совершается в порядке». Раненого доставили в Альтенкирхен, там его встретил Журдан, который не мог удержаться от слез. Марсо утешал его: «Зачем плакать, генерал. Я счастлив умереть за родину».

19 сентября Журдан сообщил Директории: «Я был вынужден оставить Марсо в Альтенкирхене. Я не произношу похвальную речь этому генералу, граждане директоры: вы знали в течение долгого времени его таланты и его мужество. Республика лишилась одного из лучших генералов, я потерял искреннего друга». Марсо умер 21 сентября, завещав Клеберу своего лучшего коня. По распоряжению командующего австрийской армией эрцгерцога Карла, занявшего Альтенкирхен, тело Марсо было передано французам, а почетный эскорт австрийской кавалерии сопровождал его останки до форта Петерсберг, где генерал был похоронен 23 сентября, форт же получил имя Марсо. Когда гроб с его телом опустили в землю, к салюту французских пушек присоединились залпы австрийских орудий.

Три года спустя по декрету парижского правительства останки Марсо перезахоронили вместе с останками генералов Гоша и Шерена в мавзолее, воздвигнутом на берегу Рейна. Имя Марсо высечено на северной стороне Триумфальной арки в Париже.

Примечания

1. MAZE H. Le général F.-S. Marceau: sa vie, sa correspondance d'après des documents inédits. P. 1889, p. 1; Révolution et Premier Empire: biographies des généraux dans l'ordre alphabétique. P. S. a., p. 2.
2. RIVAL P. Marceau. P. 1938, p. 43.
3. Военная энциклопедия. Т. 15. СПб. 1914, с. 210; SIX G. Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792—1814). Т. 2. P. 1934, p. 150; TULON F. Les généraux de vingt ans: Hoche — Marceau — Joubert — Desaix. P. 1889, p. 111.
4. DESPREZ C. Kléber et Marceau. P. 1857, p. 57.
5. Записки маршала Сен-Сира о войнах во времена директории, консульства и империи французской. Ч. I. СПб. 1838, с. XXVII—XXVIII.
6. ДЖИВЕЛЕГОВ А. К. Армия Великой Французской революции и ее вожди. М.-Пг. 1923, с. 130.
7. CHUQUET A. Quatre généraux de la Révolution: Hoche et Desaix, Kléber et Marceau. P. 1911, p. 295.
8. Memoirs of Bertrand Barère, Chairman of the Committee of Public Safety during the Revolution. Vol. 2. Lnd. 1895, p. 105; GREER D. The Incidence of Terror during the French Revolution. Cambridge. 1935, pp. 61—62.
9. ЛУКИН Н. (Н. Антонов). Из истории революционных армий. М. 1923, с. 186—189; МИХЕЕВ К. И. Вандейские войны. СПб. 1907, с. 26.
10. Всеобщая военная история новейших времен. Ч. I. СПб. 1874, с. 325; Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792—1794). Сб. док. и м-лов. М. 1927, с. 653.
11. GALLANER J. The Iron Marshal: a Biography of Louis N. Davout. Lnd. 1976, pp. 30—31.

Американские историки о советском обществе времен гражданской войны

С. В. Леонов

К концу 80-х годов стало очевидно, что, хотя накопленный отечественной историографией материал и сохранил отчасти свою научную значимость, она не располагает обобщающей социальной историей гражданской войны в России, но испытывает методологический, концептуальный, а в какой-то мере и фактологический кризис. Как бы продолжая битвы гражданской войны, мы еще и еще раз доказывали «закономерность победы пролетариата над буржуазией», «двойственность» социальной природы крестьянства и т. п. Столь же упрощенно зачастую выглядел инструментарий исследований, неразработанностью и запутанностью страдал понятийный аппарат. Такие общности, как «класс», «социальная группа», рассматривались чаще всего как нечто единое и однородное, а их основные характеристики вытекали не столько из конкретно-исторического анализа, сколько априорно предопределялись сверхидеологизированными оценками. Все это в сочетании с пренебрежением к достижениям социологии, социальной психологии, да и к простому бытоописанию привело к «дегуманизации» истории гражданской войны. Несмотря на обилие различных работ о ней, мы сегодня немного знаем о том, как жили люди в то трагическое время, что они думали, к чему стремились, что их объединяло и что разобщало. На этом фоне особый интерес вызывает опыт, накопленный западными историками. Среди сравнительно немногочисленных пока исследований по социальной истории гражданской войны выделяется книга «Партия, государство и общество в гражданской войне в России»¹, вышедшая в «Индиано-мичиганской серии русских и восточноевропейских исследований».

В основу книги легли материалы семинара по русской истории XX в. и по советской социальной истории (первый, состоявшийся в Филадельфии в 1980 г., был посвящен общим историографическим, концептуальным проблемам; второй — истории крестьянства; третий — царской и советской бюрократии). Статьи в книге сгруппированы по принципиальным проблемам социальной истории того периода: «Гражданская война и социальная революция», «Социальные и демографические последствия гражданской войны», «Управление и государственное строительство», «Большевики и интеллигенции», «Рабочие и специалисты», «Наследие гражданской войны». Эти разделы снабжены краткими введениями и заключениями (комментариями).

Обращение западных историков к указанной проблематике весьма симптоматично. Господствовавшая на Западе «тоталитарная» школа, не считавшая гражданскую войну поворотным пунктом в советской истории, не уделяла этой теме существенного внимания. Подчеркивая изначальное стремление большевиков к жесткой диктатуре и отказывая им в серьезной социальной поддержке, эта школа выводила тоталитаризм (сквозь призму формирования и развития которого она и рассматривала советскую историю)

Леонов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

непосредственно из Октября и особенностей большевизма (с. 385). Первостепенное внимание поэтому уделялось ею политической истории, «истории сверху». Вера в неизбежность пройденного советской Россией пути, абсолютизированное значение, придаваемое большевистской партии и ее идеологии, в какой-то мере роднило «тоталитаристов» с советской историографией.

Появившееся в 60—70-е годы «ревизионистское» направление в американской историографии (Р. Такер, А. Рабинович, С. Козн и др.) отказалось от жестких и по сути дела идеологизированных схем и попыталось учесть сложность и неоднозначность процессов, протекавших в российском обществе, да и в самой партии большевиков, и на этой основе — возможность альтернативных вариантов развития. Все большее внимание стало уделяться массам, социальным группам, повседневной жизни рядовых людей, их менталитету — т. е. «истории снизу». Этому способствовал как поворот американской историографии к социальной истории², так и возможность использовать в 50—60-х годах некоторые, ранее недоступные источники, а в какой-то степени и новые тенденции в советской историографии.

Социальные историки придают проблематике гражданской войны в России принципиальное значение. М. Левин, Ш. Фицпатрик и другие исследователи именно в этом периоде обнаруживают важнейшие истоки сталинизма (с. 385—390). Проблема места гражданской войны в истории России так или иначе затрагивается большинством авторов книги.

Фицпатрик в обзорной вводной статье выделила ключевые проблемы социальной истории гражданской войны: классы, социальная мобильность и самоидентификация различных слоев и групп, их менталитет, смена правящих элит и т. д. Отмечая неисследованность этих вопросов, она подчеркивает уязвимость жесткой схемы классового анализа, особенно заметную на фоне колоссальных изменений, которые произошли в социальных отношениях и институтах в те годы. Старая классовая структура российского общества исчезла или изменилась до неузнаваемости, указывает она, в то время как новая социальная структура еще не сформировалась. В результате «великая классовая борьба» к концу гражданской войны велась фактически между «суррогатом» пролетариата (Красная Армия и компартия) и «суррогатом» буржуазии (белая армия и городская интеллигенция) (с. 5—6). Подавляющая же часть общества, по сути, выпадает из поля зрения исследователей.

До сих пор остаются непроясненными важнейшие проблемы: стал ли советский рабочий класс действительно правящим; кто выжил из старых классов; в чем причины неуклонного свертывания демократии после Октября; насколько социальные катаклизмы гражданской войны были обусловлены объективными обстоятельствами и насколько — политической волей сил, в ней участвовавших? Пути решения этих сложных вопросов и пытаются найти авторы книги.

Одной из стержневых проблем, позволяющих в случае ее разрешения не только прояснить сложные механизмы социальной борьбы в годы гражданской войны, но и вписать их в общий контекст российской истории, является соотношение, взаимосвязь самосознания различных групп населения России, их представлений о себе, о мире и политике с их социальными характеристиками и политическим поведением. Л. Хаимсон, анализируя проблему социальной самоидентификации населения России, отмечает, что сословные и классовые деления далеко не всегда адекватно отражали реальное социальное положение и менталитет различных групп.

В России наблюдался резкий разрыв между опытом самих социальных групп и их юридическим статусом. Коллективное представление о себе и обществе у различных групп (особенно в городах) не вытекало непосредственно и из их социальных характеристик и социального бытия. Как юридическая идентификация сословий исходила от государства, так и альтернативные представления на этот счет формулировались для них другими силами и прежде всего политическими деятелями, интеллигенцией. Последняя вырабатывала свои социальные представления не только на основе российского опыта, но и посредством интерпретации западных моделей.

Представления социальных групп о самих себе, считает Хаимсон, имели решающее значение для формирования их политического поведения в периоды острых общественных кризисов. В то же время изменения в самоидентификации не всегда отражали и влекли за собой изменения в менталитете — базовых и достаточно стабильных психологических ориентирах. Например, политическое поведение крестьян, особенно в Центральном регионе, варьировалось в начале XX в. от политической апатии до различных обращений к властям и открытых восстаний и бунтов. Эти перепады в политическом поведении не сопровождались значительными сдвигами в менталитете крестьянства. Они скорее отражали вызванные

различными событиями изменения в том, как крестьяне воспринимали стабильность государственной власти (с. 29).

Рассматривая сознание и образцы политического поведения различных социальных групп в 1917 г. и в период гражданской войны, Хаимсон указывает на перемены, происшедшие по сравнению с первой российской революцией. Если либеральная интеллигенция в 1905 г. рассматривала себя как внесословную, надклассовую группу, то к 1917 г. — уже скорее как представительницу среднего класса, призванную стать опорой нового, современного государства. В отличие от 1905 г. представления о государстве даже умеренных социалистов отражали глубокий раскол между верхними (цензовыми, образованными) и нижними слоями, что и легло в основу концепции двоевластия. К осени 1917 г. поляризация общества на «низы» и «верхи» широко проявилась в городах, особенно тех, где располагались воинские гарнизоны. Выборы в Учредительное собрание зафиксировали дальнейшее развитие этой тенденции. Тем не менее активных участников революции до лета 1918 г. было мало — с обеих сторон.

Подчеркивая партикуляризм крестьянства, которое, получив землю, желало прежде всего, чтобы его оставили в покое, Хаимсон делает вывод, что политические программы и кадры как белых, так и красных почти полностью вышли из городской России. И те и другие столкнулись с серьезной проблемой — глубоким различием между городской и сельской политической культурой. Но красные решили ее более успешно и сумели к тому же заручиться определенной поддержкой специалистов, технической интеллигенции в городах. Именно в сфере государственного строительства (даже больше, чем в борьбе и терроре) большевики окончательно выиграли гражданскую войну, считает Хаимсон (с. 45).

В случае подтверждения этих выводов детальным фактологическим исследованием будет не только углублено понимание сути, основ социальной борьбы в период гражданской войны, но и получен еще один «угол зрения» для анализа других периодов российской истории — сквозь призму конфликта города и деревни. Этот конфликт, как представляется, во многом определял не только гражданскую войну, но и революции 1905 и 1917 гг., «революцию сверху» 1929 г. и т. д., а в целом придавал многие специфические черты российской истории XX века.

Рассматривая катастрофические социальные и демографические последствия гражданской войны для населения городов, Д. Кенкер, Д. Брауэр и Б. Клементс выявляют и элементы устойчивости городских (особенно семейных) институтов и даже некоторую преемственность процессов в этой сфере. Брауэр аргументированно возражает некоторым западным исследователям, склонным рассматривать гражданскую войну как трагический эпилог процесса урбанизации и возвращение к примитивному аграрному обществу (с. 58). Опираясь на советскую статистику начала 20-х годов, он показывает, что лишь некоторые города (Петроград, Нижний Новгород, Псков) потеряли более половины населения. В 167 российских городах население сократилось на 24%, а города производящих губерний потеряли только 14% своих жителей.

Само содержание, характер городской жизни претерпели значительные изменения. Голод, холод, сокращение жилого фонда, необычайный рост смертности населения привели к тому, что главной проблемой городов и горожан стала борьба за выживание. Эта жестокая борьба ослабила классовые различия и превратила города в царство мелких торговцев, мешочников, словом, «обывателей». До 70—80% продовольствия, в том числе более 50—60% хлеба горожане получали через нелегальную торговлю, проявляя при этом чудеса изворотливости. Современникам казалось, что вся нация (в том числе и фабричных рабочие) занята торговлей.

Брауэр подчеркивает, что вопреки стремлениям большевиков в результате гражданской войны в городах разрослись мелкотоварная экономика и торговля. Возрождение, легализацию их в годы нэпа он рассматривает как «триумф городской практики над фанатизмом большевиков», а нэп — как прямое продолжение этой «второй экономики» периода гражданской войны (с. 76, 77). Вместе с тем, именно тогда многие горожане почувствовали враждебность к деревне; этот период даже привил тем, кто участвовал в продотрядах, вкус борьбы с крестьянством, тем самым подготовив их к сталинской «революции сверху» (с. 77).

Кенкер и Фицпатрик исследуют изменения, происшедшие в городском населении. Касаясь вопроса, стали ли рабочие «чем-то вроде нового правящего класса», Фицпатрик указывает, что повышение социального статуса (включение в правящие структуры, в РКП(б) и т. д.) было характерно для значительной части, но не для всего рабочего класса. Огромные массы рабочих направляли на село, где они сыграли немалую роль в развертывании

«социалистической революции» в деревне (с. 77). Фицпатрик обращает внимание на незавершенность процесса смены элиты в годы гражданской войны. Отмечая быстрый распад старой элиты в тот период, она подчеркивает, что этот процесс начался еще до Октября, в годы первой мировой войны, а в 20-е годы некоторые ее представители даже сумели повысить свой социальный статус.

Единственной из «старых» групп, сумевшей выжить в годы гражданской войны и в определенной мере сохранить свои привилегированные позиции, была, по мнению Фицпатрик, интеллигенция. В этот период уже шла трансформация партии «революционного пролетариата» в коммунистическую административную элиту и большевистские лидеры (а заодно и деятели теневой экономики) стали фактически временной элитой, обладавшей более высоким уровнем жизни. К сожалению, эти интересные соображения не развернуты и не подкреплены фактическим материалом. Однако они открывают новое поле для исследования, которое позволит ответить на вопросы, какие социальные группы оказались у власти, кто в действительности выиграл от Октябрьской революции и т. д.

Значительное внимание уделяется в книге такой малоисследованной проблеме, как менталитет рабочего класса. Советская историография идеализировала «сознательность» рабочих и объясняла негативные проявления в их поведении — жестокость по отношению к «буржуям» и членам их семей, антисемитизм, антиинтеллектуализм («спецеедство») — влиянием мелкой буржуазии или незрелостью некоторых слоев рабочего класса.

Важнейшим атрибутом «революционной сознательности» пролетариата считалась поддержка им политики большевиков. По мнению Кенкер, большевики заблуждались, веря в определяющее влияние социального положения на политическое поведение и объясняя недостаточность поддержки, оказываемой им рабочими, изменениями в составе этого класса (с. 51). Анализируя «революционную сознательность» пролетариата, она сумела выделить ее компоненты и показать связь с городской культурой. Такой подход позволил связать перемены в позиции рабочих с изменениями факторов «революционной сознательности», из которых лишь один — марксистская идеология — оставался неизменным в годы гражданской войны (с. 83, 84). Вывод Кенкер об отсутствии жесткой связи политического поведения с социальным составом рабочего класса отчасти подтверждается и новейшими отечественными исследованиями³.

Хаимсон, Фицпатрик, Кенкер подчеркивают неоднородность менталитетов разных классов (в том числе и рабочего). Для более адекватной характеристики этой неоднородности требуется учесть ряд дополнительных сведений о составе этих классов (пол, возраст, профессия, квалификация, религия, национальность и т. д.). В частности, существенно различались между собой менталитеты рабочих и работниц. У последних он был больше ориентирован на семью и домашний очаг, которые большевиками рассматривались как «мелкобуржуазные» ценности. Но и у рабочих-мужчин многие характеристики менталитета не вписывались в сложившийся стереотип «пролетарской сознательности».

Кенкер попыталась проанализировать связь рабочих с деревней и установить влияние ее на их политическую позицию. Она выделила пять типов рабочих семей по уровню урбанизации, т. е. по степени адаптации их к городским условиям и ценностям. При этом наиболее урбанизированных семей («тип А» — родители постоянно жили в городе и там же выросли дети) оказалось очень мало. По состоянию на 1912 г. только десятая часть рабочих Москвы родилась в городе (с. 85).

Трудно доказать, считает Кенкер, что рабочие, поддерживавшие советскую власть, были «более городскими», нежели остальные. И все же можно сказать, что организованные рабочие, наиболее активные в профсоюзах, фабзавкомах и Советах были по преимуществу мужчины, «городские» и квалифицированные (с. 88). Если накануне Октября молодые рабочие, вышедшие из деревни, колебались между различными направлениями социалистов, то молодые рабочие городского происхождения, уже оторвавшиеся от деревни, в целом стихийно поддерживали большевиков. В деревню же возвращались наименее активные рабочие, недавние мигранты, в наибольшей мере сохранившие связи с селом.

Кенкер согласна с Брауэром в том, что изменения в городской жизни в период гражданской войны имели скорее количественный, чем качественный характер. Сохранилось ядро рабочего класса, как и его городская — по своему характеру — культура. У. Розенберг также подчеркивает, что, несмотря на разрушающее воздействие нелегальных рыночных отношений, классовое сознание рабочих принципиально не изменилось, поскольку оно зависело не только от быстро меняющейся социально-экономической обстановки, но и от более стабильных элементов городской культуры (с. 124, 125).

Б. Клементс исследует влияние гражданской войны на женщин и семейные отношения. Она напоминает, что большевики ставили своей целью разрушение «буржуазной» семьи и замену ее новой, основанной на любви и равноправии женщин как в браке, так и в обществе. Октябрьская революция и гражданская война внесли беспрецедентные изменения в семейно-брачные отношения. Миллионы браков были разрушены. Началась предсказанная К. Марксом либерализация женщин, сопровождавшаяся пропагандой сексуального освобождения, доходившей в отдельных городах до создания «Бюро свободной любви» и объявления всех «девиц» государственной собственностью (с. 105).

Однако гражданская война не разрушила семью, а лишь ускорила начавшуюся еще до 1917 г. ее трансформацию — переход от большой, патриархальной к нукlearной семье, основу которой составляет семейная пара, живущая вместе с молодыми детьми и самостоятельно себя обеспечивающая. В связи с этим, отмечает Клементс, молодые крестьянки, стремясь выйти из-под контроля свекрови и свекра, не восставали, как правило, против патриархального характера отношений с мужьями. Представительниц женотделов, проповедовавших идеи эмансипации, нередко избивали (с. 107). Семья — как институт — продемонстрировала удивительную живучесть и именно в ней граждане России (прежде всего женщины) стремились в период социальных катаклизмов обрести хоть какую-то устойчивость.

Исследуя проблему становления советской государственности, авторы книги сосредотачивают внимание на неизученных аспектах, а именно — преемственности старой и новой государственности, трансформации советского строя во время гражданской войны, роли средних слоев, интеллигенции в советском государственном строительстве и т. д.

В. Боннелл подчеркивает резкое возрастание роли государства в тот период. К концу гражданской войны, отмечает она вслед за М. Левиным, государство фактически стало главным выразителем и носителем принципов социализма. В государственном строительстве в Советской России Боннелл выделяет следующие основные тенденции: восприятие старых бюрократических институтов вместе с огромным слоем бюрократии; огосударствление ранее независимых организаций (кооперация, профсоюзы и т. д.); создание новой бюрократической структуры, соединившей в себе функции, прежде рассеянные по разным правительственным учреждениям и независимым от государства организациям.

А. Рабинович на примере Совета Первого городского района Петрограда скрупулезно прослеживает взлет и падение «октябрьской демократии». Пик самостоятельности и авторитета этого Совета приходится на первые восемь месяцев после Октябрьской революции, что в немалой степени было связано с образовавшимся тогда вакуумом власти. Рабинович показывает, что до весны-лета 1918 г. большевики не предпринимали серьезных попыток установить жесткий, систематический контроль над Советом. Подробно описывая, как летом 1918 г. большевики всеми средствами пытались сохранить большинство в Совете, невзирая на падение массовой поддержки, автор тем не менее считает, что централизация управления и стремительное ослабление роли и самостоятельности Совета с лета 1918 г. и в последующий период были обусловлены прежде всего изменившейся ситуацией в стране, настоятельной необходимостью преодолеть организационный хаос и оптимально использовать скудные ресурсы (с. 152). В принципиальном плане этот вывод подтверждается и некоторыми отечественными исследованиями⁴.

Превращение самостоятельных революционных институтов в административные бюрократические учреждения прослеживают Т. Ремингтон и М. Маколей. Говоря о свертывании демократии, они склонны, в отличие от Рабиновича, большее значение придавать субъективным факторам, идеологии. Исследуя, как рабочий контроль над производством «снизу» превращается в бюрократический контроль «сверху» с квазипрокурорскими функциями, Ремингтон показывает, что рабочий контроль так и не смог серьезно противостоять лавине разнообразных злоупотреблений (в том числе и со стороны ЧК). Одной из причин неэффективности рабочего контроля было смешение контрольных и административных функций. Маколей исследует, как сталкивались представления рабочих о социализме с реальной действительностью, которая и оказывалась победителем. Отказавшись по идеологическим принципам от свободы торговли, большевики не только не смогли устранить частный сектор, но, напротив, породили новую популяцию торговцев.

До последнего времени советские историки трактовали новое государство как «рабочее», хотя уже в 70-х годах было показано, насколько велик был удельный вес старого чиновничества в центральном госаппарате⁵. Но и западная историография тяготела к рассмотрению советского правительства вне социального контекста. Этот пробел пытается восполнить Д. Орловский, исследуя роль «нижне-средней страты» (под этим термином он

объединил служащих разнообразных государственных и общественных органов, в том числе и часть интеллигенции) в создании советского государства. Еще до Октября эта страта стала ведущей в земельных, продовольственных комитетах, кооперации и других организациях. Постепенная интеграция этих органов в систему государственного управления означала одновременно и массовое проникновение «нижне-средней страты» в советский госаппарат, где она заняла ведущие позиции.

Орловский рассматривает государственное строительство как процесс, связанный прежде всего с резким усилением влияния, с «социальной революцией нижне-средней страты», которая обеспечила важные предпосылки, элементы нового государства. Радикализация данной страты, пишет он, после Февраля помогла совершить Октябрьскую революцию, а затем ее знания, определенный консерватизм и стремление к стабильности помогли укрепить советское государство. Именно в этом Орловский видит разгадку того, что большевики смогли в короткие сроки создать мощное государство в неблагоприятных для них условиях. Рост государства был обусловлен тем, что «нижне-средняя страта» абсорбировала и наиболее активных представителей из рабочих и крестьян.

Государственное строительство шло не только «снизу», но и «сверху» — через восстановление прежних структур (например, министерств в виде наркоматов), нередко вместе с их прежним персоналом. В основе этого процесса в годы гражданской войны, считает Р. Суни, лежал конфликт между старым и новым, между политическим руководством и реальностью, между человеческим и институциональным началами (с. 232). Если в других странах новому государственному строительству предшествовал обычно распад старой власти, то в России, напротив, все свелось фактически к быстрому возрождению старых правящих групп, да и всего государства в целом.

Конечно, советское государство нельзя отождествлять со старым, царским, но тем не менее новая государственность фактически явилась результатом трансформации старых структур, их адаптации к новым общественным потребностям (с. 234). Суни сравнивает развитие государственного управления в период гражданской войны и петровские реформы, когда, стремясь к широкой модернизации общества «сверху», правительство также один за другим создавало органы, все более ограничивающие относительную самостоятельность местных властей. Борьба правительства против местной инициативы и самостоятельности вообще составляет одну из характерных черт истории царской России, считает Суни.

Думается, такой подход расширяет взгляд на историю советской государственности, однако при этом важно не потерять из виду и элементы новизны, которая заключается в появлении новых функций у государственной власти как орудия строительства социализма, иной структуре самого государства, костяк которого уже к 1919 г. составил партийный аппарат, в чрезвычайной идеологизации советской государственности и т. д.

В статье Суни показано, что в то время, как когда в Советской России утверждалась жесткая диктатура, грузинские меньшевики сумели создать демократическое парламентское государство. При этом сказались и специфические условия Грузии, в частности давняя гегемония меньшевиков, сумевших превратиться едва ли не в общенациональную партию (с. 327). Немалое значение имело, конечно, и консолидирующее воздействие национального фактора, которое проявилось в Грузии. Вместе с тем, контраст тогдашних советской и грузинской государственности необъясним одними лишь объективными обстоятельствами. Важное значение имела также для выбора политического режима политическая культура и воля правящей партии.

Проблему соотношения «политики» и «обстоятельств» исследует У. Розенберг на примере союза рабочих-железнодорожников (Цектрана), прослеживая, как развивались взаимоотношения между пролетариатом и партией большевиков. Выявляя растущее после Октября недовольство, разочарование рабочего класса и его отчуждение от большевистской партии, он показывает относительную неэффективность борьбы рабочих против большевистской диктатуры. Причины этого он, в отличие от некоторых других западных исследователей, видит не только в большевистском терроре, но и в других обстоятельствах, в частности, в страхе пролетариата перед белогвардейской угрозой.

Г. Макклеланд, К. Бейлс и Л. Малли поднимают малоисследованные проблемы взаимоотношений большевиков и интеллигенции, рассматривая ее преимущественно с позиций интеллигенции. Во введении к разделу П. Кенез утверждает, что у большевиков не было единой позиции в этой области (с. 240—242), что представляется спорным. Верно, что большевики по-разному относились к тем или иным группам интеллигенции, различалось отношение центральных и местных властей, но это говорило не об отсутствии единой позиции, а, пожалуй, о ее вариативности. В принципиальном плане эта позиция (сводившая-

ся к использованию «услуг» интеллигенции под жестким над нею контролем) была определена Лениным⁶, да и в массах преобладало явное недоверие к интеллигенции. К концу гражданской войны объективная необходимость сотрудничества привела к некоторому смягчению этой предубежденности (с. 409).

В данном разделе книги прослеживаются не только изменения, но и определенная преемственность в положении интеллигенции до и после революции. При всей противоречивости ее статуса, интеллигенция и до революции была все же лишь относительно привилегированной группой. После Октября она так и не вошла в состав новой элиты, хотя сумела сохранить некоторые привилегии. И до, и после революции интеллигенция боролась за свои права и самостоятельность, но так и, не смогла добиться удовлетворения своих требований.

То, что университеты и Академия наук сумели сохранить какую-то автономию, а профессуре были возвращены некоторые привилегии, происходило не столько в силу политического курса большевиков, сколько из-за того, что сама проблема социальной роли и положения интеллигенции была отодвинута на задний план вплоть до окончания гражданской войны (с. 313). Впрочем, вывод, что интеллигенция сохранила в какой-то мере свои привилегии, сделан в книге на основе анализа незначительных по численности групп — ученых и профессоров-естественников. Вопрос же о положении и судьбе наиболее массовых отрядов интеллигенции — учительства и др. — остается пока открытым.

Анализируя многообразное наследие, оставленное гражданской войной, Левин подчеркивает, что основное в нем определялось взаимодействием двух порожденных этой войной тенденций: архаизацией и этатизацией жизни общества. Социальная дезинтеграция и напряженность, вызванные войной, сделали широкое использование административных, насильственных методов управления почти естественным и единственно возможным. Из-за разрушения многих культурных, политических и экономических ценностей страна и новое государство стали более восприимчивыми к «архаическим» аспектам российской историко-политической традиции и менее открытыми к восприятию передовых, прогрессивных тенденций. Фицпатрик, в частности, обращает внимание на последствия массовой демобилизации красноармейцев, принесших в общество определенный армейский дух (дававший о себе знать особенно в деятельности партии и центральных государственных учреждений), а также на заметное разочарование демобилизованных в нэпе, фактически лишившем их привилегированного положения.

Касаясь связи гражданской войны и сталинской «революции сверху», Фицпатрик утверждает, что далеко не во всем эта связь была непосредственной и бесспорной. Культ личности, «великие чистки» не имели исторических прецедентов с эпохи Ивана Грозного, считает она. Ветераны гражданской войны, хотя и сыграли немалую роль в сталинской «революции сверху», стали скорее ее жертвами. Расценивая нэп как «незрелый термидор», которому не удалось укрепиться из-за «страстей» гражданской войны, Фицпатрик считает сталинскую «революцию сверху» «вторым явлением» гражданской войны. В 30-е годы влияние наследия гражданской войны на развитие советского общества сокращается, ее заслоняют «чистки» и другие события. После второй мировой войны гражданская война уходит в историю (с. 397).

Рецензируемая книга предлагает новое видение социальной истории гражданской войны в России. Этюды американских историков не только обогащают наши знания о «рядовых», молчаливых участниках событий, но делают общую картину того периода несравненно более красочной, многообразной и противоречивой. Обращает на себя внимание стремление авторов книги рассмотреть процессы, происходившие в годы гражданской войны, в широком историческом контексте и преемственности. Они поставили новые проблемы, вытекающие из междисциплинарного подхода к указанной теме. К сожалению, сказывается ограниченность использованной ими источниковой, фактологической базы. Изучение относительно узких проблем не всегда дает надежные основания для обобщающих выводов. Особенно сложна проблема верификации выводов, сделанных при исследовании проблем социальной психологии, менталитета различных слоев населения России.

Решение вопросов, поставленных американскими историками, требует развертывания фактологических и региональных исследований, а также уточнения и унификации понятийного аппарата, методов обработки массовых источников.

Примечания

1. Party, State and Society in the Russian Civil War. Indian University Press. Bloomington — Indianapolis. 1989. 450 p. Авторы сборника: К. Э. Бейлс, В. Е. Боннелл, Д. Р. Брауэр, А. К. Вильдман, Р. Э. Зелник, П. Кенез, Б. Э. Клементс, Д. П. Кенкер, М. Левин, М. Маколей, Л. Малли, Дж. Макклелланд, Д. Орловский, А. Рабинович, Т. Ф. Ремингтон, У. Г. Розенберг, Р. Г. Суни, Ш. Фицпатрик, Л. Хаимсон.
2. См. подробнее: ДУБРОВСКИЙ Г. А. «Новая социальная история» в историографии США.— Вопросы истории, 1989, № 2.
3. См. КИСЕЛЕВ А. Ф. Профсоюзы и советское государство (дискуссии 1917—1920 гг.). М. 1991, с. 126—151.
4. БОРДЮГОВ Г. Я., КОЗЛОВ В. Д. Историческая развилка весной 1918 г.— Вопросы истории КПСС, 1990, № 8—9.
5. См. ИРОШНИКОВ М. П. К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России. В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л. 1973.
6. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 320; т. 35, с. 63, 64, 113 и др.

М. Д. КУРМАЧЕВА. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773—1775 гг. М. Наука. 1991. 232 с.

Доктор исторических наук М. Д. Курмачева (Институт российской истории РАН), и прежде неоднократно обращавшаяся к истории крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, на этот раз предложила свою версию недостаточно разработанного вопроса о месте и роли в ней городов. С этой целью в книге проанализирован конкретно-исторический материал о поведении населения около 30 городов Урала и Поволжья как захваченных восставшими и попавшими на непродолжительное время под их управление, так и сумевших отбить нападение повстанцев и оставшихся под контролем правительственной администрации.

История предоставила городским сословиям указанного региона уникальную возможность дважды за сравнительно короткий исторический срок — 1767—1775 гг. — заявить о своей общественной позиции. Первый раз — в наказах городов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг., второй — в огне пугачевщины. Ситуации с точки зрения исторических обстоятельств диаметрально противоположны: в первом случае коллективно сочинялись легальные, тщательно продуманные документы, отражавшие общие потребности городских сословий, во втором — перед каждым из горожан при приближении повстанцев вставал вопрос о том, чтобы заявить свою позицию не столько словом, сколько делом.

Соответственно и основной материал монографии выстроен в два аналитических потока: один посвящен состоянию городов Урала и Поволжья, а также их наказам в Уложенную комиссию и действиям в ней городских депутатов, а второй — поведению горожан в период крестьянской войны и отражению их интересов в документах и действиях восставших.

Возвращаясь к городским наказам, Курмачева попыталась очертить круг общих требований горожан, среди которых преобладали «нужды и чаяния» купечества. Анализ дал ей основание говорить о «своего рода программе, выдвинутой городским населением в тот период и отразившей противоречивость эпохи генезиса капитализма и соот-

ветствующий уровень купеческого сознания» (с.90).

Курмачева отмечает нерасчлененность настроений различных городских сословий. Спектр суждений как в наказах, так и в высказываниях на заседаниях Уложенной комиссии чрезвычайно пестр и насыщен, многие требования относятся к узкополюсальным нуждам. Еще раз подтверждается достаточно острое противоборство среди городского населения. Периодическое перерастание его в открытые столкновения автор характеризует как традицию, уходящую своими корнями в предшествующие столетия, традицию, однако, — и это весьма показательно — затухающую. Вторая половина XVIII в. предстает в виде важного рубежа в медленной эволюции средневекового русского посада в городское сообщество со структурой власти и самоорганизации, соответствующей новому времени.

Переходя к событиям в городах, охваченных крестьянской войной, Курмачева сумела рассказать о них ярко и живо. Особое внимание обращено на поведение состоятельной части городского населения, которая стремилась нейтрализовать низы, готовые к бунту. Далеко не единичные факты участия купцов в пугачевщине, которое как будто бы давало возможность городской верхушке влиять на выработку программных требований повстанцев, по мнению автора, так и не привели к формированию новых (по сравнению с наказами) идей и требований, выражавших насущные интересы имущей части городского населения. Видимо, эти идеи и требования уже не могли вписаться в рамки крестьянской войны, тем более, что возможности для единства интересов городского населения уже были исчерпаны на предыдущем этапе. А после 1775 г. государство, извлекая уроки из пережитого, как считает Курмачева, нашло немалые резервы для маневра и сделало важные шаги по упрочению социального и правового положения состоятельной части горожан, в первую очередь — крупного купечества.

А. В. КАМКИН

Доктор исторических наук Н. А. Соболева (Институт российской истории РАН) избрала объектом изучения восковые и воско-мастичные печати Северо-Восточной Руси XIV—XV вв., которые до сих пор не подвергались систематическому исследованию. Перед нами — своеобразное продолжение фундаментального труда акад. В. Л. Янина о металлических вислых печатях древней Руси. Однако это не простое приложение уже известных идей и методов к материалу более позднего времени и другого региона, не изученного предшественниками, а исследование другого подвида сфрагистического материала.

Восковые и воско-мастичные печати гораздо менее долговечны, нежели металлические буллы, оттиски на них гораздо сложнее «прочитать» и зафиксировать. Кроме того исследуемые Соболевой печати практически не отделимы от скрепленных ими документов и без них не встречаются, в то время, как подавляющее большинство вислых печатей из металла сохранилось в виде археологических находок.

Если для Янина печать — в первую очередь носитель информации об истории государственных учреждений древней Руси, то Соболева стремится прежде всего соотнести печать и документ — «со всеми вытекающими из этого соотношения аспектами» (с.4). Тем самым центр тяжести исследования смещается на вопросы происхождения и развития института печати, а также изучения языка, на котором «говорит» печать, анализа его, так сказать, лексики, морфологии и грамматики. Сфрагистическое исследование превращается в самоцельное, специальное направление конкретно-источниковедческого анализа. Автора занимают не столько вопросы классификации и атрибуции печатей (хотя они не исключаются из рассмотрения), сколько причины отказа на Руси от византийской традиции использования для удостоверения документов вислой металлической печати, изменения изображений и их символики на русских печатях XIV—XV вв., проблемы правового статуса и функций печатей на Руси.

Решение подобного круга задач встречает определенные трудности. Источниковая база не позволяет достаточно полно воссоздать процесс возникновения и эволюции русской печати как правового института. В какой-то мере отсутствующие звенья восполняются с помощью сфрагистического материала Западной Европы. На широком историографическом фоне Соболева прослеживает историю печати — ее форм и функций — в античном мире, Византийской империи и западноевропейских государствах вплоть до XV века. Такой подход вводит русские печати в широкий историко-культурный контекст и позволяет восстановить основные этапы их эволюции как знака правового характера, формирования идейно-художественных типов и социальных функций.

Сфрагистический материал рассматривается автором в широких хронологических рамках в связи с развитием института собственности, правовых норм, делопроизводства Руси и ее западных соседей. Выявленные при этом стадийно-типологические черты стали основой скрупулезного анализа печатей Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. Развитие правового статуса, в том числе удостоверительной и доказательной функции русской печати анализируются Соболевой в самых разнообразных аспектах, многие из которых зачастую ускользали от историков отечественного права.

Логико-смысловым центром книги является источниковедческая характеристика сфрагистического материала Северо-Восточной Руси. Заслугой автора стало создание свода сохранившихся (хотя бы в описаниях) и идентифицируемых печатей великих князей и княгинь московских, тверских и рязанских (17 печатей), удельных князей владимиро-московских уделов (40), землевладельцев (37) и должностных лиц (19), послухов (5), а также духовных лиц и организаций этого региона (40 печатей). Каталог печатей-оттисков сопровождается фотографическим воспроизведением и прорисями 110 сохранившихся (часть — только в публикациях прошлого — начала нынешнего века) печатей.

К сожалению, собственно источниковедческий анализ русских печатей отошел при этом на второй план. Нераскрытыми остались, в частности, вопросы, почему в православной Руси оказалось возможным широко использовать в качестве печатей античные и средневековые западноевропейские геммы, а также местные подражания им. Соболева ограничилась лишь перечнем основных сюжетов. Мало того, часть из них оказалась «прочитанной» весьма приблизительно. За рамками книги остались и вопросы герменевтики изображений. Это объясняется не столько сложностями технического порядка, сколько убеждением автора, что толкование сюжетов, встречающихся на печатях, представляет интерес «лишь с точки зрения осмысления художественных представлений эпохи и вкусов владельца печати» (с.139) и поэтому они «не могут в столь значительной степени, как, скажем, монеты, быть «поставщиком» социальной информации» (с.140).

Такие утверждения представляются по меньшей мере спорными. Специфика мышления средневекового человека проявляется, между прочим, и в том, что для него не существует «праздных», нейтральных с точки зрения мировосприятия изображений, выполняющих исключительно эстетическую функцию, предназначенных только для украшения (когда проблема выбора могла быть сведена к вкусовым пристрастиям владельцев). Всякое изображение несло несколько смыслов, каждый из которых имел, видимо, определенное функциональное назначение. При источниковедческом

анализе печатей наиболее существенными представляются как раз символическая и аллегорическая интерпретации изображений. При этом образительные «тексты» могут, вероятно, рассматриваться в качестве своеобразной символической части формуляра скрепляемого ими акта. На такую мысль, в частности, наводит использование в качестве «эрзац-печати» нательных крестов (с.136). Они, очевидно, не являлись индифферентными предметами для лиц, использующих их в таком качестве, как можно бы думать о монетах, оттиски которых также скрепляли некоторые акты (с.136).

Совершенно справедливо называя изображения на печатях эмблемами (с.140, 195 и др.), Соболева тем не менее не ставит по существу вопроса о выявлении идей и понятий, скрывающихся за буквальным смыслом видимого образа. В лучшем случае она ограничивается разъяснением, что представляет собой изображенное на печати существо или сюжет. Иногда при этом приводятся художественные и литературные аналогии. Такой подход существенно обеднил информативные возможности анализируемого материала.

Раскрытие потенциальных смыслов возможно с помощью популярных в период образования Российского государства «Толковой Палеи», «Физиолога», других книг, объясняющих значение символических изображений. Наряду с этим не исключено, что конкретное смысловое наполнение каждого иконографического типа может быть

определено путем корреляции изображений на печатях (как в целом, так и фрагментов) с видами грамот, которые они сопровождают, а также с генеалогическими и просопографическими данными. И тут серьезную помощь может оказать свод печатей, созданный Соболевой. К примеру, даже беглое знакомство с описаниями печатей великих и удельных князей позволяет предположить смысловую связь изображения двух всадников в вооружении, едущих навстречу друг другу, именно с договорными грамотами великих князей (см. №№ 36, 40; ср. №№ 55, 68).

К вспомогательным функциям сфрагистики автор обращается при анализе мотивов государственной символики в русской средневековой сфрагистике. В центре внимания здесь — история принятия изображений двуглавого орла и всадника, поражающего копьем дракона, в качестве символов Российского централизованного государства. Воссоздается она в основном на сфрагистическом материале XIV—XVI веков. В свою очередь это позволяет достаточно убедительно решить вопрос о времени создания большой государственной печати Ивана IV (1577 г.). Этот интересный очерк, приобретающий особую актуальность сегодня, когда Россия вновь стоит перед выбором государственных символов, завершает книгу, являющуюся серьезным шагом вперед в развитии отечественной сфрагистики.

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ

St. G. MARKS. *Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia — 1850—1917*. Cornell University Press. Ithaca — New York. 1991. XXI, 240 p.

С. Г. МАРКС. *Путь к могуществу. Транссибирская железная дорога и колонизация азиатской России. 1850—1917*

Монография преподавателя Клемсоновского университета (США) Стивена Маркса представляет собой попытку проанализировать политические, экономические и социальные мотивы строительства Транссибирской железной дороги в контексте европейского и мирового опыта.

Автор использовал периодическую печать, опубликованные материалы различных правительственных комиссий и обществ, рассматривавших проблемы строительства магистрали, мемуары государственных деятелей, а также труды дореволюционных экономистов. Что же касается использования архивных материалов, то здесь возникает ряд вопросов. Непонятно, почему автор, поработав в Государственном архиве Российской Федерации рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и библиотеки Петербургского института инженеров железнодорожного транспорта, в которых собраны второстепенные все-таки для данной темы материалы, не обратился к фондам Российского государственного исторического архива?

Ссылка Маркса на то, что он не получил доступа к материалам Комитета Сибирской железной дороги (с. XIII), не выглядит убедительно. Знакомство с фондами Управления по сооружению Сибирской железной дороги, Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, Канцелярии министра путей сообщения и Управления казенных железных дорог позволило бы воссоздать более объективную картину строительства Транссибирской магистрали. Есть изъяны и в привлечении опубликованных источников, доступ к которым не был ограничен. Маркс не использовал ни одного из десяти выпусков «Путеводителя по Великой Сибирской железной дороге» (СПб. 1911), который, к слову сказать, за качество издания и информационную ценность был удостоен на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Большой серебряной медали, а в России рекомендован для преподавания как учебное пособие. Перечисленные источники, а также документы из сибирских архивов уже введены в научный оборот в нашей историографии.

Маркс воспроизводит положения американских ученых, придерживавшихся прямо противоположных взглядов относительно путей развития России. Несостыкованность этих положений, а также узость источниковой базы порождают заметную противоречивость оценок и выводов в его монографии.

Он солидаризуется с А. Гершенкроном, в частности с его идеей об уникальности роли государства в экономической эволюции России. Он, в отличие от многих американских историко-экономистов, отрицает, что модернизация России в основном происходила по европейской модели. Вместе с тем, он, как можно судить по его книге, разделяет и точку зрения П. Грегори, доказавшего сходство путей развития Российской империи, вступившей в стадию современного экономического роста в 80-х годах прошлого столетия, и передовых промышленных держав мира (с. 222—223). В то же время в отличие от Гершенкрона, Маркс, разбирая историю строительства Транссибирской магистрали, утверждает, что «государственная экономическая политика сдерживала развитие даже тогда, когда была нацелена на его стимулирование» (с. 223).

Рассматривая различные проекты сооружения железной дороги, представленные министерствами путей сообщения и финансов, Маркс показывает, что экономическая политика царизма не была согласованной и энергичной (с. 112). Впрочем, в отношении промышленного и аграрного развития Сибири, а также ее водного транспорта он не сомневается в важной роли государства (с. 169). Думается, однако, что его категорическое утверждение на этот счет требует корректировки. Из 31 парохода, курсировавшего по Енисею и его притокам, лишь 9 было казенными. В речной флотилии Обского бассейна насчитывалось 150 пароходов, принадлежавших 46 владельцам, из которых самые крупные: Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли (28 судов), Министерство путей сообщения (19), Торговый дом М. Плотников и сыновья (11), Наследники И. Н. Корнилова (10). Подавляющее большинство частных владельцев имело один-два парохода¹.

Уже в названиях глав «Стимул», «Дебаты и решения», «Созидание», не говоря уже об общих выводах, четко прослеживается генеральная мысль Маркса о преимущественно политических мотивах строительства дороги (с. 195, 226). Однако, содержащийся в книге материал, в частности, широкий спектр мнений высших государственных чинов и видных экономистов, а также представителей национальной буржуазии о значении строительства магистрали позволяет прийти к более широким выводам. К тому же и сам автор возражает против рассмотрения строительства Сибирской дороги исключительно под углом зрения задач обороны дальневосточных границ империи, указывая на значение экономической стратегии правительства, предусматривавшей сильную интервенцию

государства в сферу экономики, а также централизацию власти и русификацию Сибири, т. е. на политические мотивы (с. 46).

В нашей историографии уже давно было установлено, что ускоренное строительство магистрали диктовалось комплексом взаимосвязанных между собой причин: военно-стратегических, социально-экономических и международных, преследующих в равной степени как политические, так и экономические задачи². Министр путей сообщения К. Н. Посьет, которого очень часто цитирует Маркс, указывал: «Правильное решение вопроса о Сибирской железной дороге может исходить исключительно из рассмотрения тех нужд и потребностей Сибирского края, удовлетворение которых должно составить задачу правительства при устройстве улучшенных путей сообщения как внутри самой Сибири, так и для соединения с Европейской Россией»³.

Маркс подробно излагает перипетии развернувшейся между руководителями министерств путей сообщения и финансов борьбы по поводу строительства Транссибирской магистрали. При этом он высказывает ряд заслуживающих внимание замечаний относительно экономической политики правительства. Он склонен считать, что в годы правления Александра III влияние реакционеров на правительство было не так велико, как это нередко описывается в литературе (с. 93).

Говоря о политике А. И. Вышнеградского, Маркс заявляет о несогласии с Б. В. Ананьичем и по сути дела присоединяется к мнениям И. Ф. Гиндина — Л. Е. Шепелева (с. 95—96). Шепелев же полагает, что Вышнеградский по существу продолжал политику Н. Х. Бунге⁴. Но ряд современных исследователей показал, что эта преемственность наблюдалась не во всем. То же можно сказать о политике С. Ю. Витте, преемника А. И. Вышнеградского на посту министра финансов. Маркс утверждает, что только Витте, назначенному на эту должность удалось изменить позицию ведомства в отношении экономического развития России. Это суждение верно в отношении вопроса о Транссибирской магистрали, но не всей экономической политики. Мнение Маркса, что до Витте Министерство финансов мало интересовалось проблемами экономического развития, вряд ли поддержат специалисты (с. 113—114).

Менее всего удалась автору часть монографии — «Созидание». Он стремится изобразить строительство магистрали как своеобразный «памятник неумению», противопоставить уникальный опыт сооружения Транссибирской магистрали американскому опыту строительства железных дорог, а также опыту создания Панамского и Суэцкого каналов. При этом акцент делается на действительно имевших место недостатках и просчетах.

В опровержение позиции Маркса приведем два факта из истории магистрали, которая знаменита мостами через великие сибирские реки. Один из

самых красивейших — через р. Енисей — был построен по проекту выдающегося русского инженера, профессора Московского инженерного училища Л. Д. Проскуракова. На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. проект этого моста был удостоен золотой медали. А профессор Петербургского института путей сообщения Н. А. Беллюбский проектировал мост через р. Белая, при сооружении которого была применена конструкция, вошедшая в историю техники как конструкция «русского типа»⁵.

Маркс сужает полосу непосредственного экономического влияния Транссибирской магистрали до 50—75 верст по обе стороны от дороги (с. 213). Между тем В. Ф. Борзунов считает, что размеры этой полосы достигали 200 верст⁶. Кстати, и Маркс признает, что деятельность Комитета Сибирской железной дороги внесла большой вклад в дело освоения этих земель (с. 153). Не все бесспорно в имеющихся в книге подсчетах общей стоимости строительства дороги, характеристике бухгалтерс-

кого учета, технических новшеств, примененных при сооружении пути.

Ознакомление с работой Маркса убеждает, что классической и наиболее объективной книгой по истории железных дорог в России в западной литературе и по сей день остается монография Дж. Вествуда, в которой есть глава и о Транссибирской магистрали⁷.

И. В. ПОТКИНА

Примечания

1. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб. 1911, с. 237, 262.
2. См. БОРЗУНОВ В. Ф. История создания Транссибирской железной магистрали. XIX — начало XX в. Автореф. докторской диссертации. М. 1972, с. 11.
3. Путеводитель по Сибирской дороге, с. 205.
4. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л. 1981, с. 150.
5. Путеводитель по Сибирской дороге, с. 188, 262—263.
6. БОРЗУНОВ В. Ф. Ук. соч., с. 39.
7. Westwood J.H. A History of Russian Railways. Lnd. 1986.

А. М. ФИЛИТОВ. «Холодная война». *Историографические дискуссии на Западе*. Наука. М. 1991. 200 с.

Феномен «холодной войны» является предметом давнего острого интереса зарубежных историков и публицистов. При этом обращает на себя внимание волнообразный характер развития этого интереса: от первой волны «ревизионизма» конца 40—50-х годов — по горячим следам событий — к «новому ревизионизму» 60—70-х годов, а от него к «пост-ревизионизму» конца 70—80-х годов и, наконец, к нынешней, уже четвертой по счету, волне этого интереса — с конца 80-х годов.

Сейчас открываются многообещающие перспективы для изучения этой темы в связи с введением в научный оборот не известных ранее документов и материалов из зарубежных и отечественных архивов, проливающих новый свет на многие страницы «холодной войны». Показателями оживления в США интереса к «холодной войне» стала дискуссия на страницах американского журнала «Diplomatic History»¹, а также программа исследования указанной проблемы в Центре им. Вудро Вильсона в Вашингтоне. По свидетельству М. Хогана, история «холодной войны» в 1945—1960 гг. «занимает львиную долю внимания» современных историков дипломатии в США. В 1990—1991 гг. этой темой занималась рабочая группа Института политических исследований под председательством Г. Алпровитца, в 1991 г. в Висконсинском университете прошла научная конференция по «переосмыслению холодной войны». Продолжают выходить все новые книги².

Книга А. М. Филитова посвящена зарубежной (западноевропейской и американской) литературе о «холодной войне» и представляет собой много-

плановое исследование послевоенных международных отношений сквозь призму одной стержневой темы: происхождение, эволюция и последствия «холодной войны». Историографический угол зрения позволил автору поставить и решить двудеятельную задачу: проанализировать эволюцию внешнеполитической мысли на Западе и вместе с тем сказать свое слово о конкретных проблемах «холодной войны».

Характеризуя основные направления западной историографии «холодной войны», Филитов уделяет особое внимание «реалистической», «ревизионистской» и «неоревизионистской» школам. Он анализирует традиционные западные концепции «холодной войны»: «идеологическую» и «традиционалистскую», а также «феномен Сталина» и сталинизм как специфическое объяснение и оправдание западными историками «холодной войны». В работе прослеживаются многолетние дискуссии вокруг «модернистских» подходов к истории послевоенной международной конфронтации. Наряду с анализом военно-стратегического, экономического и идеологического восприятия «холодной войны» на Западе автор уделяет внимание и чисто психологическим аспектам проблемы. Заслуживает внимания имеющийся в книге анализ «европейского измерения» в истории и историографии «холодной войны», который до недавнего времени игнорировался в большей части отечественных работ.

Автор справедливо рассматривает «холодную войну» как процесс обоюдный, в котором каждая из сторон несет свою долю ответственности. Ис-

ториографический анализ ведется в книге в тесной увязке с оценкой внутривосточного положения в США, СССР и западноевропейских странах.

Не все подходы и умозаключения Филитова представляются достаточно обоснованными и убедительными. Вызывает сомнение однозначное определение им «холодной войны», сводимой к гонке вооружений как главному ее содержанию (с. 88 и др.). Эту же мысль он развивает в ходе упомянутой выше дискуссии на страницах американского журнала³. Более правы те историки и политологи, которые рассматривают «холодную войну» не однозначно, а в комплексе ее военно-стратегических, идеологических, политических и психологических составляющих. Едва ли можно «говорить о параллелизме, сходстве «трумэннизма»... со сталинизмом» (с. 107), даже с учетом «охоты на ведьм», маккартизма и т. п. Не те масштабы, да и цели далеко не равнозначные! И ссылка автора на Дж. Гэддиса, не представляется убедительной.

Думается, что Филитов недооценивает живучесть радикального «неоревизионистского» и «прогрессистского» направлений в американской историографии. Их позиции действительно ослабли с конца 60-х годов, но тем не менее, они выступают как постоянный феномен общественной и научной жизни США, что между прочим показала и недавняя «война в Заливе». Автор полагает, что Алп-ровитц «отошел от активной исследовательской деятельности» (с. 78). Однако — дважды (в 1985 и 1987 гг.) была переиздана его книга о «холодной войне», а на конференции американских историков дипломатии в июне 1991 г. в Вашингтоне он выступил с новыми убедительными доказательствами

ответственности США за развязывание «холодной войны». В беседе со мной он делился своими новыми творческими планами. Это, не говоря уже о последних работах У. Лафибера, Л. Гарднера, Т. Маккормика, Р. Ф. Смита, Т. Патерсона, Г. Колко, Г. Левина, свидетельствует о новейшей трансформации радикального направления — «корпоративизме».

В книге затронута очень интересная «концепция упущенных возможностей», которая говорит о возможных альтернативах американо-советской жесткой конфронтации после второй мировой войны (с. 89). К сожалению, эта тема автором практически не разработана. Между тем она в наши дни имеет не только академическое, но и прямое политическое значение. Анализ зарубежной историографии, да и конкретной истории «холодной войны» учит, что такие альтернативы имелись, и лишь гипертрофированный страх перед соперником в борьбе за мировое господство, глубоко идеологизированный с обеих сторон подход к международным отношениям, неадекватная оценка сил и намерений потенциального противника сорвали возможное мирное, компромиссное урегулирование спорных международных проблем и ввергли мир в многолетнюю «холодную войну».

С. И. АППАТОВ

Примечания

1. The End of the Cold War; a Symposium.— Diplomatic History, Vol. 16, 1992, № 1,2.
2. См., например, Lynch A. The Cold War Has Ended. Westview Press. 1992.
3. Diplomatic History, Vol. 16, № 1, pp. 55—56.

M. EKSTEINS. *Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age*. Toronto. Lester and Orpen Dennys Ltd. 1990. 396 p.

М. ЭКШТАЙНС. *Весна священная. Великая война и рождение современной эпохи*

Монография профессора Торонтского университета (Канада) Модриса Экштайнса посвящена влиянию первой мировой войны на духовное состояние европейского общества. Война в книге предстает в нескольких ипостасях — как историческая драма, как личная трагедия в ней участвовавших и как событие, определившее основные направления эволюции интеллектуальной жизни западного общества. По мнению автора, «одним из величайших символов нашего центробежного и парадоксального столетия» стала способность людей к максимальному разрушению и массовому уничтожению себе подобных, способность, увы, обретенная человечеством в стремлении к свободе. Вынося в заглавие своей книги название балета И. Ф. Стравинского, впервые поставленного в Париже в мае 1913 г., автор полагает, что пафос

произведения русского композитора — торжество жизни благодаря жертвенной смерти — как бы объясняет суть крутого излома в развитии мировой, прежде всего западной, цивилизации, порожденного войной 1914—1918 годов.

Используя метод культурно-психологического анализа, Экштайнс пытается дать своего рода «срезы» ментальных состояний европейского общества накануне, во время и после мировой войны. Характеризуя общественные настроения в Германии в конце июля — начале августа 1914 г., он приходит к выводу, что «толпы фактически захватили политическую инициативу» (с. 63). Антивоенные митинги, организованные СДПГ в 32 городах, не смогли отрезвить охваченных милитаристским угаром немцев. Война трактовалась в германском обществе как высшее испытание культуры, энер-

гии, жизнеспособности, самого духа нации. «Война для Германии была тогда духовной потребностью», — заключает Экштайнс (с. 92).

Книга написана на основе широкого использования писем, воспоминаний, дневников, прессы, архивных материалов. Это позволило автору найти оригинальный ракурс изложения. Он стремится рассказать о том, как воспринимали и оценивали события их участники. Материал, приводимый в книге, свидетельствует, что шовинистические настроения проникли в сознание воевавших не так глубоко, как это изображается в литературе. Уже в первые месяцы войны появились факты взаимопонимания и даже дружеских отношений между солдатами воюющих стран, негласных договоренностей не открывать огня во время приема пищи, молитвы и т. п.

Автор описывает братания во время рождественских праздников 1914 г., приведшие к фактическому перемирию (с. 109). Широко практиковались взаимные поздравления, обмен подарками, беседы, посещения траншей противника. Особенно активно это происходило на англо-германском фронте в Бельгии и северной Франции, где в братания было вовлечено 3/4 войск (с. 113). На некоторых участках явочным порядком установившееся перемирие продолжалось до Нового года и даже до второй недели января 1915 года. Пытаясь объяснить природу этих событий, Экштайнс обращается к анализу представлений о целях войны в общественном мнении враждующих держав. Для англичан они состояли в сохранении «Пакс британика», тогда как Германия олицетворялась с изменчивостью и безответственностью в мировой политике (с. 116—117).

Экштайнс пытается проследить воздействие новых видов оружия (минометов, танков, подводных лодок и др.) на моральное состояние сражающихся. Газовые атаки и огнеметы, по его словам, — наиболее выразительные символы беспощадной войны. Масштабы разрушений и гибели людей выглядели настолько ужасающими, что ландшафт Западного фронта стал сюрреалистическим еще до того, как Г. Аполлинер изобрел сам термин «сюрреализм» (с. 146). Немцы первыми применили большинство новых видов оружия и изменили характер боевых действий: стратегия войны на истощение потребовала мобилизации усилий всей нации, то есть ведения «тотальной войны». Сражающиеся армии низводились тем самым до «пушечного мяса»; подверглись переоценке не только нормы военной этики, но и такие понятия, как мужество, слава, героизм, патриотизм и т. д., лишившись своего романтического содержания. Крайне тяжелый, отупляющий окопный быт, характерный для позиционной войны, получил отражение в романах А. Барбюса, Э.-М. Ремарка и др.

Автор обращает внимание на сравнительно немногочисленные (учитывая огромное количество мобилизованных) факты нарушения дисциплины, неповиновения, дезертирства. Мятежи во французской армии в 1917 г. были вызваны, по его

мнению, недовольством в связи с задержкой отпусков, качеством пищи и т. п., а отнюдь не с сомнениями в основных целях войны (с. 175). Экштайнс считает, что именно долг удерживал солдат в фронтовом аду. Война 1914—1918 гг. была первой в истории буржуазной войной, или войной среднего класса.

Во Франции и Великобритании воинский долг ассоциировался с честью, преданностью культурным ценностям западной цивилизации, справедливостью, достоинством, свободой от тирании и был «не абстрактным понятием, а практическим императивом» (с. 179). Правда, когда война увязла в тупике позиционного противостояния и взаимного истощения, понятие долга заметно поблекло, а к 1917 г. начало постепенно исчезать из словаря фронтовиков. Для немцев понятие долга фактически отождествлялось с романтической верой в особое предназначение своей нации и страны. По мнению автора, война и культура воспринимались немцами как синонимы, а доказательством превосходства данной культуры считалась готовность народа вести войну (с. 197).

Война, пишет Экштайнс, разрушающе подействовала на человеческую психику, моральные установки, общественные идеалы. В то же время она породила сильное чувство фронтового товарищества.

Интересен раздел, посвященный духовной культуре и массовому сознанию западного общества в межвоенный период. Двадцатые годы были отмечены ощущением духовного кризиса, на фоне которого перелет Ч. Линдберга через Атлантику в 1927 г. вызвал небывалый энтузиазм у людей по обе стороны океана, и именно потому, что он как бы вновь утверждал самоценность личности, способной на подвиг и самопожертвование (с. 248). В «феномене Линдберга» проявилось, по словам Экштайнса, и острое желание «избавиться от банальности эпохи, утратившей свою веру» (с. 265). Популярность книги Ремарка «На Западном фронте без перемен» также объяснялась умонастроениями «потерянного поколения», мечущегося в поисках своего места в неразумном и бесчеловечном обществе (с. 283).

К сожалению, тема «искусство модернизма», заявленная в начале книги, не получила в ней должного освещения, хотя известно, что именно потрясение, испытанное в результате войны, побудило многих выдающихся деятелей культуры порвать с эстетическими традициями, которые считались до этого общепринятыми. Вполне оправданно стремление автора исследовать культурно-психологические аспекты войны и ее последствий. Но его увлечение данным аспектом иногда приводит, как нам представляется, к чересчур категорическим, а порой и упрощенным оценкам. Это касается прежде всего определения нацизма как психологического феномена, своего рода «авангарда» в политике и т. п.

А. И. СЫЧ

T. CEGIELSKI, L. KADZIELA. *Rozbiory Polski: 1772—1793—1775*. Warszawa. Wydawnictwo Szkolne i Pedagogiczne. 1990. 352 s.

Т. ЦЕГЕЛЬСКИЙ, Л. КОНДЗЕЛЯ. Разделы Польши. 1772—1732—1795

Историки продолжают обращаться к не теряющей своей актуальности теме — истории разделов Речи Посполитой в XVIII веке. В польской, англоязычной, французской литературе утвердилась точка зрения на факт разделов дворянской республики с конституцией современного типа как на явление общеевропейского значения, стоящее на уровне Тридцатилетней войны или Великой Французской революции. Германские же историки склоняются к трактовке этого события как имевшего значение только для Восточной Европы, как проблеме трех соседних государств: Пруссии, Австрии, России.

Современный немецкий историк М. Г. Мюллер предложил новый подход к проблеме разделов¹. Вслед за очевидцами, воспринявшими их как взлом политической стабильности старой Европы, он приравнивает разделы к расколу Европы на потенциально либеральный Запад и неоабсолютистский Восток. Единство и стабильность последнего были обеспечены, по его мнению, за счет решения польского национального вопроса; с конца XVIII в. и вплоть до первой мировой войны этот вопрос играл для государственных систем трех абсолютистских монархий и отношений между ними роль стабилизирующего фактора.

Авторы рецензируемой книги, молодые польские историки, указывают во вступлении, что «многим обязаны» «новаторской и проблемной книге» Мюллера. Они также считают, что трагедия Польши связана в первую очередь с внутренним кризисом Речи Посполитой (с. 4). Этот тезис был выдвинут еще в XVIII веке. Он был принят не только историками Австрии, Пруссии, России, но получил развитие в трудах Монтескье, Мабли и Руссо. Со второй половины XIX в. и по сей день в польской исторической науке идет жаркая дискуссия по этому поводу. Начало ей положили представители так называемых краковской и варшавской школ. Если первые — «пессимисты» — видели причину трагедии в собственной вине поляков, то вторые — «оптимисты» — возлагали ответственность за разделы на соседние государства.

После второй мировой войны М. Серейский, Е. Михальский, Е. Топольский предлагают более широкое видение как внутренних механизмов, так и внешнеполитических аспектов истории XVIII в. и места Польши в ней. Авторы монографии придерживаются такого же подхода к проблеме. Они стремятся создать общую картину истории разделов (попыток обобщающих исследований по этой теме в польской историографии еще не было). Центр тяжести они перенесли с внутреннего кризиса на проблемы, связанные с положением Речи Посполитой в системе международных отношений конца XVII — XVIII века. Они приходят к выводу,

что «упадок польской государственности был проявлением более глубокого кризиса, который поразила всю Европу задолго до разделов» (с. 7). Это был кризис феодализма, сопровождавшийся ростом протокапиталистических элементов, становлением политической системы абсолютной монархии. Процессы, происходившие в Центральной и Восточной Европе, были прямо противоположны развитию западноевропейских стран.

Применительно к Польше XVII—XVIII вв. понятие «кризис» в литературе стало общеупотребимым. Авторы считают, что оно означает «движение вспять»: в экономике — переход с более прогрессивного чинша на уже устаревшие формы отработочной ренты, возвращение к фольварочно-барщинной экстенсивной экономике, общий процесс рефеодализации, «второго закрепощения» в Центральной и Восточной Европе; в социально-политической области — хронический кризис, особенно поразивший сейм, королевскую власть (она была ограничена настолько, что ее главным реальным атрибутом стала лишь раздача вакантных постов). Рост влияния магнатории, католического клира привели к тому, что государственная власть была децентрализована до уровня воеводства, земли, повята. Магнатские дворы и костел стали центрами консервативной, анархистской, элитарной идеологии, сменившей республиканскую, либерально-толерантную.

Отсюда делается вывод: Польша стала едва ли не единственной страной в регионе, которая остановилась на полпути от монархии к республике, от демократии к олигархии (элементы подобного кризиса, по мнению авторов, можно было наблюдать и в Пруссии, Австрии, Чехии, Венгрии) (с. 19). Переживая внутренний кризис, а главное — находясь в окружении усиливающихся абсолютистских государств, стремившихся к расширению своих границ, Польша оказывалась в сфере их территориальных претензий, не располагая при этом ни материальными, ни политическими средствами к сопротивлению.

В обоснование своей концепции, подчеркивающей значение политики абсолютистских государств, прежде всего России, Пруссии, Австрии, авторы приводят соображение теоретика абсолютной монархии Ж. Бодена, высказанное в конце XVI в., о том, что в Польше и Германской империи монархи лишены истинно суверенной власти. Авторы книги считают, что с течением времени сходство этих стран усилилось. Сравнивая два «исключения из правил» политической системы Европы XVII—XVIII вв. — польскую «шляхетскую республику» и германскую «республику князей», — авторы стараются выявить в их социально-политическом

строе ряд аналогий, потенциально обрекавших, по их мнению, обе монархии на одинаковую судьбу. Общей определяющей чертой было то, что при сословном строе и избираемости королей и императоров фактическая власть оказывалась в руках аристократии, располагавшей собственной армией, администрацией, дипломатическим аппаратом. Отсюда — господство духа «феодалного партикуляризма и индивидуализма», отождествляемого со «свободой», «немецкой» или «шляхетской». Обе монархии были ослаблены в военном отношении и становились объектом международных интриг.

Отличием же Речи Посполитой от Германии авторы справедливо считают то, что если уже в XVII в. в наиболее крупных немецких землях — Австрии и Пруссии, а также в Баварии и Саксонии, завершался процесс формирования современной государственности с абсолютной властью князей в собственных землях при фиктивной зависимости от императора, то Польша остановилась на полпути между монархией и республикой. Политическое же существование двух монархий зависело главным образом от отношений между европейскими державами: для Польши эти отношения имели неблагоприятные последствия, что привело к упадку ее государственности, а для германских княжеств — благоприятные, что открыло путь к единому национальному государству (с. 29—30).

Наиболее уязвимым местом в приведенной аргументации является то, что авторы, хотя они того или нет, принижают роль социально-экономического фактора в развитии обоих государств.

Л. И. СОЛОДКОВА. *Ранний Кёльн: социально-экономическое развитие и освободительная борьба горожан. XI—XIII вв.* Изд-во Саратовского университета. Саратов. 1991, 150 с.

Возникновение и формирование города как торгово-ремесленного центра, складывание основных элементов его социальной структуры, антисеньориальная борьба и приобретение коммунальных вольностей — все эти сюжеты из ранней истории крупнейшего нижнерейнского города нашли освещение в исследовании Л. И. Солодковой.

Не вызывает сомнений ее вывод, что уже в XII в. Кёльн стал ярмарочным центром европейского значения, и именно торговля определяла его экономическую роль, стимулируя развитие ремесел, обнаруживших уже тогда вполне отчетливую производственную дифференциацию. Сведения о раннем этапе развития ремесла очень фрагментарны и скупы, и это крайне ограничивает возможности исследователя, однако, думается, автору следовало шире рассмотреть вопрос о формах организации ремесла, а также попытаться проследить его эволюцию. Весьма важным представляется и уточнение форм ведения торговли, что имеет особое значение для понимания ее характера, как и про-

На проблему периодизации истории разделов и их предпосылок в польской историографии существует, по крайней мере, три точки зрения. Одни историки, разрабатывая сюжеты дипломатической и политической истории, относят начало разделов к 1768—1772 гг., а складывание их предпосылок — к периоду не ранее 1763—1764 гг.; другие, занимаясь сюжетами социально-экономического развития, отодвигают предпосылки разделов к середине XVII в.; третьи (к ним принадлежат и авторы книги), ставя перед собой задачу комплексного исследования внутренних и внешних факторов, связывают начало разделов с Северной войной (1700—1721 гг.), из которой Польша вышла значительно ослабленной и политически зависимой от России как гаранта решений сейма по Варшавскому договору 1716 года. Последняя точка зрения получает все большее распространение как в польской, так и европейской историографии (ее, в частности, придерживается и Мюллер).

Авторы книги не рассматривают предлагаемое ими решение проблемы как единственно возможное, тем более, что они считают недостаточно изученным период второй половины XVII — первой половины XVIII века.

Т. М. СИМОНОВА

Примечания

1. MÜLLER M. G. Die Teilungen Polens. 1772—1793—1795. München. 1984.

цесса формирования городского патрициата.

Убедителен вывод, содержащийся в книге, что в руках кёльнского архиепископа с пожалованием ему в 979 г. Оттоном I ряда баннов сосредоточилось управление городом. Автор упоминает о назначаемом сеньором фогте и некоторых других должностных лицах сеньориальной администрации. Однако цельного представления о структуре архиепископского управленческого аппарата читатель не получит. Едва ли можно согласиться и с утверждением, что с возникновением города новые городские функции стали выполнять управлявшие феодальными поместьями фогты. Скорее речь может идти о разграничении полномочий земских и городских фогтов, то есть фактически об учреждении двух разных должностей, как это было принято и в других немецких землях. Четкая постановка данного вопроса существенна и для уяснения процесса перехода к городу регалий самого фогтства.

Солодкова показывает тяжесть сеньориального

режима, выразившуюся в беззастенчивом присвоении городских доходов, в обирании кельнского населения и постоянном вмешательстве во внутригородские дела. Этот режим утвердился благодаря тому, что архиепископу в силу феодальных иммунитетов принадлежала земельная собственность в городе и его округе. В отличие от ряда других крупных средневековых городов в земельном держании Кельна ценилась не столько земля как таковая, сколько возможности ее эксплуатации. Первоначально городское землепользование осуществлялось на условиях уплаты сеньору денежного чинша, но уже в XII в. в Кельне обнаружилась тенденция к превращению чиншевых держаний в собственность горожан, то есть, по справедливому замечанию автора, начался исключительно важный процесс вытеснения землевладельцев горожанами, основой которого послужило раннее и стремительное развитие в Кельне торговли и ремесла.

Думается, однако, что недостаточно было ограничиться этим хотя и обоснованным выводом. Приобретение земли было наиболее безопасным способом вложения денег, поскольку из-за многочисленных границ, пошлин, необеспеченности безопасности купеческих караванов, грабежей на дорогах и т. п. занятие торговлей было делом весьма рискованным. Поэтому часть купечества и связанных с торговлей ремесленников стремилась вложить некоторую долю капиталов в покупку земель, как в наиболее надежный источник доходов.

Теряя позиции в сфере городского землепользования, кельнские архиепископы, как показано в книге, немедленно изыскивали новые способы выкачивания денег у горожан: вводились всевозможные сеньориальные пошлины, использовались монополии на чеканку монет, право осуществления светского и церковного суда и т. д. Вассалы архиепископа — монастыри, церкви, министерялы — также участвовали в обирании горожан. В свою очередь, и в городской среде росла активность: используя деньги, горожане неоднократно побуждали императора издавать законы в их пользу, с определенным ущербом для архиепископа.

К сожалению, автор не упоминает такой важный документ, как «Установление на пользу князьям», изданный в 1231—1232 гг. Генрихом VII и законодательно закрепивший права верховной юрисдикции светских и духовных князей, а также предоставивший им монетную, таможенную, конвойную, рыночную и замковую регалии. Вряд ли появление столь важного императорского закона не имело резонанса в Кельне.

Детально рассматривая и анализируя отдельные антисеньориальные городские выступления, Солодкова упоминает, в частности, заключение в 1255 г. 10-летнего союзного договора Кельна с десятками других городов и с графами-вассалами кельнского архиепископа. К сожалению, остается неясным, какие функции возлагались на участников соглашения и каковы были их взаимные обязательства. Была ли это первая попытка подписания соглашения подобного рода или известны более ранние примеры? Если речь идет, как можно предположить, о межгородском союзе, направленном против посягательств территориальных князей, то какие принципы были положены в основу соглашения и условия его действия, какова была позиция архиепископских графов-вассалов? Неясно, кроме того, какие последствия имело заключение договора в реальной жизни. Поскольку подобного рода объединения возникали и в других немецких городах, было бы важно выявить специфику кельнского соглашения.

Автор несколько упрощает социальную структуру населения Кельна, состоявшего, по ее мнению, из патрициата, ремесленников, бедняков. Представляется, что в XIII в. она была уже более сложной. Достаточно заметить, что в схеме, изображенной в книге, не осталось места среднему и мелкому купечеству. Автор прав, утверждая, что, делая уступки цехам и противопоставляя их патрицианской верхушке, сеньоры стремились расколоть городскую общину и укрепить свое положение. Но это лишь одна сторона дела. Другая же заключалась в том, что архиепископ впервые ввел в скабинат (орган городского управления) цеховых ремесленников и вряд ли сделал это по доброй воле. Скорее всего, то была плата за оказанную ему поддержку. Значит, уже в XIII в. одним из основных требований ремесленной массы и непатрицианского купечества Кельна был допуск их представителей в эти органы, что в известной мере предвосхищало программу «цеховых революций».

Автор утверждает, что уже в XIII в. Кельн фактически стал вольным имперским городом. Однако высшая юрисдикция по-прежнему оставалась при этом в руках архиепископа. Думается, не случайно официальное объявление Кельна вольным имперским городом последовало лишь в 1475 году.

Рецензируемая работа отличается полемической заостренностью и дает богатую пищу для размышлений и научных дискуссий.

Н. Г. ПОДАЛЯК

B. GAINOT. *Dictionnaire des membres du Comité de Salut Public*. Tallandier. Paris. 1990. 165 p.

Б. ГЕЙНО. *Словарь членов Комитета общественного спасения*

В литературе, вышедшей к 200-летию Великой французской революции, заметное место занимают биографические исторические словари¹. К их числу относится и рецензируемое издание, составленное Бернаром Гейно. В нем перечислены члены одного из самых авторитетных революционных учреждений — Комитета общественного спасения (6 апреля 1793 г.— 26 октября 1795 г.).

До появления этой книги специалисты располагали словарем А. Кушинского о членах Конвента². Поскольку Комитет общественного спасения подчинялся Конвенту и был упразднен вместе с ним, можно рассматривать книгу Гейно в известном смысле как продолжение словаря Кушинского.

В первой части книги, носящей характер монографического исследования, автор вкратце останавливается на некоторых аспектах истории Комитета общественного спасения, созданного в связи с переменами в структуре государственной власти (подчинением исполнительной власти законодательной) и трудными условиями, в которых оказалась республика весной 1793 г. (измена генерала Дюмурье, начало восстания в Вандее и т. д.). Словарь содержит подробные биографические сведения о членах Комитета. Описывая его деятельность в системе жирондистского, якобинского и термидорианского правительств, Гейно делает упор на обстоятельства, связанные с пребыванием тех или иных лиц в составе Комитета, на их политическую деятельность, взгляды и социальное происхождение.

Как выяснил Гейно, члены Комитета были в подавляющем большинстве выходцами из городов (Париж, Тулуза, Монпелье и др.), представляли разные классы и социальные группы — дворянство, буржуазию, ремесленников и т. д. 35 из них приобрели опыт политической деятельности в первые годы революции, будучи депутатами Учредительного и Законодательного собраний. По подсчетам, произведенным автором, члены этих собраний, вошедшие впоследствии в «Комитет дантонистов» и якобинский «Великий комитет», почти единогласно проголосовали за смертную казнь короля, в отличие от будущих членов «термидорианского комитета». В конечном итоге число царубийц среди 62 членов Комитета достигло 40. Гейно высоко оценивает деятельность Комитета общественного спасения в военной, внутренней, экономической, морской и колониальной сферах, утверждая, что революционная власть на местах была организована именно благодаря усилиям представителей этого органа.

Автор сравнительно мало внимания уделяет событиям революции на ее восходящей линии, обстоятельствам социальной и экономической истории,

а также первым годам деятельности Комитета. Посттермидорианский период (1794—1799) занимает у Гейно большее место³. Он отмечает непопулярность новой власти, сочувственно отзывается о народных волнениях 1795 года. В целом термидорианский переворот, по его мнению, способствовал усилению реакции и ознаменовал собой «основательный разрыв в ходе революции» (с. 83, 92, 156). Такой подход к истории термидора и его последствиям страдает известной односторонностью. Так, автор не упоминает, что переворот 9 термидора прервал развитие революции по восходящей линии. Вместе с тем термидор был закономерным и неизбежным звеном в процессе окончательного установления господства буржуазии. Вот почему вряд ли правомерно оценивать это событие только как сыгравшее лишь реакционную роль и ознаменовавшее разрыв в истории революции. Более приемлемо мнение Б. Бачко, утверждающего, что после термидора революционеры лепяли идею завершения революции⁴.

Гейно, как и ряд новейших исследователей (Ж. Годшо и др.), выделяет так называемую третью Директорию, продлившуюся от переворота 30 прериаля VII г. (18 июня 1799 г.) до установления авторитарной власти Бонапарта. Эта точка зрения пока никем основательно не аргументирована⁵. Нет никакой необходимости выделять период «третьей Директории». В последние месяцы своего существования Директория явно агонизировала, ее политика не отличалась чем-либо, что могло бы дать основание для внесения корректив в периодизацию истории этого правительства.

Подлинным автором переворота 18 брюмера Гейно считает (и вполне обоснованно) не Бонапарта (в отличие от представителей апологетической литературы конца XIX — начала XX в)⁶, а Э. Сиейеса и группу «консервативных депутатов», готовивших его, начиная с июня 1799 г. (с. 121, 152, 158). Сам переворот автор характеризует как «силовой удар, направленный против республики» (с. 86).

Автору удалось нарисовать яркие и обстоятельные портреты политических деятелей Великой французской революции. Думается, однако, что он напрасно относит Ж.-Ж.-Р. Камбасереса к «ключевым фигурам» времен Директории (с. 20), наряду с Э. Сиейесом, Ж.-Ф. Рейбелем, Л.-М. Ларевельером-Лепо. Такую роль Камбасерес стал играть только в годы консульства.

Как верно заметил М. Вовель в предисловии к книге, словарь принадлежит к тем фундаментальным исследованиям, которые будут опорой для историков, обращающихся к этой теме.

В. А. ПОГОСЯН

Примечания

1. CARANTINI R. Dictionnaire des personnages de la Révolution. P. 1988; MANCERON C. La Révolution française. Dictionnaire biographique. P. 1989; SIX G. Dictionnaire des généraux de la Révolution française et de l'empire. Tt. 1—2. P. 1989 (факсимильное переиздание); см. также: Dictionnaire Napoléon. P. 1987, 1989.
2. KUSCINSKI A. Dictionnaire des conventionnels. P. 1917.
3. Гейно известен своими исследованиями истории демократического движения в годы Директории. См.: GAINOT B. Les adresses de félicitations parvenues au Corps législatif pour les journées des 29—30 prairial en VII.— Annales historiques de la Révolution française, 1988, № 273; ejsd. Le général Laveaux, gouverneur de Saint-Domingue, député néo-jacobin. In: Esclavage, colonisation, libération nationale. P. 1990.
4. BACZKO B. Comment sortir de la terreur. Thermidor et la Révolution. P. 1989; см. также: BRUNEL F. Thermidor. Bruxelles. 1989; Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19—20 сентября 1988 г.). М. 1989.
5. См., напр., GODECHOT J. La Révolution française. 1787—1799. P. 1988, p. 255.
6. Эту устаревшую концепцию отстаивает Ж. Тюлар (см. TULARD J. Le Directoire et le consulat. P. 1991).

По страницам зарубежных журналов

РУССКИЕ В ФИНЛЯНДИИ

Studia Slavica Finlandesica (Helsinki). 1990. T. VII

В Финляндии живут десятки тысяч русских людей. Они принимают деятельное участие в культурной жизни страны, вносят свой вклад в развитие научно-технического прогресса. Известные финские слависты профессора Наталья Башмакова (Академия Финляндии) и Марья Лейнонен (университет г. Тампере) в статье «Из истории и быта русских в Финляндии (1917—1930)» не без оснований подчеркивают, что русские, очутившись в инородной среде без средств, без знания языка, не потеряли свою самобытность, а напротив, сумели применить свой талант и творческие силы в экономически трудной и политически зыбкой атмосфере Финляндии 1917—1920-х годов.

Авторы опираются прежде всего на архивные материалы, в том числе из архива Русского купеческого общества в Гельсингфорсе; на рукописи крупных деятелей эмиграции — М. С. Богоявленской, И. Н. Кудрявцева, П. Ф. Миролубова, А. С. Ушанова и др.; неопубликованные воспоминания и магнитофонные записи интервью.

Статья дает представление о далеко небезоблачной жизни русских в эмиграции, многие из них выжили только благодаря заграничной помощи. Авторы сумели нарисовать политический портрет русского зарубежья в Финляндии, рассказать о судьбе бывших офицеров и генералов царской армии (с. 35), о деятельности Российского общевойскового союза (РОВС), Союза морских офицеров, монархистов — «николаевцев», считавших законным наследником российского престола вел. кн. Николая Николаевича, и ортодоксальных легитимистов «кирилловцев», признававших блюстителем престола внука Александра II вел. кн. Кирилла Владимировича, провозглашенного в 1924 г. царем. Полити-

ческую мозаику зарубежья дополнили и такие организации, как «Младороссы», национал-социалисты, Национально трудовой союз нового поколения. Это были, по мнению авторов, разрозненные и плохо организованные группы (с. 37).

Одна из проблем, рассматриваемых авторами, — отношение властей и граждан Финляндии к русским. В статье отмечается, что в отдельные периоды власти страны придерживались политики особой бдительности и недоверия ко всему русскому; порою эта политика была даже близкой к апартеиду (с. 21—23). Причины этого авторы видят в том, что живы были еще воспоминания о дореволюционном русификаторстве, а также и в том влиянии, которое оказывали борьба за независимость Финляндии, гражданская междоусобица. Попытки финских революционеров с помощью большевиков создать социалистическую республику отождествлялись в общественном мнении с угрозой финской государственности. Неприязнь ко всему русскому поддерживалась с помощью националистической пропаганды, исповедующей принцип «моральной» чистоты финской нации (с. 23). Вместе с тем, подчеркивают авторы, для простого народа, особенно крестьян, характерны были традиционная доброжелательность, доверие и отзывчивость к русским.

Определенное внимание уделяется в статье деятельности русских культурных и благотворительных обществ: Особого комитета по делам русских в Финляндии, русских Благотворительного и Купеческого обществ. Общества им. Матильды Вреде, Пушкинского комитета, Союза интеллигентных тружеников, Содружества бывших учащихся Выборгского русского реального училища

и русского журнала «Содружество». Большое место отведено авторами многосторонней духовно-воспитательной работе Финляндской православной церкви, истории Валаамского, Коневского, Трифоно-Печенгского и женского Линтульского монастырей.

Освещена в статье и деятельность многочисленных русских школ, гимназий, лицеев (особое внимание уделено Гельсингфоргскому русскому лицее — важнейшему очагу русской культуры в Финляндии) и училищ (начального им. Н. И. Табунова, Териокского реального и Куоккальского, предсе-

дателем школьной дирекции которого был И. Е. Репин). Авторы отмечают, что ученикам, окончившим русские учебные заведения в Финляндии, были открыты далеко не все пути. Одним из главных препятствий при поступлении в университет, на государственную службу или на работу являлось слабое знание ими финского языка (с. 82). Раздвоение личности, как показывают авторы, — характерная деталь психологического портрета русских эмигрантов в 1917—1930-х годах.

В. В. МИХАЙЛЕНКО

СОВМЕСТИМ ЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ С АНТИФАШИЗМОМ?

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg — Berlin). 1992, № 9

Автор ряда исследований по истории гитлеровской Германии и антифашистского сопротивления в Европе проф. Хайнц Кюнрих (Берлин) ставит в своей статье «Постановлено — и все? Размышления об антифашизме в ГДР» вопрос: если в ГДР процветал командно-административный антифашизм, хотя сама она уходила корнями и смыслом своего существования в антифашистское движение, то как в связи с ее крахом выглядит сегодня проблема антифашизма для немецкой науки?

Еще в 1987 г. специалист по социологии неофашизма Р. Джордано писал, что государственно-партийный, декретируемый сверху антифашизм утрачивает определенные гуманистические черты. Полемизируя с этой точкой зрения как односторонней, Кюнрих рассматривает факты повседневной жизни ГДР, чтобы установить, какую роль сыграл официальный антифашизм в развитии и падении ГДР. Он подчеркивает, что в принципе антифашизм в любых условиях сохраняет общечеловеческое значение как движение против шовинизма, расизма, человеконенавистничества и антикультурного варварства. Однако следует разграничивать незыблемость его справедливых идеалов и приспособление их к целям государственной политики. Безрезультатность некоторых антифашистских деклараций и бюрократические способы их реализации кладут тень только на их авторов и проводников, но не на само антифашистское кредо (с. 820).

Это касается как советской политики в восточной зоне оккупации Германии и далее по отношению к ГДР, так и внутренней политики ГДР. Беда заключается в том, что в ней антифашизм больше провозглашали, нежели внедряли в жизнь нормальными и цивилизованными акциями. Отрицательные стороны официальной политики ГДР подбивали стремление многих из ее граждан, не желавших мириться с произволом и режимными

ограничениями, обращаться к декретируемой антифашистской морали. Однако власти квалифицировали это как фашистский путчизм, а стремление жить по-человечески разбивалось о пограничную стену, провозглашенную «антифашистским защитным валом». Постепенно в умах этих людей черты былого фашизма и сегодняшнего официального антифашизма сливаются воедино, и они начинают тянуться к ценностям западной цивилизации. Во многом эти тенденции проявили себя в осеннем прорыве 1989 года. Падение прежних режимов в других странах Восточной Европы и происходящие там перемены укрепляют эти умонастроения. Но ничто не может заслонить той истины, что тысячи настоящих антифашистов пали жертвами не только гитлеризма, но и сталинизма (с. 825). Совершенно очевидна несовместимость подлинного антифашизма с любой тоталитарной властью (с. 826). Но суровые реалии западной жизни еще побудят, по мнению автора, многих восточных немцев пересмотреть свою однозначно одиозную оценку ГДР и вызовут ностальгию по недавнему прошлому.

Автор считает, что необходимо охватить исследованиями те лакуны в истории антифашизма, которые существовали в результате недоступности архивов либо запрета на некоторые темы, такие, как антифашизм западного толка, антифашистские жертвы сталинизма, роль советско-германских контактов 1939—1941 гг. для судеб антифашизма, связь антифашистских идей с общечеловеческими идеалами и др. (с. 829). Антифашистская тематика, по мнению Кюнриха, сохраняет свое и научное, и политическое, и воспитательное значение, особенно в связи с частичным возрождением фашистских взглядов, но ее исследование будет идти теперь новыми путями.

Я. И. МАНЕЕВ

«Diplomatic History» — орган Общества американских историков международных отношений и внешней политики США (SHAFFR). В первом номере за 1992 г. печатаются материалы по нескольким основным темам. В статье профессора Кембриджского университета Д. Томпсона «Преувеличение американской уязвимости» рассматривается одна из «сквозных» тем американской историографии — о роли во внешней политике США представлений о военно-стратегической уязвимости страны перед лицом внешней угрозы. Большой интерес представляют материалы симпозиума по «холодной войне». М. Хант анализирует в своей статье основные тенденции в историографии дипломатической истории США.

Томпсон стремится выявить реальное содержание представлений об угрозе национальным интересам США на протяжении последнего столетия. По его мнению, нельзя сводить гипертрофированные опасения американцев по поводу своей «открытости» внешней угрозе лишь к одной коммунизмофобии. Он полагает, что преувеличение американской уязвимости было присуще внешней политике США по меньшей мере сто лет. Вместе с тем феномен раздувания внешней угрозы был присущ и европейской внешнеполитической мысли. Специфика же американского алармизма заключалась прежде всего в стремлении обеспечить защиту стратегических позиций США, не допустить вовлечения Американского континента в орбиту военных действий. Ряд обстоятельств объясняет тенденцию преувеличивать уязвимость США: стремление внешнеполитических стратегов обеспечить стабильную внутривнутриполитическую поддержку для создания адекватного оборонного потенциала; способность, особенно в XX в., оказывать влияние на события во всем мире; наконец, достаточно широкое толкование понятия о «границах американской безопасности». Тезис об «уязвимости» Американского континента использовался для обоснования программ, направленных на более широкую вовлеченность США в международные дела.

Организованный журналом симпозиум по проблемам «холодной войны» предоставил каждому из участников возможность высказать свое мнение о причинах и развитии этого процесса. Узловыми

стали в ходе обсуждения вопросы предыстории советско-американской конфронтации, «проблемы победителя и побежденного» в «холодной войне». Участники симпозиума отмечают, что обеим странам пришлось заплатить высокую цену за изматывающее их силы военно-политическое соперничество.

А. Шлезингер-младший высказал мысль, которая становится все более распространенной в современной американской историографии: «чем больше мы думаем о «холодной войне», тем менее уместным кажется приписывать вину за ее начало одной из сторон». По его мнению, на протяжении многих лет идеология «холодной войны» постулировала, что «любое приобретение одной из сторон означало поражение для другой». Далее он говорил о том, что одной из характерных черт духа «холодной войны» были ничем не обоснованные представления о «национальной праведности», что лишь ожесточало противостоящие друг другу стороны.

Российский участник симпозиума А. Филитов считает, что суть «холодной войны» заключалась в неограниченной гонке вооружений, которую вели супердержавы, пребывавшие в состоянии постоянной взаимной враждебности. По его мнению, «холодная война», как концепция и набор представлений, лежит в более узких рамках, чем идеологический конфликт между Востоком и Западом.

Д. Моллер, в отличие от Филитова, видит в «холодной войне» не гонку вооружений, а в первую очередь — идеологический спор двух систем. По его мнению, с окончанием военно-политического противостояния между Востоком и Западом не исчезла основа для межгосударственных конфликтов: «Когда большое зло исчезает, меньшее зло быстро занимает его место». Н. Кедди также предвещает новому «постидеологическому» этапу в международных отношениях отнюдь не беспроblemный путь развития. Он, как и У. Ляфибер, полагает, что с окончанием советско-американского соперничества такое многогранное явление, как «холодная война», себя не исчерпало и еще долго будет отдаваться эхом в международных отношениях.

Я. Я. ЮРЦАБА

Przegląd Wschodni. Historia i współczesność Polaków na Wschodzie (Warszawa). 1992, № 1, 2.

Восточное обозрение. История и современность поляков на Востоке

Несмотря на явно выраженную западную интеллектуальную и экономическую ориентацию сегодняшней Польши, и то, что численность западной

Полонии многократно превышает восточную, налицо явный ориентальный приоритет в историческом сознании поляков. Поэтому появление

журнала «Восточное обозрение» вполне закономерно, полезно и перспективно. Вышли в свет первые его номера. В состав программного совета нового варшавского квартальника вошли наиболее авторитетные ученые Польши, России, Украины, Беларуси, Литвы, США, Великобритании, Франции и Германии. Редакционный комитет во главе с Я. Малицким представлен молодыми исследователями, выступившими инициаторами создания журнала.

«Восток» в журнале географически тождествен территории бывшего Советского Союза, а за исходный хронологический рубеж для печатаемых в журнале материалов принят XIV век. Разумеется, не все обширные пространства Евразии, попавшие в сферу интересов нового издания, были в равной мере связаны с польской историей. С этой точки зрения совершенно оправдано предпочтение, отданное в первом номере журнала проблематике так называемых кресов.

Польское слово «кресы» не имеет точного аналога в русском языке. Впрочем, и для поляков это понятие скорее историческое и, как показано в статье С. Кеневича, его смысловое наполнение несколько раз изменялось. В XVII в. «кресами» назывались восточные и юго-восточные области Речи Посполитой, откуда она еще грозила своим соседям, но которые все чаще сами нуждались в защите. После гибели Польско-Литовского государства, отражая новые геополитические реалии, этот термин начинает использоваться для подчеркивания особой судьбы отошедших к России в результате разделов Речи Посполитой земель.

Действительно, их не затронули территориально-государственные перемены, неоднократно происходившие к западу от Буга и Нарева, не прошли они и школы конституционализма. Правда, в эпоху восстаний эти земли, за которыми в польском лексиконе утвердился эпитет «забранные», не в меньшей степени, чем территория Царства Польского, давали силы национально-освободительной борьбе. Однако уже во второй половине XIX в. жизнь начала вносить в политические программы польских партий федералистские поправки, заставив считаться с оформившимися украинским, литовским и белорусским движениями.

Именно такими — этнически пестрыми, но тем не менее неразрывно связанными с польской историей — «кресы» утвердились в сознании поляков начала XX века. В период между двумя мировыми войнами, как показывает Кеневич, их пространство в связи с демаркацией границ по Рижскому договору 1921 г. сократилось. Определяющим признаком «кресов», помимо преобладания непольского населения, все более становилась экономическая отсталость «Польши — Б».

Проблематика «кресов» представлена в первом номере «Восточного обозрения» статьями Т. Василевского — о хронологии Гедиминовичей и Я. Дзегелевского — об участии поляков восточных во-

еводств Речи Посполитой в сеймах второй четверти XVII века. Ряд материалов посвящен вопросам истории культуры, прежде всего региональным особенностям польской поэзии прошлого столетия. Т. Блащик анализирует этнодемографические изменения в Литве в XX веке.

В. Сливовская и Б. Шостакович публикуют в журнале архивные документы, проливающие свет на судьбы поляков в сибирской ссылке. Польская сибириада XIX в. — тема второго номера «Восточного обозрения». Сливовская, проанализировав данные о численности различных категорий репрессированных поляков, подвергает сомнению имеющее широкое хождение представление о массовой ссылке в Сибирь при Николае I. «Ссылка после января (1863 г.), — пишет автор, — была единственным в XIX веке случаем массовых депортаций». Литературный образ прикованного к тачке рудокоржника также имеет мало общего с действительностью. По наблюдениям Сливовской, самой суровой долей была не каторга, а солдатчина без права выслуги и работы в крепостях, находившихся в ведении все той же армии.

Перу Сливовской и Е. Фиечко принадлежат интересные наброски типов польских сибиряков. Наиболее заметными среди них были бунтари, отваживавшиеся на побег и вооруженное сопротивление. Присущее им романтическое мировосприятие не лишало способности ориентироваться в мало знакомой обстановке: известны случаи успешного бегства из Сибири, и даже Омский заговор 1833 г., по мнению этих авторов, имел определенные шансы на успех. Неволя породила и такую форму протеста: как использование ссыльными достигнутого на военной или гражданской службе положения для нанесения ущерба угнетавшему Польшу режиму. Отталкиваясь от названия знаменитой поэмы А. Мицкевича, М. Янион назвала этот феномен «валленродизмом».

Думается, однако, что «валленродизм» не носил массового характера. Огромное большинство репрессированных добивалось офицерского звания или классного чина, стремясь таким путем покончить с собственным бесправием. Еще большее число поляков одевало мундиры чиновников Российской империи в надежде на материальное благополучие и карьеру. Правда, в западных губерниях и особенно в Царстве Польском, эти люди активно участвовали в антиправительственных заговорах и восстаниях, но это уже явление, свойственное зонам компактного расселения поляков. Каждый случай перенесения опыта Конрада Валленрода с его открыто макиавеллиевской подоплекой на почву русско-польских отношений способствовал лишь укоренению в России негативного имиджа поляка.

Бунтарство и «валленродизм» вовсе не являлись поведенческой нормой ссыльных поляков. Большее значение имели стремление добиться лучших условий существования и коллективное приспособ-

ление к жизни в Сибири. В специфических условиях Зауралья ранее всего сформировался жизненный уклад, ориентированный на «органическую работу», поддержание религиозных и национальных традиций, взаимопомощь в быту и ведении хозяйства. Все это предполагало сознательное обособление бывших повстанцев и конспирантов. Тем не менее ширились контакты (в том числе браки) польских сибиряков с местным населением.

Русская администрация, как правило, не стремилась преследовать политических ссыльных, охотно используя их образованность и профессиональные знания. Именно лояльность властей сделала возможным значительный вклад поляков в изучение и освоение Сибири. В последние десятилетия XIX в.

сюда хлынул поток поляков уже не ссыльных, а добровольных поселенцев. «Сфера отношений с русскими в Сибири,— справедливо замечает Фиечко,— не укладывается в простую схему».

Политическая ссылка была для переживших ее нелегким испытанием. Статья Д. Савицкой посвящена тому, как тяготы этапа, несправедливость осужденных, нищета, тоска по родине отражались на душевном состоянии репрессированных поляков.

Статьи второго номера журнала опираются преимущественно на мемуарную литературу. Однако редакторы его намерены регулярно публиковать обзоры полоники российских архивов.

Л. Е. ГОРИЗОНТОВ

РЕПЛИКА

О смысле членства в научных ассоциациях США

В чрезвычайно интересной и ценной книге А. П. Ефимкина «Дважды реабилитированные» (М. 1991), в главе о Н. Д. Кондратьеве, я прочитал, что он «был выбран членом Американской ассоциации социальных наук, Американской экономической ассоциации, и пр. и пр.» (с. 159). Эти данные приведены с целью подчеркнуть международную известность Кондратьева. Подобные упоминания часто встречаются и в других работах биографического характера, написанных в России. Никак не желая приуменьшить вклад Кондратьева

в мировую науку, я просто хотел бы указать на то, что принадлежность к американским массовым научным ассоциациям сама по себе ничего не говорит о статусе их членов. В члены этих ассоциаций не «выбирают», а записываются сами, и единственным условием для этого является уплата членских взносов. Таким образом, фразы, подобные приведенной выше, неправильно ориентируют русского читателя.

В. Г. ТРЕМЛЬ, профессор экономики,
Университет Дюк, США

Contents

Articles: **D. Macey**, Agrarian Reform and Political Changes: Phenomenon of Stolypin. Historical Profiles: **E. V. Anisimov**, Anna Ivanovna. Reminiscences: Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. History and Fates. **A. I. Denikin**, The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians on Time and Themeselves: **Ju. V. Gotje**, My Notes. Publications: Letters of Azef. Historians of Russian Emigration, **P. N. Miljukov**, Glory and Fall of Pokrovskij. Communications: **M. M. Safonov**, Suvorov and Opposition to Paul the First. **L. Perovich**, Sources of Socialist Ideas in Serbia. People, Events, Facts. **L. S. Zhuravleva**, Fortress of Smolensk. **A. S. Berezhanskij**, New Facts About the Family Which Brought Up G. V. Plekhanov. **L. V. Alekseev**, Fate of Vilensky Museum of Antiquities. **A. A. Egorov**, General Marso et al. Historiography: **S. V. Leonov**, American Historians on the Soviet Society During the Civil War. Reviews on Books: **M. D. Kurmacheva**, Towns of Ural and Povolzhje in the Peasant War 1773—1775; **N. A. Soboleva**, Russian Seals; **St. G. Marks**, Road to Power. The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850—1917 (Ithaca-New York); **A. M. Filitov**, «The Cold War». Historiographic Discussions Abroad; **M. Eksteins**, Rites of Spring. The Great War and the Birth of the Modern Age (Toronto); **T. Cegielski**, **L. Kadziela**, Divisions of Poland, 1772—1793—1795 (Warszawa); **L. I. Solodkova**, Early Köln: Social-economic Development and War of Liberation of Townspeople, XI—XIIIth Centuries. **B. Gainot**, Dictionnaire des membres du Comite de Salut Public (Paris). On the Pages of Foreign Journals.

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории».
Российская Академия наук

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Вопросы истории» не допускается.

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 4, 1993.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209--96--21

Технический редактор *В. Г. Паленцева*

Сдано в набор 10.02.93. Подписано в печать 30.03.93. Формат 70x108/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6. Уч.-изд. 21,85. Тираж 40 000.

Заказ 3510. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «САШКО»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Индекс 70145

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**